П. А. Козловъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Съ портретомъ автора, предисловіями и примѣчаніями В. П. Буренина, П. И. Вейнберга и В. А. Гольцева.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰,
Пименовская ул., соб. домъ.
1897.

БАЙРОНЪ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(РАЗМѢРЪ ПОДЛИННИКА).

ПѢСНИ I—X.

Съ предисловіемъ В. П. Буренина и примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Посвящается

Гр. А. В. Олсуфьеву.

Любезный Графъ

Алексѣй Васильевичъ,

Тебѣ, пролившему яркій свѣтъ на произведенія Ювенала, посвящаю я переводъ «безгранично геніальнаго эпоса» Ювенала XIX столѣтія.

Павелъ Козловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Среди произведеній каждаго геніальнаго поэта непремѣнно есть такія, которыя представляютъ высшее выраженіе его творческаго духа, въ которыхъ его геній отражается всѣми своими сторонами, мысль и ея форма являются во всей полнотѣ и во всемъ блескѣ. Такими совершеннѣйшими произведеніями у Шекспира могутъ быть признаны „Гамлетъ“, „Лиръ“, „Отелло“, „Юлій Цезарь“, у Гете—„Фаустъ“, у Пушкина—„Евгеній Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“, у Гоголя—„Мертвыя Души“, у Толстого—„Война и миръ“. У Байрона такимъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ, безъ сомнѣнія, долженъ считаться „Донъ-Жуанъ“. Въ этомъ изумительномъ романѣ, послѣднія пѣсни котораго созданы, можно сказать, почти наканунѣ конца земного поприща поэта, Байронъ проявилъ въ необычайной силѣ всѣ основные элементы своего высокаго дарованія, сосредоточилъ всю мощь своей геніальной мысли и своего великаго чувства, весь блескъ и виртуозность поэтической формы. Этотъ романъ не только крупнѣйшее по объему поэтическое созданіе Байрона, но и крупнѣйшее по содержанію, наиболѣе выработанное и законченное, несмотря на то, что оно осталось недовершеннымъ въ формальномъ смыслѣ. Тотъ, кто хочетъ знать всего Байрона, кто хочетъ имѣть полное представленіе о настоящемъ, внутреннемъ значеніи его поэзіи и внѣшнемъ складѣ,—тотъ долженъ изучать Донъ-Жуана предпочтительно предъ всѣми другими произведеніями англійскаго поэта. Въ своихъ первыхъ по-

эмахъ, начиная съ Чайльдъ Гарольда, въ своихъ лирическихъ пѣсняхъ, въ своихъ драмахъ, Байронъ является по преимуществу великимъ романтическимъ поэтомъ; въ Донъ-Жуанѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художникъ-реалистъ и притомъ столь глубокій и великій, что въ этомъ отношеніи его до сихъ поръ не превзошелъ никто изъ самыхъ типическихъ представителей позднѣйшей реалистической литературы. Реализмъ байроновскаго романа тѣмъ болѣе изумителенъ, что онъ нисколько не страдаетъ отъ трудной стихотворной формы, выбранной поэтомъ: не стѣсняясь тройной риѳмой, Байронъ даетъ самое точное изображеніе картинъ природы и быта, вставляетъ въ свое повѣствованіе бездну психологическихъ подробностей, политическихъ, моралистическихъ и философскихъ разсужденій. Наконецъ, каждая октава романа проникнута такимъ чудеснымъ и вполнѣ свободнымъ юморомъ и остроуміемъ, какихъ едва ли отыщете у кого-либо изъ прозаиковъ-романистовъ.

Какъ всякое истинно-геніальное созданіе, романъ Байрона въ свое время явился нѣкоторымъ откровеніемъ по оригинальности содержанія и формы; онъ прозвучалъ тѣмъ господствующимъ голосомъ, котораго безчисленное эхо повторилось въ литературахъ всѣхъ европейскихъ націй; онъ сталъ прототипомъ новаго поэтическаго романа. Извѣстно, что во внѣшнемъ складѣ своего произведенія Байронъ подражалъ поэмамъ Пульчи и Аріосто: онъ заимствовалъ отъ великихъ итальянскихъ юмористовъ періода возрожденія стихотворный размѣръ, непринужденный, игривый, насмѣшливо-скептическій тонъ разсказа, частыя отступленія отъ повѣствованія и размышленія отъ собственнаго лица поэта, эпизодичность разсказа. Но этими формальными признаками и ограничивается заимствованіе Байрона: вопреки извѣстному изреченію, поэтъ въ старые мѣха влилъ совершенно новое вино, далъ своему произведенію совсѣмъ новое содержаніе, захватившее не только злобы дня и стремленія того историческаго періода, который переживало его время, но даже раскрывшее и болѣе отдаленные горизонты.

Полвѣка слишкомъ прошло съ появленія первыхъ двухъ пѣсенъ „Донъ-Жуана", но романъ Байрона нисколько не утратилъ въ силѣ своего впечатлѣнія; онъ до сихъ поръ поражаетъ глубиной идей и чувства, яркостью и жизненностью образовъ, мощью и свѣжестью сатирическаго протеста противъ несправедливости, противъ общественнаго и политическаго лицемѣрія и деспотизма; онъ до сихъ поръ поражаетъ шириною захвата самыхъ разнообразныхъ явленій жизни, философскимъ созерцаніемъ и реалистическимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Какъ въ эпоху появленія романа, онъ увлекалъ умы и сердца современниковъ колоссальностью замысла и блескомъ исполненія, такъ и теперь, выдержавъ долгій искусъ времени, онъ увлекаетъ и возбуждаетъ удивленіе въ каждомъ, кто способенъ цѣнить высочайшее художественное творчество.

II.

По вступительнымъ, полнымъ страстнаго негодованія аккордамъ той краткой прелюдіи, которая предшествуетъ Донъ-Жуану, уже можно судить объ общемъ содержаніи и тонѣ цѣлаго романа. Знаменитое посвященіе Роберту Соути, „эпическому ренегату", посвященіе, въ которомъ поэтъ клеймитъ такими жестокими укорами лживую поэзію, прославляющую деспотизмъ и представителя этого деспотизма Кэстельри, держащаго „людей въ цѣпяхъ, скованныхъ другими", прямо и твердо устанавливается основной взглядъ на романъ: произведеніе Байрона должно быть по духу и по цѣли протестомъ за свободу въ самомъ обширномъ смыслѣ, протестомъ, написаннымъ „честными и простыми" стихами. Въ этихъ словахъ Байронъ обѣщаетъ неуклонно слѣдовать въ своемъ произведеніи по пути правдивой сатиры и реализма.

Поэтъ блистательно сдерживаетъ свое обѣщаніе отъ начала до конца поэмы. Какой глубокой и ядовитой проніей звучатъ начальныя октавы, въ которыхъ Байронъ шутливо перечисляетъ великихъ людей прошлаго, неудобныхъ для

поэмы потому, что ихъ имена плохо риѳмуются и не находитъ героя въ настоящемъ, хотя герои являются теперь чуть не каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ. За отсутствіемъ подходящаго героя дѣйствительности, онъ беретъ фантастическаго героя, созданнаго испанскою драматургіей, находя, что онъ слишкомъ рано „провалился къ чорту". Онъ начинаетъ возсоздавать эту фантастическую личность въ новомъ реалистическомъ свѣтѣ со всею яркостью, со всѣмъ блескомъ и со всею обстоятельностью своей правдивой поэтической кисти. Съ первыхъ же страницъ описанія дѣтства героя передъ читателями возникаетъ сатирически обработанный женскій образъ матери Жуана—Донны-Инессы, сдѣлавшейся потомъ прототипомъ столькихъ героинь этого сорта. Это образъ лицемѣрной мнимо-ученой и формально-добродѣтельной особы, какія встрѣчались и прежде, встрѣчаются и теперь во множествѣ во всѣхъ обществахъ—въ англійскомъ, также какъ и во французскомъ, и въ нѣмецкомъ, и въ русскомъ. Извѣстно, что основныя черты этого типа Байронъ отчасти списалъ съ своей жены, за что его немало упрекали разные критики и моралисты.

Оставляя въ сторонѣ частный вопросъ, хорошо или худо поступилъ поэтъ въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что каждый геніальный и истинный художникъ, всегда беретъ изъ дѣйствительности тотъ зародышъ, который онъ развиваетъ въ созданіе извѣстнаго образа: иначе это созданіе не выйдетъ живымъ и типическимъ. Такъ поступали всѣ настоящіе поэты-художники и въ этомъ отношеніи, съ общей точки зрѣнія, Байронъ заслуживаетъ укора, напримѣръ, никакъ не болѣе Гете, который, какъ извѣстно, точно такъ же рисовалъ своихъ героинь и героевъ съ дѣйствительныхъ личностей. Упрекать поэта можно было бы тогда, если бы у него вышла злостная карикатура, а не обобщенный типъ, какимъ представляется Донна-Инесса. А лицо матери Жуана является несомнѣнно типическимъ— и многіе родовые признаки дамъ этого сорта указаны Байрономъ съ поразительною вѣрностью. Съ шутливостью, проникнутою затаенной горечью и желчью, рисуетъ авторъ

это олицетвореніе формальной морали и пустой притязательности на умъ и образованіе, которые являются у такихъ особъ продуктомъ памяти, и на добродѣтель, которая обусловливается сухостью сердца и эгоизмомъ, и достигаетъ такой степени, что даже ангелъ-хранитель удаляется отъ подобныхъ добродѣтельныхъ особъ, находя свой постъ совершенно излишнимъ. И затѣмъ, очертивъ этотъ образъ, какія назидательныя замѣчанія разсыпаетъ поэтъ, изображая воспитаніе Жуана, направляемое Донной-Инессой главнѣйшимъ образомъ къ тому, чтобы оно было нравственнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ двухъ-трехъ октавахъ онъ ядовито задѣваетъ тотъ вопросъ, который и до сихъ поръ остается открытымъ: вопросъ о пользѣ классическаго образованія для развитія въ юношахъ моральныхъ склонностей. Ироническая характеристика свободной безнравственности классическихъ поэтовъ и затѣмъ насмѣшливо-анекдотическая подробность о тѣхъ изданіяхъ классическихъ авторовъ для юношества, въ которыхъ скабрезныя мѣста исключаются изъ текста и помѣщаются въ концѣ книги „вродѣ указателя“ — все это верхъ юмора и глубокой сатиры. Сатира эта не останавливается на шуткѣ по поводу классическихъ авторовъ: она идетъ далѣе и осмѣиваетъ лицемѣрное англійское благочестіе, рекомендуя юношамъ для укрѣпленія вѣры чтеніе исповѣди Августина, которая заставляетъ завидовать грѣхамъ...

Рядомъ съ образомъ сухой, эгоистической и фальшивой женской добродѣтели, еще болѣе яркими красками нарисованъ поэтомъ другой женскій образъ Донны-Джуліи, въ которомъ олицетворенъ наивный и искренній идеализмъ и сентиментализмъ и осмѣяна его напрасная борьба съ естественными страстными влеченіями природы. Эпизодъ любви Джуліи и Жуана, заканчивающійся скабрезно-комической катастрофой, неподражаемъ въ смыслѣ реалистической композиціи, соединяющей грацію поэтическаго чувства съ безпощаднымъ юморомъ. И этотъ юморъ, проникнутый горечью, разоблачающей настоящія пружины, повидимому, самыхъ идеальныхъ чувствъ и характеровъ, пріобрѣтаетъ,

если такъ можно выразиться, еще болѣе права, когда въ заключительныхъ октавахъ первой пѣсни поэтъ раскрываетъ глубокія субъективныя признанія, обусловливающія его взглядъ на жизнь. Поэтъ въ этихъ прочувствованныхъ и мужественныхъ признаніяхъ даетъ понять читателямъ, что онъ выстрадалъ ту правдиво-безотрадную точку зрѣнія, съ которой онъ трактуетъ человѣческую душу...

III.

Вторая пѣснь Донъ-Жуана, безъ сомнѣнія, наиболѣе глубокая и потрясающая, наиболѣе трагическая изъ всѣхъ: здѣсь выразился съ необычайной силой безпощадный пессимизмъ байроновской поэзіи, выразился въ такихъ смѣлыхъ и ужасающихъ картинахъ, какихъ не найдется ни у кого изъ европейскихъ поэтовъ старыхъ и новыхъ. Ужасы дантовскаго ада, начертанные съ мужественнымъ спокойствіемъ въ „Божественной комедіи", блѣднѣютъ предъ ужасами той человѣческой комедіи, которая изображена нервной кистью Байрона. Поэтъ подготовляетъ къ этой комедіи читателя въ несравненныхъ по юмору октавахъ, гдѣ онъ дѣлаетъ краткое résumé „всѣхъ обстоятельствъ дѣла" въ разсказѣ о первомъ любовномъ приключеніи Жуана и бросаетъ презрительное опредѣленіе человѣческой жизни, разсматривая ее какъ смѣсь, въ которую входятъ понемножку, въ качествѣ составныхъ ингредіентовъ: любовь, вино, честолюбіе, слава, война, раскаяніе и, наконецъ, тлѣніе. Этотъ, если такъ можно выразиться, сатирическо-химическій анализъ человѣческаго существованія блестящимъ образомъ прилагается далѣе при обрисовкѣ трагическаго эпизода съ героемъ романа на морѣ. Сцена чтенія письма Донны-Джуліи, гдѣ чувствительныя клятвы влюбленнаго юноши прерываются припадкомъ морской болѣзни,—эта сцена, изложенная въ безподобныхъ шутливыхъ стихахъ, является какъ первые приступы демоническаго смѣха надъ ничтожествомъ человѣческаго существованія, надъ ничтожествомъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ и движеній нашей души. Что далѣе,

то возрастаетъ демоническій смѣхъ поэта, какъ будто усиливаясь вмѣстѣ съ стихійнымъ порывомъ бури, разражающейся надъ кораблемъ, уносящимъ далеко отъ родины юношу, полнаго первыми печалями и первыми страданіями любви, столь великими и дорогими для него и столь жалкими и мизерными передъ лицомъ „равнодушной" природы. Читатель еще не успѣваетъ опомниться отъ впечатлѣнія горькихъ насмѣшекъ надъ высшимъ изъ человѣческихъ чувствъ, какъ поэтъ погружаетъ его въ мрачную бездну уже настоящаго мизантропическаго отчаянія. Картина морского крушенія, нарисованная Байрономъ со всею обстоятельностью самаго точнаго реализма и со всею силой необузданнаго пессимистическаго отрицанія, является однимъ изъ шедевровъ колоссальной поэмы. Извѣстно, что поэтъ для созданія этой потрясающей картины перечиталъ много описаній морскихъ крушеній, сдѣланныхъ очевидцами. Но, конечно, ни одно описаніе крушенія, бывшаго въ дѣйствительности, не сравняется по силѣ впечатлѣнія съ тѣмъ, которое создано фантазіей поэта. На этомъ блестящемъ примѣрѣ мы видимъ наглядно разницу между такъ-называемымъ протокольнымъ изображеніемъ дѣйствительности и поэтическимъ, художественнымъ ея возсозданіемъ. Вся картина написана какъ бы въ два тона: на мрачномъ фонѣ трагическаго ужаса проблескиваетъ, какъ яркая молнія, глубокая иронія, доходящая до ненависти къ людямъ и въ то же самое время полная скорби о ихъ жалкой природѣ. Эта иронія достигаетъ апогея въ страшномъ разсказѣ о выборѣ по жребію жертвъ для канибальской трапезы. Подробности объ отнятомъ отъ Жуана письмѣ Джуліи, о смерти Педрилло, который „умеръ какъ родился вѣрнымъ католикомъ", о цирюльникѣ, которому предоставленъ былъ выборъ перваго куска и который удовольствовался кровью изъ открытой жилы зарѣзаннаго имъ сотоварища; наконецъ, циническое спасеніе отъ смерти жирнаго капитана, благодаря подарку кадикскихъ дамъ,—всѣ эти, повидимому, мелочныя подробности, брошенныя поэтомъ съ холодной насмѣшливостью, усиливаютъ леденящій ужасъ картины и

придаютъ ей по-истинѣ демоническій колоритъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ общей отдѣлкѣ этого страшнаго эпизода поэмы, Байронъ не дозволяетъ себѣ нигдѣ ни малѣйшаго романическаго пересола, ни малѣйшей утрировки, ни одной мелодраматической черты. Весь разсказъ выдержанъ въ строгомъ реалистическомъ стилѣ, съ глубокимъ проникновеніемъ въ психическія тайны человѣческой природы. И съ какимъ художественнымъ тактомъ вслѣдъ за ужасами крушенія, вслѣдъ за потрясающей картиной человѣческихъ бѣдствій и ничтожества человѣческой природы передъ стихійными силами, поэтъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла успокаиваетъ взволнованное сердце читателей, внезапно выдвинувъ изъ окружавшаго читателя со всѣхъ сторонъ мрака прелестный, свѣтлый образъ „молодой островитянки". Послѣ порывистыхъ стиховъ, въ которыхъ какъ бы слышался плескъ бунтующихъ волнъ, завываніе бури, безнадежные стоны и проклятія умирающихъ, начинаютъ звучать, октава за октавой, чудные ласкающіе стихи любовной идилліи. Съ появленіемъ въ поэмѣ Гайдэ, этой милой дѣвушки, которой „солнце улыбалось своими первыми лучами, а молодая заря цѣловала ея губы своими поцѣлуями, принявъ ее за свою сестру"—съ появленіемъ этого поэтическаго образа какъ будто настаетъ разсвѣтъ послѣ тяжелой, непроглядной ночи...

Критика, современная Байрону, равно какъ и позднѣйшая, упрекала его поэзію въ однообразіи тона и содержанія. Этотъ упрекъ едва ли не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ странныхъ заблужденій, которыя вообще очень нерѣдки въ критикѣ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Правильное мнѣніе скорѣе должно быть такое: нѣтъ поэта болѣе разнообразнаго, чѣмъ Байронъ, владѣющаго въ такой мѣрѣ самыми противоположными красками и эффектами, которыми онъ располагаетъ по своему геніальному произволу безъ малѣйшаго затрудненія. Поэтической живописи Байрона въ равной мѣрѣ доступны и самый мрачный трагическій тонъ, и тонъ сатирическаго отрицанія, и тонъ нѣжной и ласкающей идилліи. По крайней мѣрѣ въ

прошлаго вѣка и у этого высшаго выразителя новой художественной сатиры: изящество поэтическаго разсказа Байрона такъ очаровательно, проникнуто такой красотою, смягчено такимъ юморомъ, что скабрезность за всѣмъ этимъ совершенно исчезаетъ, грубая чувственность парализуется прелестью поэзіи...

Въ седьмой пѣснѣ, слѣдуя своей поэтической манерѣ поражать читателя контрастами, поэтъ отъ фривольныхъ и сладострастныхъ картинъ переходитъ снова къ изображенію ужасовъ, изъ роскошнаго восточнаго гарема бросается въ лагерь, въ хаосъ кровавыхъ перипетій войны. Седьмая и слѣдующая за нею пѣсня—глубокая и безпощадная сатира на войну и такъ-называемую военную славу. Для русскихъ читателей этотъ эпизодъ поэмы особенно интересенъ тѣмъ, что въ немъ фигурируетъ наша армія и Суворовъ. Несмотря на то, что Байронъ преслѣдуя свою цѣль — осмѣяніе ужаснѣйшаго и безсмысленнѣйшаго изъ человѣческихъ бѣдствій—войны, издѣвается надъ ея героями, онъ, тѣмъ не менѣе, въ обрисовкѣ оригинальной личности Суворова схватываетъ чрезвычайно вѣрно характерныя черты великаго полководца и отдаетъ справедливость его военному генію. Съ мѣткостью и сжатостью крупнаго художника, Байронъ опредѣляетъ въ четырехъ слѣдующихъ строкахъ сущность Суворова:

«Hero, buffon, halt-demon, and halt-dirt,
Praying, instructing, desolating, plundering;
Now Mars, now Momus, and, when bent to storm
A fortress, Harlequin in uniform.

Въ продолженіе всего разсказа о подготовленіи штурма Измаила и затѣмъ объ ужасахъ самаго штурма почти въ каждой октавѣ слышится саркастическій протестъ во имя гуманности противъ тѣхъ увлеченій милитаризмомъ, которыя господствовали въ эпоху расцвѣта Байрона во всѣхъ европейскихъ обществахъ. Бичующій сарказмъ поэта не только не утратилъ своей силы по прошествіи полустолѣтія, но въ наши дни, когда „желѣзо и кровь“ получили такое господствующее, рѣшающее значеніе въ жизни наро-

довъ, этотъ протестъ звучитъ, быть-можетъ, еще живѣе. Горькія насмѣшки надъ глупостью и жестокостью людей, которыхъ поэтъ приравниваетъ къ собакамъ за ихъ склонность къ тому, что „исторія иногда называетъ славой, а иногда рѣзней"—эти насмѣшки, если такъ можно выразиться, кажутся теперь еще болѣе окрѣпшими отъ времени. Не сантиментальный романтизмъ, не личная хандра и разочарованіе породили эти насмѣшки, звучащія такою скорбью, а глубокое душевное страданіе за человѣчество и состраданіе къ нему. Поэтъ выражаетъ въ своихъ, изумительныхъ по силѣ, стихахъ, презрительный взглядъ на военную „славу": каждый дикій казакъ обладаетъ всѣми данными для этой славы и могъ бы стяжать себѣ въ исторіи героическую извѣстность Ахилла, если бы только этому не препятствовало неудобовыговариваемое имя дикаго казака. Война, по мнѣнію поэта, „обсѣкаетъ не только сучья, но подрубаетъ и самый корень". Самое незначительное милосердіе выше самыхъ колоссальныхъ подвиговъ войны: „осушить одну слезу гораздо славнѣе, чѣмъ пролить моря крови". Военная слава со всѣмъ ея блескомъ и громомъ и со всѣми ея тріумфами можетъ щекотать самолюбіе только испорченныхъ душъ; она низводится на степень простого хвастовства убійствомъ, если только ведется не изъ-за блага свободы. Протестующими тирадами въ такомъ смыслѣ Байронъ какъ бы пересыпаетъ описаніе одного изъ самыхъ „геройскихъ дѣлъ" военной исторіи, и эти тирады гремятъ будто удары сатирическаго бича среди боевого шума и грохота, изображеннаго въ поэмѣ. И когда страшная картина „всего, что умъ можетъ выдумать жестокаго, всего, что могъ бы надѣлать обезумѣвшій дьяволъ", набросана съ поразительными подробностями, Байронъ какъ бы послѣднимъ могучимъ взмахомъ художественной кисти заканчиваетъ ее превосходнымъ лирическимъ обращеніемъ къ позднимъ потомкамъ, приглашая ихъ отнестись съ презрѣніемъ къ тѣмъ дѣяніямъ минувшаго, которыя совершались „прежде, чѣмъ міръ сталъ свободнымъ", и которыя показаны имъ во всей наготѣ ихъ ужаса и безобразія.

V.

Съ девятой пѣсни „Донъ-Жуана“ романъ начинаетъ отчасти утрачивать внѣшнюю живость дѣйствія; но живость и сила сатиры въ немъ нисколько не умаляются, а реалистическая обработка идетъ все crescendo. Послѣднія пѣсни, вопреки довольно распространенному приговору критики, отнюдь не слабѣе первыхъ. Никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, напримѣръ, Тэна, что эти пѣсни отзываются вялостью, что веселость въ нихъ становится натянутою, остроуміе обращается въ болтовню, что онѣ вообще навѣваютъ на читателя скуку. Правда, съ того момента, какъ Байронъ переноситъ Жуана на почву Англіи, въ романѣ все болѣе и болѣе блекнетъ яркій романтическій колоритъ тѣхъ картинъ, которыя поэтъ возсоздавалъ передъ читателями, разсказывая о приключеніяхъ своего героя подъ небесами Юга и Востока. Но въ этомъ-то, если такъ можно выразиться, усмиреніи блеска общаго фона и подробностей поэмы и сказывается художественная кисть: для возсозданія сѣрой и холодной англійской дѣйствительности, романтическій колоритъ первыхъ пѣсенъ былъ бы совсѣмъ непригоденъ, показался бы слишкомъ кричащимъ, фальшивымъ. Отрѣшившись отъ романтическаго блеска, поэтъ какъ бы взамѣнъ его усиливаетъ точность и обстоятельность реализма и тонкость сатирической обработки. Въ воспроизведеніи бытовыхъ чертъ англійскаго общества Байронъ, несмотря на поэтическую форму, приближается къ реалистической прозѣ позднѣйшихъ представителей англійскаго романа, приближается къ художественной точности и обстоятельности Диккенса и Тэккерея. Среди широкаго реалистическаго потока послѣднихъ пѣсенъ поэмы, романтизмъ едва пробивается тонкой струей въ легендѣ о Черномъ монахѣ, чрезвычайно искусно связанной съ послѣднимъ любовнымъ приключеніемъ Жуана, на которомъ прерывается романъ. Но за исключеніемъ этой романтической легенды, все остальное, начиная отъ описанія замка лорда Генри, описанія почти кропотливаго по массѣ мелкихъ деталей, и

кончая картиной англійскаго аристократическаго обѣда—все остальное въ романѣ должно быть отнесено къ тому литературному жанру, который въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ охарактеризованъ Пушкинымъ съ шутливой досадой выраженіемъ „прозаическихъ бредней“, а въ серьезномъ смыслѣ является высшимъ поэтическимъ реализмомъ. Кстати сказать: если Пушкинъ для своего геніальнаго романа что-либо заимствовалъ изъ байроновскаго эпоса, то, безъ сомнѣнія эти заимствованія взяты имъ изъ послѣднихъ, а отнюдь не изъ первыхъ пѣсенъ Донъ-Жуана. Сравнивая тѣ октавы, гдѣ, напримѣръ, Байронъ насмѣшливо характеризуетъ аристократическихъ гостей лорда Генри, и тѣ строфы Онѣгина, гдѣ Пушкинъ обрисовываетъ петербургскій раутъ, не трудно замѣтить нѣкоторую аналогію въ сатирическомъ пріемѣ двухъ поэтовъ. Можно указать еще и на другое заимствованіе—изъ двѣнадцатой пѣсни: нѣтъ никакого сомнѣнія, что то трагически-грандіозное представленіе скупости, которое Пушкинъ выразилъ въ великолѣпномъ монологѣ Скупого рыцаря, навѣяно вступительными октавами указанной пѣсни, въ которыхъ Байронъ съ мрачнымъ сарказмомъ воспѣваетъ могущество золота. Внѣшняя форма монолога у Пушкина отзывается шекспировской манерой; но не только въ его общей идеѣ, даже въ отдѣльныхъ образахъ и сравненіяхъ слышится отголосокъ октавъ Байрона.

Какъ бы въ pendant началу „Донъ-Жуана“, въ послѣднихъ его пѣсняхъ поэтъ выводитъ три женскихъ образа: лэди Аделины, герцогини Фицъ-Фолькъ и Авроры Рэби, соотвѣтствующихъ образамъ донны Инессы, Джуліи и Гайдэ. Тонкая и изящно-художественная характеристика трехъ героинь послѣднихъ пѣсенъ удивительна не менѣе характеристики героинь первыхъ. Если бы смерть не прервала великое созданіе поэта, въ лицѣ Авроры мы, вѣроятно, увидѣли бы идеальный женскій типъ, подобный по прелести и чистотѣ типу Гайдэ, но не столь романтическій, обставленный менѣе исключительными условіями и поэтому еще болѣе жизненный. По предположеніямъ нѣкоторыхъ біографовъ Байрона, въ Аврорѣ Рэби поэтъ хотѣлъ отразить

черты графини Гвичіоли; лицо это осталось недоконченнымъ: Байронъ далъ только его легкій очеркъ. Но, несомнѣнно, что въ дальнѣйшей обработкѣ этотъ, по выраженію Байрона, „драгоцѣнный камень" вышелъ бы такимъ же чуднымъ и блестящимъ, какъ „цвѣтокъ" первой любви Жуана—Гайдэ. Точно то же можно сказать и про другой граціозный женскій образъ—про „шаловливую" Фицъ-Фолькъ, именемъ которой заключается послѣдняя строка великой поэмы.

VI.

„Донъ-Жуанъ" остался неоконченнымъ, но неоконченнымъ только въ формальномъ смыслѣ этого слова. Въ сущности же романъ представляетъ цѣльное созданіе, въ которомъ выразился въ полной мѣрѣ могучій духъ его создателя, выразился всѣми своими сторонами. Романъ Байрона можно сравнить съ тѣми средневѣковыми храмами, которые, какъ, напримѣръ, Кельнскій соборъ, остались недовершенными и тѣмъ не менѣе возносятся гигантскими памятниками, поражающими стройностью и геніальностью цѣлаго, нисколько не страдающаго въ общемъ впечатлѣніи отъ того, что въ нихъ кое-что было недостроено. Да, произведеніе Байрона подобно такимъ памятникамъ не въ одномъ только указанномъ отношеніи: оно подобно имъ еще и потому, что въ немъ отражено въ дивныхъ образахъ и формахъ все умственное и душевное содержаніе, которымъ жила эпоха, породившая поэта. Про романъ Байрона съ большимъ правомъ, чѣмъ про какое-либо иное произведеніе можно сказать, что поэтъ въ немъ „на все отозвался сердцемъ своимъ". Самые глубокіе и серьезные общіе вопросы психологіи, морали, философіи, политики, затронуты въ этихъ пестрыхъ и блестящихъ шестнадцати пѣсняхъ, полныхъ то демоническимъ смѣхомъ, то жгучимъ негодованіемъ и глубокой скорбью, то нѣжныхъ. Строгая критика упрекаетъ романъ за отсутствіе въ немъ связи между отдѣльными эпизодами, за безпрестанныя субъективныя отступленія отъ дѣйствія романа и разсказа о герояхъ и тому подобные чисто формальные недостатки. Но одни изъ этихъ

указываемыхъ критикою недостатковъ великій англійскій поэтъ раздѣляетъ со всѣми геніальными художниками другихъ народовъ. Развѣ обширные эпическіе шедевры, начиная съ „Гомеровой Иліады“ и „Одиссеи“ и оканчивая „Неистовымъ Роландомъ“ и „Донъ-Кихотомъ“, не эпизодичны въ такой же и даже, пожалуй, еще въ большей степени, чѣмъ „Донъ-Жуанъ“? Въ этомъ случаѣ Байронъ шелъ по пути всѣхъ крупныхъ эпическихъ поэтовъ, быть можетъ, именно потому, что этотъ путь наиболѣе свободный и наиболѣе правильный для поэтическаго эпоса; идя этимъ путемъ, геніальный художникъ находитъ всѣ средства, всѣ элементы для выраженія многосторонности своихъ жизненныхъ наблюденій. Что касается до упрека поэту въ излишествѣ субъективныхъ разсужденій, связанныхъ съ основными темами его разсказа лишь внѣшнимъ образомъ, то, конечно, Байронъ очень повиненъ въ такомъ грѣхѣ; но этотъ грѣхъ невольно прощается ему читателемъ, увлеченнымъ геніальною силой и глубиной идей, язвительностью и мѣткостью сатиры его частыхъ, почти безпрестанныхъ отступленій. Впрочемъ, если руководствоваться рутинными правилами, установленными для эпическихъ произведеній критикой добраго стараго времени, въ „Донъ-Жуанѣ“ можно замѣтить и еще одинъ недостатокъ, недопускаемый условнымъ „спокойствіемъ“ эпическаго произведенія: его разсказъ, какъ и субъективныя отступленія отъ разсказа, трепещутъ и горятъ порывистою страстностью, нервнымъ возбужденіемъ, порою доходящими до болѣзненныхъ воплей и проклятій пессимистическаго отчаянія или до судорожнаго смѣха. Но въ этомъ-то „недостаткѣ“ именно и скрывается та оригинальность, та новость поэзіи Байрона, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ, такъ могущественно увлекаетъ, которая „ударяетъ по сердцамъ съ невѣдомою силой“...

Въ эпоху появленія байроновскаго романа, конечно, нечего было и помышлять о его переводѣ на русскій языкъ: условія тогдашней цензуры дѣлали невозможнымъ не только

полный переводъ „Донъ-Жуана", но даже выдающихся отрывковъ изъ него. Но уже въ сороковыхъ годахъ появляются первыя попытки ознакомить русскихъ читателей съ геніальнымъ созданіемъ, давно усвоеннымъ всѣми европейскими литературами и имѣвшимъ огромное прямое и косвенное вліяніе на крупнѣйшихъ представителей нашей поэзіи—на Пушкина и Лермонтова. Справедливость требуетъ сказать, что эти первыя попытки были крайне неудачны. Въ 1846 году г. Жандръ издалъ переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана", въ которомъ блестящія остроуміемъ и гибкостью октавы Байрона передавались такими тяжелыми и неуклюжими стихами:

Вернснъ и Кумберландъ мясникъ, Вольфъ, Гакъ,
Принцъ Фердинандъ, Гранби, Бургонь, Гоу, Кепель,
Добромъ иль зломъ извѣстны такъ иль сякъ
И въ дни свои, какъ нынѣ Велеслей,
За славою гналися, точно такъ,
Какъ девятеро за свиньей дѣтей...

Въ 1847 году вышелъ полный „Донъ-Жуанъ" въ передѣлкѣ Либича-Романовича, еще болѣе неудачный по формѣ, чѣмъ переводъ г. Жандра и представляющій содержаніе геніальнаго произведенія въ такомъ искаженномъ и урѣзанномъ видѣ, что, конечно, эта передѣлка не могла дать даже отдаленнаго понятія о поэтическомъ совершенствѣ подлинника. Въ позднѣйшее время, именно въ шестидесятыхъ годахъ, когда цензурныя условія стали благопріятнѣе, появились переводы „Донъ-Жуана" болѣе удовлетворительные—переводы покойныхъ Мина и Минаева; но первый переводчикъ ограничился передачей только небольшой части романа, а второй хотя и передалъ всѣ шестнадцать пѣсенъ, но крайне небрежно и безъ соблюденія поэтической формы подлинника. Кромѣ этихъ стихотворныхъ переводовъ существуетъ еще переводъ прозой, сдѣланный г. Соколовскимъ. Наконецъ, по прошествіи слишкомъ полстолѣтія со времени созданія „Донъ-Жуана", русскіе читатели получили возможность ознакомиться съ байроновскимъ произведеніемъ въ полномъ переводѣ, сдѣланномъ октавами.

Тотъ фактъ, что первое изданіе настоящаго перевода разошлось довольно скоро, наглядно показываетъ, насколько современные читатели внимательны къ серьезнымъ литературнымъ трудамъ, способствующимъ изученію геніальныхъ шедевровъ европейской поэзіи. Это вниманіе вмѣстѣ съ читателями раздѣлила и журнальная критика, встрѣтившая огромный и почтенный трудъ переводчика „Донъ-Жуана“ почти единодушнымъ привѣтомъ и одобреніемъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

I.

Бобъ Соути, ты поэтъ, вѣнкомъ лавровымъ
Увѣнчанный и межъ поэтовъ тузъ,
Хоть измѣнилъ и дѣломъ ты и словомъ,
Своимъ друзьямъ, ставъ торіемъ. Дивлюсь,
Съ какимъ искусствомъ ты съ порядкомъ новымъ
Миришься. Заключилъ ли ты союзъ
Съ лекистами [1]) при мѣстѣ иль безъ мѣста,
„Гнѣздомъ дроздовъ, что запеченныхъ въ тѣсто,

2.

Предъ королемъ поставили? Пирогъ
Разрѣзали, и птицы всѣ запѣли“ [2]).
Какъ этой старой пѣсни смыслъ глубокъ!...
Когда льстецы успѣха не имѣли?
Запѣлъ и Кольриджъ съ ними, но не могъ
Намъ разъяснить своей завѣтной цѣли:
Его такъ объясненіе темно,
Что безъ ключа немыслимо оно.

---

[1]) Кружокъ поэтовъ, группировавшійся вокругъ министра Кэстельри.

[2]) Слова англійской народной пѣсни.

3.

Ты, Бобъ, смѣлѣй! Напрасныя усилья
Не хочешь дѣлать ты, чтобъ пѣть одинъ
Въ завидномъ пирогѣ. Обрѣзать крылья
Другимъ дроздамъ, конечно, нѣтъ причинъ;
И вотъ, желая скрыть свое безсилье,
Ты до такихъ возносишься вершинъ,
Что падаешь стремглавъ съ отвѣсной кручи,
Блеснувъ мгновенье рыбкою летучей.

4.

Вордсвортъ огромный томъ, страницъ въ пятьсотъ,
Недавно издалъ, съ новою системой,
Что мудреца и то съ ума сведетъ.
Хоть назвалъ онъ свой жалкій трудъ поэмой,
Поэзіи никто въ немъ не найдетъ;
Понять его не легкая проблема;
Тотъ можетъ, для кого понятенъ онъ,
Докончить столпъ, что строилъ Вавилонъ.

5.

Вниманія на свѣтъ не обращая,
Вы въ Кексвикѣ составили кружокъ,
Гдѣ, лишь себя съ любовью восхваляя,
Рѣшили, что лавровый свой вѣнокъ
Для васъ однихъ поэзія святая
Готовитъ. Какъ отъ истины далекъ
Подобный взглядъ! Вамъ не найти оплота:
За океанъ вы приняли болото!

6.

Стремленья ваши жалки и смѣшны...
Ихъ участь—возбуждать одно злорадство!
Пускай мѣста вамъ теплыя даны,
И вамъ достались слава и богатство,
Въ продажныхъ мнѣньяхъ все-же нѣтъ цѣны,
Позорнымъ я считаю ваше братство,—
Вамъ чужды убѣжденія и честь,
Но все же въ васъ таланта искры есть.

7.

Вы скрыли подъ лавровыми вѣнками
И наглость вашихъ лбовъ, и тайный стыдъ;
Я зависти къ вамъ не питаю; съ вами
Тотъ не пойдетъ, кто честь и совѣсть чтитъ.
Вы гонитесь за славой и хвалами,
Но славы храмъ и для другихъ открытъ.
Скоттъ, Роджерсъ, Кэмпбель, Муръ и Краббъ велики:
Не заглушатъ ихъ голосъ ваши крики.

8.

Я не могу нестись за вами вслѣдъ:
Я пѣшъ, а вашъ Пегасъ имѣетъ крылья;
Желаю вамъ успѣховъ и побѣдъ,
Пусть ваши увѣнчаются усилья,
Но знайте: срама нѣтъ, когда поэтъ
Другихъ заслуги хвалитъ. Знакъ безсилья—
Встрѣчать все современное хулой;
Къ безсмертію приводитъ путь иной.

9.

Какъ ни старайтесь вы—все нѣтъ причины,
Чтобъ вамъ вѣнецъ безсмертія былъ данъ;
Предъ славою вы тщетно гнете спины,
Потомства не введете вы въ обманъ.
Случается, что изъ морской пучины
Великій мужъ всплываетъ, какъ титанъ,
Но большинство безслѣдно исчезаетъ;
Куда?—одинъ лишь Богъ про это знаетъ.

10.

Когда, сраженный гнусной клеветой,
Къ суду потомства Мильтонъ обратился,—
Его призналъ великимъ судъ людской,
И предъ его величьемъ міръ склонился;
Но Мильтонъ не умѣлъ кривить душой
И съ ложью полноправной не мирился;
Чтобъ сыну льстить, онъ не клеймилъ отца
И былъ врагомъ тирановъ до конца.

11.

Когда-бъ старикъ слѣпой, суля тиранамъ
Погибель и позоръ, воспрянуть могъ,
Какъ Самуилъ, карающимъ титаномъ;
Будь онъ какъ прежде бѣденъ и убогъ—
Все не упалъ бы ницъ передъ султаномъ,
Карая зло, преслѣдуя порокъ,
И предъ скопцомъ духовнымъ, чуждымъ чести,
Не сталъ бы расточать позорной лести!

12.

О, Кэстельри! предатель и злодѣй,
Ты обагрилъ кровавыми ручьями
Ирландію и родины своей
Сталъ палачомъ. Преступными дѣлами
Ты тираніи служишь и людей
Держать ты хочешь, связанныхъ цѣпями;
Но кандалы не скованы тобой:
Ты сыплешь ядъ, но это ядъ чужой.

13.

Ты власти рабъ и злѣйшій бичъ свободы;
Льстецы и тѣ твоихъ пустыхъ рѣчей
Хвалить не въ состояньи. Всѣ народы
Твои враги. Насмѣшкою своей
Они язвятъ тебя. Трудяся годы,
Ты не достигъ почтенья у людей.
Съ тобою Иксіона жерновъ сходенъ:
Твой вѣчный трудъ безцѣленъ и безплоденъ.

14.

Конгрессы ты сзываешь, чтобъ кумиръ
Воздвигнуть рабству! Нравственный калѣка,
Лишь палачамъ устраиваешь пиръ;
Преслѣдуя и мысли человѣка,
Ты былъ бы радъ поработить весь міръ
И чинишь кандалы иного вѣка.
Гнетутъ тебя, поборника цѣпей,
И Божій гнѣвъ, и ненависть людей.

15.

Ты—жалкій рабъ и хочешь, чтобъ рабами
Другіе стали. Доблесть, умъ и честь
Невѣдомы тебѣ. Передъ царями
Ты, какъ Евтропій [1]), расточаешь лесть,
Руководимый алчными мечтами.
Ты, правда, смѣлъ; но развѣ въ льдинѣ есть
Хоть легкій слѣдъ душевнаго волненья?
Въ тебѣ и храбрость—зло и преступленье.

16.

Куда бѣжать? Кругомъ царитъ обманъ.
Когда отъ тираніи насъ избавятъ?
Италіи былъ мигъ свободы данъ,
Но и ее теперь оковы давятъ;
Пусть цѣпь ея и кровь ирландскихъ ранъ
Сильнѣе словъ преступника безславятъ!
Оковы рабства тяжко давятъ свѣтъ,
И что же? Соути—жалкій ихъ поэтъ.

17.

Тебѣ, продажный бардъ, свое творенье
Я посвящаю. Честь—мой идеалъ;
Мнѣ святы дней минувшихъ убѣжденья;
Я ихъ любилъ и имъ не измѣнялъ;
Такая твердость—рѣдкое явленье,
Когда поэтъ и тотъ продажнымъ сталъ;
Не такъ-ли, Юліанъ Отступникъ новый,
Что тори сталъ, чтобъ воспѣвать оковы?

---

[1]) Евтропій—евнухъ и министръ царя Аркадія.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Героя я ищу... не странно-ль это,
Когда у насъ что мѣсяцъ, то герой!..
Ему кадитъ и сборникъ, и газета;
Затѣмъ, увы! является другой,
Чтобъ доказать непостоянство свѣта;
Въ такихъ я не нуждаюсь; выборъ мой
Падетъ на Донъ-Жуана, что до срока
Погибъ по волѣ демона и рока.

II.

Принцъ Фердинандъ, Гаукъ, Кеппель, Го, Вернонъ,
Бургойнъ, Гранби, Вольфъ, Кумберлэндъ—украдкой
Блеснули часъ, какъ въ вѣкъ нашъ Веллингтонъ.
Узнавъ хвалу друзей, враговъ нападки,
Они прошли какъ мимолетный сонъ,
Какъ „девять поросятъ единой матки"
Видѣнья Банко. Ихъ простылъ и слѣдъ;
Ужъ Дюмурье и Бонапарта нѣтъ!

III.

Исчезли, испытавъ судьбы измѣны,
Дантонъ, Маратъ, Барнавъ, Клотцъ, Мирабо
И прочіе. Свѣтъ любитъ перемѣны.
Жуберъ, Марсо, Гошъ, Ланнъ, Десэ, Моро,
Побѣдами блеснувъ, сошли со сцены;
Какъ много, много рвется подъ перо
Такихъ именъ, что увѣнчались славой.
Но трудно ихъ вмѣстить въ мои октавы.

IV.

Когда-то Нельсонъ богомъ былъ войны.
Но лавры Трафальгара позабыты
И вмѣстѣ съ нимъ въ землѣ погребены,
Въ его гробницѣ вмѣстѣ съ нимъ зарыты.
Солдаты морякамъ предпочтены;
Въ опалѣ флотъ, когда-то знаменитый;
Король не любитъ флота своего:
Забыты Джервисъ, Нельсонъ, Дунканъ, Го.

V.

Великъ Агамемнонъ, но сколько Летой
Вождей, какъ онъ, потоплено волной!
О нихъ не прозвучала пѣснь поэта,
И спятъ они, забытые молвой.
Я никого не поношу за это—
Но такъ какъ вѣкъ нашъ, жалкій и пустой,
Мнѣ не даетъ героя для романа,
Я выбираю просто Донъ-Жуана.

VI.

Бывало погружались въ *medias res*
Поэты, эпопею начиная
(Горацій такъ училъ). Въ тѣни древесъ
Съ возлюбленной, о прошломъ вспоминая,
Сидѣлъ герой. Пещера или лѣсъ
Скрывали ихъ; порою кущи рая
Имъ замѣняли ресторанъ собой,
И о быломъ разсказывалъ герой.

VII.

Такъ дѣйствовать привычка заставляла,
Но я иного мнѣнья. Мой разсказъ
Я поведу (таковъ мой нравъ) сначала.
Хотя бъ сидѣть надъ каждой строчкой часъ,
Съ дороги той, что Муза разъ избрала,
Не поверну я въ сторону. Держась
Заранѣе обдуманнаго плана,
Съ родителей начну я Донъ-Жуана.

VIII.

Онъ родился въ Севильѣ. Тамъ живетъ
Красавицъ рой, тамъ сладки апельсины;
Пословица гласитъ: „злосчастенъ тотъ,
Кто не былъ въ ней“. Роскошнѣе картины
Въ Испаніи наврядъ ли кто найдетъ,
Лишь Кадиксъ съ ней сравнится, но причины
Впередъ бѣжать не вижу. Мы о немъ
Поговорить успѣемъ и потомъ.

IX.

Отъ готтовъ велъ свое происхожденье
Отецъ Жуана—Хозе, гордый донъ,
Гидальго чистокровный, безъ сомнѣнья,
Чей древній родъ, съ давно былыхъ временъ,
Ни съ мавромъ, ни съ жидомъ не зналъ общенья.
Наѣздникъ былъ весьма искусный онъ.
Итакъ на свѣтъ онъ произвелъ Жуана,
Который самъ... но знать объ этомъ рано.

X.

Предметы всѣ, что можетъ лишь назвать
Мужъ преданный наукѣ, изучила
Жуана добродѣтельная мать;
Лишь качествамъ ея равнялась сила
Ея ума, что могъ бы міръ обнять;
Такъ всѣхъ она собой превосходила,
Такъ славилась ученостью своей,
Что всѣ кругомъ завидовали ей.

XI.

Стиховъ она на память кучу знала;
Такая память сущій былъ рудникъ;
Она бы роль актеру подсказала,
Когда на сценѣ тотъ бы сталъ втупикъ.
Способностей такихъ примѣровъ мало,
Фейнэгль [1]) предъ ней бы прикусилъ языкъ.
Увы! предъ этой памятью богатой
Мнемоники ничтожны результаты.

---

[1]) Фейнэгль читалъ лекціи объ искусствѣ изощрять память (мнемоника).

XII.

Ей алгебра особенно далась;
Она великодушіе любила;
Аттическимъ умомъ блеснуть не разъ
Случалось ей; такъ мысли возносила,
Что рѣчь ея была темна подъ-часъ.
Но все-жъ она за чудо свѣта слыла;
Любила свѣтъ; въ нарядахъ знала толкъ,
Носила дома шерсть, а въ людяхъ шолкъ.

XIII.

Читать молитву по-латынѣ знала,
И греческій букварь ей былъ знакомъ;
Романъ-другой французскій прочитала,
Владѣя плохо этимъ языкомъ;
Нарѣчіемъ роднымъ пренебрегала,
Невнятно выражаяся на немъ;
И превращала, обсуждая тему,
Слова въ загадку, мысли въ теорему.

XIV.

Цитируя слова священныхъ книгъ,
Она всегда отстаивала мнѣнье,
Что съ англійскимъ еврейскій схожъ языкъ;
Пускай отброситъ тотъ свои сомнѣнья,
Кто въ тайники завѣтныхъ строкъ проникъ:
Беру въ примѣръ ея же выраженье:
„Какъ странно, что еврейское: god am—
Имѣетъ сходство съ англійскимъ: God damn!“ [1])

[1]) Непереводимая натяжка еврейскаго слова: *Я (Богъ) есмь* съ англійскимъ God damn.

XV.

Инымъ не жаль рѣчей напрасныхъ трата;
Она жъ морщиной лба, движеньемъ вѣкъ
Могла учить; была ума палата;
Какъ Ромильи, ученый человѣкъ,
Законовъ стражъ, всезнаніемъ богатый,
Что такъ нежданно жизнь свою пресѣкъ.
Еще признанье суетности свѣта!
(Но, впрочемъ, судъ назвалъ „безумьемъ“ это).

XVI.

Она была какъ бы ходячій счетъ,
Ходячій сборникъ нравственныхъ уроковъ,
Оставившій на время переплетъ;
Она не знала совѣсти упрековъ;
Завистника коварный глазъ—и тотъ
Въ ней не сумѣлъ бы отыскать пороковъ;
Она могла ихъ видѣть лишь въ другихъ,
Сама жъ (что хуже) не имѣла ихъ.

XVII.

Предъ нею слава женъ святыхъ блѣднѣла;
Ея не соблазнилъ бы сатана;
Такъ много совершенствъ она имѣла,
Что ангела-хранителя она
Лишилась: онъ соскучился безъ дѣла.
Съ часами жизнь ея была сходна;
Ей въ цѣломъ мірѣ не нашлась бы пара,
Равнялось ей лишь масло Макассара [1]).

---

[1]) См. Объявленія о несравненныхъ качествахъ масла Макассара.

XVIII.

Такая святость свѣту не съ руки.
Въ немъ тайну ласкъ, утративъ кущи рая,
Познали наши праотцы. Ихъ дни
Текли въ раю, невинностью сіяя.
(Хотѣлъ бы знать, что дѣлали они,
Докучливое время коротая?)
Достойный Евы сынъ Донъ-Хозе былъ
И рвать запретный плодъ тайкомъ любилъ.

XIX.

Онъ смертный былъ веселый и безпечный;
Ученыхъ избѣгалъ; я не таю,
Что правилъ имъ всегда порывъ сердечный;
Не очень-то онъ чтилъ жену свою;
И жалкій свѣтъ, расположенный вѣчно
Мутить и государство, и семью,
Шепталъ, что онъ любовницу имѣетъ
И даже двухъ. (Зло и одна посѣетъ).

XX.

Достоинствъ кучу зная за собой,
Высокое о нихъ имѣла мнѣнье
Жена Донъ-Хозе; надо быть святой,
Чтобъ терпѣливо несть пренебреженье;
Ей святости хватало, но порой
Ей правдою казались подозрѣнья...
Съ супруга не спуская зоркихъ глазъ,
Накрыть его случалось ей не разъ.

XXI.

Мужьямъ, какъ онъ, попасть впросакъ не диво.
Онъ, чуждый осторожности, не могъ
Удерживать сердечнаго порыва.
Минуты есть, когда застать врасплохъ
И хитреца легко женѣ ревнивой;
Тогда сшибить и вѣеръ можетъ съ ногъ.
Порою вѣеръ роль меча играетъ;
Но почему? зачѣмъ? никто не знаетъ.

XXII.

Зачѣмъ берете вы людей простыхъ
Себѣ въ мужья, всезнающія жены?
Зачѣмъ вашъ выборъ падаетъ на нихъ,
Когда имъ чуждъ и скученъ міръ ученый?
Я скроменъ и безбраченъ,—словъ моихъ
Не обратитъ поэтому въ законы...
Но вы, мужья разумницъ, кайтесь въ томъ,
Что вы у нихъ всегда подъ башмакомъ.

XXIII.

Донъ-Хозе часто ссорился съ женою:
За что? про это знать никто не могъ,
Но многіе старались стороною
Узнать причину ссоры. Я далекъ
Отъ дѣлъ чужихъ, и любопытство мною
Считается за пагубный порокъ;
Но, самъ не испытавъ семейной ссоры,
Люблю друзей улаживать раздоры.

XXIV.

Увы! попытка мнѣ не удалась
Ихъ примирить. Напрасное старанье!
Все ускользалъ желанный встрѣчи часъ,
Такъ и не могъ добиться я свиданья.
(Ихъ сторожъ мнѣ признался, впрочемъ, разъ...)
Но это что! есть хуже испытанья:
Ихъ сынъ Жуанъ, какъ въ домъ стучался я,
Ведро помоевъ вылилъ на меня.

XXV.

Такого шалуна найти не скоро...
Кудрявый мальчуганъ, кумиръ семьи,
Въ родителяхъ не находилъ отпора
И исполнялъ всѣ прихоти свои;
Забывъ свои семейные раздоры,
Гораздо-бъ лучше сдѣлали они,
Когда-бъ его отправили въ ученье
Иль высѣкли, давая наставленья.

XXVI.

Они печально вѣкъ влачили свой,
Развода не ища, но все желая
Другъ другу смерти. Грустною чредой
Ихъ дни текли. Приличья свѣта зная,
Они скрывали распрю предъ толпой
Знакомыхъ и друзей; но жизнь такая
Продлиться не могла, и часъ насталъ,
Когда пожаръ семейный запылалъ.

XXVII.

Она врачамъ вдругъ заявила мнѣнье,
Что мужъ ея сошелъ съ ума. Затѣмъ
Она просила, видя ихъ сомнѣнья,
Признать его порочнымъ, но совсѣмъ
Не привела уликъ для обвиненья,
Что показалось очень страннымъ всѣмъ;
Лишь молвила: „любя людей и Бога,
Я не могла съ нимъ поступить не строго".

XXVIII.

Она журналъ его грѣшковъ вела
И на-показъ достала писемъ ворохъ;
Всѣмъ жалуясь, защитниковъ нашла
Она толпу. Во всѣхъ семейныхъ ссорахъ
Поддержкою ей бабушка была,
Что путалась порою въ разговорахъ
Отъ старости. Законно или нѣтъ,
Но за нее горою сталъ весь свѣтъ.

XXIX.

Она свою судьбу переносила,
Какъ истая спартанка, что обѣтъ,
Случайно овдовѣвъ, произносила
Забыть на вѣки мужа. Тьма клеветъ
Злосчастнаго Донъ-Хозе поразила,
И честь его пятналъ со злобой свѣтъ;
Она-жъ на все глядѣла съ равнодушьемъ,
И это свѣтъ считалъ великодушьемъ.

XXX.

Когда бѣда нагрянетъ — пробудить
Въ друзьяхъ участье трудно, какъ извѣстно;
Но своего добиться и прослыть
Притомъ великодушнымъ—очень лестно.
Гдѣ-жъ въ этомъ malus animus? Отмстить
Порою самому и неумѣстно;
Но развѣ я, скажите, виноватъ,
Коль за меня другіе мстить хотятъ?

XXXI.

Моя-ль вина иль ваша, если ссора,
При помощи одной иль двухъ клеветъ,
Старинные грѣхи изъ кучи сора
Забытыхъ дрязгъ выводитъ вновь на свѣтъ?
Къ тому-жъ скандалъ, воскресшій для разбора,
Весьма нравоучительный предметъ;
Объ этомъ наша нравственность не тужитъ:
Вѣдь ей порокъ контрастомъ лучшимъ служитъ.

XXXII.

Сначала хоръ друзей, потомъ родня
Мирили ихъ, совѣтами богаты;
Но ссора все росла. (Не знаю я,
Возможны ли иные результаты,
Когда мирятъ родные иль друзья?)
Разводъ имъ предлагали адвокаты.
Увы! имъ улыбнулся гонораръ:
Донъ-Хозе умеръ вдругъ, хоть былъ нестаръ.

XXXIII.

Итакъ, Донъ-Хозе бѣднаго не стало,
Во цвѣтѣ лѣтъ его похитилъ рокъ—
И такъ некстати. Смерть его прервала
Процессъ преинтересный, какъ я могъ
Понять изъ словъ юристовъ, хоть не мало
Неясностей ихъ испещряетъ слогъ;
Когда онъ палъ,—забывъ вражды причину,
Слезами свѣтъ почтилъ его кончину.

XXXIV.

Несчастный мужъ, заснувъ могильнымъ сномъ,
Печаль друзей и адвокатовъ плату
Унесъ съ собой. Его былъ проданъ домъ;
Любовницы его, забывъ утрату,
Утѣшились; одна сошлась съ жидомъ,
Съ попомъ другая (слухъ молвы крылатой);
Третичной лихорадкой пораженъ,
Жену съ ея враждой оставилъ онъ.

XXXV.

А все-жъ его напрасно очернили:
(Я хорошо съ Донъ-Хозе былъ знакомъ;)
Коль надъ собой не дѣлалъ онъ усилій,
Чтобъ нравъ сдержать и былъ страстнѣй притомъ,
Чѣмъ Нума, по прозванію Помпилій,
Его винить несправедливо въ томъ:
Онъ съ дня рожденья желчи былъ подверженъ,
И къ этому былъ въ дѣтствѣ дурно держанъ.

XXXVI.

Да, много, много выстрадалъ бѣднякъ,
Когда, тоской тяжелою объятый,
Глядѣлъ на свой разрушенный очагъ
И на свои разбитые пенаты.
Признаюсь въ томъ. Теперь не можетъ врагъ
Возликовать, узнавъ его утраты!
Онъ выбрать могъ лишь смерть или разводъ;
И выбралъ смерть, что лучшій былъ исходъ.

XXXVII.

Донъ-Хозе не оставилъ завѣщанья,
И Донъ-Жуанъ наслѣдовалъ одинъ.
Какъ опекунша, мужа состоянье
Инесса прибрала къ рукамъ, чтобъ сынъ
Богаче сталъ, какъ кончитъ воспитанье.
Не ввѣрить сына матери причинъ,
Конечно, нѣтъ: вѣдь, рѣдко неумѣло
Берется мать за воспитанья дѣло.

XXXVIII.

Жуана мать, умнѣйшая изъ женъ
И даже вдовъ, воспитывать ребенка,
Какъ гранда, стала. (Хозе, знатный донъ,
Кастилецъ былъ, она же арагонка.)
Онъ былъ стрѣльбѣ, фехтовкѣ обученъ,
Чтобъ трону стать опорою; и тонко
Онъ изучилъ все то, что надо знать,
Чтобъ женскій монастырь иль крѣпость брать.

XXXIX.

На нравственность Инесса напирала:
Учителямъ наказъ былъ строгій данъ,
Чтобъ въ дѣлѣ воспитанья выступала
Высокая мораль на первый планъ.
Она сама тѣ книги выбирала,
Что долженъ былъ выучивать Жуанъ.
И онъ всему учился, что морально,—
Исторіи не зналъ лишь натуральной.

XL.

Преподаванью древнихъ языковъ
Приписывалось важное значенье.
Науки, безъ практическихъ основъ,
Искусства, что не знаютъ примѣненья,
Онъ изучалъ и не жалѣлъ трудовъ;
Но свѣдѣнья о тайнахъ размноженья
Ни отъ кого не могъ онъ почерпнуть:
Боялись всѣ порокъ въ него вдохнуть.

XLI.

Но, изучая древности поэтовъ,
Какъ скрыть боговъ амурныя дѣла?
Рѣзвязь безъ панталонъ и безъ корсетовъ,
Надѣлали они не мало зла,
Вполнѣ чуждаясь нравственныхъ совѣтовъ.
Инесса миѳологію кляла,
И защищать не разъ пришлось предъ нею
Какъ Энеиду, такъ и Одиссею.

XLII.

Мораль порой Овидій мало чтитъ;
Не отнесусь къ Катуллу съ одобреньемъ;
Анакреонъ—распутный сибаритъ;
Сафо я не хвалю, хоть съ увлеченьемъ
О ней извѣстный Лонгинъ говоритъ;
Одинъ Виргилій чистъ, за исключеньемъ
Эклоги той безнравственной, гдѣ онъ
Поетъ: „Formosum pastor Corydon".

XLIII.

Безвѣріе Лукреція опасно
Для молодыхъ умовъ. Согласенъ я,
Что Ювенала цѣль всегда прекрасна,
Но все жъ его хвалить вполнѣ нельзя:
Онъ слишкомъ откровененъ въ рѣчи страстной
И не умѣетъ сдерживать себя.
Еще скажу, что вижу толку мало
Въ соленыхъ эпиграммахъ Марціала.

XLIV.

Жуанъ ихъ въ томъ изданьи прочиталъ,
Откуда мудрый цензоръ всѣ творенья,
Что дышутъ непристойностью, изгналъ,
Но чтобъ свое загладить преступленье
И чтобъ поэтъ не очень пострадалъ,
Ихъ, въ полномъ сборѣ, въ видѣ приложенья,
Въ концѣ изданья вставилъ и совсѣмъ
Ненужнымъ указатель сдѣлалъ тѣмъ.

XLV.

Толпѣ солдатъ подобно ихъ собранье;
Не надо ихъ искать по всѣмъ листкамъ,
Когда они всѣ въ сборѣ. Въ назиданье
Учащимся, они пробудутъ тамъ,
Пока не выйдетъ новаго изданья,
Гдѣ ихъ разставятъ снова по мѣстамъ.
Они жъ теперь, пугая наготою,
Какъ божества садовъ, стоятъ толпою.

XLVI.

Рисунковъ рядъ, далеко не святыхъ,
Молитвенникъ стариннаго ихъ рода
Собою красилъ. Текстъ священныхъ книгъ
Такъ испещрять была когда-то мода.
(Какъ могъ молиться тотъ, кто видѣлъ ихъ?)
Его, для своего лишь обихода,
Оставила Инесса, чтобъ Жуанъ
Не зналъ о немъ; ему жъ другой былъ данъ.

XLVII.

Инессою во всемъ руководимый,
Не мало слышалъ онъ проповѣдей
И словъ святыхъ. Читалъ Іеронима
И Златоуста; зналъ Читьи-Минеи,
Но Августинъ святой, высокочтимый,
На правды путь наводитъ всѣхъ вѣрнѣй,
Себя бичуя *), хоть (признаться больно!)
Его грѣхамъ завидуешь невольно.

*) Прочтите его исповѣдь.

XLVIII.

Жуану не давали книгъ такихъ;
И правильно, коль хорошо потуже
Держать дѣтей. Инесса глазъ своихъ
Съ Жуана не спускала. Что есть хуже
Служанокъ выбирала, и у нихъ
Однѣ старухи жили. Такъ при мужѣ
Она еще привыкла поступать;
Съ нея примѣръ должны бъ всѣ жены брать.

XLIX.

Предъ нимъ лежала свѣтлая дорога:
Онъ лѣтъ шести былъ и красивъ, и милъ;
Одиннадцати лѣтъ учился много
И не жалѣлъ для дѣла юныхъ силъ.
Казалось, онъ лишь будетъ жить для Бога;
Молясь, полдня онъ въ церкви проводилъ:
Затѣмъ сидѣлъ за книгой иль урокомъ,
Добру учась, подъ материнскимъ окомъ.

L.

Онъ въ дѣтствѣ былъ красивый мальчуганъ;
Когда подросъ, въ немъ страсть къ труду созрѣла;
Онъ былъ сперва порядочный буянъ,
Но нравъ его исправить мать сумѣла—
И тихъ, и скроменъ сдѣлался Жуанъ,—
Такъ всѣмъ казалось. Съ гордостью глядѣла
На юнаго философа она,
Хваля его вездѣ, любви полна.

LI.

Не вѣрилъ я, да и не вѣрю нынѣ,
Что могъ Жуанъ сломить характеръ свой,
Что справилися съ нимъ, по той причинѣ,
Что Хозе нравъ имѣлъ весьма крутой.
Вы скажете, что по отцу о сынѣ
Нельзя судить; къ тому жъ всегда съ женой
Онъ ссорился—коварная догадка!
Я замолчу: по мнѣ, злословье гадко.

LII.

Итакъ я замолчу, но если бъ сынъ
Былъ у меня—нравоученьямъ мѣру
Я зналъ бы и скажу, не безъ причинъ
Ея бы не послѣдовалъ примѣру;
Наскучитъ катехизисъ все одинъ;
Нельзя преподавать одну лишь вѣру.
О, нѣтъ! мой сынъ попалъ бы въ школу; въ ней
Позналъ я жизнь, науку и людей.

LIII.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила,
Но все жъ скажу, что школа—сущій кладъ.
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила;
Хоть есть грѣшки за ней, но verbum sat.
Все то, что знаю я, мнѣ подарила
Родная школа. Пусть я не женатъ,
Однако (утверждаю это смѣло),
Такъ мальчика воспитывать не дѣло.

LIV.

Вотъ минуло ему шестнадцать лѣтъ—
И въ юношѣ красивомъ и высокомъ
Младенчества исчезъ послѣдній слѣдъ.
Но мать за нимъ, какъ прежде, зоркимъ окомъ
Слѣдила. Преждевременный расцвѣтъ
Казался ей ужаснѣйшимъ порокомъ;
Скажи ей кто-нибудь, что онъ созрѣлъ,
Навѣрное въ ней гнѣвъ бы закипѣлъ.

LV.

Инесса добродѣтельная зналась
Лишь только съ тѣмъ, кто правдой былъ богатъ;
Къ ней часто Донна Джулія являлась.
Назвавъ ее звѣздой, о ней наврядъ
Понятье дамъ. Съ ней красота сроднялась,
Какъ съ моремъ соль, съ цвѣтами ароматъ,
Съ Венерой поясъ, съ Купидономъ стрѣлы.
(Послѣднія сравненья слишкомъ смѣлы.)

LVI.

Ея прелестныхъ глазъ восточный пылъ
Присутствіе въ ней крови мавританской
Доказывалъ. (Не очень-то цѣнилъ
Такую кровь аристократъ испанскій.)
Когда, рыдая, скрылся Боабдилъ,
Гренаду сдавъ, на берегъ африканскій
Переселились мавры. Изъ числа
Оставшихся въ Испаніи была

LVII.

Ея прабабка. Странными судьбами
Она, плѣнивъ гидальго красотой,
Съ нимъ сочеталась брачными цѣпями.
Въ Испаніи позорнымъ бракъ такой
Считался. Тамъ гордилися связями
И на родныхъ женилися порой,
Чтобъ не утратить чистокровность рода,
Чѣмъ часто ухудшалася порода.

LVIII.

И ожилъ родъ съ поддержкой новыхъ силъ;
Кровь стала хуже, но красивѣй лица.
Заглохшій корень вновь ростки пустилъ;
Исчезли: сынъ уродъ и дочь тупица;
Про бабушку, однако, слухъ ходилъ
(Но это, я увѣренъ, небылица),
Что незаконныхъ иногда дѣтей
Въ свою семью вводить случалось ей.

LIX.

Съ годами все порода улучшалась;
Какимъ путемъ, зачѣмъ намъ это знать?
Но дни текли, и вотъ лишь дочь осталась
Отъ цѣлой расы; нужно ли сказать,
Что рѣчь идетъ о Джуліи? Досталась
Ей красота. Свои дары, какъ мать,
Предъ ней повергла щедрая природа;
Ей двадцать-три всего лишь было года.

LX.

Въ ея глазахъ, и черныхъ, и большихъ,
Огонь сверкалъ. Любовь и гордость чаще,
Чѣмъ ненависть и гнѣвъ читались въ нихъ.
(Не знаю я, что глазъ прелестныхъ слаще!)
Порою сквозь рѣсницъ ея густыхъ
Просвѣчивалъ желанья лучъ палящій,
Но угасалъ съ мгновенной быстротой:
Она имѣла даръ владѣть собой.

LXI.

Змѣей вилась коса ея густая;
Какъ радуга ея сгибалась бровь;
Дышала въ ней восторженность живая;
Какъ молнія, въ ней пробѣгала кровь,
Прозрачный блескъ на ликъ ея бросая;
Прильетъ, горя, и вотъ отхлынетъ вновь.
Сложенье, статность, ростъ—все въ ней плѣняло
(Сложенныхъ дурно женщинъ чту я мало.)

LXII.

Пятидесяти лѣтъ былъ мужъ у ней...
(Слѣпой судьбы плачевная услуга!)
Ей лучше бъ взять двухъ молодыхъ мужей,
Чтобъ замѣнить почтенныхъ лѣтъ супруга;
Такая перемѣна тѣмъ нужнѣй,
Чѣмъ ярче свѣтъ бросаетъ солнце юга;
Я замѣчалъ, что самыхъ честныхъ дамъ
Невольно тянетъ къ молодымъ мужьямъ.

LXIII.

Все это очень грустно, безъ сомнѣнья,
Но въ этомъ солнца свѣтъ виновнѣй всѣхъ,
Людскую кровь приводитъ онъ въ волненье.
А мало ли на свѣтѣ есть утѣхъ?
Ни постъ не помогаетъ, ни моленья:
Слабѣетъ плоть и душу вводитъ въ грѣхъ.
Гдѣ свѣтитъ югъ, тамъ не считаютъ чудомъ,
Что свѣтъ зоветъ интригой, небо—блудомъ.

LXIV.

Счастливѣй люди въ сѣверныхъ странахъ,
Гдѣ стынетъ кровь, гдѣ стужей мѣры взяты,
Чтобъ грѣхъ вредить не могъ. (Въ своихъ грѣхахъ
Святой Антоній, стужею объятый,
Покаялся.) Караемый въ судахъ,
Тамъ каждый грѣхъ обложенъ крупной платой.
Прелюбодѣя не щадитъ законъ:
Коль согрѣшилъ—по таксѣ платитъ онъ.

LXV.

Альфонсо—звали Джуліи супруга.
Онъ былъ и бодръ, и свѣжъ для лѣтъ своихъ;
Его жена въ немъ ни врага, ни друга
Не видѣла. Какъ много паръ такихъ!
Не ссориться—для нихъ и то заслуга
(Вѣдь розны взгляды и желанья ихъ)!
Альфонсо былъ ревнивъ, скрывая это
(Вѣдь ревность любитъ прятаться отъ свѣта).

LXVI.

Какъ Джулія съ Инессою сошлась,—
Не знаю я. Въ нихъ сходства было мало;
За просвѣщеньемъ донна не гналась
И никогда трактатовъ не писала;
Но говорятъ (все это ложь: не разъ
Молва пустые слухи распускала),
Что мужъ ея Инессой былъ любимъ
И что она была въ интригѣ съ нимъ.

LXVII.

Что будто бы ихъ связь годами длилась
И, наконецъ, характеръ приняла
Невинности. Такъ въ Джулію влюбилась
Инесса, что она ее взяла
Подъ крылышко свое и не скупилась
На ласки и хвалы. Свои дѣла
Вести она съ такимъ умѣньемъ стала,
Что и злословья притупилось жало.

LXVIII.

Была ль для донны тайной—болтовня
Пустой молвы, иль не имѣла вѣса
Въ ея глазахъ—про то не знаю я;
Не виденъ ходъ душевнаго процесса.
Но все жъ, свое спокойствіе храня,
Она, какъ прежде, видѣлась съ Инессой.
У ней, и безупречна, и скромна,
Съ Жуаномъ познакомилась она.

LXIX.

Встрѣчаясь часто съ мальчикомъ красивымъ,
Она его ласкала; толку нѣтъ,
Что ласки въ этомъ возрастѣ счастливомъ
Невинны. (Что жъ, ей было двадцать лѣтъ,
Ему жъ тринадцать.) Нѣжнымъ ихъ порывамъ,
Увѣренъ я, дивиться сталъ бы свѣтъ,
Постарше будь они хоть на три года.
Сильна въ развитьи южная природа!

LXX.

Ихъ отношенья стали холоднѣй,
Когда Жуанъ подросъ. Въ минуту встрѣчи
Онъ на нее не поднималъ очей;
Изъ устъ его несвязно лились рѣчи;
Я думаю, понятны были ей
Любви святой невинныя предтечи,
Но чувствъ своихъ не понималъ Жуанъ:
Не видѣвъ бурь, кто знаетъ океанъ?

LXXI.

Сочувствiю открывъ порой объятья,
Она гнала свой холодъ напускной—
И вотъ, дрожа, онъ чувствовалъ пожатье
Ея руки. Сравнивъ его съ мечтой,
О легкости его не дашь понятья;
Оно, блаженство принося съ собой,
Лишь длилось мигъ; но сладость этой ласки
Ему казалась сномъ волшебной сказки.

LXXII.

Холодностью дышалъ ея привѣтъ;
Въ ея лицѣ не теплилась улыбка,
Но взоръ ея хранилъ унынья слѣдъ,
И отъ волненья сердце билось шибко.
Невинность, обмануть желая свѣтъ,
Не прочь лукавить; можно впасть въ ошибку,
Судя лишь по наружности одной:
Любовь, какъ лицемѣръ, хитритъ порой.

LXXIII.

Но заглушишь ли страсти голосъ милый!
Чѣмъ неба сводъ угрюмѣй и мрачнѣй,
Тѣмъ буря разразится съ большей силой;
Сильна любовь; борьба напрасна съ ней.
Она не разъ, чтобъ сердце тайну скрыло,
Являлась подъ личиною страстей
Ей чуждыхъ: гнѣва, ненависти, мщенья,—
Но слишкомъ поздно, чтобъ убить сомнѣнья.

LXXIV.

На днѣ души храня любовь, какъ кладъ,
Она носила равнодушья маску;
Лишь легкій вздохъ, порою томный взглядъ,
Что съ жадностью Жуанъ ловилъ, какъ ласку,
Участье обличали. Невпопадъ
При встрѣчѣ съ нимъ ее бросало въ краску.
Все это были признаки любви,
И у него огонь пылалъ въ крови.

LXXV.

Тревогъ сердечныхъ чувствуя обилье,
Она, бѣдняжка, сдѣлать надъ собой
Рѣшилась благородное усилье,
Чтобъ честь спасти. Предъ твердостью такой
Тарквиній самъ, сознавъ свое безсилье,
Втупикъ бы сталъ. Къ Владычицѣ Святой
Она съ мольбой свои простерла руки...
Кто женщины утѣшитъ лучше муки?

LXXVI.

Не видѣться съ Жуаномъ давъ обѣтъ,
Она зашла къ Инессѣ на мгновенье.
Дверь скрипнула. Не онъ ли? Къ счастью, нѣтъ.
Владычицѣ воздавъ за то хваленье,
Она вздохнула, но унынья слѣдъ
Разсѣяло Жуана появленье.
Боюсь, что въ эту ночь она съ мольбой
Не обращалась къ Дѣвѣ Пресвятой.

LXXVII.

Она затѣмъ рѣшила, что постыдно
Отъ зла бѣжать; что женщина должна
Бороться съ искушеньемъ. Мысль обидна,
Что можетъ пасть въ борьбѣ со зломъ она.
Въ невинномъ предпочтеніи не видно
Опасности. Коль женщина вѣрна
И долгу, и себѣ, добромъ богата,
Грѣшно ль мужчину ей любить какъ брата?

LXXVIII.

Случиться, правда, можетъ (силенъ бѣсъ!),
Что сердцу трудно справиться съ соблазномъ;
Тогда надъ нимъ побѣда большій вѣсъ
Еще имѣетъ. Просьбамъ неотвязнымъ,
Что дышутъ страстью, можно наотрѣзъ
Отказывать, смѣясь надъ бредомъ празднымъ.
Я дамамъ молодымъ даю совѣтъ
Такъ дѣйствовать: методы лучше нѣтъ.

LXXIX.

Къ тому же есть еще любовь святая,
Что ангеловъ плѣняетъ и матронъ,
Что душу, чудный свѣтъ въ нее бросая,
Живитъ. Кумиръ воздвигнулъ ей Платонъ.
„Въ моей груди горитъ любовь такая",
Она шептала, вѣря въ свѣтлый сонъ.
Будь я замѣченъ ею, безъ сомнѣнья,
Одобрилъ бы такія размышленья.

LXXX.

Любовь такая дѣвственно чиста;
Ей можно предаваться безъ опаски;
Сначала ручку, а затѣмъ уста
Цѣлуютъ нѣжно; робко строятъ глазки;
Но это ужъ предѣльная черта
Такой любви; ея мнѣ чужды ласки,—
Предупредить, однако, долженъ всѣхъ,
Что за чертой условной встрѣтишь грѣхъ.

LXXXI.

Любовь святую совѣсть не осудитъ;
Зачѣмъ же бѣдной сдерживать себя?
Она любитъ Жуана свято будетъ;
Любовь, желанья грѣшныя губя,
Въ немъ только грезы свѣтлыя пробудитъ;
Онъ многому научится, любя.
Чему? не могъ бы я найти отвѣта,
Да и для ней загадкой было это.

LXXXII.

Рѣшивъ, что путь, ей выбранный, ведетъ
Къ благимъ цѣлямъ,—защищена бронею
Невинности своей,—принявъ въ разсчетъ,
Что можно честь ея сравнить съ скалою,
Отбросила она тяжелый гнетъ
Докучнаго контроля надъ собою.
Впослѣдствіи придется намъ узнать,
Могла ль она съ задачей совладать.

LXXXIII.

Поставленный въ счастливыя условья,
Прекраснымъ ей казался этотъ планъ.
Пускай себѣ клевещутъ на здоровье,
Коль такъ хотятъ. (Шестнадцать лѣтъ Жуанъ
Всего имѣлъ.) Безсиленъ ядъ злословья
Предъ духомъ правды. (Жгли же христіанъ
Другіе христіане съ убѣжденьемъ,
Что слѣдуютъ апостольскимъ ученьямъ!)

LXXXIV.

Но если бъ вдругъ ей овдовѣть пришлось?..
Какое наущенье вражьей силы!
Возможно ли поднять такой вопросъ!
Ей горе пережить бы трудно было.
Но, полагая только inter nos...
(Я entre nous сказалъ бы съ донной милой,
Ей нравился французскій рѣчи складъ,—
Да съ риѳмою мой стихъ не шелъ бы въ ладъ.)

LXXXV.

Съ годами будетъ партіей серьезной
Жуанъ. Измѣны отъ него не жди...
Не все жъ ихъ цѣли въ жизни будутъ разны;
Коль мужъ ея окончитъ дни свои
Лѣтъ черезъ семь—еще не будетъ поздно;
Вся жизнь передъ Жуаномъ впереди.
Пускай его согрѣетъ лучъ участья!
(Все рѣчь идетъ лишь о невинномъ счастьѣ!)

LXXXVI.

Къ Жуану перейдемъ. Тоской томимъ,
Не вѣдалъ онъ, что грудь его согрѣта
Огнемъ любви. Въ страстяхъ неукротимъ,
Какъ миссъ Медея римскаго поэта,
Онъ думалъ, что случилось чудо съ нимъ,
Вполнѣ необъснимое для свѣта.
Не вѣдалъ онъ, что много свѣтлыхъ чаръ
Любовь съ собой приноситъ часто въ даръ.

LXXXVII.

Объятый и уныньемъ, и волненьемъ,
Среди лѣсовъ бродилъ въ тоскѣ Жуанъ
(Скрываться—скорбь считаетъ наслажденьемъ);
Не сознавалъ онъ сердца жгучихъ ранъ.—
И я порой мирюсь съ уединеньемъ,
Но только не какъ схимникъ,—какъ султанъ,—
Я не нуждаюсь въ схимниковъ примѣрѣ,—
И съ нимъ мирюсь въ гаремѣ, не въ пещерѣ.

LXXXVIII.

Любовь! богиня ты въ такой глуши,
„*Гдѣ слиты безопасность съ упоеньемъ*;
Тамъ свѣтлый рай для любящей души“.
Доволенъ былъ бы я стихотвореньемъ,
Мной приведеннымъ здѣсь, не напиши
Поэтъ вторую строчку. Съ удивленьемъ
Смотрю на сочетанье странныхъ словъ,
Что затемняютъ смыслъ его стиховъ.

LXXXIX.

Мнѣ кажется, что онъ имѣлъ желанье,
Безъ задней мысли, возвѣстить о томъ,
Что мы не любимъ въ свѣтлый часъ свиданья,
Иль сидя за обѣденнымъ столомъ,
Когда насъ безпокоятъ. Мы молчаньемъ
И „слитье“ съ „упоеньемъ“ обойдемъ,—
Понятна этихъ словъ живая страстность,—
Но безъ замка возможна ль „безопасность“?

XC.

Близъ свѣтлыхъ струй ручья, угрюмъ и нѣмъ,
На темный лѣсъ взирая, какъ на друга,
Жуанъ любилъ мечтать, не зная, чѣмъ
Разсѣять мракъ душевнаго недуга.
Въ тѣни лѣсовъ сюжеты для поэмъ
Поэты ищутъ; тамъ же въ часъ досуга
Стихи читать мы любимъ, коль они
Вордсворта виршамъ только не сродни.

XCI.

Ища уединенія охотно,
Жуанъ душой возвышенной своей
Гнался за каждой думой мимолетной.
Такъ много въ немъ раждалося идей,
Что, наконецъ (конечно, безотчетно),
Онъ сталъ смотрѣть на свѣтъ и на людей,
Умѣривъ гнетъ тоски своей тяжелой,
Какъ метафизикъ Кольриджевой школы.

XCII.

О многомъ онъ мечталъ, бродя одинъ:
О блескѣ звѣздъ, о тайнахъ мірозданья,
О шумѣ битвъ; о томъ, что властелинъ
Надъ міромъ человѣкъ; о разстояньи,
Что до луны отъ насъ; искалъ причинъ
Въ ихъ слѣдствіяхъ. Повергнутъ въ созерцанье,
Мечталъ, какъ свѣтъ премудро сотворенъ;
О глазкахъ милой также думалъ онъ.

XCIII.

Такъ мудро разсуждая, голосъ муки
Онъ заглушалъ, и сладость находилъ
Въ такихъ мечтахъ. Отраденъ свѣтъ науки;
Блаженъ, кто ей всѣ думы посвятилъ.
Но странно, если юноша безъ скуки
Мечтаетъ о теченіи свѣтилъ.
Вы скажете, что это плодъ ученья,
А я беру въ разсчетъ и возбужденье.

XCIV.

Задумчиво глядѣлъ онъ на цвѣты;
Въ порывахъ вѣтра слышалъ вздохъ участья;
Онъ къ нимфамъ обращалъ порой мечты,
Къ богинямъ, что дарили смертнымъ счастье,
Являясь къ нимъ въ сіяньи красоты.
Въ немъ смутно пробуждалось сладострастье,
Невидимо летѣлъ за часомъ часъ,
И онъ обѣдъ прогуливалъ не разъ.

XCV.

Боскана онъ читалъ иль Гарсиласса
И былъ готовъ во прахъ предъ ними пасть;
Къ поэзіи душа его рвалася;
Внимая ей, въ немъ клокотала страсть.
Такъ по вѣтру листы летятъ, клубяся.
Казалося, надъ нимъ простерлась власть
Волшебника, что въ звуки сыплетъ чары,
Какъ я читалъ въ какой-то сказкѣ старой.

XCVI.

Напрасно въ лѣсъ онъ направлялъ свой путь;
На думы все жъ не находилъ отвѣта;
Отрады не могли въ него вдохнуть
Ни сладкія мечты, ни пѣснь поэта;
Онъ жаждалъ ласкъ, главу склонить на грудь,
Въ которой сердце нѣжностью согрѣто;
Онъ, можетъ-быть, мечталъ и о другомъ,
Но я покуда умолчу о томъ.

XCVII.

Отъ глазъ красивой Джуліи кручина,
Что въ даръ любовь Жуану принесла,
Не скрылась; тайныхъ мукъ его причина
Была понятна ей. Но какъ могла
Инесса у единственнаго сына
Не разузнать причинъ такого зла?
Не знаю, какъ понять ея молчанье;
Что видѣть въ немъ: притворство иль незнанье?

XCVIII.

Хитрецъ случайно ловится иной.
Такъ мужъ ревнивый жалкую услугу
Себѣ готовъ оказывать порой,
Желая уличить свою супругу
Въ несоблюденьи заповѣди той,
Что ставитъ цѣломудріе въ заслугу;
(Которая она—нейдетъ на умъ;
Ее жъ назвать боюсь я наобумъ).

XCIX.

Мужъ опытный ревнивъ, но онъ порою
Въ обманъ вдается, страстью увлечонъ;
Преслѣдуетъ того, кто чистъ душою,
Коварнаго же друга вводитъ онъ
Въ свою семью. Сойдется ль другъ съ женою,
Несчастный мужъ, бѣдою пораженъ,
Винитъ во всемъ, забывъ благоразумье,
Порочность ихъ, а не свое безумье.

C.

Отцовъ недальновидныхъ иногда
Случается, что дочери проводятъ
И достигаютъ цѣли безъ труда.
Что толку въ томъ, что съ дочерей не сводятъ
Родные глазъ? Случится ли бѣда—
Отцы въ негодованіе приходятъ
И, не виня оплошности своей,
Готовы проклинать своихъ дѣтей.

CI.

Инессы непонятное молчанье,
Увѣренъ я, скрывало лишь обманъ;
Притворство принимало видъ незнанья;
Ей, можетъ-быть, хотѣлось, чтобъ Жуанъ
Окрѣпъ душой, узнавъ любви страданья,
А можетъ-быть она имѣла планъ
Открыть глаза Альфонсу, въ той надеждѣ,
Что онъ жену не будетъ чтить, какъ прежде

CII.

Однажды... Это было лѣтнимъ днемъ...
Весна, какъ май наступитъ, словно лѣто
Волнуетъ кровь, что въ жилахъ бьетъ ключемъ;
Потоки ослѣпительнаго свѣта,
Что солнце щедро льетъ, виновны въ томъ.
Душа мечтами страстными согрѣта;
Томится грудь; огонь горитъ въ крови.
Мартъ—мѣсяцъ зайцевъ, май—пора любви.

CIII.

Въ шестой іюня день... Не вижу прока
Въ неточности, а потому всегда
Я числа выставляю и глубоко
Чту хронологію. По мнѣ года—
Тѣ станціи, гдѣ колесница рока,
По всѣмъ странамъ носяся безъ слѣда,
Мѣняетъ упряжь, какъ воспоминанья
Лишь оставляя числа для преданья.

CIV.

О Джуліи я поведу разсказъ.
Какъ я уже сказалъ, въ началѣ лѣта,
Въ седьмомъ часу она сидѣла разъ
Въ саду, достойномъ гурій Магомета
Иль тѣхъ богинь, что восхищаютъ насъ
Въ твореньяхъ сладкогласнаго поэта
Анакреона-Мура. Дай-то Богъ,
Чтобъ насъ плѣнять еще онъ долго могъ!

CV.

Но Джулія въ тѣни душистой сада
Сидѣла не одна. Какимъ путемъ
Устроилось свиданіе? Не надо
Все говорить, что знаемъ, и о томъ
Я умолчу: злословье хуже яда.
Вдали отъ всѣхъ Жуанъ съ ней былъ вдвоемъ;
Они бы поступили осторожно,
Закрывъ глаза, но развѣ это можно?

CVI.

Лицо ея горѣло отъ стыда,
Но все она себя не признавала
Виновною. Любовь хитритъ всегда
И вводитъ въ заблужденье. Ей не мало
Причинено страданій и вреда;
Близъ бездны донна Джулія стояла,
Готовая совсѣмъ въ нее упасть,
А все грѣха не признавала власть.

CVII.

Она была собой вполнѣ довольна;
Такъ юнъ Жуанъ, что вѣрности обѣтъ
Не трудно ей сдержать; смѣшно и больно
Бояться зла, когда соблазна нѣтъ.
Въ то время ей припомнилось невольно,
Что мужъ ея пятидесяти лѣтъ.
Жаль, что она объ этомъ думать стала:
Любовь такіе годы цѣнитъ мало.

CVIII.

Коль говорятъ: „въ пятидесятый разъ
Я вамъ твержу“, то это признакъ ссоры;
Когда поэты, музою гордясь,
О ней порой заводятъ разговоры—
Стиховъ полсотню вамъ прочтутъ какъ разъ,
Когда ихъ пятьдесятъ, опасны воры—
Не жди любви, какъ стукнетъ пятьдесятъ,
Тогда гиней полсотни просто кладъ.

CIX.

Защищена невинностью святою,
Она грѣха бояться не могла;
Рѣшивъ, что ей легко владѣть собою,
Она Жуана за руку взяла;
Разсѣянность была тому виною:
Она Жуана руку приняла
За собственную руку; въ заблужденье
Ее ввело душевное волненье.

CX.

Она затѣмъ склонилась головой
Къ другой его рукѣ, что утопала
Средь темныхъ волнъ косы ея густой,
Она его съ любовью созерцала,
Вся отдаваясь страсти молодой.
Зачѣмъ однихъ Инесса оставляла
Неопытныхъ дѣтей? Увѣренъ я,
Не такъ бы поступила мать моя.

CXI.

Жуанъ ей руку жалъ. Ей сладко было
Ему на ласку лаской отвѣчать;
Ея рука, казалось, говорила:
„Меня ты можешь нѣжить и ласкать;
Твоей руки пожатіе мнѣ мило“.
Но Джулія, когда бъ могла понять,
Что есть опасность въ томъ, отъ зла ушла бы,
Какъ отъ змѣи иль ядовитой жабы.

CXII.

Жуанъ, въ которомъ клокотала кровь,
Къ ея рукѣ, въ порывѣ увлеченья,
Прильнулъ устами. Первая любовь
Всегда робка, и онъ пришелъ въ смятенье.
Но Джулія, не хмуря гнѣвно бровь,
Лишь покраснѣла. Тайное волненье
Она хотѣла отъ Жуана скрыть,
Къ тому жъ была не въ силахъ говорить.

CXIII.

Луна взошла. Опасное свѣтило
Напрасно цѣломудреннымъ зовутъ;
Въ ея лучахъ таинственная сила;
Они, блестя, на путь грѣха ведутъ.
Луна не мало бѣдствій причинила;
Ея лучи тревогу въ душу льютъ,
Въ ней пробуждая страстныя желанья;
Невиннѣе безъ мѣры дня сіянье.

CXIV.

Въ тотъ сладкій часъ, когда природа спитъ,
Одѣтая волшебнымъ блескомъ ночи,
Когда луна деревья серебритъ,
И звѣзды, какъ безчисленныя очи,
Глядятъ съ небесъ на этотъ чудный видъ,
Душѣ съ собою справиться нѣтъ мочи;
Она собой владѣть перестаетъ,
Но не покой ей этотъ мигъ даетъ.

CXV.

Жуанъ былъ рядомъ съ Джуліей, въ волненьи
Охватывая станъ ея рукой...
Когда бъ она имѣла опасенья,
Не трудно было бъ ей уйти домой.
Но вѣроятно это положенье
Имѣло даръ ее плѣнять собой...
Затѣмъ... но ужъ меня терзаетъ совѣсть,
Что началъ я писать такую повѣсть.

CXVI.

Платонъ! людей не мало ты сгубилъ
Теоріей своей, что будто можно
Умѣрить силой воли сердца пылъ
И страсть сдержать. Твое ученье ложно,
Ты людямъ больше зла имъ причинилъ,
Чѣмъ всѣ поэты вмѣстѣ. Непреложно,
Что ты и фатъ, и шарлатанъ, и лжецъ,
Опасный сводникъ любящихъ сердецъ.

CXVII.

Когда она очнулась, слезы градомъ—
Увы! не безъ причины—потекли
Изъ глазъ ея. Возможно ли, чтобъ рядомъ
Когда-нибудь любовь и разумъ шли!
Трудна борьба съ соблазна тонкимъ ядомъ.
Намѣренья благія не спасли
Ее отъ зла. Ей твердость измѣнила;
Она шепнула: „нѣтъ!“—и уступила.

CXVIII.

За новую утѣху Ксерксъ сулилъ,
Какъ говорятъ, богатыя награды;
За выдумку онъ много бъ заплатилъ.
На этотъ счетъ мои съ нимъ розны взгляды.
Въ любви всегда я счастье находилъ,
И новыхъ наслажденій мнѣ не надо;
Я старыми довольствуюсь вполнѣ,
Лишь бы они не измѣнили мнѣ.

CXIX.

Ты часто губишь насъ, о наслажденье!
Но въ душу проливаешь яркій свѣтъ;
Покинуть путь грѣха и заблужденья
Я каждую весну даю обѣтъ;
Но къ Вестѣ мало чувствуя влеченья,
Я все грѣшу—и въ клятвахъ прока нѣтъ;
Все жъ мысль моя осуществиться можетъ;
Зимой исправлюсь,—стужа мнѣ поможетъ.

CXX.

Здѣсь маленькую вольность разрѣшить
Я долженъ музѣ. Не страшись, читатель!
Повѣрь, не въ состояньи оскорбить
Твою стыдливость нравственный писатель.
Но правиламъ я долженъ измѣнить,
Которыхъ я глубокій почитатель...
Когда предъ Аристотелемъ грѣшу,
Въ своей винѣ сознаться я спѣшу.

CXXI.

Не разъ поэтамъ такъ грѣшить случалось,
И вотъ вообразить прошу я васъ,
Что полгода почти съ тѣхъ поръ промчалось,
Какъ Джуліи съ Жуаномъ въ первый разъ
Запретный плодъ любви вкусить досталось
Въ іюльскій чудный вечеръ. Пронеслась,
Какъ сонъ, весна; настала осень злая...
Мы въ ноябрѣ; не помню лишь числа я.

CXXII.

Отрадно созерцать блестящій рой
Далекихъ звѣздъ, внимая плеску моря,
Когда оно, сребримое луной,
Лѣниво катитъ волны, пѣснѣ вторя,
Что гондольеръ поетъ въ тиши ночной,
Забывъ тяжелый гнетъ тоски и горя.
Не мало навѣваетъ свѣтлыхъ думъ
И сладкій ропотъ волнъ, и листьевъ шумъ.

CXXIII.

Отрадно, возвращаясь издалеча,
Погладить пса, что стережетъ нашъ дворъ;
Отрадно, если въ мигъ желанной встрѣчи
Отъ радости сіяетъ милый взоръ;
Пріятны слуху ласковыя рѣчи,
Жужжанье пчелъ и птицъ веселый хоръ;
Невольно насъ приводитъ въ сладкій трепетъ
И нѣжный голосъ дѣвъ, и дѣтскій лепетъ.

CXXIV.

Какъ сладокъ винограда алый сокъ,
Когда сбираютъ гроздья! Наслажденье—
Забиться лѣтомъ въ мирный уголокъ
Отъ города вдали. Отрадно мщенье,
Особенно для женщины. Мѣшокъ
Съ червонцами приводитъ въ восхищенье
Скупца. Отецъ рожденью сына радъ,
Морякъ—добычѣ, плѣннику—солдатъ.

CXXV.

Пріятно, коль достанется наслѣдство
Отъ дяди или тетки, что давно
Отъ старости глубокой впали въ дѣтство,
Дыша на ладанъ. Тѣмъ милѣй оно,
Чѣмъ больше истощились наши средства,
Чѣмъ дольше ждать намъ было суждено
Желанныхъ благъ, долговъ надѣлавъ кучи...
Увы, какъ старики порой живучи!

CXXVI.

Стяжать отрадно кровью иль перомъ
Вѣнокъ лавровый; сладко помириться;
Порой пріятно ссориться съ глупцомъ;
Порой виномъ недурно насладиться;
Всегда отрадно выступить бойцомъ
За жертву, что не можетъ защититься;
Намъ школа дорога; ей, можетъ-быть,
Забыты мы, ее жъ нельзя забыть.

CXXVII.

Но замѣнить ничто не въ состояньи
Восторговъ, что даритъ намъ страсти пылъ;
Когда Адамъ, отвѣдавъ плодъ познаній,
Изъ свѣтлаго Эдема выгнанъ былъ,
Не могъ онъ проклинать своихъ страданій:
Узнавъ любовь, онъ новый рай открылъ.
Сравниться съ нею можетъ свѣтлый пламень,
Что Прометей вселилъ въ бездушный камень.

CXXVIII.

Престранное созданье человѣкъ!
Онъ гонится за тѣмъ, что только ново;
Открытьями богатъ нашъ жалкій вѣкъ,
Но лишь одинъ разсчетъ всему основой;
Обманъ дорогу правды пересѣкъ;
Нажива—вотъ магическое слово,
Которое съ любовью шепчетъ міръ,
Какъ встарь воздвигнувъ золоту кумиръ.

CXXIX.

Открытій цѣлый рядъ нашъ вѣкъ прославитъ;
Ихъ породили геній съ нищетой;
Одинъ носы искусственные ставитъ,
А гильотину выдумалъ другой;
Одинъ съ большимъ искусствомъ кости правитъ,
Другой ломаетъ ихъ—контрастъ смѣшной!
Болѣзнь, что насъ гнететъ, смѣняя новой,—
Мы прививаемъ оспу отъ коровы.

CXXX.

Картофель въ хлѣбъ мы стали превращать;
О гальванизмѣ цѣлые трактаты
Писали мы, но все жъ должны признать,
Что опытовъ ничтожны результаты.
Машинъ теперь такая благодать,
Что за труды бѣднякъ лишился платы.
Мы спасены отъ оспы, говорятъ,
Когда жъ ея исчезнетъ старшій братъ?

CXXXI.

Америка дала ему рожденье;
Когда же онъ воротится домой?
Тамъ сильно возрастаетъ населенье;
Пора бы моромъ, голодомъ, войной
И прочими дарами просвѣщенья
Его умѣрить ростъ. Вопросъ иной—
Что пораждаетъ больше злыхъ послѣдствій—
Заразы ядъ иль гнетъ тяжелыхъ бѣдствій.

CXXXII.

Порой изобрѣтенья намъ вредятъ;
Но все-жъ ихъ цѣль гуманна и прекрасна;
Полезенъ былъ бы Дэви аппаратъ *),
Да жаль, онъ слишкомъ сложенъ; не напрасно
Полярныхъ странъ мы изучали хладъ;
Намъ Тимбукту далекое подвластно;
Все это людямъ пользы принесло
Не меньше, чѣмъ рѣзня при Ватерло.

CXXXIII.

Феноменъ человѣкъ и жизнь загадка;
Мнѣ только жаль, что въ наслажденьи грѣхъ,
Когда, сознаюсь въ томъ, грѣшить такъ сладко!
Какъ ни живи—одинъ конецъ для всѣхъ:
Все смерть придетъ съ своей улыбкой гадкой;
Ее ни власть, ни деньги, ни успѣхъ
Прогнать не могутъ. Что-жъ затѣмъ? Не знаю.
Вы также? Такъ прощайте. Продолжаю.

CXXXIV.

Мы—въ ноябрѣ, когда ужъ неба сводъ
Утратилъ блескъ своей лазури нѣжной,
И горы, испытавъ ненастья гнетъ,
Свой синій плащъ смѣнили ризой снѣжной,—
Когда бушуетъ море и реветъ,
Стараясь поглотить утесъ прибрежный
Клокочущими волнами, и день
Часамъ къ пяти смѣняетъ ночи тѣнь.

---

*) Дэви — изобрѣтатель лампы, при помощи которой можно безопасно работать въ рудникахъ; но аппаратъ очень сложенъ.

CXXXV.

Царила ночь надъ спящею землею;
Луну скрывали тучи. Вкругъ огня,
Внимая вѣтра жалобному вою,
Сидѣла, грѣясь, не одна семья.
Камина сладкій свѣтъ! Какъ схожъ съ тобою
Волшебный блескъ безоблачнаго дня!
Въ вечерній часъ люблю я свѣтъ камина,
Веселый смѣхъ и пѣнистыя вина...

CXXXVI.

Насталъ полночный часъ. Отрадный сонъ,
Какъ надо думать, Джулія вкушала;
Въ глубокій мракъ давно былъ погруженъ
Ея альковъ. Она вдругъ услыхала
Такой ужасный шумъ, что мертвыхъ онъ
Поднять бы могъ. Служанка въ дверь стучала,
Испуганно крича: „стряслась бѣда!..
Сударыня, вашъ мужъ идетъ сюда!

CXXXVII.

Скорѣе отоприте, ради Бога!
Полгорода за нимъ стремится вслѣдъ;
Могу сказать: нежданная тревога...
Я стерегла, моей вины тутъ нѣтъ...
На лѣстницѣ они; еще немного—
И будутъ здѣсь; готовьтесь дать отвѣтъ;
Онъ, можетъ-быть, еще успѣетъ скрыться,
Прыгнувъ въ окно; да надо торопиться“...

CXXXVIII.

Дѣйствительно, съ толпой друзей и слугъ,
Въ рукахъ державшихъ факелы и свѣчи,
Ворвался въ домъ разгнѣванный супругъ;
Чтобъ зло карать, съ женой искалъ онъ встрѣчи;
Возможно-ль допустить, чтобъ даромъ съ рукъ
Женѣ сходилъ обманъ?—О томъ и рѣчи
Не можетъ быть. Одну не наказать,
Съ нея примѣръ другія будутъ брать.

CXXXIX.

Какимъ путемъ вселились подозрѣнья
Въ Альфонсо, не берусь я объяснить.
Но все-жъ его постыдно поведенье,—
Какъ можно въ спальню женину входить,
Безъ всякаго о томъ предупрежденья,
Съ толпой вооруженной! Грустно быть
Обманутымъ; но развѣ легче горе,
Когда трубишь о собственномъ позорѣ?

CXL.

Близъ Джуліи, что плакала навзрыдъ,
Ея служанка вѣрная стояла
И дѣлала такой неловкій видъ,
Какъ будто бы сейчасъ съ кровати встала;
Въ лицѣ ея читались гнѣвъ и стыдъ.
Я, право, не пойму, зачѣмъ желала
Доказывать собравшимся она,
Что донна почивала не одна...

CXLI.

Могло-ль казаться страннымъ, что съ служанкой
Она спала, боясь быть одной?
(Когда для мужа оргія—приманка,
Иной женѣ приходится порой
Такъ поступать. Конечно, перебранка
Ночного кутежа—исходъ прямой;
Но мужъ, щадя жены ревнивой нервы,
Ей говоритъ: „я ужинъ бросилъ первый!")

CXLII.

Атаку Донна Джулія сама
Вдругъ повела. „Глазамъ своимъ не вѣрю!
Вы вѣрно пьяны иль сошли съ ума!..
За что досталась я такому звѣрю?..
Милѣе смерть, отраднѣе тюрьма,
Чѣмъ съ вами жизнь. Кто тамъ стоитъ за дверью?
Я подозрѣнья ввѣкъ вамъ не прощу...
Ищите же!" Онъ молвилъ: „Поищу!"

CXLIII.

И вотъ онъ сталъ пытливо шарить всюду;
Искали и они по всѣмъ угламъ;
Все перерыли: платья и посуду,
Искали по комодамъ и шкафамъ—
И что-жъ нашли?—бѣлья и кружевъ груду
И пропасть тѣхъ вещей, что красятъ дамъ:
Гребенокъ, щетокъ, склянокъ, притираній,
Но все успѣхъ ихъ не вѣнчалъ стараній.

CXLIV.

Иные заглянули подъ постель,
Но тамъ нашли не то, чего желали;
Ломали все, чтобъ видѣть, нѣтъ ли гдѣ-ль
Слѣдовъ близъ дома, ставни отворяли;
Но все—увы!—не достигалась цѣль.
Ихъ лица выражать смущенье стали...
Какъ странны иногда дѣла людей:
Искали подъ постелью, а не въ ней!

CXLV.

Ихъ въ это время Джулія язвила.
„Ищите же!—кричала имъ она.—
Лишь въ гнусныхъ оскорбленьяхъ ваша сила:
Должно-быть, я за то посрамлена,
Что тяжкій крестъ безропотно носила;
Но чашу мукъ я выпила до дна,—
И бѣдной жертвы скоро стихнутъ стоны,
Когда у насъ есть судьи и законы!

CXLVI.

Быть вашею женою за позоръ,
Считаю я. Вамъ безразлично это,—
Вы мужъ лишь по названью. Дѣлать вздоръ,—
Скажите—не постыдно-ль въ ваши лѣта?
Конечно, дряхлость старцу не укоръ,
Но можно-ль стать посмѣшищемъ для свѣта!...
Какъ смѣете, тиранъ, наглецъ, злодѣй,
Вы сомнѣваться въ вѣрности моей!

CXLVII.

Глухого старика, грѣховъ не зная,
Я избрала себѣ духовникомъ;
Его терпѣть не стала бы другая...
Такъ непорочна я, что онъ съ трудомъ
Въ мое замужство вѣритъ. Жизнь такая
Несносна мнѣ; пойду инымъ путемъ,—
Прошла пора терпѣнья и уступокъ...
Возможно-ль вамъ простить такой поступокъ

CXLVIII.

Что-жъ, кромѣ зрѣлищъ, баловъ и церквей,
Ставъ чуть ли не затворницей въ Севильѣ,
Я видѣла? Кто изъ моихъ друзей
Играетъ роль кортехо *)? Всѣ усилья,
Чтобы смутить покой души моей,
Плодовъ не принесли. За что-жъ насилье?
Самъ графъ О'Рельи, храбрый генералъ,
Что взялъ Алжиръ, моею жертвой сталъ.

CXLIX.

Шесть мѣсяцевъ вздыхалъ пѣвецъ Каццани
У ногъ моихъ. „Изъ всѣхъ испанскихъ дамъ
Лишь непорочны вы", графъ Корніани
Такъ говорилъ.—За что же этотъ срамъ?
Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій;
Осталась я глуха къ его мольбамъ.
Ирландскій пэръ, что былъ отвергнутъ мною,
Себя убилъ... (Онъ умеръ отъ запою).

---

*) Испанскій кортехо—то же самое, что итальянскій cavaliere servente.

CL.

Двухъ грандовъ я совсѣмъ лишила сна;
Епископовъ сводить съ ума умѣла...
За что же безупречная жена
Должна страдать? Я утверждаю смѣло,
Что вы—лунатикъ. Я удивлена,
Что кулаковъ вы не пустили въ дѣло...
Какъ жалки вы съ оружіемъ въ рукахъ!
Вы смѣхъ лишь возбуждаете, не страхъ.

CLI.

Внимая наущеньямъ прокурора,
Въ далекій путь какъ будто снарядясь,
Вы скрылись, говоря: „вернусь не скоро"...
Онъ отъ стыда поднять не можетъ глазъ!
Обоимъ вамъ не смыть съ себя позора.
Но прокуроръ еще подлѣе васъ:
Не вашу честь онъ охранялъ ревниво,—
Нѣтъ, цѣль его была одна нажива.

CLII.

Когда онъ хочетъ здѣсь составить актъ,
Пусть пишетъ: вотъ чернила и бумага;
Признать ему придется грустный фактъ,
Что безъ причинъ вся эта передряга...
Коль вами не совсѣмъ утраченъ тактъ,
Пусть удалится сыщиковъ ватага,
Чтобъ дать одѣться горничной моей,
Что плачетъ оттого, что стыдно ей.

CLIII.

Ищите и въ передней, и въ уборной!
Прошу, переверните все вверхъ дномъ!
Тамъ—дверь чулана; здѣсь—каминъ просторный:
Какъ знать, быть-можетъ спрятался онъ въ немъ.
Но не шумѣть, я васъ прошу покорно,—
Я спать хочу... Все спитъ еще кругомъ.
Умѣрьте пылъ до отысканья клада;
Его сама я буду видѣть рада.

CLIV.

За что такъ поступаете со мной?
Вашъ образъ дѣйствій просто непонятенъ.
О, храбрый витязь! кто жъ любовникъ мой?...
Надѣюсь, онъ уменъ и родомъ знатенъ?
Какъ звать его? Красивъ ли онъ собой?
Онъ вѣрно въ цвѣтѣ лѣтъ, высокъ и статенъ?
Коль запятнать мою рѣшились честь,
На то у васъ причины вѣрно есть.

CLV.

Я думаю, онъ все же васъ моложе;
А если онъ шестидесяти лѣтъ,—
Вамъ, рыцарю, губить его за что же?
И ревновать причины даже нѣтъ.
(Воды, воды скорѣй!) Какъ горько, Боже,
Что скрыть нельзя рыданій грустный слѣдъ!
О, мать моя! могло ль тебѣ присниться,
Что съ извергомъ я буду вѣкъ томиться!...

CLVI.

Къ Антоніи, прислужницѣ моей,
Быть-можетъ ваша ревность ужъ готова
Придраться? Мы вѣдь спали вмѣстѣ съ ней;
Въ томъ, кажется, нѣтъ ничего дурного.
Я васъ прошу: стучитесь у дверей,
Когда ворваться вздумаете снова,
Чтобъ время дать, приличія любя,
Намъ что-нибудь накинуть на себя!

CLVII.

Я кончила. Душевная тревога
Мѣшаетъ мнѣ всѣ счеты съ вами свесть;
Но ясно вамъ, какъ сердце можетъ много
Безропотно страданій перенесть...
Предъ совѣстью своей отвѣтить строго
Придется вамъ. Ея ужасна месть...
Мнѣ васъ не жаль,—томитесь и страдайте!
(Антонія, платокъ скорѣй подайте!)"

CLVIII.

Она въ подушки бросилась; сквозь слезъ
Ея сверкали очи. Такъ порою
Дождь падаетъ при блескѣ вешнихъ грозъ.
Невольно поражая бѣлизною,
Изъ-подъ ея распущенныхъ волосъ
Сквозили плечи. Черною косою
Ихъ оттѣнялся блескъ еще сильнѣй.
Волненье говорить мѣшало ей.

CLIX.

Альфонсо былъ въ смущеніи. Сердито
Антонія шагала, гнѣвный взглядъ
На барина, съ опѣшенною свитой,
Бросая. Кто же былъ скандалу радъ?
Лишь прокуроръ, съ улыбкой ядовитой,
Не унывалъ: кто правъ, кто виноватъ—
Былъ для него вопросъ совсѣмъ неважный,—
Лишь о наживѣ думалъ плутъ продажный.

CLX.

Онъ зорко за Антоніей слѣдилъ,
Поднявши носъ и щуря глазъ лукаво;
Онъ счастье лишь въ процессахъ находилъ,
Не дорожа ничьею доброй славой;
Ни красоту, ни юность не цѣнилъ,
И по его понятьямъ были правы
Лишь тѣ, что ублажить сумѣли судъ,
Хотя бъ и ложь, и подкупъ были тутъ.

CLXI.

Злосчастный мужъ стоялъ совсѣмъ сконфуженъ
И былъ, конечно, жалокъ и смѣшонъ:
Фактъ преступленья не былъ обнаруженъ;
На сторонѣ жены стоялъ законъ;
Невинностью ея обезоруженъ,
Въ своей винѣ раскаивался онъ...
Растерянъ и въ смущеніи глубокомъ,
Безмолвно онъ внималъ ея упрекамъ.

CLXII.

Онъ началъ извиняться передъ ней,
Но отъ нея напрасно ждалъ отвѣта,—
Лишь плакала она. Порой мужей
Такимъ путемъ сживаютъ жены съ свѣта;
Онъ Іова жену сравнилъ съ своей:
Не хуже той язвить умѣла эта.
„Мнѣ будетъ мстить вся женина родня“,
Подумалъ онъ, поступокъ свой кляня.

CLXIII.

Пробормотать онъ словъ успѣлъ немного;
Антонія его прервала рѣчь,
Сказавъ: „скорѣй уйдите, ради Бога,
А то синьорѣ въ гробъ придется лечь!“
Она притомъ на всѣхъ взглянула строго.
Альфонсо, что хотѣлъ скандалъ пресѣчь
И мало пользы ждалъ отъ разговора,—
Ругнувъ жену, изъ спальни вышелъ скоро.

CLXIV.

За нимъ ушелъ и сонмъ его гостей,
Довольный тѣмъ, что кончилъ перебранку;
Лишь прокуроръ толкался у дверей;
Онъ думалъ, какъ бы дѣло наизнанку
Перевернуть ехидностью своей;
Его нахальство взорвало служанку,—
Она сутягу вытолкала вонъ,
Въ его лицѣ обидѣвши законъ.

CLXV.

О, грѣхъ и срамъ! Лишь всѣ исчезли... Что же?
Какъ тяжело мнѣ продолжать романъ!
Иль слѣпъ весь міръ и небо слѣпо тоже,
Что можетъ правды видъ принять обманъ?
Для женщины вѣдь честь всего дороже.
Я продолжаю нехотя. Жуанъ,
Лишь только двери заперетъ успѣли,
Почти лишенный чувствъ, вскочилъ съ постели.

CLXVI.

Онъ спрятанъ былъ; но это—тщетный трудъ
Вамъ объяснять, какъ онъ отъ взоровъ скрылся;
Жуанъ былъ очень молодъ, гибокъ, худъ
И въ уголку постели пріютился;
Задохнуться легко онъ могъ бы тутъ;
Но еслибъ онъ и умеръ, я бъ стыдился
Его жалѣть: такъ слаще кончить путь,
Чѣмъ въ бочкѣ, словно Клеренсъ, утонуть.

CLXVII.

Жалѣть его не сталъ бы я, конечно,
И потому, что былъ преступенъ онъ.
Прелюбодѣйство осуждаютъ вѣчно
И нравственность, и церковь, и законъ.
Въ года любви относятся безпечно
Къ такимъ грѣхамъ,—вѣдь бѣсъ тогда силенъ,—
Но въ старости, когда разсчетовъ время,
Какъ тяжело грѣховъ прошедшихъ бремя!

CLXVIII.

Изъ Библіи сравненіе я дамъ,
Что можетъ пояснить его мытарство:
Когда Давидъ изнемогалъ, врачамъ
Пришло на умъ престранное лѣкарство:
Они ему послали, какъ бальзамъ,
Красавицу, и ожилъ онъ для царства;
Но иначе пріемъ былъ вѣрно данъ:
Хоть царь воскресъ, чуть не погибъ Жуанъ.

CLXIX.

Альфонсо возвратиться долженъ снова;
Ему гостей не долго проводить;
Бѣда опять обрушиться готова;
Что дѣлать, чтобъ опасность отвратить?
Ужъ близокъ день, а можно ль безъ покрова
Глубокой тьмы успѣшно тайну скрыть?
Антонія въ смущеніи молчала,
А Джулія Жуана обнимала.

CLXX.

Онъ волосы ей гладилъ. Ихъ уста
Сливались въ сладострастное лобзанье;
Въ тотъ сладкій мигъ влюбленная чета
Забыла и опасность, и страданья.
Но время уносилось, какъ мечта...
Антонія пришла въ негодованье:
„Намъ не до шутокъ!—молвила она.—
Я, сударь, въ шкапъ васъ запереть должна.

CLXXI.

Бѣда еще виситъ надъ головою,
А вамъ на умъ идетъ одна любовь;
До смѣха ли? Какъ справитесь съ грозою,
Коль баринъ встрѣтитъ васъ, являясь вновь?
Все это пахнетъ шуткою плохою:
Того и жди, что будетъ литься кровь,—
Онъ васъ убьетъ, я мѣсто потеряю,
А барыня спасется ли—не знаю.

CLXXII.

Сударыня, я, право, вамъ дивлюсь!
(Прошу идти скорѣй!) Соблазна много
Въ мужчинѣ зрѣлыхъ лѣтъ, но что за вкусъ
Къ смазливому ребенку! (Ради Бога
Проворнѣе влѣзайте!) Я боюсь,
Что баринъ насъ накроетъ. Вотъ тревога!
(До утра потерпите какъ-нибудь,
А тамъ... Да вы не вздумайте заснуть!)"

CLXXIII.

Тутъ Донъ Альфонсо прервалъ назиданья
Антоніи, войдя на этотъ разъ
Совсѣмъ одинъ. Онъ распустилъ собранье
И ей велѣлъ, немедля, скрыться съ глазъ...
Могли ль теперь помочь ея старанья?
Какъ не исполнить данный ей приказъ?
И вотъ, взглянувъ на барина нахально,
Она, задувъ свѣчу, ушла изъ спальной.

CLXXIV.

Онъ помолчалъ немного и потомъ
Пустился въ извиненья: онъ сознался,
Что предъ женою виноватъ кругомъ
И что совсѣмъ онъ въ дуракахъ остался,
Сказавъ, что клевета виновна въ томъ;
Но до причинъ поступка не касался,
И рѣчь его, пустой и жалкій вздоръ,
Была лишь фразъ безсмысленный подборъ.

CLXXV.

Жена молчитъ, хотя отвѣтить ловко
Она могла бъ и мужа осадить.
(У женщинъ есть особая сноровка,
Чтобъ изъ воды сухими выходить.
Надъ мужемъ верхъ всегда беретъ плутовка,—
Ей развѣ трудно въ ходъ и ложь пустить?
За связь одну жена упреки ль слышитъ—
Ихъ мужу три она сейчасъ припишетъ.)

CLXXVI.

Дѣйствительно, она бъ легко могла
Супруга пристыдить преступной связью
Съ Инессою,—вѣдь эта связь была
Извѣстна всѣмъ; смѣшать Альфонсо съ грязью
Ей, можетъ-быть, стыдливость не дала...
(Но впрочемъ нѣтъ,—пропуститъ ли оказію
Жена язвить супруга!) Можетъ-быть,
Хотѣлось ей для сына мать щадить.

CLXXVII.

Еще могла другая быть причина:
Изъ ревности Альфонсо поднялъ шумъ,
Но никого онъ, съ хитростью змѣиной,
Не назвалъ; можетъ-быть, и наобумъ
Онъ дѣйствовалъ; отъ матери до сына
Дойти легко (хитеръ ревнивый умъ!);
А потому, чтобъ имя скрыть счастливца,
Она безмолвно слушала ревнивца.

CLXXVIII.

Намекъ одинъ, и обнаруженъ фактъ,
Что надо скрыть; въ минуту затрудненья
Почти всегда спасаетъ женщинъ тактъ.
(Для рифмы только это выраженье
Я въ ходъ пускаю). Съ правдою контрактъ
Зачѣмъ имъ заключать? Воображенье
Имъ замѣняетъ истину собой;
Къ тому жъ онѣ такъ мило лгутъ порой.

CLXXIX.

Мы вѣримъ имъ, когда стыдливой краски
На ихъ ланитахъ виденъ легкій слѣдъ.
Къ чему борьба? Слезой заблещутъ глазки,
И для борьбы у насъ ужъ силы нѣтъ.
Сознаюсь въ томъ, неотразимы ласки,—
Къ чему же споръ? У дамъ всегда отвѣтъ
На все готовъ; имъ здравый смыслъ не нуженъ:
Признай ихъ власть, затѣмъ... садись за ужинъ.

CLXXX.

Прощенья мужъ просилъ. Жена нашла,
Что лучше миръ, и, тайный гнѣвъ скрывая,
Окончить брань согласіе дала.
Но на него эпитимья большая
Супругою наложена была:
Съ нимъ сходенъ былъ Адамъ, лишенный рая.
Онъ не жалѣлъ ни просьбъ, ни нѣжныхъ словъ—
Вдругъ... наступилъ на пару башмаковъ.

CLXXXI.

Что жъ въ башмакахъ? Какое въ нихъ значенье?
Онъ вѣрно ничего бы не сказалъ,
Да въ немъ проснулись страшныя сомнѣнья:
Мужскіе башмаки онъ въ нихъ призналъ.
(Я чуть дышу отъ страха и волненья!)
Ихъ въ бѣшенствѣ Альфонсо въ руки взялъ
И, убѣдившись въ вѣрности догадки,
За шпагою помчался безъ оглядки.

CLXXXII.

Къ Жуану въ страхѣ бросилась она,
Шепнувъ ему: „скорѣй спасаться надо!
Отъ дома дверь едва притворена.
По лѣстницѣ спустись. Вотъ ключъ отъ сада.
Ты проскользнуть успѣешь. Ночь темна;
Прохожихъ нѣтъ; все тихо за оградой;
Ты скроешься во тьмѣ. Бѣги, бѣги!—
Я слышу мужа гнѣвнаго шаги!“

CLXXXIII.

Совѣтъ недуренъ былъ, все вѣрно это,
Да слишкомъ поздно былъ онъ принесенъ.
(Такъ опытность дается намъ въ тѣ лѣта,
Когда ужъ насъ не тѣшитъ счастья сонъ).
Еще прыжокъ—и возлѣ кабинета
Жуанъ спастись бы могъ. Къ несчастью, онъ
Столкнулся, впопыхахъ, съ Альфонсо ярымъ
И съ ногъ его свалилъ однимъ ударомъ.

CLXXXIV.

Потухла принесенная свѣча.
Антонія и Джулія въ испугѣ
По комнатѣ забѣгали, крича;
Но, какъ на грѣхъ, не появлялись слуги.
Отъ бѣшенства, какъ дикій звѣрь, рыча,
Альфонсо жаждалъ мщенья; отъ натуги
И отъ борьбы Жуанъ разсвирѣпѣлъ,
Быть жертвою онъ вовсе не хотѣлъ.

CLXXXV.

Альфонсо совершенно растерялся;
Упавъ, онъ шпагу выронилъ изъ рукъ
И только кулаками защищался.
Когда бы на нее наткнулся вдругъ
Жуанъ,—въ живыхъ не долго бы остался
Злосчастный и озлобленный супругъ...
О, женщины! какъ часто ваша страстность
Влюбленнымъ въ васъ сулитъ одну опасность!..

CLXXXVI.

Жуанъ, чтобы скорѣе кончить бой,
Схватилъ врага въ желѣзныя объятья...
У донъ-Альфонсо изъ носу струей
Кровь брызнула отъ этого пожатья;
Ударомъ довершилъ онъ подвигъ свой
И вырвался на волю, бросивъ платья,
Какъ нѣкогда Іосифъ. Сходство съ нимъ
Лишь этимъ выражается однимъ.

CLXXXVII.

Вотъ слуги освѣтили мѣсто схватки...
Безъ чувствъ лежала Джулія блѣдна,
Какъ смерть сама; Антонія въ припадкѣ;
Альфонсо, весь избитый, у окна
Стоялъ дрожа. Лохмотья въ безпорядкѣ
Вездѣ валялись; кровь была видна...
Тѣмъ временемъ Жуанъ, калитку сада
Толкнувъ проворно, скрылся за оградой.

CLXXXVIII.

Я кончилъ пѣснь. Зачѣмъ вамъ объяснять,
Въ какомъ ужасномъ видѣ, скрытый тьмою,
Что всякій грѣхъ готова поощрять,
Жуанъ пришелъ домой? Отъ васъ не скрою,
Что вся Севилья стала толковать
Объ этомъ происшествіи. Съ женою
Супругъ рѣшилъ покончить чрезъ разводъ,
И вотъ процессъ пустилъ Альфонсо въ ходъ.

CLXXXIX.

Имъ занялась вся англiйская пресса;
Во всѣхъ газетахъ можете прочесть
Подробности скабрезнаго процесса;
На этотъ счетъ редакцiй много есть,
Что, безъ сомнѣнья, полны интереса,
Хоть всѣхъ ихъ разнорѣчiй и не счесть;
Однако жъ лучше всѣхъ отчетъ Гернея *),
Что ѣздилъ въ судъ, чтобъ все узнать вѣрнѣе.

CXC.

Инесса, чтобы Божiй гнѣвъ отвлечь
Отъ сына за скандалъ, имъ учиненный,
Дала обѣтъ (Обѣтомъ пренебречь
Она была не въ силахъ!) предъ Мадонной—
Во всѣхъ церквахъ поставить массы свѣчъ.
Затѣмъ, чтобъ шумъ, процессомъ возбужденный,
Немного стихъ и сыну дать вздохнуть,
Отправила его въ далекiй путь.

CXCI.

Чтобы Жуанъ свои исправилъ нравы,
Онъ посланъ былъ въ далекiе края,
Въ надеждѣ той, что новыя забавы,
Его душѣ невинной миръ даря,
Убьютъ въ немъ страсти жгучiя отравы.
А Джулiя въ стѣнахъ монастыря
Влачила вѣкъ унылый. Вотъ посланье,
Что выяснитъ вполнѣ ея страданья:

---

*) Гёрней—извѣстный парламентскiй стенографъ той эпохи.

CXCII.

„Вы ѣдете; такъ надо, можетъ-быть...
Я жертвой остаюсь; но сердца муку
Я не хочу, не въ силахъ даже скрыть;
Свои права теряю я съ разлукой;
Возможно ли сильнѣй меня любить?
Волненье въ дрожь мою приводитъ руку.
Но не ищите слезъ унылый слѣдъ:
Мои глаза горятъ, но слезъ въ нихъ нѣтъ.

CXCIII.

Все въ жертву принесла я; васъ любила,
Люблю еще,—чиста любовь моя;
Какъ свѣтлый сонъ, прошедшее мнѣ мило;
Мнѣ жертвъ не жаль; пусть свѣтъ клеймитъ меня:
Свою вину давно я осудила
И, каясь, не оправдываюсь я.
Не ждите просьбъ; зачѣмъ теперь упреки?
Но я томлюсь, и льются эти строки.

CXCIV.

Вся наша жизнь любви посвящена;
Она жъ для васъ минутная забава
Минутной вспышки. Ваша жизнь полна
Заботъ, тревогъ; вы гонитесь за славой,
Вы ищете борьбы; не зная сна,
Порою честолюбія отравы
Вкушаете; а намъ дана лишь страсть,—
Надъ женщиной ея всесильна власть.

CXCV.

Еще не разъ любви взаимной сладость
И нѣжность ласкъ придется вамъ вкусить,
Со мной же на землѣ простилась радость;
Страдать могу, но не могу забыть.
Въ слезахъ, въ тоскѣ моя увянетъ младость.
Прощайте же! Напрасно, можетъ-быть,
Но васъ прошу любить меня, какъ прежде;
Пусть давитъ скорбь—все мѣсто есть надеждѣ.

CXCVI.

Я не имѣла, не имѣю силъ
Бороться съ сердцемъ. Да, борьба напрасна,—
Могу ль умѣрить я душевный пылъ?
Дыханью бурь теченье волнъ подвластно;
Моей душѣ одинъ лишь образъ милъ,
Къ одной мечтѣ я рвуся думой страстной.
Такъ пунктъ одинъ, все къ сѣверу стремясь,
Указываетъ стрѣлкою компасъ.

CXCVII.

Все сказано, а кончить жаль посланье.
Я вся горю; дрожитъ моя рука;
Разбита грудь; въ душѣ одно страданье;
Не убиваетъ горькая тоска,
Коль пережить минуту разставанья
Могла я. Смерть глуха къ мольбамъ. Пока
Въ груди моей все сердце будетъ биться,
Я буду, васъ любя, за васъ молиться!“

CXCVIII.

Короною украшенный листокъ,
Съ обрѣзомъ золотымъ, она избрала
Для начертанья этихъ нѣжныхъ строкъ;
Печатая письмо, она сдержала
Горючихъ слезъ нахлынувшій потокъ.
Красивая печать изображала
На сургучѣ геліотропъ въ цвѣту
Съ такимъ девизомъ: „Elle vous suit partout“.

CXCIX.

Вотъ первое Жуана приключенье,
Читатели! Теперь покину васъ.
Когда услышу ваше одобренье,
Современемъ продолжу свой разсказъ.
(Увы! толпы непостоянно мнѣнье,—
Она капризна; ладить съ ней подчасъ
Не легкій трудъ.) Коль вы довольны мною,
Опять вернусь я къ своему герою.

CC.

Я написать хочу двѣнадцать книгъ;
Моя поэма будетъ эпопея.
Не мало опишу въ стихахъ моихъ
Картинъ и сценъ; предъ властью не робѣя,
И королей не пощадитъ мой стихъ.
Беря во всемъ примѣръ съ пѣвца Энея,
Геенну воспою. Свой трудъ назвавъ
Эпическимъ, какъ видите, я правъ.

CCI.

Все изложу я съ соблюденьемъ правилъ,
Что Аристотель издалъ какъ законъ.
Онъ на ноги поэтовъ часто ставилъ,
Но и глупцовъ не мало создалъ онъ.
Иныхъ поэтовъ бѣлый стихъ прославилъ,
А я въ куплеты съ риѳмами влюбленъ.
Не въ инструментѣ, а въ артистѣ дѣло.
Мой планъ готовъ,—за трудъ примуся смѣло.

CCII.

Есть разница, однако, между мной
И бардами эпическихъ твореній:
Я не пойду избитою тропой,
И въ этомъ я достоинъ предпочтенья.
Но не одною этою чертой
Надѣюсь заслужить я одобренье:
Разсказъ ихъ лживъ съ начала до конца;
Не лучше ль трудъ правдиваго пѣвца?

CCIII.

Что я правдивъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ;
Грѣшно меня въ неправдѣ укорять;
Не вѣрите—къ журналамъ и газетамъ
Вы обратитесь: имъ нельзя солгать.
Не разъ и музыкантамъ, и поэтамъ
Жуана приходилось воспѣвать;
И вся Севилья видѣла со мною,
Какъ онъ погибъ, похищенъ сатаною.

CCIV.

Когда бъ разстался съ музой я своей
И къ прозѣ обратился, я бъ оставилъ
Для назиданья рядъ заповѣдей,
Которыми себя бы я прославилъ,
Всѣхъ изумилъ бы смѣлостью идей.
Благодаря собранью этихъ правилъ,
Поэтамъ я открылъ бы новый путь,—
Совсѣмъ хоть Аристотеля забудь!

CCV.

Вѣрь въ Мильтона и Попе! Безъ вниманья
Вордсворта, Соути, Кольриджа оставь!
Читать ихъ вирши--просто наказанье;
Господь тебя отъ этого избавь...
Бороться съ Краббомъ—тщетное старанье;
Чти Роджерса, а Кемпбеля не славь;
Хоть Мура сладострастьемъ дышетъ муза,
Съ ней не ищи грѣховнаго союза.

CCVI.

Съ поэтомъ Сотби сходства не ищи;
Изъ зависти не говори, что гадки
Его стихи; смотри, не клевещи!
(Есть дамы, что на это очень падки.)
Пиши, какъ я велю, и не взыщи,
Коль на тебя посыплются нападки
За то, что не согласенъ ты со мной;
Смирись иль гнѣвъ ты испытаешь мой!

CCVII.

Не думайте, что правиламъ морали
Я чуждъ. Покуда не задѣлъ я васъ,
Не поднимайте шума. Если бъ стали
Поэму, безпристрастія держась,
Разсматривать,—такой упрекъ едва ли
Я бъ заслужилъ. Порой игривъ разсказъ,
Но все же я моралью строгой связанъ,
И будетъ грѣхъ въ концѣ труда наказанъ.

CCVIII.

Найдетъ ли кто, меня не ставя въ грошъ,
Впадая непонятно въ заблужденье,
Что планъ моей поэмы нехорошъ
И что мое безнравственно творенье,—
Духовному скажу я: это—ложь;
Но если одного съ нимъ будетъ мнѣнья
Иль храбрый воинъ, или критикъ злой,—
Скажу, что взглядъ ошибоченъ такой.

CCIX.

Нельзя не похвалить мои октавы,—
Въ нихъ цѣлый ворохъ нравственныхъ идей;
Учу шутя, мораль смѣшавъ съ забавой.
(Кладутъ въ лѣкарства сахаръ для дѣтей.)
Гоняся за эпическою славой,
Журналу „Brittisch“ бабушки моей
Я взятку далъ, чтобъ заслужить хваленья
И тѣхъ, что вѣрятъ лишь въ чужія мнѣнья.

CCX.

Издателю пришлось мнѣ заплатить
Не мало. Мнѣ, любезно отвѣчая,
Онъ обѣщалъ стихи мои хвалить.
Не удивитъ угодливость такая...
А если станетъ онъ меня бранить,
Потоки меда желчью замѣняя,
И поднесетъ мнѣ грозный приговоръ,—
Скажу ему, что онъ—презрѣнный воръ.

CCXI.

Благодаря „священному союзу",
Что заключилъ я, не боюся бѣдъ
И за свою не опасаюсь музу.
Мнѣ до другихъ изданій дѣла нѣтъ.
Я на себя не принималъ обузу—
Протекцію искать другихъ газетъ;
Къ тому жъ отъ нихъ напрасно ждать пощады,
Лишь только ихъ не раздѣляешь взгляды.

CCXII.

Я повторять съ Гораціемъ готовъ:
Non ego hoc ferrem Calida juventa
Consule Planco. Приведенныхъ словъ
Вотъ смыслъ: когда путь жизненный, какъ лента,
Передо мной лежалъ и свѣтлыхъ сновъ
Я видѣлъ рой; когда струилась Брента [1])
Далеко отъ меня,—и бодръ, и смѣлъ,
Всѣ отражать удары я умѣлъ.

---

[1]) Покинувъ Англію, Байронъ одно время жилъ на берегу Бренты.

CCXIII.

Теперь простилась молодость со мною;
Мнѣ тридцать лѣтъ, а я и сѣдъ, и хилъ.
Я прожилъ еще раннею весною
Все лѣто дней моихъ. Во мнѣ остылъ
Душевный жаръ; я сознаю съ тоскою,
Что для борьбы ужъ не имѣю силъ;
Всѣ блага расточивъ съ безумствомъ мота,
Теперь дошелъ я съ жизнью до разсчета.

CCXIV.

Больное сердце вновь не оживетъ,—
Оно тоской глубокою объято;
Безъ свѣтлыхъ грезъ тяжеле жизни гнетъ,
Надежда улетѣла безъ возврата;
Съ цвѣтовъ и я сбиралъ, какъ пчелы, медъ.
Ужель въ цвѣтахъ нѣтъ больше аромата?
О, нѣтъ, все свѣжъ и все душистъ цвѣтокъ,
Но для другихъ хранитъ свой сладкій сокъ.

CCXV.

Я только сердцемъ жилъ, но безъ пощады
Его разбила жизнь. Прости любовь!
За муки отъ судьбы не жду награды.
Былые сны мнѣ не волнуютъ кровь.
Источникомъ проклятій и отрады,
О, сердце! для меня не будешь вновь.
Мнѣ опытность собою замѣнила
Рой свѣтлыхъ грезъ, но жизнь мнѣ отравила:

CCXVI.

Прошла моя цвѣтущая весна:
Ни женщины, ни дѣвушки, ни вдовы [5])
Не могутъ моего тревожить сна;
Не для меня святой любви оковы...
Я не могу, какъ прежде, пить вина
И долженъ обратиться къ жизни новой...
Чтобъ какъ-нибудь еще грѣшить я могъ,
Не выбрать ли мнѣ скупость, какъ порокъ?

CCXVII.

До дна испилъ я чашу наслажденья,
И что жъ?—меня не манитъ жизни пиръ;
Въ душѣ однѣ тревоги и сомнѣнья;
Я говорю, какъ Бэкона кумиръ:
„Неудержимо времени теченье".
Я молодость сгубилъ и сердца миръ,—
Ихъ воскресить я не имѣю власти!
Мой умъ сгубили риѳмы, сердце—страсти.

CCXVIII.

Что слава?—жалкій звукъ, пустой обманъ.
Она сходна съ высокою горою:
Гора крута, а на верху туманъ.
Хоть часто смерть она несетъ со собою,
Не мало причиняя жгучихъ ранъ,—
За нею люди гонятся толпою...
Что жъ остается?—жалкій шумъ газетъ,
Негодный бюстъ или плохой портретъ.

---

[1]) Me nec femina, nec puer
Jam, nec spes animi credula mutui,
Nec certare juvat mero
Nec vincire novis tembora fioribus. *Hor.*

CCXIX.

Когда жъ въ обманъ надежды не вводили?
Хеопсъ, гордяся славою своей,
Чтобъ царскій прахъ столѣтья пощадили,
Воздвигнулъ пирамиду—мавзолей.
Когда вошли въ гробницу, даже пыли
Отъ муміи не сохранилось въ ней.
Возможно ль намъ укрыться отъ забвенья,
Когда и самъ Хеопсъ сталъ жертвой тлѣнья?

CCXX.

Философа я все твержу слова:
„Гдѣ жизнь цвѣтетъ, тамъ для нея оковы
Готовить смерть. Мы, смертные, трава,
Что въ сѣно превращаетъ рокъ суровый.
Хотя бъ могла явиться юность снова,
Все не утратитъ смерть свои права.
Будь благодаренъ, что не прожилъ хуже,
Молись, а свой карманъ держи потуже“.

CCXXI.

Милѣйшій покупщикъ моихъ стиховъ,
Почтенный мой читатель, на прощанье
Тебѣ я руку жму безъ лишнихъ словъ!
Коль мы поймемъ другъ друга—до свиданья;
А если нѣтъ, поэму я готовъ
Не дописать. Достоинъ подражанья
Такой примѣръ; но, къ горю твоему,
Не многіе послѣдуютъ ему.

CCXXII.

„Лети, мой трудъ! Подъ свѣтлою звѣздою
Ты родился и принесешь мнѣ честь;
Не скоро свѣтъ разстанется съ тобою!“
Коль Вордсвортъ сталъ понятенъ, если есть
Читатели у Соути,—съ похвалою
Свои стихи могу я перечесть...
Стихи въ ковычкахъ Соути: это знайте,—
Съ моими ихъ, прошу васъ, не смѣшайте.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

О вы, всѣхъ странъ извѣстныхъ педагоги!
Учениковъ не забывайте сѣчь,
Ихъ кожи не жалѣя; будьте строги!
Вѣдь боль отъ зла ихъ можетъ уберечь.
О томъ, какъ Донъ-Жуанъ съ прямой дороги
Оригинально сбился, велъ я рѣчь;
А лучшая изъ матерей не мало
О воспитаньи сына хлопотала.

II.

Будь въ школу, въ третій иль четвертый классъ
Онъ помѣщенъ, — серьезныя занятья
Его бы удержали отъ проказъ.
Такъ было бы на сѣверѣ; изъятье,
Быть можетъ, въ этомъ случаѣ какъ разъ
Испанія; все жъ не могу понять я,
Какъ юноша-шалунъ въ шестнадцать лѣтъ
Могъ натворить нежданно столько бѣдъ!

III.

Но головы ломать не надо много,
Чтобъ стало ясно все: Жуана мать
Умомъ стремилась въ даль, а педагога,
Что былъ при немъ, не грѣхъ осломъ назвать;
Къ тому жъ красотка встрѣтилась дорогой;
(Безъ этого скандалу бъ не бывать!)
Помогъ и старый мужъ, съ женой пригожей
Не ладившій; помогъ и случай тоже.

IV.

Что жъ дѣлать! міръ вкругъ оси осужденъ
Вращаться. Съ нимъ и мы всегда въ движеньи;
Среди заботъ проходитъ жизнь, какъ сонъ;
Соображаясь съ силою волненья,
Мы паруса мѣняемъ; чтимъ законъ;
Насъ мучитъ врачъ; святыя наставленья
Даетъ намъ попъ; любовь, вино, борьба,
Порой успѣхъ—вотъ смертнаго судьба.

V.

Жуанъ былъ посланъ въ Кàдиксъ. (Добрымъ словомъ
Его всегда я помянуть готовъ!)
Въ былые дни онъ центромъ былъ торговымъ,
Покамѣстъ Перу не порвалъ оковъ.
Красавицъ цѣлый рой живетъ подъ кровомъ
Его жилищъ. Не нахожу я словъ,
Чтобъ о походкѣ дамъ вамъ дать понятья—
Подобье ей не въ силахъ и прибрать я.

VI.

Арабскій конь, воздушная газель,
Лѣсной олень...—Какое изобилье
Сравненій! все жъ не попадаю въ цѣль.
Упомяну ль о юбкѣ и мантильѣ?
Остановиться тутъ не лучше мнѣ ль,
Не то всю пѣснь, безъ всякаго усилья,
Имъ посвящу. О муза, перестань,
Волнуясь, имъ платить хваленій дань!

VII.

Могу ль не говорить я о вуали,
Что донна бѣлоснѣжною рукой
Отбрасываетъ, взоръ острѣе стали
Вонзая въ васъ. Увидѣвъ взглядъ такой,
Вы развѣ, истомяся, не страдали?
Забыть нельзя край страсти огневой,
Гдѣ изъ-подъ дымокъ, схожихъ съ фацціоли *),
Глаза красавицъ жгутъ сердца до боли.

VIII.

Но вновь къ разсказу! Въ Ка̀диксъ посланъ былъ
Жуанъ, но мать ему велѣла строго
Не оставаться въ немъ. Кто не грѣшилъ
На сушѣ, гдѣ соблазновъ всякихъ много?
Надѣялась она, что сердца пылъ
Остудитъ въ немъ далекая дорога.
На кораблѣ, отъ шашенъ удаленъ,
Могъ плавать, какъ въ ковчегѣ Ноя, онъ.

*) Уборъ итальянокъ.

IX.

Напутствіе прослушалъ мой повѣса,
И, денегъ взявъ, укладываться сталъ.
Грустила, разставаясь съ нимъ, Инесса
(Онъ на четыре года уѣзжалъ).
Безъ слезъ разлуки нѣтъ; но фактъ, что бѣса
Сынокъ отгонитъ—донну утѣшалъ.
Съ инструкціей (что, впрочемъ, не прочелъ онъ)
Жуанъ сѣлъ на корабль, унынья полонъ.

X.

Инесса, между тѣмъ, съ сынкомъ простясь,
Устроила воскресныя собранья,
Чтобъ отучать мальчишекъ отъ проказъ;
Имъ строгія давая назиданья,
Она пребольно сѣкла ихъ не разъ.
Такъ удалось Жуана воспитанье,
Что поколѣнье новое отъ зла
Спасти—ей мысль блестящая пришла.

XI.

Корабль понесся въ даль. Вокругъ бурливо
Клубились волны; сильный вѣтеръ дулъ;
На свѣтѣ нѣтъ ужаснѣе залива;
Его ревущихъ волнъ знакомъ мнѣ гулъ.
Чрезъ бортъ обдать васъ пѣной имъ не диво.
Жуанъ съ тоской на родину взглянулъ.
Ему прощаться съ нею было ново,
Но милый край увидитъ ли онъ снова?

XII.

Невольная тоска сжимаетъ грудь,
Когда родимый край скрываетъ лоно
Безбрежныхъ водъ. Въ дни юности взглянуть
На этотъ грустный видъ нельзя безъ стона...
Когда я уѣзжалъ въ далекій путь,
Мнѣ помнится, что берегъ Альбіона
Пятномъ казался бѣлымъ. Прочихъ странъ
Цвѣтъ съ моря синеватый, какъ туманъ.

XIII.

Жуана грудь отъ мукъ рвалась на части;
Скрипѣлъ корабль, что волны въ даль несли;
Свирѣпо вѣтеръ дулъ, трещали снасти;
Какъ точка, Кàдиксъ виденъ былъ вдали.
Морской болѣзни хуже нѣтъ напасти;
Чтобъ съ нею вы знакомства не свели,
Рекомендую бифштексъ, какъ лѣкарство:
Онъ васъ спасетъ отъ этого мытарства.

XIV.

Испанскій берегъ канулъ въ бездну водъ,
И въ сердцѣ Донъ-Жуана, мукой сжатомъ,
Заныла скорбь. Тяжелъ разлуки гнетъ!
Присуще это чувство и солдатамъ,
Что въ дальній снаряжаются походъ;
Какъ сердце чутко къ горестнымъ утратамъ!
Съ мѣстами нелюбимыми подчасъ
Разлука опечаливаетъ насъ.

XV.

А Донъ-Жуанъ и съ матерью, и съ милой
Разстался (не съ законною женой)!
Поэтому понятно, что уныло
Прощался онъ съ родимою страной.
Когда и тѣ, что даже намъ постылы,
Насъ заставляютъ слезы лить порой,
О милыхъ какъ не плакать! (Мы готовы
Тужить о нихъ, пока нѣтъ скорби новой.)

XVI.

У вавилонскихъ рѣкъ, тоской томимъ,
Рыдалъ еврей, скорбя о дняхъ счастливыхъ;
Такъ плакалъ и Жуанъ. Я бъ плакалъ съ нимъ,
Да муза-то моя не изъ слезливыхъ!
Все жъ для забавы людямъ молодымъ
Не дурно путешествовать. Снабдивъ ихъ
Инструкціей такой, въ ихъ чемоданъ,
Надѣюсь, попадетъ и мой романъ.

XVII.

Взволнованный Жуанъ стоялъ, сливая
Соль жгучихъ слезъ страданья съ солью водъ...
„Прелестное къ прелестному!“ Питая
Къ цитатамъ страсть, пустилъ я эту въ ходъ.
Такъ королева говоритъ, рыдая,
Когда на гробъ Офеліи кладетъ
Цвѣты. Жуанъ, убитый горькой долей,
Поклялся, что грѣшить не будетъ болѣ.

XVIII.

„Прости, мой край родной! быть-можетъ, мнѣ
Тебя не видѣть вновь, и безнадежно
Скитальцемъ я въ далекой сторонѣ
Умру, стремясь къ тебѣ душой мятежной.
Гвадалквивиръ! привѣтъ твоей волнѣ!..
Прости, о мать, и ты, мой ангелъ нѣжный!
(Тутъ Джуліи посланье, полнъ тоски,
Онъ перечелъ, не пропустивъ строки.)

XIX.

Тебя ль забыть? твой рабъ я до могилы!
Скорѣе испарится океанъ,
Скорѣй земля, подъ гнетомъ вражьей силы,
Преобразится въ воду иль туманъ,
Чѣмъ изгоню изъ сердца образъ милый!
Неизлѣчима боль сердечныхъ ранъ!“
(Тутъ качка началася, и съ испугомъ
Онъ счеты сталъ сводить съ морскимъ недугомъ.)

XX.

„О Джулія! (припадокъ сталъ сильнѣй)
Къ тебѣ взываю каждую минуту!
(Баттиста, Педро, эй, вина скорѣй!
Немедленно свести меня въ каюту!)
О Джулія! ты страсть души моей!
(Гдѣ жъ Педро? Ну, достанется же плуту!)
Услышь меня!“ (Припадокъ тошноты
Тутъ разомъ всѣ смутилъ его мечты.)

XXI.

Тотъ сердца гнетъ (скорѣе гнетъ желудка),
Которому не можетъ врачъ помочь
Онъ ощущалъ. Утрата, злая шутка,
Измѣна, что порой черна какъ ночь,
Его раждаютъ. Силою разсудка
Не отогнать такую тяжесть прочь!
Жуанъ сильнѣе выразилъ бы горе,
Не будь такимъ ужаснымъ рвотнымъ море.

XXII.

Любовь всегда съ капризами дружна;
Легко мирясь съ недугомъ благороднымъ,
Боится жабъ и насморковъ она,
Къ нимъ относясь съ презрѣніемъ холоднымъ.
Любовь слѣпа, а все же ей вредна
Простуда глазъ; въ порывѣ сумасбродномъ
Она укажетъ тоже вамъ порогъ,
Когда, чихнувъ, прервете нѣжный вздохъ.

XXIII.

Но злѣйшіе враги ея—не скрою—
Желудка боль и рвота. Хмуря бровь,
Она отъ нихъ стремится вдаль, стрѣлою.
При случаѣ она прольетъ и кровь,
Припарка же ей смерть несетъ съ собою!
Какъ видите, сильна-жъ была любовь
Жуана, если, корчась отъ недуга,
Все помнилъ онъ оставленнаго друга.

XXIV.

Понесся Донъ-Жуанъ на караблѣ,
Носившемъ имя Santa Trinitada,
Въ Ливорно. (Этотъ портъ всегда въ числѣ
Тѣхъ мѣстъ, что посѣтить туристу надо).
Тамъ, поселившись на чужой землѣ,
Давно ужъ жилъ испанскій домъ Монкадо.
Къ нему Жуанъ, съ нимъ связанный родствомъ,
Отправленъ былъ съ привѣтомъ и письмомъ.

XXV.

При Донъ-Жуанѣ были три лакея
И гувернеръ Педрилло, что хоть зналъ
Не мало языковъ, теперь, слабѣя
Отъ тошноты, безъ языка лежалъ.
Онъ къ сушѣ рвался мысленно, блѣднѣя,
И проклиная каждый новый валъ;
Вода при этомъ, къ ужасу Педрилло,
Къ нему попавъ, постель его смочила.

XXVI.

Его недаромъ мучила тоска:
Еще подулъ сильнѣе вѣтеръ къ ночи!
(Не устрашаетъ буря моряка,
Тому жъ, кто свыкся съ сушею, нѣтъ мочи
Волненья скрыть, когда она близка).
Сгущалась тьма; отъ молній слѣпли очи;
Матросамъ паруса убрать пришлось,
Чтобъ шквалъ, въ порывѣ яромъ, мачтъ не снесъ.

XXVII.

Въ часъ ночи шквалъ нагрянулъ рьянъ и гнѣвенъ;
Корабль онъ съ трескомъ на бокъ повалилъ;
Ударясь въ бортъ, разрушилъ ахтеръ-штезенъ,
И съ нимъ старнъ-постъ, все расшатавъ, разбилъ;
Видъ корабля и такъ ужъ былъ плачевенъ,
А тутъ и руль валами сорванъ былъ;
Къ тому жъ вода вливалась въ трюмъ. Насосы
Съ отчаяньемъ пустили входъ матросы.

XXVIII.

Одни качали воду; суетясь,
За бортъ другіе лишній грузъ бросали;
Вотъ, наконецъ, пробоина нашлась,
Но отъ крушенья имъ спастись едва ли!
Вода, какъ прежде, съ ревомъ въ трюмъ лилась...
Въ пробоину совать товары стали,
Ковры, рубашки, куртки, чтобъ пресѣчь
Подтопъ,—увы! не унималась течь.

XXIX.

А все они трудились бы напрасно
И все жъ бѣда надъ ними бы стряслась,
Когда бъ насосы, дѣйствуя прекрасно,
Не выручили ихъ. Они не разъ
Спасали моряковъ въ моментъ опасный.
Насосы, что выбрасываютъ въ часъ
Тоннъ пятьдесятъ воды—оплотъ безцѣнный.
Ихъ производитъ мистеръ Мэннъ почтенный.

XXX.

Къ разсвѣту буря стала утихать.
Хоть три еще работали насоса—
Явилася надежда течь прервать;
Но предаваться радости пришлося
Не долго. Буря, заревѣвъ опять,
Порвала цѣпи пушекъ; началося
Волненье, и, зловѣщихъ полонъ силъ,
Корабль на бимсы вѣтеръ повалилъ.

XXXI.

Корабль, разбитый бурей, безъ движенья
Лежалъ. Лилась на палубу вода
Изъ трюма. Видъ унылый разрушенья
Нельзя забыть. Тяжелая бѣда,
Пожары, битвы, бури и крушенья,
Намъ до могилы памятны всегда.
Не любятъ ли пловцы и водолазы,
Спасясь отъ бурь, вести о нихъ разсказы?

XXXII.

Срубили и форъ-стенги, и бизанъ,
Чтобъ облегчить корабль, но онъ, уныло
Накренясь и недвиженъ какъ чурбанъ,
Лежалъ средь волнъ. Ему бѣда грозила;
И вотъ срубить бушпритъ приказъ былъ данъ,
А также и фокъ-мачту. Съ страшной силой
Тогда корабль, что облегченъ былъ тѣмъ,
Воспрянулъ вдругъ, а ужъ тонулъ совсѣмъ!

XXXIII.

Легко понять, что въ этотъ часъ опасный
Сердца пловцовъ щемили страхъ и боль;
Мириться съ перспективою ужасной—
Быть поглощеннымъ волнами—легко ль!
Иные моряки, когда напрасны
Надежды на спасенье, алкоголь
И ромъ тянуть готовы, льнутъ и къ грогу,
Чтобъ смѣло встрѣтить дальнюю дорогу.

XXXIV.

Всего вѣрнѣй религія и ромъ
Дарятъ душѣ покой. Тутъ, съ смертью въ спорѣ,
Кто спиртъ тянулъ, кто распѣвалъ псаломъ,
Кто грабилъ. Басомъ въ этомъ грозномъ хорѣ
Былъ океанъ, а вѣтеръ дискантомъ.
Страхъ вылѣчилъ больныхъ. Ревѣло море,
И вторило, вздымаясь къ небесамъ,
Проклятьямъ, воплямъ, стонамъ и мольбамъ.

XXXV.

Безъ мятежа не обошлось бы дѣло,
Когда бы, съ пистолетами въ рукахъ,
Жуанъ не спасъ вина. Оторопѣла
Толпа, а лучше ль умирать въ волнахъ,
Чѣмъ отъ огня? Толпа хоть и шумѣла,
Но удержалъ ее невольный страхъ;
Предъ тѣмъ, чтобъ утонуть въ пучинѣ моря,
Ей утонуть въ винѣ хотѣлось съ горя.

XXXVI.

Народъ ревѣлъ: „дай грогу! Черезъ часъ
Мы все равно погибнемъ отъ крушенья!“
—„Пускай,—сказалъ Жуанъ,—меня и васъ
Ждетъ скоро смерть и не найти спасенья,
Людьми умремъ, не какъ скоты!“ Отказъ
Его былъ строгъ, и смолкли всѣ въ смущеньи;
Умѣрилъ онъ и гувернера прыть,
Дерзнувшаго стаканъ вина просить.

XXXVII.

Глубоко старикашка былъ взволнованъ,
Молился, плакалъ, каялся въ грѣхахъ,
Божился, что исправиться готовъ онъ;
Что если только минетъ этотъ страхъ,
Отъ Саламанки, къ ней душой прикованъ,
Всю жизнь не отойдетъ онъ ни на шагъ
И, въ роли Санхо-Панса, съ Донъ-Жуаномъ
Не будетъ ѣздить вновь по разнымъ странамъ.

XXXVIII.

Надежды лучъ ихъ снова озарилъ;
Къ разсвѣту вѣтеръ стихъ; хоть прибывала
Попрежнему вода, корабль все плылъ
Лишенъ снастей; вотъ солнце засіяло...
Опять за дѣло, полны новыхъ силъ,
Всѣ принялись, но течь одолѣвала;
Кто былъ сильнѣй, тотъ въ ходъ пускалъ насосъ,
А слабымъ паруса сшивать пришлось.

XXXIX.

Подъ киль поддѣли парусъ, и казалось,
Что съ этимъ течь какъ будто унялась;
Надежды все же мало оставалось;
Но хорошо прожить и лишній часъ:
Когда же слишкомъ поздно смерть являлась?
Хоть умирать приходится лишь разъ,
Совсѣмъ не обязательно, повѣрьте,
Попавъ въ заливъ Ліонскій, рваться къ смерти.

XL.

Туда-то ихъ корабль и загнанъ былъ
По волѣ волнъ. Онъ несся на просторѣ
Безъ мачты, безъ руля и безъ вѣтрилъ,
А не до чинки было: какъ на горе,
Безъ перерывовъ гнѣвно вѣтеръ вылъ
И, гибель имъ суля, ревѣло море;
Всѣхъ приводилъ корабль разбитый въ дрожь:
Онъ, правда, плылъ, но съ уткой не былъ схожъ.

XLI.

Немного вѣтеръ стихъ, но такъ ихъ судно
Разбито было бурей, что на немъ
Держаться дольше было безразсудно;
Къ тому жъ судьба съ другимъ опаснымъ зломъ
Имъ стала угрожать борьбою трудной:
Запасъ воды все таялъ съ каждымъ днемъ,
О берегѣ жъ и не было помину;
Лишь ночь плыла и вѣтеръ злилъ пучину.

XLII.

Вода врывалась въ трюмъ со всѣхъ сторонъ,
А все пловцы боролися съ судьбою;
Но вотъ разбитыхъ помпъ раздался звонъ:
Безпомощно корабль поникъ кормою:
По милости лишь волнъ держался онъ;
А милость ихъ имѣетъ сходство съ тою,
Что проявлять привыкъ изъ вѣка въ вѣкъ
Въ борьбѣ междоусобной человѣкъ.

XLIII.

Въ то время къ капитану плотникъ старый
Приблизился и объявилъ, въ слезахъ,
Что не спастись отъ этого удара.
Старикъ, что часто плавалъ на судахъ
И велъ не разъ борьбу съ стихіей ярой—
Тутъ слезы лилъ, но ихъ плодилъ не страхъ:
Бѣднякъ имѣлъ семью. Какая мука
Для гибнущаго съ милыми разлука!

XLIV.

Корабль склонилъ корму и сталъ тонуть.
Смѣшалось все; здѣсь слышались моленья,
Обѣты тамъ. (Когда ужъ конченъ путь,
Какая польза въ нихъ?) Ища спасенья,
Иные стали ялъ къ водѣ тянуть.
Тутъ кто-то у Педрилло отпущенья
Грѣховъ просилъ,—но, и въ смущеньи строгъ,
Его отправилъ къ чорту педагогъ.

XLV.

Кто въ койкѣ льнулъ; кто, скрежеща зубами,
Рвалъ волосы и день рожденья клялъ;
Кто въ даль глядѣлъ безумными очами;
Иной нарядъ богатый надѣвалъ;
Тѣ, что бодрѣе были, надъ ладьями
Трудились. Если не нагрянетъ шквалъ,
Бороться съ моремъ можетъ долго лодка,
Средь разъяренныхъ волнъ несяся ходко.

XLVI.

Грозила морякамъ еще бѣда:
Въ то время, какъ они боролись съ моремъ,
Припасы ихъ попортила вода.
Сравнится ль что-нибудь съ подобнымъ горемъ!
Вѣдь голодъ насъ пугаетъ и тогда,
Когда мы безнадежно съ смертью споримъ;
Двѣ бочки сухарей и масла—вотъ
Все то, что имъ пришлося бросить въ ботъ.

XLVII.

Попытка въ трюмъ сойти имъ удалася:
Они достали хлѣба, что подмокъ,
Съ водою прѣсной бочку для баркаса,
Свинины также небольшой кусокъ.
(Такого не могло бъ хватить запаса
На завтракъ даже имъ!) Среди тревогъ
Про ромъ они, однако, не забыли.
Его бочонокъ цѣлый прикатили.

XLVIII.

Двѣ шлюпки раньше шквалъ еще разбилъ,
На нихъ нагрянувъ съ силой небывалой;
Баркасъ же не вполнѣ надеженъ былъ:
Ему весло, что юнга, ловкій малый,
Удачно сбросилъ, мачтою служилъ;
Роль паруса играло одѣяло;
Къ тому жъ въ баркасъ и ялъ могла попасть
Команды небольшая только часть.

XLIX.

Спустилась ночь надъ гнѣвною пучиной,
Какъ занавѣсъ. За нимъ, казалось, скрытъ
Зловѣщій врагъ, что съ злобою змѣиной,
Отъ взоровъ прячась, жертву сторожитъ.
Одѣлись мракомъ тяжкія картины
Отчаянья—пловцовъ былъ страшенъ видъ!
Двѣнадцать дней объятьями своими
Душилъ ихъ ужасъ; смерть теперь предъ ними.

L.

Пытались сколотить изъ бревенъ плотъ;
Въ иное время выдумка такая
Всѣхъ разсмѣшила бъ, а теперь лишь тотъ
Смѣяться могъ, кто пьянъ. Не понимая,
Опасности, какъ жалкій идіотъ,
Хохочетъ пьяный, ужасъ нагоняя
Своимъ безумнымъ смѣхомъ. Только Богъ
Въ тотъ мигъ пловцовъ спасти бы чудомъ могъ!

LI.

Бочонки, доски, реи—все спустили,
Что только можетъ въ крайности помочь;
Въ глаза бросалась тщетность всѣхъ усилій,—
Надежду все жъ они не гнали прочь;
Въ часу девятомъ лодки отвалили;
Лишь тусклымъ блескомъ звѣздъ сіяла ночь;
Корабль, кормою внизъ, нырнулъ и вскорѣ,
Разъ только всплывъ, безслѣдно скрылся въ морѣ.

LII.

Тогда отъ моря къ небу возлетѣлъ
Прощальный вопль; храбрецъ стоялъ безмолвный;
Стparty Стоналъ лишь трусъ; иной, что смерть хотѣлъ
Предупредить, бросался, муки полный,
Въ пучину, проклиная свой удѣлъ;
Зіяющую пасть разверзли волны,
И въ схваткѣ съ ними сгинулъ въ безднѣ водъ
Корабль, какъ вождь, что съ смертью смерть несетъ.

LIII.

Раздался общій вопль, пучинѣ вторя,
Онъ какъ ударъ пронесся громовой;
Затѣмъ утихло все, лишь съ ревомъ моря
Сливался урагана дикій вой,
Отдѣльный крикъ отчаянья и горя;
Еще кой-гдѣ во тьмѣ звучалъ порой
Унылый крикъ пловца, что съ горькой долей,
Лишившись силъ, не могъ бороться болѣ.

LIV.

Грозила смерть и тѣмъ, что пересѣсть
Успѣли въ лодки. Буря не стихала,
И вѣтеръ дулъ. До берега добресть
По прежнему надежды было мало.
Хоть всѣхъ пловцовъ не трудно было счесть,
(Ихъ горсть была), все жъ мѣста не хватало
Для нихъ въ ладьяхъ. Баркасъ въ себѣ вмѣщалъ
До тридцати пловцовъ, а девять—ялъ.

LV.

Душъ до двухсотъ разсталися съ тѣлами!
Нѣтъ смерти для католика страшнѣй:
Въ чистилищѣ, преслѣдуемъ чертями,
Онъ жарится, пока подъ нимъ углей
Попъ не зальетъ усердными мольбами.
А скоро ль о крушеньи до людей
Домчится вѣсть? Безъ панихидъ, что денегъ
Не мало стоятъ, къ раю путь трудненекъ.

LVI.

Жуану удалося сѣсть въ баркасъ;
Онъ помѣстилъ туда же педагога
И, въ ментора нежданно превратясь,
(Съ Педрилло помѣнявшись ролью) строго
Держалъ его. Старикъ, всего боясь,
Лишь жалобно стоналъ, объятъ тревогой.
Баттистъ, слуга Жуана, въ океанъ
Свалился съ корабля, напившись пьянъ.

LVII.

Насчетъ вина и Педро тѣхъ же правилъ
Держался. Онъ въ баркасъ не могъ попасть
И, утонувъ, вино водой разбавилъ.
Хоть близъ ладьи ему пришлось упасть,
Его спасти кто бъ мысли не оставилъ,
Когда пучина, разверзая пасть,
Ихъ всѣхъ втянуть въ свои стремилась нѣдра?
Да и въ ладьѣ не помѣстился бъ Педро.

LVIII.

Собачка, что Жуанъ съ собою везъ,
Погибель чуя, лаяла и выла.
(Природой данъ собакамъ чуткій носъ!)
Разстаться съ ней Жуану грустно было:
Его отцу когда то вѣрный песъ
Принадлежалъ. (Въ воспоминаньяхъ сила!)
И вотъ предъ тѣмъ, чтобы спрыгнуть въ ладью,
Въ нее швырнулъ собачку онъ свою.

LIX.

Часть денегъ захватилъ Жуанъ съ собою;
Другую жъ сунулъ пѣстуну въ карманъ;
Педрилло, смятый горькою судьбою,
Казалось, превратился въ истуканъ
Отъ страха и унынья. Подъ грозою
Не унывалъ лишь юный Донъ-Жуанъ,
И вѣря, что поправить можно дѣло,
Отъ смерти спасъ и пса, и дядьку смѣло.

LX.

Баркасъ бѣжалъ по гребнямъ волнъ сѣдыхъ,
А вѣтеръ дулъ съ такой зловѣщей силой,
Что паруса лишиться каждый мигъ
Опасность имъ тяжелая грозила.
Нещадно обливали волны ихъ,
Встрѣчаяся съ кормой, что леденило
Надежды и тѣла! Злосчастный ялъ
Средь бурныхъ волнъ у нихъ въ глазахъ пропалъ.

LXI.

Погибло девять душъ съ крушеньемъ яла;
Баркасъ же продолжалъ нестися въ даль;
Но съ парусомъ плохимъ изъ одѣяла,
Прибитаго къ веслу, онъ могъ едва ль
Спастись. Хоть смерть, какъ прежде, угрожала
Пловцамъ, имъ жертвъ крушенья стало жаль;
Ихъ также опечалилъ фактъ плачевный,
Что сухари погибли въ безднѣ гнѣвной.

LXII.

Надъ мрачной бездной огненнымъ шаромъ
Вставало солнце, бурю предвѣщая;
Имъ оставалось думать лишь о томъ,
Чтобъ плыть по вѣтру, волнъ не разсѣкая.
По чарочкѣ пловцамъ былъ розданъ ромъ;
(Полунагихъ скитальцевъ буря злая
Лишила силъ); а хлѣба, что подмокъ,
Едва достался каждому кусокъ.

LXIII.

Ихъ было тридцать; такъ они столпились,
Что пальцемъ шевельнуть никто не могъ;
Поочередно спать одни ложились
На мокромъ днѣ ладьи; полны тревогъ,
Другіе въ это время съ бурей бились.
Ихъ обдавало съ головы до ногъ
Водой. Какъ въ лихорадкѣ всѣхъ знобило;
Имъ покрываломъ небо только было.

LXIV.

Продлить мы можемъ жизнь желаньемъ жить;
Извѣстно, что и трудные больные
Встаютъ съ одра, когда ихъ съ свѣта сжить
Не ищутъ: другъ, супруга иль родные;
Отъ ножницъ Паркъ спасаетъ жизни нить
Надежда; ей не знаю и цѣны я!
Отчаянье—врагъ жизни; человѣкъ
Въ его когтяхъ кончаетъ скоро вѣкъ.

LXV.

Живетъ всѣхъ дольше тотъ, кто обезпеченъ
Пожизненнымъ окладомъ. Фактъ такой
Необъяснимъ, но онъ давно замѣченъ;
Такъ смертный радъ пожить на счетъ чужой,
Что дѣлается тотчасъ долговѣченъ;
Жидъ ростовщикъ—тому примѣръ прямой:
Съ жидами я имѣлъ дѣла когда-то;
Но съ ними, какъ всегда, трудна расплата!

LXVI.

Хоть цѣлый міръ лишеній, бѣдъ и зла
Въ удѣлъ пловцамъ достался; хоть покоя
Лишилъ ихъ рокъ, —имъ жизнь была мила;
Утесъ боится ль волнъ, межъ ними стоя?
Всѣхъ мореходовъ доля тяжела;
Припомните судьбу ковчега Ноя,
Ему не мало мыкаться пришлось;
Не мало бѣдъ и Арго перенесъ.

LXVII.

Всѣ люди плотоядны; имъ и сутки
Прожить безъ пищи тягостно. Они,
Какъ кровожадный тигръ, къ добычѣ чутки;
Акулы имъ, по жадности, сродни.
Хоть такъ у нихъ устроены желудки,
Что ѣсть могли бы овощи одни;
Но людъ рабочій только съ мясомъ друженъ,
И кормъ иной ему совсѣмъ не нуженъ.

LXVIII.

На третій день внезапный штиль насталъ,
И улеглись ревѣвшихъ волнъ громады;
Пловцы, какъ черепахи возлѣ скалъ,
Заснули мертвымъ сномъ, полны отрады;
Когда жъ отъ сна очнулись, и ихъ сталъ
Зловѣщій голодъ мучить безъ пощады,
Они, съ благоразуміемъ простясь,
Весь порѣшили разомъ свой запасъ.

LXIX.

Что жъ? угадать послѣдствія не трудно!
Спастися имъ ужъ было мудрено;
Возможно ли надѣяться на судно,
Когда съ однимъ плохимъ весломъ оно?
Они же истребили безразсудно
Всю пищу, что имѣли, и вино,
Себя пустой надеждою дурача,
Что скоро улыбнется имъ удача.

LXX.

Четвертый день, а океанъ дремалъ,
Какъ на груди у матери малютка;
Вотъ пятый день! все мертвый штиль стоялъ,
Висѣлъ какъ тряпка парусъ, къ вѣтру чуткій.
Лѣниво вдаль катился синій валъ...
(Съ однимъ весломъ имъ приходилось жутко!)
А голодъ моряковъ все крѣпъ и росъ;
Тутъ съѣденъ былъ Жуана вѣрный песъ.

LXXI.

Питалъ своею шкурой экипажъ онъ
Весь день шестой. Жуану песъ былъ милъ,
И съ гнѣвомъ онъ отъ тѣхъ отпрянулъ брашенъ.
Но день спустя рѣшенье измѣнилъ;
Его терзавшій голодъ былъ такъ страшенъ,
Что лапку пса онъ съ дядькой раздѣлилъ.
Педрилло въ мигъ кусокъ упряталъ гадкій,
Жалѣя, что пришлось дѣлить остатки.

LXXII.

Седьмой ужъ день! Ни вѣтра нѣтъ, ни тучъ;
Они лежатъ какъ трупы безъ движенья;
Тѣла ихъ жжетъ палящій солнца лучъ;
Безъ вѣтра нѣтъ надежды на спасенье—
А вѣтеръ спитъ и океанъ пѣвучъ!
Ихъ дикихъ взглядовъ страшно выраженье;
Въ нихъ ясно виденъ думъ ужасныхъ слѣдъ:
Гдѣ прежде былъ морякъ—тамъ людоѣдъ.

LXXIII.

Какое-то чудовищное мнѣнье
Чуть слышно кто-то высказалъ. Оно
Ихъ облетѣло всѣхъ въ одно мгновенье:
Всѣхъ та же мысль ужъ мучила давно!
Раздался хриплый шопотъ одобренья,
И кинуть жребій было рѣшено,
Чтобъ рокъ намѣтилъ жертву, чье закланье
Имъ средство дастъ продлить существованье.

LXXIV.

Но прежде чѣмъ до этого дойти,
Они и обувь съѣли, и фуражки;
Хоть не легко подобный крестъ нести,
Все жъ наступилъ моментъ расплаты тяжкій;
Но такъ какъ не могли они найти
Для ярлыковъ и лоскутка бумажки—
Насильственно (я Музы слышу стонъ!)
Жуанъ записки милой былъ лишенъ.

LXXV.

Вотъ жребіи всѣ смѣшаны и взяты;
Всѣ онѣмѣли въ этотъ страшный мигъ,
И ужасомъ, и трепетомъ объяты;
Казалось, что въ нихъ голодъ даже стихъ;
Они ль въ злодѣйствѣ этомъ виноваты!
Нѣтъ! голодъ жертвы требовалъ отъ нихъ;
Они жъ предъ нимъ склонялися, блѣднѣя.
Такъ жаждалъ крови коршунъ Прометея.

LXXVI.

Педрилло бѣдный рокомъ выбранъ былъ...
Въ несчастьи твердъ, онъ выразилъ желанье,
Чтобъ медикъ, бывшій тутъ, ему пустилъ
Изъ жилы кровь—и умеръ безъ страданья.
Онъ ревностнымъ католикомъ почилъ.
Распятью давъ съ молитвою лобзанье,
Ученый мужъ религіей согрѣтъ,
Подставилъ кисть и шею подъ ланцетъ.

LXXVII.

Врачу за тяжкій трудъ досталось право
Какой угодно взять себѣ кусокъ;
Но, жажду утоливъ струей кровавой
Изъ жилы трупа, ѣсть ужъ онъ не могъ;
Дрожавшею отъ голода, оравой
Разсѣченъ былъ на части педагогъ;
Акулы поживились лишь кишками;
Пловцы все остальное съѣли сами.

LXXVIII.

Лишь два иль три пловца, смутясь душой,
(Хоть всѣмъ имъ приходилось очень туго)
Отъ трапезы отпрянули такой,
Полны и отвращенья и испуга.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и мой герой.
Провизіей къ столу не могъ онъ друга
И ментора считать! Онъ даже псомъ,
Какъ знаете, лишь закусилъ съ трудомъ.

LXXIX.

И что жъ? Онъ спасся тѣмъ: отъ пресыщенья,
Наѣвшійся въ неистовство впадалъ;
Изъ устъ его лились богохуленья;
Катаясь въ корчахъ, залпомъ онъ глоталъ
Морскую воду, полонъ озлобленья,
Онъ, скрежеща зубами, тѣло рвалъ;
Ревѣлъ какъ звѣрь и, обливаясь пѣной,
Прощался съ жизнью съ хохотомъ гіены.

LXXX.

Скосила многихъ смерть; но какъ была
Оставшихся въ живыхъ плачевна участь!
Иныхъ такая жизнь съ ума свела;
Сгубила ихъ лишеній тяжкихъ жгучесть;
Другихъ все голодъ мучилъ. (Полонъ зла,
Онъ проявлялъ тревожную живучесть!)
И, несмотря на грустный опытъ, вновь
Хотѣлось имъ пролить людскую кровь!

LXXXI.

Теперь у нихъ былъ шкиперъ на примѣтѣ:
Онъ всѣхъ жирнѣе былъ. Хоть ихъ зубамъ
Работу дать онъ не имѣлъ въ предметѣ,
Но тучностью такъ угодилъ пловцамъ,
Что врядъ ли долго пожилъ бы на свѣтѣ,
Когда бъ его не спасъ подарокъ дамъ;
Подарокъ тотъ вручили по подпискѣ
Ему тѣ дамы, что съ нимъ были близки.

LXXXII.

Еще не весь обглоданъ былъ мертвецъ,
Но на него всѣ съ ужасомъ взирали
И имъ питаться рѣдкій могъ пловецъ,
Жуанъ, чтобы снoснѣе муки стали,
Что голодъ причинялъ, сосалъ свинецъ.
Когда жъ пловцы нечаянно поймали
Двухъ птицъ морскихъ—тогда они совсѣмъ
Питаться перестали трупомъ тѣмъ.

LXXXIII.

Васъ въ дрожь приводитъ страшная картина!
Но вспомните, какъ, кончивъ повѣсть, радъ
Былъ грызть врага въ геннѣ Уголино;
Когда въ аду враговъ своихъ ѣдятъ,
То на морѣ найдется ли причина
Не ѣсть друзей, особенно коль складъ
Запасовъ пустъ и нѣтъ ужъ провіанта?
Чѣмъ хуже эта быль разсказа Данта?

LXXXIV.

Въ ночь сильный дождь пошелъ. Подставивъ ротъ,
Ловилъ его такъ жадно путникъ каждый,
Какъ пьетъ земля струи небесныхъ водъ
Въ палящій зной. Кто безъ воды однажды
Среди пустыни дѣлалъ переходъ,
Кто умиралъ на кораблѣ отъ жажды,
Тотъ, воду чтя, не разъ о томъ жалѣлъ,
Что съ Истиной въ колодцѣ не сидѣлъ.

LXXXV.

Обильный дождь все шелъ безъ перерыва;
Чтобъ пользу онъ принесъ, куски холстинъ
Пловцы достали; воду бережливо
Всѣ стали выжимать изъ нихъ въ кувшинъ.
Хотя съ напиткомъ этимъ кружку пива
Рабочій не сравнилъ бы ни одинъ—
Тотъ даръ судьбы безцѣнный и нежданный
Казался морякамъ небесной манной.

LXXXVI.

Какъ нектаръ благодатный дождь смочилъ
Ихъ горла, раскаленныя какъ горны,
И раны устъ опухшихъ освѣжилъ;
Такъ языки страдальцевъ были черны,
Какъ у скупца, что жалобно просилъ
Въ аду хоть каплю влаги благотворной,
Но получилъ отъ нищаго отказъ.
(По вкусу ль богачамъ такой разсказъ?)

LXXXVII.

Тамъ были два отца, межъ жертвъ крушенья,
И каждый по сынку съ собою везъ;
Тотъ мальчикъ, что былъ крѣпкаго сложенья,
Тяжелыхъ мукъ борьбы не перенесъ.
И первымъ палъ. „То воля Провидѣнья",
Сказалъ отецъ сурово и безъ слезъ
Смотрѣлъ, какъ трупъ единственнаго сына
Навѣки скрыла мрачная пучина.

LXXXVIII.

Другой ребенокъ блѣденъ былъ съ лица;
Онъ былъ и худъ, и слабъ; но въ горькой долѣ
Съ судьбою злой боролся до конца;
Ему не измѣняла сила воли;
Онъ все глядѣлъ съ улыбкой на отца,
Желая скрыть мучительныя боли,
Желая утаить, что близокъ мигъ,
Когда судьба навѣкъ разлучитъ ихъ.

LXXXIX.

Отецъ не отводилъ отъ сына взгляда
И пѣну съ блѣдныхъ губъ его стиралъ;
Когда жъ дождя нежданная прохлада
Ребенка, что въ мученьяхъ угасалъ,
Мгновенно оживила, и отрадой
Померкшій взоръ страдальца засіялъ,
Въ его уста воды онъ влилъ немного,
Но ужъ пришла не во-время подмога.

XC.

Ребенокъ умеръ. Блѣдный трупъ схватилъ
Отецъ въ свои объятья и, безмолвный,
Все отъ него очей не отводилъ.
Онъ долго такъ стоялъ, страданья полный,
Не находя для разставанья силъ;
Когда жъ безгласный трупъ умчали волны—
Безпомощно, какъ молніей сраженъ,
Отъ муки корчась, разомъ рухнулъ онъ.

XCI.

Вдругъ радуга блеснула надъ пловцами;
Она, прорѣзавъ тучи, обвилась
Вкругъ неба дивной лентой и концами
Въ лазурь пучины зыбкой уперлась.
Она сіяла чудными цвѣтами,
Лучеобильнымъ знаменемъ носясь;
Затѣмъ, увы! согнулась свѣтлой аркой
И скрылась, только мигъ блеснувши ярко.

XCII.

Исчезъ небесныхъ сферъ хамелеонъ,
Что созданъ испареньями и свѣтомъ;
Что въ золото и пурпуръ облаченъ,
Блеститъ какъ серпъ луны надъ минаретомъ;
Въ своихъ лучахъ соединяетъ онъ
Всѣ краски и цвѣта. Съ нимъ сходенъ въ этомъ
Подбитый боксомъ глазъ. (По временамъ
Приходится безъ маски драться намъ).

XCIII.

Та радуга была хорошимъ знакомъ;
Мы знаменьями въ горѣ дорожимъ;
До нихъ и грекъ, и римлянинъ былъ лакомъ:
Надежды лучъ душѣ необходимъ;
Коль нѣтъ его, она одѣта мракомъ.
Какъ древніе, мы предсказанья чтимъ;
Калейдоскопъ небесъ, блеснувъ нежданно,
Сроднилъ пловцовъ съ надеждою желанной.

XCIV.

Въ то время птица бѣлая, кружась
Надъ головами путниковъ, хотѣла
На мачту сѣсть, хоть полонъ былъ баркасъ.
(Похожая перомъ на голубь бѣлый,
Она отъ стаи, видно, отдѣлясь,
За нею слѣдомъ къ берегу летѣла.)
До ночи все она кружилась такъ;
Что было сочтено за добрый знакъ.

XCV.

Найдя, что мачта ихъ не такъ надежна,
Какъ шпицъ церковный, голубь улетѣлъ;
Онъ поступилъ умно и осторожно:
Не то его бъ плачевенъ былъ удѣлъ;
Такъ голодъ мучилъ путниковъ безбожно,
Такъ ихъ томилъ, что если бъ съ вѣткой сѣлъ
Къ нимъ даже голубь Ноя—скоро очень
Онъ ими бъ былъ и съ вѣткою проглоченъ.

XCVI.

Настала ночь и вѣтеръ сталъ сильнѣй;
На небесахъ заискрились свѣтила,
И лодка понеслась. Такъ много дней
Томилися пловцы, что жизни сила
Въ нихъ гасла вмѣстѣ съ мыслью. Средь зыбей
Однимъ вдали виднѣлся берегъ милый;
Кто залпы пушекъ слышалъ; кто прибой;
Другіе жъ лишь качали головой.

XCVII.

Къ разсвѣту вѣтеръ стихъ; вдругъ часового
Раздался крикъ: „Земля, земля видна!
Пусть родины мнѣ не увидѣть снова,
Коль это только выдумка одна!“
Ихъ описать восторгъ безсильно слово;
Вмигъ къ берегу ладья обращена;
Дѣйствительно ихъ ослѣпили взоры
Прибрежныхъ скалъ туманные узоры.

XCVIII.

У многихъ слезы брызнули изъ глазъ;
Одни со страхомъ берегъ озирали,
Надеждѣ свѣтлой ввѣриться боясь;
Другіе въ этотъ мигъ молиться стали
(То дѣлая, быть можетъ, въ первый разъ).
На днѣ баркаса трое сладко спали;
Ихъ всячески прервать старались сонъ —
Но непробуднымъ оказался онъ.

XCIX.

Лишь день предъ тѣмъ имъ посланъ былъ судьбою
Отрадный даръ: имъ удалось поймать
Большую черепаху, что собою
Ихъ цѣлый день питала; въ нихъ опять
Воскресъ упавшій духъ: всѣмъ неземною
Такая показалась благодать;
Пловцы, уйдя отъ смерти неминучей,
Не вѣрили, что спасъ ихъ только случай.

C.

Къ скалистымъ берегамъ ихъ вѣтеръ несъ,
И эти берега росли замѣтно
По мѣрѣ приближенья къ нимъ. Утесъ,
Что поражалъ ихъ массою безцвѣтной,
Легко могъ представлять собой Родосъ
Иль Кандію, иль Кипръ; могъ быть и Этной;
Такъ прихотливъ и вѣтеръ былъ, и валъ,
Что той страны никто изъ нихъ не зналъ.

CI.

Межъ тѣмъ пловцовъ къ землѣ теченьемъ гнало;
Ладью Харона, везшую тѣней,
Собою лодка ихъ напоминала;
Лишь уцѣлѣло четверо людей,
И въ тѣхъ ужъ было силы слишкомъ мало,
Чтобъ сбросить мертвыхъ съ лодки; а за ней
Давно гналися двѣ акулы смѣло,
Ихъ обдавая пѣной то-и-дѣло.

CII.

Удары всевозможные судьбы —
Лишенья, голодъ, жажда, зной, кручина —
Ихъ довели до страшной худобы;
Межъ ними мать съ трудомъ узнала бъ сына.
Лишь четверо спаслись изъ всей гурьбы;
Трупъ ментора былъ главною причиной
Ихъ смертности: кто имъ питался—пилъ
Морскую воду и лишался силъ.

CIII.

Все ближе берегъ; все яснѣй узоры
Прибрежныхъ скалъ; ужъ слышенъ ароматъ
Густыхъ лѣсовъ, что покрываютъ горы
И сладкій отдыхъ путнику сулятъ;
Восторженно на нихъ покоя взоры,
Пловецъ предмету всякому былъ радъ,
Что заслонялъ зловѣщія картины
Безбрежной, мрачной, бѣшеной пучины.

CIV.

Селеній не виднѣлося вдали,
И берегъ былъ пустыненъ и безлюденъ;
Но поскорѣй добраться до земли
Хотѣлось имъ; хоть къ ней былъ доступъ труденъ,
Они къ землѣ прямымъ путемъ пошли;
Поступокъ моряковъ былъ безразсуденъ:
На острый рифъ баркасъ наткнулся ихъ
И вдребезги разбился въ тотъ же мигъ.

CV.

Жуанъ въ своемъ родномъ Гвадалквивирѣ
Купаться съ юныхъ лѣтъ былъ пріученъ,
И какъ пловецъ наврядъ ли въ цѣломъ мірѣ
Соперника бъ нашелъ. Я убѣжденъ,
Что Геллеспонтъ, его громадной шири
Не устрашась, могъ переплыть бы онъ.
(Такую одержать пришлось побѣду
Леандру, мнѣ и мистеръ Экенгеду.)

CVI.

Больной Жуанъ тутъ стариной встряхнулъ
И въ бой вступилъ съ волнами океана;
Его не устрашалъ ихъ грозный гулъ,
И къ берегу направился онъ рьяно;
Все жъ гибель угрожала отъ акулъ;
Но жертвой ихъ товарищъ сталъ Жуана;
Пловцы другіе плавать не могли,
И только онъ добрался до земли.

CVII.

Но если бы волна не подкатила
Къ нему весла разбитаго въ тотъ мигъ,
Когда ему ужъ измѣняла сила,
Онъ никогда земли бы не достигъ;
Съ волнами вновь бороться можно было,
И несмотря на грозный натискъ ихъ,
То вплавь, то вбродъ, съ прибоемъ гнѣвнымъ споря,
Полуживой онъ выбрался изъ моря.

CVIII.

Тогда, чтобъ новый валъ его не могъ
Унесть съ собой, почти лишонъ дыханья,
Онъ руки врылъ въ береговой песокъ;
Безъ силъ, изнемогая отъ страданья,
На мѣстѣ, гдѣ былъ выброшенъ, онъ легъ,
И если сохранялъ еще сознанье,
То лишь настолько, чтобъ жалѣть о томъ,
Что не погибъ въ пучинѣ съ кораблемъ.

CIX.

Онъ встать хотѣлъ, собравъ остатокъ силы,
Но, руки и колѣна въ кровь разбивъ,
Упалъ опять. Затѣмъ онъ взглядъ унылый
На мрачный берегъ бросилъ, еле живъ;
Хотѣлъ онъ видѣть тѣхъ, что отъ могилы
Спаслись, какъ онъ; но былъ безлюденъ рифъ:
На немъ лежалъ одинъ лишь трупъ безгласный
Пловца, что кончилъ вѣкъ въ борьбѣ напрасной.

CX.

Увидѣвъ трупъ, Жуанъ поникъ въ тоскѣ;
Все вихремъ передъ нимъ кружиться стало,
И онъ лишился чувствъ, держа въ рукѣ
Весло, что въ лодкѣ мачту замѣняло.
Лежалъ онъ неподвижно на пескѣ,
Какъ лилія, что злая буря смяла;
Такъ блѣденъ былъ Жуанъ, такъ слабъ и хилъ
Что жалость онъ и въ камнѣ бъ пробудилъ.

CXI.

Жуанъ не зналъ, какъ долго продолжалось
Такое забытье, что превозмочь
Онъ силы не имѣлъ; ему казалось,
Что въ мракѣ утопали день и ночь
И что земля навѣки съ нимъ разсталась.
Но вотъ тяжелый сонъ умчался прочь,
И жизни услыхалъ онъ сладкій голосъ,
Хоть съ нею смерть со злобою боролась.

CXII.

Открывъ глаза, онъ ихъ закрылъ опять;
Картины бѣдъ, отчаянья, крушенья
Все продолжали мысль его терзать;
Томясь въ бреду, онъ клялъ свое спасенье.
Но понемногу бредъ сталъ утихать;
Глаза открылъ онъ снова на мгновенье
И увидалъ, смутясь, передъ собой
Прелестный ликъ дѣвицы молодой.

CXIII.

Она надъ нимъ склонялася уныло;
Несчастнаго спасти хотѣлось ей;
Она водой его виски мочила
И терла грудь, чтобъ съ жертвою своей
Разсталася зловѣщая могила,
Чтобъ не могла его во цвѣтѣ дней
Похитить смерть; и что же? Стонъ больного
Далъ знать, что къ жизни онъ вернулся снова.

CXIV.

Морскую воду выжала она
Изъ локоновъ его рукою бѣлой,
Для подкрѣпленья давъ ему вина
И юноши полунагое тѣло
Покрывъ плащомъ. Участія полна,
Она его своимъ дыханьемъ грѣла
И, внявъ влеченью сердца своего,
Встрѣчала вздохомъ каждый вздохъ его.

CXV.

Съ служанкою, что менѣе красива,
Чѣмъ барыня была, но посильнѣй,
Онѣ, вдвоемъ, Жуана торопливо
Перенесли въ пещеру. Скоро въ ней
Огонь былъ разведенъ; пещеру живо
Онъ освѣтилъ игрой своихъ лучей,
Обрисовавъ на темномъ фонѣ ясно
Островитянки юной ликъ прекрасный.

CXVI.

Уборомъ головнымъ служили ей
Монеты золотыя, что сверкали
Среди ея каштановыхъ кудрей;
Тѣ кудри сзади косами спадали,
Касаясь пятъ ея волной своей;
А выше ростомъ женщина едва ли
Могла бъ найтись. Царицу этихъ странъ
Являли въ ней осанка, поступь, станъ.

CXVII.

Ея жъ глаза чернѣе смерти были,
И черныя рѣсницы, бахромой
Скрывая ихъ, завѣсой имъ служили;
Когда же изъ-подъ нихъ сверкалъ порой
Молніеносный взглядъ, онъ безъ усилій
Вонзался въ душу острою стрѣлой
И сходенъ былъ съ проснувшимся вдругъ гадомъ,
Что смерть несетъ и силою, и ядомъ.

CXVIII.

Былъ блѣденъ лобъ ея, а цвѣтъ лица
Напоминалъ румяный лучъ заката;
Ея пурпурный ротикъ жегъ сердца;
Краса такая, правдою богата,
Была достойна кисти иль рѣзца.
Но скульпторовъ цѣню я маловато:
Ихъ жалки идеалы,—лица есть,
Что не подъ силу имъ воспроизвесть.

CXIX.

Такое мнѣнье высказалъ я прямо,
Но высказалъ его не безъ причинъ:
Я былъ знакомъ съ одной ирландской дамой,
Чей бюстъ не могъ художникъ ни одинъ
Воспроизвесть. Искусства узки рамы!
Когда она отъ лѣтъ и отъ морщинъ
Поблекнетъ, свѣтъ разстанется съ красою,
Несписанною смертною рукою.

CXX.

Такою жъ обладала красотой
Явившаяся въ гротъ островитянка
Въ одеждѣ, поражавшей пестротой;
Совсѣмъ не такъ наряжена испанка:
Ея костюмъ плѣняетъ простотой,
Но для любви услада и приманка
Мантилья, что блаженство въ душу льетъ.
(Надѣюсь, эта мода не пройдетъ!)

CXXI.

Имѣлъ съ такимъ костюмомъ сходства мало
Красавицы причудливый нарядъ;
Изъ разноцвѣтныхъ тканей состояла
Ея одежда; камней цѣнныхъ рядъ
Блестѣлъ въ ея кудряхъ, а покрывало
Ея изъ кружевъ было. Да, богатъ
Былъ тотъ костюмъ, но странно то немножко,
Что безъ чулка являлась въ туфлѣ ножка.

CXXII.

Нарядъ другой дѣвицы былъ скромнѣй;
Не золото, а серебро блестѣло
(Приданое ея) во мглѣ кудрей;
Вуаль она дешевую имѣла,
И вообще осанкою своей
Не поражала гордою и смѣлой;
Ея коса была не такъ длинна;
Имѣла меньше и глаза она.

CXXIII.

Съ любовью за больнымъ онѣ ходили;
Онъ ими былъ накормленъ и одѣтъ;
(Въ сердечности—чтобъ тамъ ни говорили—
Соперниковъ на свѣтѣ дамамъ нѣтъ!)
И вотъ онѣ бульонъ ему сварили.
(Не понимаю, почему поэтъ
Не воспѣваетъ супа, взявъ примѣромъ
Ахилла пиръ, что былъ воспѣтъ Гомеромъ!)

CXXIV.

Чтобъ этихъ дамъ за сказочныхъ принцессъ
Вы не могли принять, сниму съ нихъ маску;
Писатели, давая тайнѣ вѣсъ,
Пускаютъ въ ходъ туманную окраску,
Чтобъ возбуждать къ героямъ интересъ.
Но я романъ не превращаю въ сказку:
Вы видите теперь передъ собой
Прислужницу съ своею госпожей.

CXXV.

Ея отецъ былъ рыбакомъ когда-то,
Но занялся другимъ онъ ремесломъ
И выступилъ на поприщѣ пирата,
Контрабандистомъ былъ же онъ притомъ.
Прошли года и зажилъ онъ богато,
Набивъ карманы краденымъ добромъ.
Ведя дѣла съ искусною сноровкой,
Онъ милліонъ піастровъ нажилъ ловко.

CXXVI.

Пиратъ ловилъ не рыбу, а людей,
Какъ Петръ-апостолъ. Множилъ онъ удары
И каждый годъ не мало кораблей
Захватывалъ; сбывалъ затѣмъ товары,
Не забывая выгоды своей;
Рабами онъ турецкіе базары
Снабжалъ притомъ. Такое ремесло
Богатство очень многимъ принесло.

CXXVII.

Такъ старый грекъ награбилъ денегъ много,
Что выстроилъ на островѣ одномъ
Цикладскаго прибрежья родъ чертога
И, плавая въ довольствѣ, зажилъ въ немъ.
Никто не зналъ, конечно, кромѣ Бога,
Какъ много крови стоитъ этотъ домъ!
Разбойникъ старый былъ свирѣпъ и злобенъ,
Но домъ богатъ, роскошенъ и удобенъ.

CXXVIII.

Единственную дочь пиратъ имѣлъ;
Гайдэ была невѣстою завидной;
Но блескъ ея приданаго блѣднѣлъ
Передъ ея улыбкой миловидной.
Искателей ея руки удѣлъ
Плачевенъ былъ: ихъ ждалъ отказъ обидный;
Красавица гнала нещадно ихъ:
Явиться и получше могъ женихъ.

CXXIX.

Гуляя по прибрежью въ часъ заката,
Случайно у подножья мрачныхъ скалъ
Увидѣла Жуана дочь пирата;
Полунагой, онъ на пескѣ лежалъ,
Лишенный чувствъ; смущеніемъ объята,
Она уйти хотѣла; но страдалъ
Красивый незнакомецъ, и невольно
Проснулась жалость въ дѣвѣ сердобольной.

CXXX.

Гайдэ его, однако, въ отчій домъ
Не привела; она бы тѣмъ сгубила
Бѣднягу: мышь нельзя сводить съ котомъ;
Обмершаго не воскреситъ могила.
Старикъ былъ полонъ νοῦς *). Ему притомъ
Араба добродушье чуждо было.
Онъ принялъ бы его, лѣчить бы сталъ,
Но на базаръ затѣмъ его бъ послалъ.

CXXXI.

Гайдэ, окончивъ съ Зоей совѣщанье
(Совѣтъ служанки часто дѣвѣ милъ),
Жуана въ гротъ ввела. Прійдя въ сознанье,
Когда онъ очи черныя открылъ,
Такой порывъ живого состраданья
Сердца островитянокъ охватилъ,
Что, вѣрно, рай имъ отворилъ ворота:
Вѣдь къ раю путь—о страждущихъ забота.

*) Нусъ—греческое слово: разсчетливость.

CXXXII.

Онѣ костеръ немедленно зажгли;
На берегу валялося не мало
Разбитыхъ мачтъ и веселъ. Корабли
Тутъ гибли то-и-дѣло, и лежала
Обломковъ масса, гнившая въ пыли.
Имъ потому могло бы матерьяла
И на двадцать хватить костровъ такихъ:
Досокъ не мало было тамъ гнилыхъ!

CXXXIII.

Свою соболью шубу превратила
Гайдэ въ постель, чтобъ сладостенъ и тихъ
Былъ сонъ его и юношу накрыла
Большимъ платкомъ, что сняла съ плечъ своихъ.
Чтобъ сыростью его не охватило,
Ему по юбкѣ каждая изъ нихъ
Оставила, и съ пищей для Жуана
Условились онѣ явиться рано.

CXXXIV.

Затѣмъ онѣ ушли; и мертвымъ сномъ
Заснулъ Жуанъ. (Кто знаетъ, кромѣ Бога,
Проснутся ль тѣ, что съ жизненнымъ путемъ
Разсталися, простясь съ земной тревогой?)
Забылъ Жуанъ о горестномъ быломъ,
Забылъ, что бѣдъ и мукъ онъ вынесъ много,
А грезы сна порой такъ мучатъ насъ,
Что плачемъ мы и въ пробужденья часъ!

CXXXV.

Жуанъ заснулъ безъ грезъ и сновидѣній;
Гайдэ же, покидая темный гротъ,
Остановилась вдругъ, полна волненья:
Приснилось ей, что онъ ее зоветъ
По имени. Игра воображенья:
И сердце, какъ языкъ, порою лжетъ.
Она забыла, вѣря чувствъ обману,
Что имя то невѣдомо Жуану.

CXXXVI.

Задумчиво пошла Гайдэ домой
И Зою обо всемъ молчать просила;
Ея служанка, что была звѣздой,
Сама бъ желанье то предупредила.
Она была постарше, а порой
Два лишнихъ года въ молодости—сила!
Успѣла Зоя изучить людей:
Служила мать-природа школой ей.

CXXXVII.

Взошла заря. Жуанъ все спалъ упорно;
Царило вкругъ молчанье; солнца свѣтъ
Не освѣщалъ лучами гротъ просторный;
Такъ много перенесъ тяжелыхъ бѣдъ
Несчастный Донъ-Жуанъ, что въ снѣ безспорно
Нуждался онъ и въ отдыхѣ. Мой дѣдъ,
Оставивъ нам свои „повѣствованья“,
Въ нихъ описалъ такія же страданья.

CXXXVIII.

Гайдэ уснуть спокойно не могла;
Ей снилися крушенья, бури, мели,
На берегу красивыя тѣла,
Что съ злобой волны поглотить хотѣли.
И вотъ она, едва заря взошла,
Свою служанку подняла съ постели
И разбудила всѣхъ отцовскихъ слугъ:
Такой капризъ въ нихъ пробудилъ испугъ.

CXXXIX.

Она сказала имъ, что встала рано,
Чтобъ посмотрѣть на солнечный восходъ;
Дѣйствительно, какъ волны океана
И небо хороши, когда встаетъ
Блестящій Фебъ! Въ лучахъ зари румяной
Щебечутъ птички. Мглы тяжелый гнетъ
Природа сбросить съ плечъ тогда такъ рада,
Какъ трауръ, что носить по мужу надо.

CXL.

Не разъ случалось мнѣ встрѣчать разсвѣтъ,
Не спавши ночь. Отъ доктора не ждите
За то похвалъ; но я даю совѣтъ,
Когда здоровье вы сберечь хотите,
А также кошелекъ,—вставать чѣмъ свѣтъ.
Затѣмъ, достигнувъ старости, велите
На памятникѣ начертать своемъ,
Что на зарѣ вы разставались съ сномъ.

CXLI.

Гайдэ, при встрѣчѣ съ утренней зарею,
Ее затмила свѣжестью своей;
Отъ страстнаго волненья кровь струею
Къ ея лицу стремилась, щеки ей
Румяня; такъ встрѣчаяся съ скалою,
Струи сливаетъ въ озеро ручей,
Катясь съ Альпійскихъ горъ; такъ въ Красномъ морѣ...
Оно не красно только — вотъ въ чемъ горе.

CXLII.

Гайдэ съ горы спустилася стремглавъ
И, грезъ полна, пошла къ пещерѣ шибко.
За юную сестру ее принявъ,
Ее лобзала съ нѣжною улыбкой
Аврора. Ихъ обѣихъ увидавъ,
За свѣтлую богиню вы ошибкой
Легко бы дѣву горъ принять могли,
Но съ красотой и тѣло бы нашли.

CXLIII.

Она вошла въ пещеру. Безтревожно,
Съ ребенкомъ схожъ, все спалъ еще Жуанъ;
Съ испугомъ (сонъ за смерть принять вѣдь можно!)
Она къ нему свой наклонила станъ;
Накрыла друга шубкой осторожнѣ,
Чтобъ повредить ему не могъ туманъ;
Затѣмъ, сходна съ могилою безмолвной,
Въ него вперила взоръ участья полный.

CXLIV.

Какъ херувимъ надъ праведнымъ, она
Надъ нимъ склонялась, сонъ его покоя;
Вокругъ него царила тишина;
Едва былъ слышенъ легкій шумъ прибоя;
Въ то время, хлопотливости полна,
На берегу варила завтракъ Зоя:
Не трудно догадаться было ей,
Что пища будетъ имъ всего нужнѣй.

CXLV.

Она прекрасно знала, что въ немъ голодъ
Пробудится, какъ только сонъ пройдетъ;
Ее къ тому жъ тревожилъ утра холодъ
(Влюбленныхъ только грѣетъ страсть!)—и вотъ,
Душистый кофе тутъ же былъ ей смолотъ
И сваренъ. Вина, рыбу, яйца, медъ
Она съ собою также захватила;
Любовь все это даромъ подносила.

CXLVI.

Жуана собралась она будить,
Когда все было къ завтраку готово,
Но поспѣшила пальчикъ приложить
Гайдэ къ губамъ, чтобъ сладкій сонъ больного
Прервать она не смѣла. Ей сварить
Пришлося для Жуана завтракъ новый.
Межъ тѣмъ его все продолжался сонъ,
И безконечнымъ имъ казался онъ.

CXLVII.

Лежалъ спокойно юный чужестранецъ;
Но на его худомъ лицѣ игралъ
Зловѣщій лихорадочный румянецъ;
Такъ золотитъ заря вершины скалъ.
Не мало тяжкихъ мукъ узналъ страдалецъ;
Лишенный силъ въ пещерѣ онъ лежалъ;
Его же волоса слѣды носили
Соленыхъ волнъ и сырости, и пыли.

CXLVIII.

Такъ тихо передъ ней лежалъ Жуанъ,
Какъ спитъ ребенокъ съ матерью родною;
Спокойно, какъ уснувшій океанъ;
Унылъ, какъ листъ, оторванный грозою;
Красивъ, какъ пышный розанъ южныхъ странъ;
Какъ юный лебедь чистъ; того не скрою,
Что видъ онъ привлекательный имѣлъ,
Да жаль, что исхудалъ и пожелтѣлъ!

CXLIX.

Жуанъ открылъ глаза неторопливо
И вѣрно погрузился бъ снова въ сонъ,
Когда бъ островитянки ликъ красивый
Не увидалъ, смутясь душою, онъ;
Предъ красотой склонялся онъ ревниво
И даже въ часъ молитвы отъ Мадоннъ
Не отводилъ очей, любуясь ими
И не мирясь съ угрюмыми святыми.

CL.

На локоть приподнявшись, въ стройный станъ
И блѣдный ликъ островитянки милой
Вперилъ глаза взволнованный Жуанъ.
Она, краснѣя, съ нимъ заговорила
По-гречески, съ акцентомъ южныхъ странъ
И, съ нѣжностью во взорѣ, объяснила,
Что блѣденъ онъ и слабъ, и потому
Не говорить, а надо ѣсть ему.

CLI.

Та рѣчь лилась, какъ птички щебетанье;
Хотя Жуанъ ея понять не могъ,
Но нѣжный голосъ, полный обаянья,
Его своими чарами увлекъ.
Такіе звуки будятъ въ насъ рыданья;
Струится безъ причины слезъ потокъ,
Что вторитъ, упоенье пробуждая,
Мотивамъ, словно льющимся изъ рая.

CLII.

Такъ иногда отрадной грезой сна
Намъ кажется волшебный звукъ органа,
Но насъ не долго радуетъ она:
Привратникъ налицо—и нѣтъ обмана.
О, Боже! какъ дѣйствительность скучна!
Невыносимъ слуга, что утромъ рано
Нашъ прерываетъ сонъ: ночной порой
И звѣздъ, и женщинъ краше свѣтлый рой.

CLIII.

Прервалъ всѣ грезы моего героя
Проснувшійся въ немъ голодъ; сладокъ былъ
Видъ вкусныхъ блюдъ, что, на колѣняхъ стоя,
Передъ костромъ (онъ кухнею служилъ)
Готовила съ большимъ искусствомъ Зоя.
Жуанъ всѣ мысли къ пищѣ устремилъ
И сталъ мечтать, отъ жадности трясяся,
О томъ, какъ бы достать кусочекъ мяса.

CLIV.

Но мясо—рѣдкость тамъ; на островахъ,
Что гнѣвно точатъ волны океана,
Понятья не имѣютъ о быкахъ;
Тамъ водятся лишь овцы да бараны,
Что лакомствомъ считаютъ въ тѣхъ краяхъ;
Безлюдны и убоги эти страны;
Но острова и побогаче ѐсть:
Къ нимъ надо островокъ Гайдэ отнесть.

CLV.

И въ древности быковъ здѣсь было мало:
Невольно къ Пазифаѣ мысль летитъ;
Она коровью шкуру надѣвала—
И что жъ? Царицу бѣдную язвитъ
За развращенный вкусъ злословья жало.
Но въ баснѣ этой смыслъ глубокій скрытъ:
Въ героевъ превратить критянъ желая,
Пеклась о скотоводствѣ Пазифая.

CLVI.

Безъ ростбифа—то знаетъ цѣлый свѣтъ—
Существовать не могутъ англичане;
Они къ тому же любятъ громъ побѣдъ;
Теперь у нихъ война на главномъ планѣ,
Хоть эта страсть плодитъ не мало бѣдъ;
Любили это также и критяне,
Поэтому мой выводъ не смѣшонъ,
Что Пазифаи чтутъ они законъ.

CLVII.

Но далѣе. Видъ пищи былъ такъ сладокъ
И представлялъ такъ много благъ собой,
Что голода мучительный припадокъ
Почувствовалъ немедля мой герой.
На завтракъ, несмотря на силъ упадокъ,
Накинулся онъ съ жадностью такой,
Что не могли бъ тягаться, думать смѣю,
Ни попъ, ни щука, ни акула съ нею.

CLVIII.

Гайдэ съ Жуаномъ няньчилась, какъ мать,
И юношу на славу угощала;
Онъ продолжалъ всѣ блюда уплетать,
Надъ пищею дрожа; но Зоя знала
По слухамъ (не случалось ей читать!),
Что голодавшимъ надо ѣсть сначала
Давать немного, иначе они
Отъ лишней пищи могутъ кончить дни.

CLIX.

Тутъ Зоя принялась за дѣло рьяно
И, вмѣсто словъ, пустила руки въ ходъ;
Она, тарелку вырвавъ у Жуана,
Сказала, что, объѣвшись, онъ умретъ,
А госпожа ея такъ встала рано,
И столько ей надѣлалъ онъ хлопотъ;
Когда бы лошадь даже столько съѣла,
И та бы отъ обжорства заболѣла.

CLX.

Его костюмъ былъ бѣденъ и убогъ;
Болтался онъ лохмотьями на тѣлѣ,
Но ни скрывать, ни грѣть его не могъ.
Онѣ сожгли тѣ тряпки и одѣли
Жуана сами съ головы до ногъ,—
Костюмъ былъ ими сшитъ для этой цѣли.
Хоть былъ Жуанъ безъ туфель и чалмы,
Принять его могли бъ за турка мы.

CLXI.

Одѣвъ его, Гайдэ болтать съ нимъ стала;
Жуанъ не понималъ ея рѣчей,
Но, этимъ не смущаяся ни мало,
Съ участіемъ живымъ внималъ онъ ей;
Она же съ protégé своимъ болтала,
Любуяся огнемъ его очей,
Но все же убѣдилась, хоть не скоро,
Что онъ ея не понялъ разговора.

CLXII.

При помощи улыбокъ, знаковъ, глазъ,
Тогда въ лицѣ Жуана, полномъ пыла,
Она читать какъ въ книгѣ принялась.
И что жъ? Гайдэ въ ней все понятно было!
Не мало задушевныхъ, теплыхъ фразъ
Она прочла въ той книгѣ, сердцу милой;
Ей выражалъ понятій цѣлый рядъ
Жуана каждый мимолетный взглядъ.

CLXIII.

Жуанъ усердно повторялъ за нею
Слова, съ ея сродняясь языкомъ;
Очей Гайдэ—я скрыть того не смѣю—
Не выпускалъ онъ изъ виду притомъ;
Сравнитъ ли звѣзды съ книгою своею
Любующійся небомъ астрономъ?
Такъ съ азбукой, безъ книгъ и безъ указокъ,
Сроднилъ Жуана блескъ прелестныхъ глазокъ.

CLXIV.

Пріятно изучать чужой языкъ
Посредствомъ глазъ и губокъ милой. Надо
Притомъ, чтобъ были юны ученикъ
И менторъ. О, тогда урокъ отрада!
Ошибся ль ты?—привѣтливъ милый ликъ;
А нѣтъ—пожатье рукъ тебѣ награда;
Въ антрактахъ поцѣлуй звучитъ порой.
Что знаю я—такъ выучено мной.

CLXV.

Испанскихъ и турецкихъ словъ я знаю
Пять, шесть; но, не имѣвъ учителей,
По-итальянски я не понимаю;
Наврядъ ли въ языкѣ страны моей
Могу считаться сильнымъ: изучаю
Его я лишь путемъ проповѣдей,
Поэтовъ же родныхъ я въ грошъ не ставлю
И ихъ читать себя я не заставлю.

CLXVI.

Покинувъ свѣтъ, гдѣ былъ я моднымъ львомъ,
Не помню дамъ (мои остыли страсти!),
Съ которыми я прежде былъ знакомъ;
Забылъ и тѣхъ, которыхъ рвалъ на части:
Все это лишь преданья о быломъ.
Мнѣ не страшны теперь судьбы напасти,
Ни дамы, ни друзья—все это сонъ,
И для меня ужъ не вернется онъ.

CLXVII.

Займусь опять Жуаномъ; онъ прилежно
Твердилъ свои слова, участіемъ согрѣтъ;
Но чувства есть, что выйти неизбѣжно
Должны наружу. Можно ль солнца свѣтъ
Отъ взоровъ скрыть? Таить огонь мятежный
И у монахинь даже силы нѣтъ.
Въ Жуанѣ страсть проснулась ураганомъ,
Да и Гайдэ, любя, сошлась съ Жуаномъ.

CXVIII.

Съ тѣхъ поръ она, что день, въ разсвѣта часъ
Въ пещеру къ Донъ-Жуану приходила;
Онъ долго спалъ; Гайдэ, надъ нимъ склонясь,
Съ любовью сонъ больного сторожила.
Она съ него не отводила глазъ
И ручкою ласкала локонъ милый,
Едва дыша; такъ, нѣженъ и легокъ,
Играетъ съ розой южный вѣтерокъ.

CLXIX.

Совсѣмъ воскресъ Жуанъ, больной и хилый,
И съ каждымъ днемъ все дѣлался свѣжѣй,
Здоровье и бездѣлье страсти милы:
Для пламени любви они елей,
Что придаетъ огню такъ много силы.
Церера тоже съ жатвою своей
И Бахусъ со своей блестящей свитой
Помощники и слуги Афродиты.

CLXX.

Когда огнемъ Венера сердце жжетъ
(Безъ сердца счастье можемъ ли найти мы?),
Церера намъ свои дары несетъ
(Они любви, какъ намъ, необходимы),
Струи вина въ нашъ кубокъ Бахусъ льетъ
(И устрицы, и яйца страстью чтимы).
Но кто жъ даритъ всѣ эти блага намъ?
Нептунъ ли, Панъ, иль Громовержецъ самъ?

CLXXI.

Жуанъ, проснувшись, видѣлъ предъ собою
Гайдэ, которой не опишетъ глазъ,
И вмѣстѣ съ ней смазливенькую Зою;
Но это я ужъ говорилъ не разъ
И надоѣсть боюсь. Вернусь къ герою
Моей поэмы. Въ морѣ, въ ранній часъ,
Купался онъ; затѣмъ, оставивъ волны,
Онъ завтракалъ съ Гайдэ, восторга полный.

CLXXII.

Купался онъ при ней, но такъ была
Невинна дочь полуденнаго края,
Что въ этомъ ей не снилось даже зла!
Жуанъ былъ для нея видѣньемъ рая,
Той свѣтлой грезой сна, что не могла
Она не полюбить, о ней мечтая.
Безъ нѣжнаго участья счастья нѣтъ:
Оно явилось двойнею на свѣтъ.

CLXXIII.

Она въ него впивалась страстнымъ взглядомъ;
Любви полна, къ нему склоняла станъ;
Когда онъ находился съ нею рядомъ,
Ей міръ казался раемъ. Донъ-Жуанъ
Ея богатствомъ былъ, безцѣннымъ кладомъ,
Что подарилъ ей въ бурю океанъ;
Ея и первой, и послѣдней страстью;
Жизнь безъ него была для ней напастью.

CLXXIV.

Такъ мѣсяцъ пролетѣлъ; хоть каждый день
Гайдэ зарею друга посѣщала,
Никто не зналъ на островѣ, что сѣнь
Пещеры иностранца укрывала.
Густыхъ лѣсовъ ихъ охраняла тѣнь.
Но отбылъ въ даль пиратъ. Какъ встарь бывало,
Онъ не за свѣтлой Іо гнался вслѣдъ:
Нѣтъ, страстью къ грабежу онъ былъ согрѣтъ.

CLXXV.

Оставилъ онъ свой островъ для захвата
Трехъ изъ Рагузы плывшихъ кораблей
Съ богатымъ грузомъ въ Хіосъ. Дочь пирата
Свободы дождалась отрадныхъ дней;
Нѣтъ у нея ни матери, ни брата;
Никто теперь мѣшать не можетъ ей:
У христіанъ свободны жены; рѣдко
Ихъ охраняетъ запертая клѣтка.

CLXXVI.

Къ Жуану чаще стала приходить
Гайдэ, когда осталася одною;
Настолько онъ успѣлъ ужъ изучить
Ея языкъ, что пригласилъ съ собою
Ее гулять. Изъ грота выходить
Онъ прежде только могъ ночной порою.
И вотъ они пошли въ вечерній часъ
Смотрѣть, какъ лучъ заката въ морѣ гасъ.

CLXXVII.

На берегъ дикій, пѣною покрытый,
Ревя и злясь, обрушивался валъ.
Почти весь годъ тамъ вѣтеръ дулъ сердитый;
Утесы, мели, рядъ подводныхъ скалъ
Тому служили острову защитой;
Лишь лѣтомъ ревъ пучины утихалъ,
Тогда волна ласкала съ пѣснью нѣжной,
Какъ зеркало блестя, песокъ прибрежный.

CLXXVIII.

У берега кипѣвшая волна
Была сходна съ клокочущею влагой
Шампанскаго. Что сладостнѣй вина?
Его струи съ надеждой и отвагой
Сродняютъ насъ. Какъ проповѣдь скучна,
Когда отрадны намъ земныя блага!
Все жъ буду воспѣвать, хоть это грѣхъ,
Вино, красавицъ, пиршества и смѣхъ!

CLXXIX.

Для мыслящихъ существъ въ винѣ есть сладость;
Даритъ намъ упоеніе оно,
Какъ слава, страсть, богатство. Жизнь не радость,
Коль поле жизни въ степь превращено.
Безъ радостныхъ утѣхъ безцвѣтна младость;
Итакъ, совѣтъ даю я пить вино,
Хоть голова болѣть съ похмѣлья можетъ,
Но средство есть, что отъ того поможетъ.

CLXXX.

Рейнвейнъ смѣшайте съ содовой водой,
И дивнымъ вы питье найдете это;
Утѣхи Ксерксъ и тотъ не зналъ такой!
Въ жару—струи холоднаго шербета;
Студеная волна—въ степи сухой;
Бургонское, что словно лучъ разсвѣта
Блеститъ, по вкусу приходяся всѣмъ,
Все это меркнетъ предъ напиткомъ тѣмъ.

CLXXXI.

Вернусь къ разсказу: берегъ, небо, море
Въ тотъ часъ объяты были сладкимъ сномъ;
Песокъ лежалъ недвижно; на просторѣ
Не злился вѣтеръ; смолкло все кругомъ;
Лишь иногда дельфинъ, съ волною въ спорѣ,
Плескался и, чуть двигая крыломъ,
Бросала птица крикъ, да, сна не зная,
Лизала скалы бездна голубая.

CLXXXII.

Уѣхалъ за добычею пиратъ,
Оставивъ дочь, что вольной птичкой стала;
Мѣшать ей не могли ни мать, ни братъ:
При ней одна лишь Зоя состояла
Служанкой; ей готовила нарядъ
Да по утрамъ ей косы заплетала,
У госпожи своей прося порой
Поношенныхъ одеждъ за трудъ такой.

CLXXXIII.

Былъ тихій часъ, когда лучи заката
Скрываются за синею горой;
Когда природа сонная объята
Спокойствіемъ, прохладою и мглой;
Когда высокихъ горъ крутые скаты
Сливаются съ безбрежною водой,
И, въ розовыхъ лучахъ зари, далеко
Вечерняя звѣзда блеститъ, какъ око.

CLXXXIV.

По раковинамъ хрупкаго песка
И камешкамъ идетъ Гайдэ съ Жуаномъ;
Въ его рукѣ дрожитъ ея рука;
Она идетъ, къ нему склоняясь станомъ:
Замѣтя темный гротъ издалека,
Подземный залъ, что вырытъ океаномъ,
Они въ него вошли и тамъ, сплетясь
Руками, не спускали съ неба глазъ.

CLXXXV.

Какъ розовое море, разстилался
Надъ головами ихъ небесный сводъ;
Всходившій мѣсяцъ въ волнахъ отражался,
А словно выплывалъ изъ лона водъ;
Чуть слышно вѣтеръ съ волнами шептался;
Горя, ихъ взоры встрѣтились—и вотъ,
Въ порывѣ страсти, пламенномъ, могучемъ,
Слилися ихъ уста въ лобзаньи жгучемъ.

CLXXXVI.

Слились въ томъ поцѣлуѣ огневомъ
Пылъ юности, краса и обожанье,
Какъ въ фокусѣ; и отразилось въ немъ
Огня небесъ волшебное сіянье.
Лишь молодость со свѣтомъ и тепломъ
Плодитъ такія жгучія лобзанья,
Когда, какъ лава, въ жилахъ льется кровь
И, какъ пожаръ, горитъ въ груди любовь.

CLXXXVII.

Порывы страсти сдерживать напрасно,
Тѣмъ больше измѣрять. Безъ фразъ пустыхъ
Все для Гайдэ съ Жуаномъ стало ясно,
И ихъ уста слилися въ тотъ же мигъ;
Къ цвѣтамъ не такъ ли пчелы рвутся страстно,
Чтобъ свѣтлый медъ высасывать изъ нихъ?
Но только тутъ сердца цвѣтами были
И для влюбленныхъ медъ любви точили.

CLXXXVIII.

Ихъ не томилъ уединенья гнетъ,
Мучительный для узника. Внимая
Таинственному плеску сонныхъ водъ,
Что въ даль неслись, свѣтила отражая;
Глядя на берегъ, небо, море, гротъ,
Они, другъ друга страстно обнимая,
Весь забывали міръ: жизнь сферъ земныхъ
Казалась имъ заключена лишь въ нихъ.

CLXXXIX.

Ихъ не страшила тьма; враговъ опасныхъ
Пустынный край въ себѣ таить не могъ;
Любовь сжигала ихъ; порывовъ страстныхъ
Былъ выраженьемъ только нѣжный вздохъ,
Что замѣнялъ потокъ рѣчей напрасныхъ;
Любви онъ и оракулъ, и залогъ!
Съ тѣхъ поръ какъ змій разъединилъ насъ съ раемъ,
Мы слаще ничего любви не знаемъ.

CXC.

Гайдэ, святой невинности полна,
Не требовала клятвъ и не давала
Сама обѣтовъ вѣрности. Она
Не вѣдала, что страсть плодитъ не мало
Опасностей. Одной любви вѣрна,
Она, какъ птичка нѣжная, встрѣчала
Любовника, ему отдавшись въ плѣнъ.
Къ чему обѣты, если нѣтъ измѣнъ?

CXCI.

Она любила искренно и нѣжно,
И Донъ Жуанъ ее боготворилъ;
Когда бы могъ огонь любви мятежной
Сжигать сердца и души, страстный пылъ
Ихъ въ пепелъ превратилъ бы неизбѣжно.
Когда порой ихъ страсть лишала силъ,
Лишь краткій мигъ оцѣпенѣнье длилось—
Одна любовь Гайдэ съ Жуаномъ снилась.

CXCII.

Увы! они такъ были хороши
И молоды! Имъ съ страстною тревогой
Бороться было трудно. Для души
Соблазновъ всевозможныхъ въ свѣтѣ много;
Не трудно заблудиться ей въ глуши,
И въ адъ тогда прямая ей дорога;
Тамъ вмѣстѣ съ злыми будутъ жечь и тѣхъ,
Что ублажали ближнихъ, холя грѣхъ.

CXCIII.

Увы! грѣхопаденье угрожало
Четѣ влюбленной, а ея милѣй
Не видѣлъ міръ съ тѣхъ поръ, какъ Ева пала,
Сгубивъ своею жадностью людей.
Гайдэ не разъ о демонахъ слыхала
И вѣчныхъ мукахъ ада; тутъ-то ей
О нихъ со страхомъ надо помнить было—
Она жъ, отдавшись страсти, все забыла.

CXCIV.

Сверкали очи ихъ. Гайдэ рукой
Его держала голову; дыханье
Сливалось ихъ. Покрытъ ея косой,
Жуанъ склонялся къ милой; замиранье
Чету сродняло съ счастьемъ, и порой
Влюбленные лишалися сознанья;
Они, съ античной группою сходны,
Другъ къ другу льнули, трепета полны.

CXCV.

Когда утихли бури сладострастья,
Онъ сладко на груди заснулъ у ней;
Она жъ, не зная сна, полна участья,
Лелѣяла его рукой своей;
То къ небу взоръ ея влекло отъ счастья,
То, съ милаго не отводя очей,
Она имъ любовалась, утопая
Въ блаженствѣ и границъ ему не зная.

CXCVI.

Ребенокъ, что любуется огнемъ;
Дитя, что спитъ; ханжа, что ждетъ причастья;
Морякъ, что въ битвѣ справился съ врагомъ;
Арабъ, что гостю выразилъ участье;
Скупецъ, что надъ своимъ дрожитъ добромъ,—
Быть-можетъ, и вкушаютъ сладость счастья,
Но всѣхъ счастливѣй тотъ, кто, упоенъ,
Предмета думъ оберегаетъ сонъ.

CXCVII.

Найдется ль что-нибудь на свѣтѣ краше?
Онъ тихо спитъ, не зная, что даетъ
Другому пить блаженство полной чашей;
Его тревогъ, волненій, думъ, заботъ
Не знаемъ мы, а слита съ жизнью нашей
Вся жизнь его. Сонъ безмятежный тотъ
Со смертью схожъ, но въ немъ лишь дышетъ сладость;
Не ужасъ онъ плодитъ, а только радость.

CXCVIII.

Подъ ропотъ волнъ такъ нѣжно стерегла
Гайдэ Жуана сонъ, покорна власти
Любви, что въ душу ей восторгъ влила;
Убѣжище надежное для страсти
Среди песковъ и скалъ она нашла;
Тамъ не могли имъ угрожать напасти,
И вѣдалъ только звѣздъ дрожащій свѣтъ,
Что ихъ счастливѣй въ мірѣ смертныхъ нѣтъ.

CXCIX.

Любовь для женщинъ—мука и отрада;
Но все жъ игра опасная—любовь:
Со счастьемъ имъ навѣкъ проститься надо,
Когда она измѣнитъ, хмуря бровь;
Вотъ отчего ихъ месть страшнѣе ада
И имъ мила она, какъ тигру кровь;
Вѣдь мука ихъ всегда сильнѣй удара,
Что, мстя, онѣ врагу наносятъ яро.

CC.

Ихъ мстительность понятна и вражда;
Когда же къ нимъ мужчины справедливы?
Съ измѣнами сродняетъ ихъ среда;
Какъ рѣдко бракъ встрѣчается счастливый!
Что жъ ждетъ ихъ впереди? Почти всегда
Неблагодарный мужъ, любовникъ лживый,
Наряды, дѣти, сплетни, ханжество
И кромѣ лжи и скуки—ничего.

CCI.

Однѣ себѣ любовниковъ заводятъ;
Тѣ втихомолку пьютъ; тѣ ѣздятъ въ свѣтъ;
Иныя въ ханжествѣ свой вѣкъ проводятъ;
Другія, не страшась тяжелыхъ бѣдъ,
Себя позоря, отъ мужей уходятъ,
И ужъ потомъ нигдѣ имъ мѣста нѣтъ;
Такія жъ есть, что, нарѣзвившись вдоволь,
Романы пишутъ. (Такъ чудить не ново ль?)

CCII.

Родясь въ странѣ, гдѣ солнце жжетъ какъ страсть,
Гайдэ была чужда приличьямъ свѣта;
Она любви лишь признавала власть,
Ея лучами знойными согрѣта,
И лишь къ тому могла въ объятья пасть,
Кто избранъ ей. Бояться несть отвѣта
За страстный пылъ могло ль страстей дитя,
Одни законы сердца только чтя?

CCIII.

Какъ сладки сердца страстныя біенья,
Въ причинахъ и въ послѣдствіяхъ своихъ!
Ни совѣсти нѣмыя угрызенья,
Ни мудрость—обуздать не могутъ ихъ;
Такъ драгоцѣнны эти треволненья,
Что я, сознаться надо, не постигъ,
Какъ Кэстельри, идя путемъ обычнымъ,
Не обложилъ налогомъ ихъ приличнымъ!

CCIV.

Свершилося! обвѣнчаны они!
Свидѣтелями брака были волны;
Свѣчами—звѣздъ далекіе огни;
Прибрежный лѣсъ, таинственности полный,
Ихъ обвѣнчалъ въ своей густой тѣни;
А брачнымъ ложемъ ихъ былъ гротъ безмолвный.
Весь міръ для нихъ сталъ раемъ, и вдвоемъ,
Какъ ангелы, они носились въ немъ.

CCV.

Любовь! Самъ Цезарь былъ твоимъ клевретомъ;
Рабомъ—Антоній; властелиномъ—Титъ;
Овидій—менторомъ; Катуллъ—поэтомъ!
Чулкомъ же синимъ—Сафо, что обидъ
Не мало нанесла тебѣ предъ свѣтомъ!
(Ея скала надъ моремъ все виситъ).
Любовь—богиня зла; ей міръ тревожимъ;
Все жъ дьяволомъ ее назвать не можемъ!

CCVI.

Она, великихъ не щадя людей,
Ихъ лбы не разъ коварно украшала;
Какъ Велисарій,—Цезарь и Помпей
И Магометъ ея узнали жало,
Весь міръ наполнивъ славою своей.
Мы сходства въ ихъ судьбѣ найдемъ не мало:
Всѣ четверо ввергали въ прахъ врага,
Но съ лаврами носили и рога.

CCVII.

Любовью созданъ не одинъ философъ·
И Аристиппъ, и Эпикуръ народъ
Не мало въ грѣхъ вводили, тьму вопросовъ
Поднявъ такихъ, что нравственность клянетъ;
Не бойся люди дѣлать чорту взносовъ,
Успѣшно афоризмъ пошелъ бы въ ходъ:
„Пей, ѣшь, люби! другихъ нѣтъ въ жизни правилъ!"
Ту заповѣдь Сарданапалъ оставилъ.

CCVIII.

Но Джулію ужель могъ позабыть
Такъ скоро Донъ Жуанъ? Я въ затрудненье
Вопросомъ тѣмъ поставленъ. Вы винить
Во всемъ должны луну, что безъ сомнѣнья
Всегда людей готова въ грѣхъ вводить;
А иначе найти ли объясненье
Тому, что предъ кумиромъ новымъ пасть
Всегда мы рады, прежнихъ свергнувъ власть!

CCIX.

Но я непостоянства врагъ заклятый;
Мнѣ жалки тѣ, что только чтутъ законъ
Своей мечты игривой и крылатой;
Я жъ вѣрности воздвигнулъ въ сердцѣ тронъ,
И мнѣ ея велѣнья только святы;
Однако я вчера былъ потрясенъ
Нежданной встрѣчей: обмеръ я отъ взгляда
Миланской феи въ вихрѣ маскарада.

CCX.

Но мудрость мнѣ шепнула: „твердымъ будь!
Измѣну не оставлю безъ протеста“;
Не бойся! молвилъ я; но что за грудь,
Что за глаза! То дама иль невѣста,
Хотѣлось бы узнать мнѣ какъ-нибудь...
На это мудрость молвила: „ни съ мѣста!“
Съ осанкою гречанки прежнихъ дней,
Хоть итальянки былъ костюмъ на ней.

CCXI.

И я ей внялъ. Окончу разсужденье:
То чувство, что невѣрностью зовутъ,
Есть только дань восторговъ и хваленья,
Что красотѣ всѣ смертные несутъ,
Къ ней чувствуя невольное влеченье.
Такъ скульптора насъ восхищаетъ трудъ!
Пусть насъ хулятъ—объ этомъ мы не тужимъ:
Служа красѣ, мы идеалу служимъ.

CCXII.

Въ томъ чувствѣ пышетъ неподдѣльный жаръ
Любви къ тому, что чисто и прелестно;
Оно небесъ и звѣздъ волшебный даръ;
Какъ безъ него на свѣтѣ было бъ тѣсно!
Оно полно неотразимыхъ чаръ,
И если плоть, волнуясь неумѣстно,
Порой въ общеньи съ нимъ—причина та,
Что плоть разжечь способна и мечта.

CCXIII.

Невольно чувство то и скоротечно,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ тягостно оно!
О, еслибъ все одинъ и тотъ же вѣчно
Любить предметъ намъ было суждено,
Какъ много тратъ и горести сердечной
Могло бы этимъ быть сбережено!
Мы экономій сдѣлали бъ не мало,
И печени, и сердцу легче бъ стало.

CCXIV.

Какъ съ небомъ сердце схоже! Также въ немъ,
Какъ въ небесахъ, порой бушуютъ грозы,
Неся съ собою холодъ, мракъ и громъ.
Въ насъ будятъ страхъ ихъ гнѣвныя угрозы,
А все жъ онѣ кончаются дождемъ:
Такъ и отъ бурь сердечныхъ льются слезы...
(Коснувшись непогоды и дождей,
Я вспомнилъ климатъ родины моей).

CCXV.

Врачъ желчи печень, но она не можетъ
Успѣшно роли выполнить своей:
Страсть первая такъ долго насъ тревожитъ,
Что прочія къ ней льнутъ, какъ кучи змѣй,
И, въ ней киша, ея страданья множатъ;
Гнѣвъ, зависть, злоба, мщенье, ревность—въ ней
Всѣ сплетены. Нѣтъ грани ихъ порывамъ,
И взрывъ ихъ схожъ съ землетрясенья взрывомъ.

CCXVI.

Я болѣе двухсотъ вамъ далъ октавъ,
И здѣсь кладу перо; мнѣ отдыхъ нуженъ;
Въ поэмѣ будетъ всѣхъ двѣнадцать главъ,
А можетъ быть дойду и до двухъ дюжинъ;
Затѣмъ, поклонъ читателю отдавъ,
Анализы прерву, хоть съ ними друженъ.
Коль за себя успѣшно постоятъ
Жуанъ съ Гайдэ—тому я буду радъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

I.

О Муза! и такъ далѣе... съ Жуаномъ
Разстались мы, уснувшимъ на груди
Гайдэ. Любовь сродняетъ насъ съ обманомъ
И много мукъ готовитъ впереди;
Съ ней надо дань платить сердечнымъ ранамъ;
Безъ горестныхъ тревогъ любви не жди!
Она, губя и молодость и грезы,
Кровь сердца превращаетъ часто въ слезы.

II.

Любовь! твои обманчивы мечты!
Зачѣмъ въ гирлянды чуднаго убора
Унылый кипарисъ вплетаешь ты,
Одни лишь вздохи, вмѣсто разговора,
Пуская въ ходъ? Душистые цвѣты,
Приколотые къ платью, вянутъ скоро.
Такъ пылъ любви врывается къ намъ въ грудь,
Чтобъ въ ней затѣмъ безслѣдно потонуть.

III.

Лишь тотъ плѣняетъ женщину сначала,
Кто въ ней любовь впервые пробудилъ;
Затѣмъ, когда любовь привычкой стала,
Ей нравится лишь страсти жгучій пылъ;
Она ужъ не стѣсняется ни мало;
Сначала ей одинъ любовникъ милъ,
Потомъ не счесть ея любовныхъ шашенъ:
Ей длинный рядъ любовниковъ не страшенъ!

IV.

Кого винить за горестный исходъ?
Отвѣтить не могу я, но не скрою
Что женщина, любви вкусивши плодъ
Когда не суждено ей стать ханжею,
Прямымъ путемъ ужъ больше не пойдетъ.
Она сначала дышетъ лишь одною
Любовью, но, съ дороги сбившись разъ,
Не мало натворитъ затѣмъ проказъ.

V.

Вотъ грустный фактъ, что служитъ вѣрнымъ знакомъ
Порочности и слабости людей:
Не въ состояньи страсть ужиться съ бракомъ,
Хоть онъ идти бы долженъ рядомъ съ ней;
Безнравственность весь міръ одѣла мракомъ!
Любовь, какъ только съ нею Гименей,
Теряетъ вкусъ, лишаясь аромата:
Такъ кислый уксусъ былъ виномъ когда-то.

VI.

Противорѣчье явное царитъ
Межъ чувствами, что мы питаемъ къ милой
До брака и потомъ. Мѣняя видъ,
Любовь насъ не волнуетъ съ прежней силой;
И вотъ—обманъ сердечный намъ грозитъ!
Измѣнчивость—законъ любви унылый:
Такъ страсть сулитъ влюбленному успѣхъ,
А проявляясь въ мужѣ, будитъ смѣхъ.

VII.

Нельзя же вѣчно нѣжничать съ женою;
То мужу пріѣдается подчасъ.
Хоть тяжело съ случайностью такою
Встрѣчаться намъ—мечтою вдохновясь,
Нельзя весь вѣкъ плѣняться ей одною.
Межъ тѣмъ лишь смерть освобождаетъ насъ
Отъ брачныхъ узъ. Легко ль терять супругу
И въ трауръ облекать по ней прислугу?

VIII.

Порывовъ страсти чуждъ семейный бытъ.
Поэтъ, любовь описывая ярко,
О радостяхъ супружества молчитъ.
Кого жъ интересуетъ, если жарко
Жену цѣлуетъ мужъ и ей даритъ
Весь пылъ своей любви? Ужель Петрарка
Сонетовъ рядъ Лаурѣ бъ посвятилъ,
Когда бы онъ ея супругомъ былъ?

IX.

Въ трагедіяхъ героевъ ждетъ могила;
Въ комедіяхъ ихъ цѣпи брака ждутъ;
Но продолженье авторамъ не мило;
Они на томъ оканчиваютъ трудъ
И, чувствуя, что измѣняетъ сила,
Во власть поповъ героевъ отдаютъ;
Грядущее всегда у нихъ во мракѣ:
Они молчатъ о смерти и о бракѣ.

X.

Геенну, рай и прелесть брачныхъ узъ
Лишь двое: Дантъ [1]) и Мильтонъ [2]) воспѣвали;
Но имъ самимъ супружескій союзъ
Пошелъ не впрокъ: не мало бѣдъ узнали
Они, къ нему свой проявивши вкусъ.
Поэтому наврядъ ли съ женъ писали
Они портреты героинь своихъ.
За это упрекать возможно ль ихъ?

XI.

Иные видятъ въ Беатриче Данта
Эмблему богословья. Этотъ вздоръ,
По моему, лишь вымыселъ педанта,
Что далъ своей фантазіи просторъ.
О фикціи, что силою таланта
Поддерживать нельзя—напрасенъ споръ.
Сказать вѣдь можно (рѣчь идетъ о дичѣ)!
Что алгебры эмблема—Беатриче.

---

[1]) Дантъ въ «Аду» называетъ свою жену «La fiera moglie».

[2]) Первая жена Мильтона убѣжала отъ мужа въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы.

XII.

Читатель! за героевъ я своихъ
Передъ тобой отвѣтствовать не стану;
Моя ль вина, что въ злополучный мигъ
Гайдэ въ объятья бросилась Жуану?
Когда ты возмущенъ безбрачьемъ ихъ,
Не возвращайся больше къ ихъ роману;
А то пожалуй грѣшная любовь
Моей четы—твою волнуетъ кровь!

XIII.

Согласенъ я, грѣху она служила,
Но утопала въ счастьи. Съ каждымъ днемъ
Все дѣлаясь смѣлѣй, Гайдэ забыла,
Что счеты свесть придется ей съ отцомъ.
(Любовныхъ чаръ неотразима сила,
Когда въ груди пылаетъ страсть огнемъ)!
Пока пиратъ гонялся за товаромъ,
Гайдэ минуты не теряла даромъ.

XIV.

Хоть для него не писанъ былъ законъ,
Читатели, къ нему не будьте строги!
Его захваты (будь министромъ онъ)
Сошли бы, безъ сомнѣнья, за налоги;
Но не былъ честолюбьемъ увлеченъ
Лихой пиратъ и не искалъ дороги
Къ отличіямъ. Какъ прокуроръ морей
Онъ хлопоталъ лишь о казнѣ своей.

XV.

Задержанъ въ морѣ былъ старикъ почтенный
Противными вѣтрами; грозный шквалъ
Лишилъ его притомъ добычи цѣнной,
И наверстать убытокъ онъ желалъ.
Съ командою не церемонясь плѣнной,
Всѣхъ жертвъ своихъ онъ въ цѣпи заковалъ,
По нумерамъ ихъ раздѣливъ для сбыта.
(Такъ книга на главы всегда разбита).

XVI.

Онъ выгодно друзьямъ-Майнотамъ сбылъ
Часть груза возлѣ мыса Матапана;
Другую часть тунисскій бей купилъ;—
Пиратъ въ своихъ дѣлахъ не зналъ изъяна;—
Одинъ старикъ, негодный къ сбыту, былъ
При этомъ сброшенъ въ волны океана;
Кто выкупъ могъ платить—былъ подъ замкомъ;
Другихъ же сбылъ онъ въ Триполи гуртомъ.

XVII.

Не мало на левантскіе базары
Отправилъ онъ награбленныхъ вещей,
Но для себя лишь сохранилъ товары,
Что цѣнны дамамъ: пропасть мелочей,
Наряды, кружева, духи, гитары,
Гребенки, щетки, шпильки, рядъ сластей...
Нѣжнѣйшій изъ отцовъ, окончивъ сдѣлки,
Везъ дочери въ подарокъ тѣ бездѣлки.

XVIII.

Мартышки, обезьяны были тутъ,
Два попугая, кошка и котята.
Корабль давалъ и террьеру прiютъ;
Британцу онъ принадлежалъ когда-то,
Что кончилъ дни въ Итакѣ. Бѣдный людъ,
Кормившiй пса изъ жалости, пирата
Имъ наградилъ. Въ одинъ чуланъ звѣрей
Всѣхъ заперъ онъ, чтобъ ихъ сберечь вѣрнѣй.

XIX.

Его корабль сталъ требовать починки,
И потому походъ окончить свой
Рѣшилъ пиратъ. Онъ крейсеровъ на рынки
Далекiе послалъ, а самъ домой
Повезъ свои гостинцы и новинки,
Спѣша къ Гайдэ, что страсти роковой
Въ то время предавалась безразсудно;
Но вотъ и портъ: на якорь стало судно.

XX.

Лихой морякъ былъ высадиться радъ.
Гдѣ нѣтъ ни карантиновъ, ни таможенъ
Что путника вопросами томятъ,
Тамъ высадки процессъ весьма не сложенъ.
Чинить корабль немедленно пиратъ
Велѣлъ;—такой приказъ былъ неотложенъ,
И тотчасъ стали выгружать тюки,
Балластъ, товары, пушки—моряки.

XXI.

Пиратъ пошелъ знакомою дорогой.
Взойдя на холмъ, въ свой домъ, смутясь душой,
Онъ взоръ вперилъ. Всегда объятъ тревогой
Пришлецъ, что дальній путь кончаетъ свой.
Вѣдь перемѣнъ могло случиться много
Въ отсутствіе его; прійдя домой,
Найдетъ ли милыхъ онъ? и, полонъ муки,
Онъ вспоминаетъ тяжкій мигъ разлуки.

XXII.

Супруга иль отца заботъ не счесть,
Когда домой онъ ѣдетъ издалека;
Его понятенъ страхъ: семейства честь
Въ рукахъ жены иль дочери. (Глубоко
Я женщинъ чту, но имъ противна лесть,
И потому не вижу въ лести прока.)
Обманывать жена, порой, не прочь
И можетъ убѣжать съ лакеемъ дочь.

XXIII.

Найдется ль мужъ, что сходенъ съ Одиссеемъ?
Кто Пенелопу новую найдетъ?
Иной супругъ, почтённый мавзолеемъ,
Явясь домой, со страхомъ узнаетъ,
Что лучшій другъ его женой лелѣемъ;
Семья же съ каждымъ годомъ все растетъ;
И Аргусъ самъ ему не лижетъ руки,
А только рветъ его пальто и брюки.

XXIV.

Бываетъ также жертвой холостякъ:
Найти онъ можетъ, что его невѣста
Съ богатымъ старикомъ вступила въ бракъ.
Въ такой бѣдѣ занять супруга мѣсто
Онъ можетъ пожелать, попавъ въ просакъ.
Коварныя измѣны безъ протеста
Порой не оставляютъ женихи,
И „Козни женъ“ караютъ ихъ стихи.

XXV.

О вы! liaisons имѣющіе въ свѣтѣ,
Бичи мужей, послушайте меня:
Пусть ширмы бракъ, а крѣпки связи эти—
Отлучекъ все же бойтесь, какъ огня;
Хорошаго не мало въ томъ совѣтѣ:
Случается, что васъ въ теченье дня
(Хоть крѣпче узъ не существуетъ въ мірѣ),
Обманываютъ раза по четыре.

XXVI.

Пиратъ Ламбро (такъ назывался онъ),
Увидя вновь знакомыя картины
И дымъ родной трубы, былъ восхищенъ.
Онъ чувствъ своихъ не понималъ причины
И не былъ въ метафизикѣ силенъ,
Но дочь свою любилъ и, полнъ кручины,
Онъ пролилъ бы не мало горькихъ слезъ,
Когда бъ ему разстаться съ ней пришлось.

XXVII.

Свой домъ онъ видѣлъ съ садомъ, полнымъ тѣни;
Вдали журчалъ знакомый ручеекъ;
И лай собакъ былъ слышенъ въ отдаленьи;
Гуляющихъ въ лѣсу онъ видѣть могъ
И блескъ оружья ихъ. (Въ вооруженьи,
Гордяся имъ, является Востокъ.)
Какъ крылья мотылька, плѣняя взоры,
Одеждъ пестрѣли яркіе узоры.

XXVIII.

Пиратъ, картиной праздности смущенъ,
Съ высокаго холма спустился шибко;
Не музыку небесъ услышалъ онъ—
О, нѣтъ!—вдали визжала только скрипка.
Старикъ былъ тѣмъ глубоко потрясенъ;
Ужъ не введенъ ли онъ въ обманъ ошибкой?
Чу! громкій хохотъ! вѣрить ли ушамъ?
И барабанъ и флейты слышны тамъ.

XXIX.

Пиратъ, чтобъ разсмотрѣть, какъ на досугѣ,
Богъ вѣсть съ чего, бѣснуется народъ,
Кусты рукой раздвинулъ и въ испугѣ
Увидѣлъ, что, не двигаясь впередъ,
Какъ дервиши, его вертѣлись слуги,
Собравшись въ оживленный хороводъ.
Пиррійскіе узналъ онъ тотчасъ танцы,
Къ которымъ такъ привержены левантцы.

XXX.

Тамъ дальше во главѣ подругъ своихъ
Платкомъ гречанка юная махала;
Ихъ группа рядъ жемчужинъ дорогихъ,
Въ сплетеніи своемъ, напоминала;
На плечи ниспадали косы ихъ.
Такихъ красивыхъ дѣвъ на свѣтѣ мало.
Одна поетъ; ей вторитъ хоръ подругъ,
Что пляшетъ въ ладъ напѣва, слившись въ кругъ.

XXXI.

За трапезой часть созваннаго люда
Сидѣла, ноги подъ себя поджавъ;
Вино лилось рѣкой; мясныя блюда
Дымилися, и сочень былъ пилавъ;
Шербетъ въ себя вмѣщала съ льдомъ посуда;
Какихъ тамъ только не было приправъ!
Десертъ же красовался въ кущахъ сада:
Гранаты, сливы, гроздья винограда.

XXXII.

Съ бараномъ бѣлымъ рой дѣтей игралъ,
Его рога цвѣтами украшая;
Ихъ шумный смѣхъ его не устрашалъ;
Изъ рукъ малютокъ пищу принимая,
Онъ ихъ любилъ и рѣдко наклонялъ
Рога, какъ будто ихъ бодать желая;
Почтенный патріархъ былъ дѣтямъ радъ
И, попугавъ ихъ, отступилъ назадъ.

XXXIII.

Краса ихъ лицъ, нарядъ ихъ пестроватый,
Движеній граціозность, блескъ очей,
Румянецъ, сходный съ пурпуромъ гранаты,
Плѣняли око прелестью своей.
Дни юности невинностью богаты.
Глядя на восхитительныхъ дѣтей,
Философъ скрыть своей тоски не можетъ:
Вѣдь время и на нихъ печать положитъ.

XXXIV.

Тамъ занималъ усердно карликъ-шутъ
Курившихъ трубки старцевъ именитыхъ;
Разсказывалъ о силѣ вражьихъ путъ,
О кладахъ, чародѣями зарытыхъ;
О скалахъ, гдѣ волшебники живутъ,
О тайнахъ чаръ и вѣдьмахъ знаменитыхъ,
Умѣвшихъ превращать мужей въ скотовъ.
(Такой легендѣ вѣрить я готовъ.)

XXXV.

На островѣ царило оживленье;
Душѣ и тѣлу сладко было тамъ;
Вино и танцы, музыка и пѣнье,
Забавы всевозможныя—гостямъ
Сулили и восторгъ, и упоенье.
Сердился лишь пиратъ, своимъ очамъ
Довѣриться боясь. Онъ былъ скупенекъ,
А пиръ такой не мало стоитъ денегъ.

XXXVI.

Ничтоженъ человѣкъ! Какъ много бѣдъ
Ему грозятъ въ теченье жизни краткой!
Ему весь вѣкъ отъ мукъ спасенья нѣтъ,
А счастья лучъ сіяетъ лишь украдкой;
Съ сиреной схожъ его волшебный свѣтъ:
Чтобъ гибель несть, поетъ сирена сладко.
Пиратъ смутить всѣхъ видомъ могъ своимъ,—
Такъ пламя тушатъ войлокомъ сырымъ.

XXXVII.

Онъ словъ своихъ не тратилъ попустому:
Желая удивить пріѣздомъ дочь,
Нарочно онъ тайкомъ подкрался къ дому.
(Всегда онъ отъ сюрпризовъ былъ не прочь,
Но въ морѣ равнозначащъ былъ разгрому
Его сюрпризъ). Ему сдержать не въ мочь
Волненья было. Съ думою тяжелой
Слѣдилъ онъ за компаніей веселой.

XXXVIII.

Не зналъ Ламбро, что слухъ былъ пущенъ въ ходъ
О гибели его. (Какъ люди лживы,
Въ особенности греки!) Развѣ мретъ
Злодѣй, что дышетъ кровью и наживой!
По немъ носили трауръ, но чередъ
Насталъ эпохѣ болѣе счастливой;
Гайдэ отерла слезы и дѣла
По своему въ порядокъ привела.

XXXIX.

Вотъ пиршества роскошнаго причина.
Вотъ отчего всѣ ѣли съ мясомъ рисъ,
Веселью предаваяся, и вина
Струею искрометною лились.
Ужъ о пиратѣ не было помина;
Служители и тѣ перепились,
Но дѣва, пиръ устроивъ пресловутый,
Не отняла у страсти ни минуты.

XL.

Не думайте, однакожъ, что, попавъ
На этотъ пиръ, вспылилъ старикъ суровый,
Жестокости врожденной волю давъ;
Что въ ходъ пустилъ онъ пытки и оковы,
Кровавою расправой тѣша нравъ,
И бросился впередъ, разить готовый,
Доказывая лютостью своей,
Что въ ярости неукротимъ злодѣй.

XLI.

О, нѣтъ—ничуть! Преслѣдуя упрямо
Свой планъ—пиратъ умѣлъ владѣть собой;
Тягаться съ нимъ ни дипломатъ, ни дама
Въ притворствѣ не могли бъ. Кривя душой,
Онъ никогда не мчался къ цѣли прямо.
Какъ жаль, что увлекалъ его разбой.
Въ гостиныя являясь джентельмэномъ,
Онъ общества полезнымъ былъ бы членомъ.

XLII.

Онъ подошелъ къ одной изъ группъ кутилъ
И грека, что сидѣлъ къ нему спиною,
Съ улыбкою зловѣщею спросилъ
(Коснувшись до плеча его рукою),
Чѣмъ этотъ пиръ богатый вызванъ былъ.
Но грекъ былъ пьянъ и не владѣлъ собою;
Онъ, не узнавъ того, кто рѣчь держалъ,
Виномъ наполнить только могъ бокалъ.

XLIII.

Черезъ плечо и позы не мѣняя,
Ему напитокъ подалъ пьяный грекъ,
Пробормотавъ: „мнѣ болтовня пустая
Не по нутру", и разговоръ пресѣкъ.
— „У насъ теперь хозяйка молодая, —
Сказалъ другой;—нашъ старецъ кончилъ вѣкъ".
— „Онъ умеръ—молвилъ третій,—ну такъ что же?
У насъ теперь хозяинъ есть моложе".

XLIV.

Кутилы тѣ здѣсь были въ первый разъ
И старика не знали. Взоръ суровый
Его сверкнулъ, и буря поднялась
Въ его душѣ, но, наложивъ оковы
На гнѣвъ и равнодушнымъ притворясь,
Онъ ихъ спросилъ съ улыбкой:—„Кто же новый
Хозяинъ вашъ, что, глухъ къ чужой бѣдѣ,
Изъ дѣвы въ даму превратилъ Гайдэ?"

XLV.

— „Откуда онъ и кто?—не знаю; мнѣ то,—
Отвѣтилъ пьяный гость,—не все ль равно?
Да и кого жъ интересуетъ это?
Обѣдъ хорошъ; рѣкой течетъ вино;
О чемъ тужить? но если ты отвѣта
Другого ждешь, тогда ужъ за одно
Къ сосѣду обратись: въ разсказахъ точенъ,
Все знаетъ онъ и сплетни любитъ очень".

XLVI.

Пиратъ такъ много такта проявилъ
Такъ сдержанности много и терпѣнья,
Что онъ француза бъ даже удивилъ.
(А кто съ французомъ выдержитъ сравненье
Въ учтивости!) Хоть гнѣвъ его душилъ,
Хоть грудь его рвалася отъ мученья —
Онъ молча снесъ насмѣшки слугъ своихъ,—
А вѣдь его жъ добромъ кормили ихъ!

XLVII.

Кого не удивитъ, что въ состояньи
Порывы гнѣва сдерживать и тотъ,
Кто властвовать привыкъ; чьи приказанья
Законы; кто пустить и пытки въ ходъ,
И казни можетъ, чуждый состраданья?
Кто чуду объясненіе найдетъ?
Но человѣкъ, который такъ спокоенъ
И твердъ душой, какъ Гвельфъ, вѣнца достоинъ.

XLVIII.

Ламбро бывалъ порою дикъ и яръ;
Но въ случаяхъ серьезныхъ, съ гнѣвнымъ нравомъ
Умѣлъ справляться бѣшеный корсаръ
И, сходный съ притаившимся удавомъ,
Безмолвно наносилъ врагу ударъ.
Молчалъ зловѣще онъ, къ дѣламъ кровавымъ
Готовясь. Разомъ онъ кончалъ съ врагомъ,
Въ ударѣ не нуждаяся второмъ.

XLIX.

Разспросы онъ дальнѣйшіе оставилъ
И къ дому своему, тоской объятъ,
Тропинкой потаённой путь направилъ:
Никѣмъ въ пути не узнанъ былъ пиратъ.
Любя Гайдэ, не знаю, если ставилъ
Онъ ей въ вину поступковъ странныхъ рядъ,
Но могъ ли онъ мириться съ мыслью тою,
Что праздникъ трауръ замѣнялъ собою!

L.

Когда бъ прервали мертвыхъ вѣчный сонъ
(Храни насъ Богъ отъ этого явленья!)
И воскресили бъ вдругъ мужей и женъ,
Нашедшихъ отъ тревогъ успокоенье —
Такой бы поднялся и плачъ, и стонъ,
Какихъ не видѣлъ свѣтъ! Ихъ воскресенье
Не меньше слезъ бы вызвало, чѣмъ день,
Когда укрыла ихъ могилы сѣнь.

LI.

Онъ въ домъ вошелъ, но въ домъ ему постылый;
Чужимъ ему казалося все тамъ;
Отраднѣй слышать смерти зовъ унылый,
Чѣмъ пережить такую муку намъ!
Увидѣть свой очагъ, что сталъ могилой,
Сказать „прости!“ надеждамъ и мечтамъ
Возможно ли безъ трепета и боли?
Бобыль спасенъ отъ этой горькой доли.

LII.

Онъ этотъ домъ своимъ считать не могъ:
Гдѣ любятъ насъ—лишь тамъ очагъ родимый.
Не встрѣченный никѣмъ, онъ свой порогъ
Переступилъ и, горестью томимый,
Увидѣлъ, что онъ въ мірѣ одинокъ.
Здѣсь прежде возлѣ дочери любимой,
Любуясь ей, онъ воскресалъ душой
И послѣ сѣчъ и бурь вкушалъ покой.

LIII.

Онъ человѣкъ былъ страннаго закала:
Манерами пріятенъ, нравомъ лютъ,
Во всемъ умѣренъ—ѣлъ и пилъ онъ мало;
Въ несчастьи твердъ, любилъ борьбу и трудъ
И благородство въ немъ порой дышало.
Онъ спасся бъ, можетъ быть, отъ вражьихъ путъ
Въ другой странѣ; но, проклиная долю
Раба, другимъ онъ сталъ сулить неволю.

LIV.

Такимъ онъ сталъ, страстямъ отдавшись въ плѣнъ;
Гоняяся за властью и наживой;
Состарѣвшись средь бурь и мрачныхъ сценъ;
Всегда къ борьбѣ стремясь нетерпѣливо.
Не мало перенесъ онъ злыхъ измѣнъ
И тяжкихъ бѣдъ, идя кровавой нивой.
Пиратъ былъ вѣрнымъ другомъ, но какъ врагъ
Въ противникахъ будилъ, являясь, страхъ.

LV.

Геройскій духъ, что Грецію прославилъ
Въ давно былые годы, въ немъ горѣлъ;
Тотъ духъ, что смѣлыхъ выходцевъ направилъ
Въ Колхиду, имъ безсмертье давъ въ удѣлъ;
Но блескъ былой преданья лишь оставилъ.
Пиратъ же бредилъ славой громкихъ дѣлъ
И мстилъ за униженіе отчизны,
Кровавыя по ней свершая тризны.

LVI.

Изящества и мягкости печать
Клалъ на него роскошный климатъ юга;
Артистъ въ душѣ, онъ музыкѣ внимать
Иль пѣнью волнъ любилъ въ часы досуга;
Любилъ красу природы созерцать,
Въ ней видя и наставника, и друга;
Ея покой его душѣ былъ милъ:
Онъ охлаждалъ ея мятежный пылъ.

LVII.

Но только страстью къ дочери согрѣта
Была душа пирата. Только дочь
Его смягчала сердце, волны свѣта
Бросая въ душу, черную какъ ночь.
Въ немъ было свято только чувство это;
О, если бы оно умчалось прочь—
Онъ превратился бъ, ни во что не вѣря,
Въ циклопа разъяреннаго иль звѣря.

LVIII.

Тигрица, что лишилася дѣтей,
Для пастуховъ ужасна и для стада;
Опасенъ океанъ для кораблей,
Когда близъ скалъ бушуетъ волнъ громада;
Но утихаетъ ярость ихъ скорѣй,
Чѣмъ сердца злая скорбь. Чужда пощада
Объятіямъ ея; ей нѣтъ конца;
А съ чѣмъ сравнить нѣмую скорбь отца!

LIX.

Какъ грустно на дѣтей терять вліянье!
Намъ рисовали прошлое они,
Вмѣстивъ въ себѣ всѣ наши упованья,
Когда жъ во мракѣ гаснутъ наши дни,
Насъ покидаютъ милыя созданья;
Но все жъ мы остаемся не одни,
А въ обществѣ, терзающихъ насъ яро,
Подагры, ревматизма иль катарра.

LX.

Все жъ жизнь въ семьѣ отрадна (если въ ней
Не донимаютъ дѣти пискотнею);
Прелестна мать, вскормившая дѣтей,
(Коль отъ того не высохла). Толпою
Къ ней дѣти нѣжно льнутъ. (Вкругъ алтарей
Такъ ангелы тѣснятся.) Мать съ семьею —
Какъ золотой средь мелочи блеститъ,—
Растрогаетъ и грѣшника тотъ видъ.

LXI.

Алѣлъ закатъ, когда трясясь отъ злости,
Пиратъ вошелъ въ свой опустѣлый домъ;
Въ то время пировали сладко гости;
Жуанъ съ Гайдэ сидѣли за столомъ,
Украшеннымъ рѣзьбой изъ цѣнной кости;
Рабы сновали съ блюдами кругомъ;
Роскошный столъ посуда украшала
Изъ перламутра, золота, коралла.

LXII.

На пирѣ красовалось до ста блюдъ:
Съ фисташками ягненокъ, супъ шафранный,
Рядъ рѣдкихъ рыбъ, что сибариты чтутъ;
Напитки подавались безпрестанно;
(Ихъ перечесть не легкій былъ бы трудъ!)
Являлись и шербетъ благоуханный,
И соки фруктъ. (Для вкуса тамъ всегда
Чрезъ корку выжимаютъ сокъ плода.)

LXIII.

Блестѣлъ хрусталь граненый, взоръ плѣняя;
Десертъ всю роскошь края проявилъ;
Душистый мокка, въ чашкахъ изъ Китая,
Дымясь, благоуханье сладко лилъ.
(Вкругъ чашекъ филиграна золотая
Спасала отъ обжоговъ.) Кофе былъ
Съ шафраномъ сваренъ, съ мускусомъ, съ гвоздикой...
По моему, такъ портить кофе дико!

LXIV.

Окаймлены бордюромъ дорогимъ,
Вдоль стѣнъ висѣли бархатныя ткани;
Шелками были вышиты по нимъ
Цвѣты различныхъ видовъ и названій,
А на бордюрахъ шелкомъ голубымъ
По фону золотому—рядъ воззваній,
Сентенцій и излюбленныхъ стиховъ
Персидскихъ моралистовъ и пѣвцовъ.

LXV.

Тѣ надписи—особенность Востока.
Онѣ должны доказывать гостямъ
Тщету суетъ. Такъ въ древности глубокой
Въ Мемфисѣ прибѣгали къ черепамъ,
Чтобъ украшать пиры; такъ гласъ пророка
Встревожилъ Вальтасара; только намъ
Не идутъ въ прокъ совѣты моралистовъ,—
Такъ въ суетѣ порывъ людей неистовъ.

LXVI.

Красавица въ чахоткѣ, человѣкъ
Съ талантомъ, ставшій пьяницей, кутила,
Который въ ханженствѣ кончаетъ вѣкъ,
(Ханжѣ названье методиста мило,)
Ударъ, что альдермэна дни пресѣкъ, —
Все это намъ доказываетъ съ силой,
Что бдѣнье, страсть къ вину и рядъ проказъ
Не менѣе обжорства губятъ насъ.

LXVII.

Жуанъ съ Гайдэ сидѣли на диванѣ,
Что занималъ три части залы той.
Подъ ихъ ногами былъ изъ цѣнной ткани
Коверъ пунцовый съ синею каймой.
Дискъ солнечный горѣлъ на первомъ планѣ
Среди софы. Искусною рукой
Онъ на подушкѣ вышитъ былъ красивой.
Ей даже тронъ украсить бы могли вы.

LXVIII.

Фарфоръ, посуда, мраморъ и хрусталь
Являлись средь роскошной обстановки;
Персидскіе ковры, что было жаль
Ногою мять; индійскія цыновки;
Тамъ были негры, карлики (та шваль,
Что добываетъ хлѣбъ черезъ уловки
И униженье), серны и коты.
Тамъ былъ базаръ иль рынокъ суеты.

LXIX.

Повсюду зеркала плѣняли взоры;
Столы, гдѣ инкрустацій дорогихъ
Пестрѣли многодѣльные узоры
Изъ перламутра, кости и другихъ
Богатыхъ матерьяловъ. Были горы
И винъ, и яствъ навалены на нихъ,
Чтобъ каждый гость имѣлъ обѣдъ готовый,
Когда бъ ни появился онъ въ столовой.

LXX.

Я опишу костюмъ Гайдэ одной:
Въ двухъ джеликахъ была пирата дочка,
Одинъ былъ ярко-желтый, а другой
Пунцовый съ золотою оторочкой,
Съ жемчужными запястьями; волной,
Подъ легкой полосатою сорочкой
Вздымалась грудь ея, а чудный станъ
Такъ газъ скрывалъ, какъ свѣтъ луны—туманъ.

LXXI.

Ей кисти рукъ прелестныхъ обвивали
Широкіе браслеты безъ замковъ;
Нуждаться въ нихъ они могли едва ли:
Такъ гибокъ былъ металлъ, что онъ готовъ
Былъ всѣмъ движеньямъ вторить. Не спадали
Тѣ украшенья съ рукъ; о томъ нѣтъ словъ,
Что никогда нѣжнѣе кожи этой
Не видывали цѣнные браслеты.

LXXII.

Такіе жъ замѣчалися у ней
Браслеты на ногахъ. (То выражало
Достоинство и званье.) Рядъ перстней
На пальцахъ красовался, и сверкала
Въ ея кудряхъ парюра изъ камней;
Прикалывалъ къ одеждѣ покрывало
Аграфъ жемчужный, моря цѣнный даръ.
Оранжевый былъ цвѣтъ ея шальваръ.

LXXIII.

Какъ водопадъ альпійскій въ часъ восхода,
До пятъ катилась яркою волной
Ея коса; будь ей дана свобода,
Она все тѣло дѣвы молодой
Прикрыла бы; ища себѣ прохода,
Рвалися кудри изъ тюрьмы глухой
И развѣвались словно опахало,
Когда дыханье вѣтра ихъ ласкало.

LXXIV.

Предъ нею молкла ложь и клевета;
Гайдэ, какъ благодѣтельная фея,
Лила и жизнь, и свѣтъ, сама чиста,
Какъ до паденья юная Психея.
Ей всякая порочная мечта
Была чужда. Предъ ней благоговѣя,
Никто не могъ сводить съ нея очей,
Но идола никто не видѣлъ въ ней.

LXXV.

У ней чернѣе ночи были брови,
Подъ слоемъ угля. (Краска въ краѣ томъ—
Одно изъ непремѣннѣйшихъ условій
Для красоты.) Глаза жъ Гайдэ огнемъ
Горѣли безъ того. Ногтямъ цвѣтъ крови
Давала генна, портя ихъ притомъ:
Такъ розовъ былъ ея красивый ноготь,
Что краскою его не слѣдъ бы трогать!

LXXVI.

Чтобъ выступила кожи бѣлизна,
Не мало надо класть на ногти генны;
Гайдэ въ томъ не нуждалась: она
Тягаться съ бѣлизною несравненной
Снѣговъ вершинъ могла. Видѣньемъ сна
Казался ликъ ея благословенный.
Шекспиръ сказалъ: безсмысленно бѣлить
Лилею иль червонецъ золотить!

LXXVII.

Такъ былъ прозраченъ плащъ Жуана бѣлый,
Что блескъ камней сквозь складки проходилъ;
Они подъ нимъ сверкали то-и-дѣло;
Такъ сквозь туманъ мерцаетъ лучъ свѣтилъ.
Запястье изумрудное блестѣло
Среди его чалмы; къ ней также былъ
Прицѣпленъ рогъ луны; на темной ткани
Жегъ очи блескъ его алмазной грани.

LXXVIII.

Ихъ забавлялъ танцовщицъ легкій рой;
Смѣшили карлы, негры, лицедѣи;
Тутъ былъ поэтъ, прославленный молвой,
Что въ деньги обращалъ свои идеи,
Онъ, по заказу, то сатирой злой
Гремѣлъ, то льстилъ властямъ, стихомъ владѣя,
И былъ изъ тѣхъ, какъ говоритъ псаломъ,
Что тужатъ о мамонѣ лишь своемъ.

LXXIX.

Онъ, вопреки обычаю, сурово
Прошедшее хулилъ и восхвалялъ,
Чтя выгоду свою, лишь то, что ново;
Онъ даромъ и строки бъ не написалъ;
Поэтъ въ былые дни громилъ оковы;
Теперь же, округляя капиталъ,
Встрѣчалъ султана громкою хвалою,
Какъ Соути или Крашо чистъ душою.

LXXX.

Съ магнитной стрѣлкой схожъ, онъ безъ труда
Мѣнялъ свой путь, не мало бѣдъ извѣдавъ;
Вертлява и полярная звѣзда
Была поэта. Горькаго отвѣдавъ,
Лишь къ сладкому онъ льнулъ: острилъ всегда
(За исключеньемъ дней дурныхъ обѣдовъ)
И съ жаромъ лгалъ, играя роль льстеца.
Вотъ идеалъ придворнаго пѣвца!

LXXXI.

Онъ былъ уменъ, а пыль въ глаза бросая,
Всегда умѣетъ умный ренегатъ
Просунуться впередъ; преградъ не зная
Какъ Vates irritabilis, онъ радъ
Встрѣчать хвалу. (И не плутамъ такая
Присуща страсть!) Но оглянусь назадъ;
Описывалъ влюбленныхъ я забавы
И дальнихъ мѣстъ обычаи и нравы.

LXXXII.

Поэтъ при всей вертлявости своей,
Въ компаніи веселой былъ пріятенъ,
Плѣняя остроуміемъ людей;
Хотя на немъ не мало было пятенъ,
Его любили всѣ; его жъ рѣчей
Порою смыслъ былъ вовсе непонятенъ;
Но тотъ, кого молва превознесла
Не знаетъ самъ, за что ему хвала.

LXXXIII.

И принятъ, и обласканъ высшимъ кругомъ,
Предъ властью онъ склонялъ теперь главу;
А прежде былъ свободы лучшимъ другомъ,
Но заглушать старался ту молву,
Оглядывая прошлое съ испугомъ.
Однако на пустынномъ острову
Онъ ложь откинулъ прочь и, льстя народу,
Попрежнему сталъ воспѣвать свободу.

LXXXIV.

Ему пришлось не мало изучить
Людей и націй; вѣчно лицемѣренъ,
Онъ всякому былъ мастеръ угодить;
Всегда, вездѣ онъ правилу былъ вѣренъ,
„Что въ Римѣ надо римляниномъ быть".
Для барда не былъ трудъ такой потерянъ,
Онъ лепты получалъ со всѣхъ сторонъ;
Такихъ же правилъ тутъ держался онъ.

LXXXV.

Благодаря натурѣ даровитой,
Искусная велася имъ игра:
„God save the king!" онъ сталъ бы пѣть у бритта,
Пріѣхавъ же къ французу: „Ça ira!"
Ища товару выгоднаго сбыта,
Онъ то хвалилъ сегодня, что вчера
Громилъ нещадно. Пѣлъ же Пиндаръ скачки:
Такъ могъ и нашъ поэтъ быть съ лестью въ стачкѣ.

LXXXVI.

Во Франціи, веселымъ удальцомъ,
Онъ воспѣвалъ бы въ пѣсенкахъ свободу;
У насъ онъ накропалъ бы толстый томъ
Стиховъ тяжелыхъ публикѣ въ угоду;
У нѣмцевъ бралъ бы Гете образцомъ;
Въ Испаніи онъ сочинилъ бы оду;
Въ Италіи его плѣнялъ бы Дантъ,
А здѣсь онъ такъ свой проявлялъ талантъ:

I.

Привѣтъ островамъ той священной земли,
Гдѣ Сафо любила; гдѣ сладко ей пѣлось;
Гдѣ, свѣтъ удивляя, искусства цвѣли;
Гдѣ Фебъ родился и воздвигнулся Делосъ!
Васъ солнце, какъ прежде, лучомъ золотитъ,
Но, въ мракъ погрузившись, все прочее спитъ.

2.

Теосская муза *) и пѣсни слѣпца
Хіосскаго **) стали для міра усладой;
Здѣсь только все мертво; и арфа пѣвца,
И лютня героя забыты Элладой;
Тѣ дивныя пѣсни звучатъ для другихъ;
Моя лишь отчизна не вѣдаетъ ихъ!

3.

Виднѣется съ горныхъ вершинъ Мараѳонъ.
А онъ созерцаетъ лазурныя воды.
Не разъ здѣсь стоялъ я, мечтой упоенъ,
Что Грецiя снова добьется свободы;
Я, персовъ гроба попирая ногой,
Не въ силахъ мириться былъ съ рабской судьбой!

---

*) Анакреонъ.

**) Гомеръ.

4.

Когда-то владыка далекой земли
Сидѣлъ на вершинѣ скалы Саламинской;
Съ нея созерцалъ онъ свои корабли,
Любуяся ратью своей исполинской;
Зарею свои корабли онъ считалъ—
Съ лучами заката и слѣдъ ихъ пропалъ!

5.

Что сталося съ ними? Что сталось съ тобой,
Эллада родная? Умолкли напѣвы
Отважныхъ героевъ, стремившихся въ бой...
Герои отчизны откликнитесь: гдѣ вы?
Ужель неумѣлой рукою дерзну
Божественной лиры я тронуть струну?

6.

Отрадно и то, что средь звона оковъ
Не въ силахъ мириться я съ рабскою долей.
Мнѣ больно и стыдно глядѣть на рабовъ;
Геройскаго духа не видно въ нихъ болѣ;
Поэтъ! не пробудишь ихъ лирой своей:
О Греціи плача, за грековъ краснѣй!

7.

Но краска стыда, но слеза или вздохъ
Помогутъ ли? Предки борьбою кровавой
Спасались отъ бѣдъ. О, могила! хоть трехъ
Верни намъ спартанцевъ, увѣнчанныхъ славой,
И, полны надеждъ, вдохновенья и силъ,
Сроднимся мы съ громомъ другихъ Өермопилъ!

8.

Воззванье напрасно! Кругомъ всѣ молчатъ...
Отвѣтствуютъ только исчадья могилы;
Ихъ голосъ реветъ, какъ вдали водопадъ:
„Пускай хоть одинъ съ пробудившейся силой
Возстанетъ—и всѣ мы на помощь придемъ!“
Молчатъ только греки, объятые сномъ...

9.

Къ другимъ обратиться я долженъ струнамъ.
Наполните кубокъ самосскою влагой!
Оставимъ сраженья турецкимъ ордамъ;
Намъ кровь винограда замѣнитъ всѣ блага.
О, Боже! весь край отозваться готовъ
На этотъ безславный вакхическій зовъ!

10.

Хоть танцы пиррійскіе сладостны вамъ,
Фаланги пиррійской ужъ нѣтъ знаменитой!
Пустое занятье отрадно рабамъ,
А лучшее ими позорно забыто;—
Вамъ нѣкогда Кадмъ письмена подарилъ.
Ужель для рабовъ онъ трудился и жилъ?

11.

Наполните кубки самосскимъ виномъ!
Оно вамъ замѣнитъ свободы утрату;
Оно воспѣвалось теосскимъ пѣвцомъ,
Который тирану служилъ Поликрату;
Въ тѣ дни передъ властью дрожалъ человѣкъ,
Но срама не вѣдалъ: тираномъ былъ грекъ.

12.

Тиранъ Херсонеса, герой Мильтіадъ,
Былъ другомъ храбрѣйшимъ и лучшимъ свободы;
Такому владыкѣ, кто не былъ бы радъ?
Къ героямъ навстрѣчу несутся народы!
Пускай заковалъ бы онъ въ цѣпи людей—
Такихъ не срываютъ народы цѣпей!

13.

Наполните кубки самосскимъ виномъ!
На Паргскомъ прибрежьѣ, на скалахъ Сулійскихъ
Не вымерли люди, что борются съ зломъ;
Ихъ матери—жены героевъ дорійскихъ;
Въ нихъ льется священная кровь Гераклидъ:
Они не снесутъ, безъ отмщенья, обидъ!

14.

Надежды на галла васъ грѣютъ лучи;
Но онъ обнажитъ ли продажную шпагу?
Надѣйтеся только на ваши мечи;
Надѣйтеся только на вашу отвагу;
Латинскія плутни и мощь мусульманъ
Откроютъ вамъ тайны мучительныхъ ранъ.

15.

Самосскую влагу мнѣ въ кубокъ налей!
Въ тѣни безмятежно танцуютъ гречанки;
Любуюсь я блескомъ ихъ черныхъ очей
И граціей дивной ихъ гордой осанки;
Увы!—неутѣшно я плакать готовъ
При мысли, что вскормятъ онѣ лишь рабовъ.

16.

Меня отведите къ Сулійскимъ скаламъ!
Тамъ, глядя на волны, я выплачу горе;—
И съ пѣснью, какъ лебедь, скончаюся тамъ—
Свидѣтелемъ будетъ лишь бурное море!
Въ отчизнѣ могу ль оставаться рабомъ?
Разбейте мой кубокъ съ самосскимъ виномъ!

LXXXVII.

Такъ долженъ пѣть, патріотизмомъ грѣемъ,
Въ эпоху скорби греческій поэтъ;
Конечно, не сравню его съ Орфеемъ;
Въ его стихахъ все жъ виденъ чувства слѣдъ,
А доля чувства жизнь даетъ идеямъ,
Волненіемъ охватывая свѣтъ.
Какъ лгутъ пѣвцы: они какой угодно
Малюютъ краской, съ малярами сходно.

LXXXVIII.

Но въ словѣ—мощь, когда его изрекъ
Великій мужъ! Чернила—мысли сѣмя,
Звено, что сочетаетъ съ вѣкомъ вѣкъ,
И не тягчитъ годовъ бѣгущихъ бремя.
Какъ жалокъ и ничтоженъ человѣкъ!
Его дѣла, гробницу губитъ время,
А писанная геніемъ строка
Переживаетъ царства и вѣка!

LXXXIX.

Когда жъ истлѣетъ онъ въ своей гробницѣ,
Да и она безвѣстно пропадетъ;
Когда въ хронологической таблицѣ
Оставитъ только слѣдъ его народъ,
Пергамента поблекшія страницы
Иль надпись, что случайно міръ найдетъ,
Былое воскрешаютъ, и предъ міромъ
Забытый геній вновь блеститъ кумиромъ.

XC.

Надъ славою смѣется моралистъ.
Она мечта, шумъ вѣтра, плескъ прибоя.
Ее плодитъ историкъ, что рѣчистъ,
Совсѣмъ не подвигъ доблестный героя.
Такъ мистеръ Гоэль обезсмертилъ вистъ;
Такъ славою Гомера дышетъ Троя.
Почти совсѣмъ забытъ ужъ Мальбро былъ,
Но Коксъ его сказаньемъ воскресилъ.

XCI.

Хоть Мильтона стихи тяжеловаты,
Въ главѣ поэтовъ нашихъ онъ стоялъ;
Почтенный мужъ, познаньями богатый,
Былъ независимъ, вѣрилъ въ идеалъ
И не терпѣлъ ни козней, ни разврата;
Но Джонсонъ жизнь его намъ описалъ,
И свѣтъ узналъ, что домъ держалъ онъ туго,
И что его покинула супруга.

XCII.

Такимъ путемъ узналъ не мало міръ
Курьезныхъ фактовъ: Цезаря и Тита
Продѣлки; что оленей кралъ Шекспиръ,
Что славный Бэконъ взятки бралъ открыто,
Что Бернсъ кутилъ, любя веселый пиръ.
Все это, можетъ-быть, путемъ добыто
Изслѣдованій точныхъ, но по мнѣ
Такія сплетни лишнія вполнѣ.

XCIII.

Не всѣ же моралисты съ Соути сходны,
Что *Пантизократію* написалъ;
Какъ Вордсворту, не всѣмъ измѣны сродны
(На жалованьи прежній либералъ!),
Не всѣ кадятъ двору въ газетѣ модной,
Какъ Кольриджъ, что клевретомъ знати сталъ,
(Ни онъ, ни Соути не были льстецами
Въ эпоху свадьбъ ихъ съ батскими швеями.)

XCIV.

Ботани-бей моральный имъ создать
Теперь легко: ихъ имена позорны;
Біографу работу можетъ дать
Сказаніе объ ихъ измѣнѣ черной.
Ахъ, кстати! Вордсвортъ томъ пустилъ въ печать;
Такой поэмы жалкой и снотворной
Доселѣ не видалъ я: что за слогъ!
Ее никакъ осилить я не могъ.

XCV.

Темна его поэма и убога;
Наврядъ ли онъ читателей найдетъ.
Такъ нѣкогда сектантовъ было много,
Что вѣрили въ пророчицу Суткотъ
И ждали отъ нея рожденья бога;
Но отшатнулся отъ нея народъ:
Не божество сроднилось съ старой дѣвой:
Лишь водяная ей вздымала чрево!

XCVI.

Покаюсь въ томъ: мнѣ болтовня мила;
И здѣсь, и тамъ моя мечта порхаетъ,
Въ поэмѣ отступленьямъ нѣтъ числа,
И муза о герояхъ забываетъ.
Не такъ ли тронной рѣчью всѣ дѣла
До сессіи грядущей отлагаетъ
Король? Не такъ ли, музою согрѣтъ,
За мыслью Аріосто гнался вслѣдъ?

XCVII.

У насъ не существуетъ выраженья:
Longueurs. (Такъ у французовъ говорятъ.)
Но вещь сама—обычное явленье;
Примѣръ: созданій Соути длинный рядъ.
Когда полны *longueurs* стихотворенья,
Читатель, вѣроятно, имъ не радъ,
Но доказательствъ пропасть мы имѣемъ,
Что свойственна снотворность эпопеямъ.

XCVIII.

„Гомеръ“,—гласитъ Горацій,—„спалъ порой“ [1].
Но Вордсвортъ бдитъ, и съ музою своею
Насъ водитъ вкругъ озеръ. Его герой
Возница. Совершая одиссею,
Сначала онъ плѣняется „ладьей“;
Не по морю, по воздуху онъ съ нею
Желаетъ плыть; затѣмъ беретъ онъ челнъ;
Слюна жъ поэта роль играетъ волнъ.

XCIX.

Когда его гнететъ желанья бремя
Свершить, паря, по воздуху полетъ,
А слабъ его Пегасъ, что жъ онъ на время
Дракона у Медеи не займетъ?
Но сѣдока, что потеряетъ стремя
(А онъ плохой сѣдокъ!), погибель ждетъ.
Такъ что жъ, любя небесныя дороги,
Въ воздушный шаръ не сядетъ бардъ убогій?

C.

О, Попе, Драйденъ! жалкіе пѣвцы
(Поэзіи и смысла Джэки Кэды [2])
Срываютъ съ васъ лавровые вѣнцы,
Свои пустыя празднуя побѣды;
Поэзіи великіе отцы!
Пигмеи васъ клеймятъ. Такія бѣды
Легко ль переносить? Архитофель [3]),
Съ дороги прочь!—У васъ есть Питеръ Бэль! [4]).

---

[1]) Aliquando bonus dormitat Homerus.

[2]) Джэкъ Кэдъ — крайне грубый бунтовщикъ; дѣйствующее лицо въ «Генрихѣ VI» Шекспира.

[3]) Архитофель—герой сатирической поэмы Драйдена.

[4]) «Питеръ Бэль»—поэма Вордсворта.

CI.

Но далѣе.—Оконченъ пиръ богатый;
Альмеи, карлы скрылися толпой;
Умолкъ поэтъ; молчаньемъ все объято;
Не тѣшитъ слухъ арабскихъ сказокъ рой;
Влюбленные одни; лучомъ заката
Любуются они въ тиши ночной...
Ave Maria! сладокъ и спокоенъ
Твой часъ волшебный; онъ тебя достоинъ!

CII.

Благословенъ тотъ часъ, когда заря
Бросаетъ, угасая, лучъ прощальный
И раздается, миръ душѣ даря,
Вечерній звонъ на колокольнѣ дальней;
Когда звучитъ въ стѣнахъ монастыря
Молитвенныхъ напѣвовъ гласъ печальный,
И въ розовомъ сіяніи небесъ—
Хоть тихо все—молитвѣ вторитъ лѣсъ!

CIII.

Ave Maria! свѣтлый часъ моленья!
Ave Maria! сладкій часъ любви!
Пролей на насъ свое благословенье
И къ Сыну своему насъ призови!
Я созерцаю, полный умиленья,
Твой ликъ, глаза склоненные Твои!
Ужель нѣмой картинѣ жизнь я придалъ?
Нѣтъ! предо мной дѣйствительность—не идолъ.

CIV.

Безбожникъ я—вотъ грозный приговоръ
Ханжей, что на меня взираютъ строго;
Но имъ со мною выдержать ли споръ?
Прямѣе къ небесамъ моя дорога;
Мнѣ алтарями служатъ: выси горъ,
Свѣтила, море, твердь—созданья Бога,
Что человѣка надѣлилъ душой,
И душу ту опять сольетъ съ Собой.

CV.

Какъ часто лучъ зари благословенный
Средь лишь зеленыхъ пиннъ я созерцалъ
Въ окрестностяхъ плѣнительныхъ Равенны,
Гдѣ нѣкогда шумѣлъ Адрiйскiй валъ
И вѣчною угрозой для вселенной
Оплотъ послѣднiй цезарей стоялъ;
Мнѣ милъ тотъ лѣсъ, всегда листвой одѣтый,
Боккаччiо и Драйденомъ воспѣтый.

CVI.

Безмолвныхъ рощъ былъ тихъ и сладокъ сонъ;
Цикадъ лишь раздавалось стрекотанье;
Мой конь храпѣлъ, да колокола звонъ,
Сквозь листья доносясь, будилъ молчанье.
Во тьмѣ ко мнѣ неслись со всѣхъ сторонъ
Моей мечты игривыя созданья:
Охотникъ-призракъ съ стаею своей
И свѣтлая толпа воздушныхъ фей.

CVII.

О, Гесперъ! сколько ты несешь отрады!
Усталымъ—отдыхъ; тѣмъ, что ѣсть хотятъ,
Желанный ужинъ; птичкамъ, въ часъ прохлады,
Пріютъ гнѣзда; воловъ ведешь назадъ
Въ покойный хлѣвъ; все то, чему мы рады,
Чѣмъ нашъ очагъ и свѣтелъ, и богатъ,
Приносишь ты. Всѣхъ тѣша, безъ изъятья,
Дитя ведешь ты къ матери въ объятья.

CVIII.

Въ тотъ свѣтлый часъ, душою умиленъ,
Пловецъ клянетъ тяжелый гнетъ разлуки
И вспоминаетъ милыхъ сердцу онъ;
Съ любовью простираетъ къ небу руки
Усталый путникъ, слыша дальній звонъ,—
О днѣ, что гаснетъ, плачутъ эти звуки.
Мнѣ кажется, что кто бъ ни кончилъ путь,
А ужъ о немъ льетъ слезы кто-нибудь.

CIX.

Когда Неронъ погибъ по волѣ рока,
И, чествуя свободу, ликовалъ
Спасенный Римъ; когда среди потока
Проклятій и хуленій Цезарь палъ,
Какой-то другъ, скрываясь въ тьмѣ глубокой,
Цвѣтами склепъ злодѣя осыпалъ.
Быть-можетъ, проявилося на тронѣ
Къ кому-нибудь участье и въ Неронѣ.

CX.

Опять прямой мнѣ измѣняетъ путь,
И я побрелъ окольною дорожкой;
Имѣютъ ли съ Нерономъ что-нибудь
Мои герои общаго! Немножко
Я утомленъ; пора и отдохнуть;
Не сдѣлался ль я „деревянной ложкой“
Поэзіи? (Такъ въ Кэмбриджѣ зовутъ
Студентовъ, что не очень цѣнятъ трудъ).

CXI.

Эпично, но не въ мѣру отступленье;
Поэтому здѣсь пѣсню пополамъ
Я перервать хочу. Нововведенья
Никто бы не замѣтилъ, если бъ самъ
Не сдѣлалъ я объ этомъ заявленья;
Все жъ радоваться нечему врагамъ:
Такъ учитъ Аристотель, и поэтамъ
Прямой законъ внимать его совѣтамъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ поэзіи всего труднѣй начало;
Но не легко и завершить разсказъ;
Не разъ поэту сила измѣняла,
И съ кручи внизъ летѣлъ его Пегасъ.
Такъ Сатана выноситъ мукъ не мало
За гордость, что гнѣздится также въ насъ,
Поэта занося въ такія сферы,
Гдѣ гибнетъ онъ, утративъ чувство мѣры.

II.

Но время убѣждаетъ и людей,
И бѣса, что надежды голосъ милый
Обманчивъ; что борьбу съ судьбой своей
Нельзя вести; что слабы мы и хилы;
Въ дни юности, когда игра страстей
Волнуетъ кровь, мы вѣримъ въ наши силы,
Но сознаемъ, узнавъ тщету борьбы,
Что мы безсилья вѣчные рабы.

III.

Была пора, когда, въ свой вѣря геній,
Желалъ я, чтобъ предъ нимъ склонялся міръ;
И что жъ? добился я его хваленій
И передъ нимъ сіяю, какъ кумиръ;
Меня жъ гнететъ тяжелый рядъ сомнѣній
И болѣе не манитъ жизни пиръ:
Мои мечты поблекли, словно листья,
И вмѣсто пѣсенъ въ ходъ пускаю свистъ я.

IV.

Смѣюсь я для того, чтобъ слезъ не лить,
И плачу потому, что грудь не льдина;
Какъ можетъ сердце прошлое забыть,
Не окунувшись въ Лету? Въ немъ кручина,
Гнѣздяся, не даетъ ему остыть.
Ѳетида въ Стиксѣ выкупала сына;
А въ Летѣ бы должна дѣтей купать,
Спасая ихъ отъ бѣдъ, земная мать.

V.

Меня язвятъ со злобой лицемѣры;
Ихъ злая брань несется, какъ потокъ;
По-ихнему, я—врагъ заклятый вѣры
И чествую въ своихъ стихахъ порокъ.
Нападки наглецовъ не знаютъ мѣры.
Клянусь, отъ этихъ цѣлей я далекъ;
Безъ всякихъ заднихъ мыслей, для забавы,
Шутя, пишу игривыя октавы.

VI.

У насъ же не въ чести шутливый тонъ;
Такъ Пульчи пѣлъ, и я его романовъ
Поклонникъ; воспѣвалъ игриво онъ
Волшебниковъ, шутовъ и великановъ,
Міръ жалкихъ Донъ-Кихотовъ тѣхъ временъ,
Безгрѣшныхъ дамъ и королей-тирановъ.
Весь этотъ міръ исчезъ (лишь деспотъ цѣлъ);
Такъ можно ль пѣть теперь, какъ Пульчи пѣлъ?

VII.

Желая наложить на мысль оковы,
Орава злая нравственныхъ калѣкъ
Кричитъ, что потрясаю я основы;
Зачѣмъ мнѣ спорить съ нею! Человѣкъ
Всегда воленъ идти дорогой новой:
Свободна мысль въ нашъ либеральный вѣкъ!
Но Аполлонъ зоветъ меня къ разсказу,
И я готовъ внимать его указу.

VIII.

Жуанъ съ подругой нѣжною своей
Наединѣ остался. Время злое,
Что врагъ любви и не щадитъ людей,
Жалѣло тронуть ихъ своей косою.
Имъ было суждено во цвѣтѣ дней
Погибнуть, не узнавъ, какъ все земное
Измѣнчиво; пока ихъ грѣла страсть,
Надъ ними не успѣвъ утратить власть.

IX.

Съ годами кровь въ ихъ не остынетъ жилахъ;
Не созданы ихъ лики для морщинъ;
Измѣнъ любви имъ не узнать унылыхъ,
Какъ не узнать ихъ волосамъ сѣдинъ.
Они уснутъ подъ звуки пѣсенъ милыхъ
Весеннихъ дней. Ихъ можетъ въ мигъ одинъ
Сразить гроза, но неземнымъ созданьямъ
Не суждено сродняться съ увяданьемъ.

X.

Они одни; имъ сладко лишь вдвоемъ;
Какъ сильно страсть клокочетъ въ человѣкѣ!
Могучій дубъ, сражонный топоромъ;
Лишенные своихъ истоковъ рѣки;
Ребенокъ, въ домѣ брошенный пустомъ
И разлученный съ матерью навѣки,—
Обречены на гибель: такъ моихъ
Влюбленныхъ бы сразилъ разлуки мигъ.

XI.

Нѣтъ въ мірѣ ничего сильнѣй влеченья
Сердецъ, что каждый жизненный толчокъ
Разбить на части можетъ. Тронуть тлѣнье
Безсильно ихъ. Имъ не узнать тревогъ
Тяжелаго житейскаго томленья;
И долго ихъ терзать не можетъ рокъ.
Увы! какъ часто жизненная сила
Не гаснетъ въ томъ, кому мила могила.

XII.

„Кто любъ богамъ, тотъ долго не живетъ“,
Сказалъ мудрецъ. Онъ милыхъ не хоронитъ;
Его бѣгущихъ лѣтъ не давитъ гнетъ
И, вѣря въ страсть, онъ отъ измѣнъ не стонетъ.
Въ концѣ концовъ насъ все жъ могила ждетъ,
И что ни дѣлай—въ теракѣ жизнь потонетъ,—
Такъ умирать не лучше ль въ цвѣтѣ лѣтъ,
Хоть о кончинахъ раннихъ плачетъ свѣтъ!

XIII.

Влюбленные о смерти не мечтали;
Казалось, міръ достался имъ въ удѣлъ;
Они за то лишь время укоряли,
Что слишкомъ быстро каждый часъ летѣлъ.
Какъ зеркала ихъ очи отражали
Тотъ пламень, что, пылая, въ нихъ горѣлъ;
А счастье, какъ алмазъ, лучи бросая,
Сроднило души ихъ съ блаженствомъ рая.

XIV.

Пожатье рукъ, краснорѣчивый взоръ,
Невольное, при встрѣчѣ, содраганье—
Имъ замѣняли длинный разговоръ.
Напоминаетъ пташекъ щебетанье
Волшебный лепетъ страсти; сущій вздоръ,
Отрывки фразъ—дарятъ очарованье
Влюбленнымъ. Тотъ, кто страстью не согрѣтъ,
Конечно, видитъ въ этомъ только бредъ.

XV.

Они любовью тѣшились, какъ дѣти,
И вѣчно бы осталися дѣтьми;
Коварный міръ ихъ не поймалъ бы въ сѣти;
Имъ ладить трудно было бы съ людьми;
Лишь свѣтлыми богами жить на свѣтѣ
Они могли, всѣ помыслы свои
Любви даря и забывая годы
Среди объятій дѣвственной природы.

XVI.

Луна луной смѣнялась; день за днемъ
Безслѣдно проходилъ; а то же счастье
Ихъ озаряло трепетнымъ лучомъ.
Ихъ не могло пресытить сладострастье,
Хотя оно ихъ жгло своимъ огнемъ—
Въ союзѣ съ нимъ являлось и участье;
Съ нимъ пресыщенье, страсти злѣйшій врагъ,
Любви не охлаждало въ ихъ сердцахъ.

XVII.

Въ ихъ жилахъ кровь струилась жгучей лавой;
Любовь ихъ жгла огнемъ своихъ лучей;
Такой любви не знаетъ свѣтъ лукавый,
Что поражаетъ пошлостью своей;
Гдѣ поле для интригъ; гдѣ жалки нравы;
Гдѣ часто освѣщаетъ Гименей
Позоръ блудницы избраннаго круга,
Позоръ лишь скрытый для ея супруга!

XVIII.

Все сказанное мною не мечта,
А горькая дѣйствительность! Не знала
Минуты скуки юная чета;
Ее отъ пресыщенья охраняла
Невинности святая чистота,
Дарившая ей жажду идеала.
Мы эти чувства бреднями честимъ,
Завидуя, однако, втайнѣ имъ.

XIX.

Любовь порой, играя роль дурмана,
Искусственно вселяется въ иныхъ;
Ее плодитъ иль чтенiе романа,
Иль чувственности пылъ; но чуждъ такихъ
Наитiй былъ серьезный нравъ Жуана;
Гайдэ же вовсе не читала книгъ;
Внезапно охватилъ ихъ пылъ мятежный;
Такъ голуби весной воркуютъ нѣжно.

XX.

Заката лучъ вдали, блѣднѣя, гасъ.
Они его съ любовью созерцали;
Онъ имъ напоминалъ тотъ свѣтлый часъ,
Когда они, объяты страстью, пали
Въ объятiя другъ друга и слилась
Ихъ жизнь навѣки. Такъ они стояли,
Глядя другъ другу въ очи и мечтой
Стремясь невольно къ радости былой.

XXI.

Но въ этотъ часъ таинственный и милый
Внезапный страхъ смутилъ блаженство ихъ;
Такъ вѣтеръ будитъ арфы звонъ унылый
Иль пламя наклоняетъ. Въ этотъ мигъ
На нихъ нахлынулъ вдругъ съ зловѣщей силой,
Ихъ миръ смутивъ, потокъ предчувствій злыхъ.
Жуанъ вздохнулъ, какъ будто въ сердце раненъ,
И взоръ Гайдэ слезой былъ отуманенъ.

XXII.

Пророческій она бросала взглядъ
На горизонтъ, съ трудомъ скрывая муку;
Казалось ей, что гаснувшій закатъ
Сулилъ имъ съ счастьемъ вѣчную разлуку;
Жуанъ, тяжелой думою объятъ,
Стоялъ въ тоскѣ, ея сжимая руку;
Казалось, онъ готовъ былъ несть отвѣтъ
За то, что скрыть не могъ унынья слѣдъ.

XXIII.

Съ улыбкой, полной горькаго сомнѣнья,
Гайдэ взглянула на него, но силъ
Хватило у нея, чтобъ скрыть мученье,
Хоть тайный страхъ ей душу леденилъ.
Когда Жуанъ о странномъ ихъ смущеньи
Полушутя съ Гайдэ заговорилъ,
Она сказала: „если сердце вѣще,
Разлуки мнѣ не пережить зловѣщей!“

XXIV.

О томъ же онъ заговорилъ опять,
Но ротъ ему зажала поцѣлуемъ
Гайдэ, стараясь тѣмъ тоску унять;
Такое средство мы рекомендуемъ.
Иной, однако, любитъ прибѣгать
Къ вину, когда невзгодою волнуемъ;
Въ концѣ концовъ, насъ все жъ страданья ждутъ:
Боль сердца тамъ, боль головная тутъ.

XXV.

За каждый мигъ отрады иль веселья
То дамамъ, то вину мы дань несемъ;
Что сладостнѣе: женщина иль зелье?—
Не въ силахъ я дать свѣдѣнiй о томъ.
Равно хвалю и женщину, и хмель я;
Тѣхъ свѣтлыхъ благъ возможно ль быть врагомъ?
Къ обоимъ льнуть отраднѣй, безъ сомнѣнья,
Чѣмъ ни съ однимъ изъ нихъ не знать общенья.

XXVI.

Какимъ-то упоеньемъ неземнымъ
Влюбленная чета была объята;
Не выразить его! Сроднялась съ нимъ
Привязанность ребенка, друга, брата.
Оно влекло ихъ къ помысламъ святымъ.
Такою чистотой была богата
Ихъ страсть, что не могла не освящать
Избытка чувствъ живую благодать.

XXVII.

Ни слезъ они не вѣдали, ни муки:
Зачѣмъ они не умерли въ тотъ мигъ!
Имъ не по силамъ былъ бы гнетъ разлуки;
Имъ чуждъ былъ свѣтъ, что полонъ козней злыхъ,
Какъ пѣсенъ Сафо пламенные звуки,
Дышали жгучей страстью души ихъ.
Та страсть была ихъ жизнью, и казалось,
Что неразлучно съ ней она сроднялась.

XXVIII.

Имъ надо было жить не средь людей,
Гдѣ царство лжи, коварства и порока,
А въ тишинѣ лѣсовъ, какъ соловей,
Что распѣваетъ пѣсни одиноко.
Живутъ попарно, прячась средь вѣтвей,
Пѣвцы лѣсовъ; орелъ, паря высоко,
Всегда одинъ; лишь вороны, сплотясь
Какъ люди, стаей ждутъ добычи часъ!

XXIX.

Щека къ щекѣ, Жуанъ съ подругой милой
Заснулъ; но не глубокъ былъ этотъ сонъ;
Предчувствіе бѣды его томило;
И, какъ въ бреду, во снѣ метался онъ.
Гайдэ сконяла голову уныло;
Изъ устъ ея порой стремился стонъ,
Лицо жъ ея всѣ отражало грезы,
Навѣянныя сномъ. Такъ листья розы

XXX.

Колеблетъ вѣтерокъ иль бороздитъ
Нѣмыхъ озеръ поверхность. Насъ сознанья
Лишаетъ сонъ и надъ душой царитъ
Помимо воли нашей. (Прозябанье
Имѣетъ все же смутный жизни видъ.)
Не странно ли такое состоянье,
Когда мы зримъ, хоть не имѣемъ глазъ,
И чувствуемъ, хоть чувства дремлютъ въ насъ?

XXXI.

Ей снилось, что, полна нѣмой кручины,
Стоитъ къ скалѣ прикована она—
И двинуться не можетъ. Ревъ пучины
Ее глушитъ, и за волной волна
Несется къ ней. Она до половины
Ужъ залита, а ярости полна
Пучина все растетъ и гнѣвно стонетъ;
Гайдэ дышать не можетъ, но не тонетъ.

XXXII.

Затѣмъ, освободившись отъ цѣпей
И волнъ,—Гайдэ несется по дорогѣ;
Ея колѣни гнутся; рядъ камней,
Что остры, какъ ножи, ей рѣжетъ ноги.
Какой-то призракъ въ саванѣ предъ ней;
Она дрожитъ, но, полная тревоги,
Его ловя, должна бѣжать за нимъ,
А призракъ, какъ мечта, неуловимъ.

XXXIII.

Смѣнился сонъ. Предъ нею гротъ безмолвный,
Гдѣ блещутъ сталактиты, дѣти грозъ;
Тамъ плещутся моржи и льются волны;
Вода струей съ ея спадаетъ косъ—
И очи дѣвы слезъ горючихъ полны;
Тѣ слезы тихо льются на утесъ,
Мгновенно превращаяся въ кристаллы,
Что тѣшатъ взоръ красою небывалой.

XXXIV.

У ногъ ея, безжизненно склонясь,
И холоденъ, и бѣлъ, какъ пѣна моря,
Лежитъ Жуанъ, не открывая глазъ.
Гайдэ напрасно хочетъ, съ смертью споря,
Согрѣть его дыханьемъ—онъ угасъ...
Съ сиреной сходны, волны пѣсню горя
Вокругъ нея поютъ; ихъ пѣснь—что сонъ...
Увы! какъ вѣчность длится этотъ сонъ.

XXXV.

Гайдэ, объята горькою тоскою,
Безпомощно глядитъ на мертвеца;
И вдругъ, съ непостижимой быстротою,
Мѣняются черты его лица;
Все явственнѣй онѣ—и предъ собою
Гайдэ въ испугѣ видитъ ликъ отца.
Она, дрожа, проснулась. Боже правый!
Предъ ней пирата образъ величавый.

XXXVI.

Гайдэ, поднявшись съ воплемъ, съ воплемъ вновь
Упала. Радость, страхъ, надежда, горе
Читались въ ней; ее влекла любовь
Къ отцу, что всѣ считали жертвой моря,
Но милаго пролить онъ можетъ кровь!
Всѣ чувства эти, межъ собою въ спорѣ,
Ея давили грудь. Ужасный мигъ!
Никто забыть не въ силахъ мукъ такихъ.

XXXVII.

Услышавъ крикъ Гайдэ, одной рукою
Ее схватилъ взволнованный Жуанъ
И быстро со стѣны сорвалъ другою
Невдалекѣ висѣвшій ятаганъ.
На юношу взглянувъ съ улыбкой злою,
Ламбро такъ молвилъ, гнѣвомъ обуянъ:
„Оружье брось! Сказать мнѣ слово стоитъ—
И сотня сабель пылъ твой успокоитъ!“

XXXVIII.

„То мой отецъ!“ — за друга ухватясь,
Воскликнула Гайдэ, полна волненья.
„Падемъ къ его ногамъ, и вѣрно насъ
Утѣшитъ онъ, даруя намъ прощенье.
Отецъ! ужель въ нежданный встрѣчи часъ
Ты презришь бѣдной дочери моленья?
Когда жъ не трону сердца твоего,
Рази меня, но пощади его!“

XXXIX.

Не двигаясь, стоялъ старикъ суровый;
Спокойствіемъ онъ тайный гнѣвъ скрывалъ;
Взглянувъ на дочь украдкой, онъ ни слова
На всѣ ея мольбы не отвѣчалъ
И обратился къ юношѣ. Готовый
Къ отпору, передъ нимъ Жуанъ стоялъ,
Отъ внутренней борьбы въ лицѣ мѣняясь;
Онъ умереть рѣшился, защищаясь.

XL.

„Оружье брось!“ вновь молвилъ тотъ. „Пока
Свободенъ я,—сказалъ Жуанъ,—безъ бою
Врагамъ не сдамся!“—Щеки старика
Тутъ блѣдностью покрылись гробовою,
Но не отъ страха. „Что жъ! моя рука
Тебя убьетъ; не я тому виною!“
Отвѣтилъ онъ и, осмотрѣвъ замокъ
И мушку пистолета,—взвелъ курокъ.

XLI.

Тяжелый мигъ! Невольно насъ тревожитъ
Унылый звукъ взведеннаго курка,
Когда на разстояньи близкомъ можетъ
Насъ поразить противника рука;
Минута ожиданья трепетъ множитъ;
Расправа пистолета коротка.
Дуэли притупляютъ чуткость слуха:
Тогда и взводъ курка не рѣжетъ уха.

XLII.

Мгновенье—и погибъ бы мой герой!
Но тутъ Гайдэ Жуана заслонила
И вскрикнула: „Убей меня! виной
Лишь я всему.... Его я полюбила,
Клялась въ любви; обѣтъ нарушу ль свой?
Обоихъ насъ не разлучитъ могила;
Ты глухъ къ мольбамъ; ты жалость гонишь прочь,
Но если ты кремень,—кремень и дочь!“

XLIII.

Лишь мигъ предъ тѣмъ она, ребенкомъ нѣжнымъ,
Склонивъ главу, стояла вся въ слезахъ;
Теперь же, духомъ полная мятежнымъ,
Ждала грозу, гоня съ презрѣньемъ страхъ.
Станъ выпрямивъ, въ томленьи безнадежномъ,
Какъ статуя блѣдна, съ огнемъ въ очахъ,
Она ждала свершенья приговора,
Съ отца не отводя, въ волненьи, взора.

XLIV.

Невѣроятно было сходство ихъ!
Дышали той же твердостью ихъ лица
И тотъ же пылъ горѣлъ въ глазахъ большихъ,
Въ которыхъ лютый гнѣвъ сверкалъ зарницей.
Отцу, какъ ей, былъ сладокъ мщенья мигъ:
Грозна, разсвирѣпѣвъ, ручная львица!
Отецъ и дочь сходилися во всемъ:
И кровь его въ ней вспыхнула огнемъ.

XLV.

Доказывала крови благородство
Краса ихъ рукъ. Въ осанкѣ и чертахъ
Разительно ихъ проявлялось сходство;
Различье было въ полѣ и лѣтахъ.
Межъ тѣмъ они, въ порывѣ сумасбродства,
(Какъ люди необузданны въ страстяхъ!)
Другъ другу въ гнѣвѣ дѣлали угрозы,
А лить должны бъ, при встрѣчѣ, счастья слезы!

XLVI.

Ламбро подумалъ мигъ и опустилъ
Свой пистолетъ; затѣмъ, пронзая взоромъ
Гайдэ, сказалъ: „Пришельца заманилъ
Сюда не я; кровавымъ приговоромъ
Другой давно бъ свое безчестье смылъ.
Могу ль мириться я съ своимъ позоромъ?
Исполню долгъ; не я причина бѣдъ;
За прошлое должна ты несть отвѣтъ!

XLVII.

Пусть онъ сейчасъ свое оружье сложитъ,
Не то—отца клянуся головой,
Что онъ свою на мѣстѣ здѣсь положитъ
И что она, какъ шаръ, передъ тобой
Покатится! Упрямство не поможетъ!“
Тутъ свистнулъ онъ, и грозною толпой
Нахлынули враги, звѣрей свирѣпѣй.
Ламбро имъ крикнулъ: „Франку смерть иль цѣпи!“

XLVIII.

Немедленно Жуанъ былъ окружонъ
Пиратовъ кровожадною оравой,
Нахлынувшей туда со всѣхъ сторонъ.
Ламбро въ то время, съ силою удава,
Схватилъ Гайдэ, и тѣмъ бороться онъ
Лишилъ ее возможности. Расправа
Съ Жуаномъ началась; но первый врагъ,
Что налетѣлъ, былъ имъ повергнутъ въ прахъ.

XLIX.

Успѣлъ нанесть онъ и другому рану;
Но третій, что былъ опытенъ и старъ,
Искусно подскочить сумѣлъ къ Жуану
И отразилъ ножемъ его ударъ.
Тутъ справиться не трудно было стану,
Что направлялся въ бой свирѣпъ и яръ,
Съ однимъ бойцомъ,—и, кровью отуманенъ,
Упалъ Жуанъ, въ плечо и руку раненъ.

L.

Старикъ Ламбро тутъ подалъ знакъ рукой,
И раненаго юношу связали;
Онъ отнесенъ на берегъ былъ морской
Пиратами; тамъ корабли стояли,
Готовые къ отплытью. Мой герой
Ладьею, что гребцы усердно мчали,
На бригъ пирата былъ перевезенъ
И на цѣпи былъ въ трюмъ посаженъ онъ.

LI.

Превратности судьбы для насъ не диво;
Къ нимъ свѣтъ привыкъ; но кто бъ подумать могъ,
Что юноша богатый и красивый
Пройдетъ чрезъ столько горестныхъ тревогъ?
Онъ долженъ былъ идти стезей счастливой,
А вдругъ его взыскалъ такъ злобно рокъ!
Лежалъ онъ въ заточеньи, раненъ, связанъ—
И тѣмъ любви красотки былъ обязанъ.

LII.

Здѣсь съ нимъ прощусь, чтобъ впасть мнѣ не пришлось
Въ излишній паѳосъ. Часто возбуждаемъ
Такой экстазъ китайской нимфой слезъ,
Богиней, что зовутъ зеленымъ чаемъ.
Богео *) пью, когда я роемъ грезъ,
Что шлетъ она, невмоготу смущаемъ.
Увы! болѣю я отъ тонкихъ винъ,
А чай и кофе нагоняютъ сплинъ,

LIII.

Когда коньякъ, наяда Флегетона,
Не оживляетъ ихъ своей струей,
Но печень отъ нея не можетъ стона
Сдержать. Увы! всѣ нимфы родъ людской
Болѣзнями томятъ! Во время оно
Любилъ я пуншъ, но онъ въ враждѣ со мной;
Меня онъ головною болью мучитъ;
Кого жъ она отъ пунша не отучитъ?

---

*) Черный чай.

LIV.

Жуанъ страдалъ отъ ранъ; но не могла
Нести сравненья жгучесть этой боли
Съ той, что Гайдэ нещадно душу жгла,
Лишивъ ея сознанія и воли;
Она не изъ такихъ существъ была,
Что, потуживъ, съ своей мирятся долей.
Была изъ Феца мать Гайдэ младой,
А тамъ—иль рядъ пустынь, иль рай земной.

LV.

Сокъ амбры тамъ въ цистерны льютъ оливы;
Цвѣты, плоды и зерна, безъ преградъ
Изъ нѣдръ земли стремясь, скрываютъ нивы;
Но тамъ деревья есть, что точатъ ядъ;
Тамъ ночью львы рычатъ нетерпѣливо,
А днемъ пески пустынь огнемъ горятъ,
Порою караваны засыпая;
Тамъ съ почвою сходна душа людская.

LVI.

Да, Африка, край солнечныхъ лучей!
Добро и зло тамъ силой роковою
Одарены; земля и кровь людей
Пылаютъ, вторя солнечному зною.
У матери Гайдэ огонь страстей
Сверкалъ въ глазахъ; въ удѣлъ любовь съ красою
Достались ей; но этотъ жгучій пылъ
Съ сномъ льва близъ волнъ студеныхъ сходенъ былъ.

LVII.

Гайдэ была подобна серебристымъ
И свѣтлымъ облакамъ, что въ лѣтній зной
Блестятъ прозрачной тканью въ небѣ чистомъ;
Они жъ, сплотясь, проносятся грозой
Надъ міромъ съ трескомъ, грохотомъ и свистомъ,
При блескѣ молній путь свершая свой;
Такъ и въ Гайдэ, подъ взрывомъ думъ унылыхъ,
Самумомъ кровь забушевала въ жилахъ.

LVIII.

Въ ея глазахъ Жуанъ главой поникъ,
Сраженный, обезсиленный и сирый;
Увидя кровь его и блѣдный ликъ,
Гайдэ, лишась надежды, счастья, мира,
Вдругъ бросила унынья полный крикъ
И, словно кедръ могучій подъ сѣкирой—
Она, что все боролась до конца,
Склонилася безъ чувствъ на грудь отца.

LIX.

Отъ страшныхъ мукъ въ ней порвалася жила;
Изъ устъ ея кровь брызнула ручьемъ;
Гайдэ уныло голову склонила,
Какъ лилія, что никнетъ подъ дождемъ.
Толпа рабынь съ слезами положила
Ее на одръ; послали за врачомъ;
Но тщетно рядъ лѣкарствъ пускалъ онъ въ дѣло:
Хоть смерть не шла, съ ней сходство жизнь имѣла.

LX.

Такъ нѣсколько Гайдэ лежала дней
Безъ чувствъ, объята холодомъ могилы;
Ея не бился пульсъ, но розъ свѣжѣй
Ея уста алѣли. Жизни силы,
Казалось, не совсѣмъ угасли въ ней;
Не замѣчался тлѣнья слѣдъ унылый
И все надежды лучъ не гасъ въ сердцахъ:
Боролся до конца со смертью прахъ.

LXI.

Въ ней виденъ былъ недвижный слѣдъ страданья,
Что могъ казаться созданнымъ рѣзцомъ:
Такъ Афродитѣ чуждо увяданье,
Такъ вѣчно смерть витаетъ надъ бойцомъ
И вѣчно вызываетъ состраданье
Лаокоонъ страдальческимъ лицомъ.
Кипятъ въ тѣхъ изваяньяхъ жизни силы,
Но эта жизнь сходна съ нѣмой могилой.

LXII.

Но вотъ Гайдэ очнулась наконецъ.
Ужасенъ пробужденья мигъ желанный
Былъ для нея! На зовъ родныхъ сердецъ
Отвѣтила она улыбкой странной;
Какой-то гнетъ, тяжелый какъ свинецъ,
Давилъ ей грудь, и грезою туманной
Казались ей страданья прежнихъ дней.
Увы! не возвращалась память къ ней.

LXIII.

Она вокругъ блуждающіе взоры
Бросала, неподвижна и нѣма;
Ей чужды были ласки и укоры;
Загадкой, непонятной для ума,
Казалася ей жизнь; лишась опоры,
Она поблекла: въ ней вселилась тьма;
Гайдэ хранила вѣчное молчанье,
Въ ней обличало жизнь одно дыханье.

LXIV.

Изъ прежнихъ слугъ никто ей не былъ милъ;
Никто не могъ привлечь ея вниманья;
Отецъ, что отъ нея не отходилъ,
Присутствіемъ своимъ ея страданья
Усугублялъ; въ ней гасъ остатокъ силъ.
Однажды привели ее въ сознанье,
Но цѣлый адъ тогда проснулся въ ней;
Всѣхъ испугалъ огонь ея очей.

LXV.

Къ ней привели арфиста; лишь коснулась
Его рука къ рокочущей струнѣ,
Гайдэ, сверкнувъ очами, отвернулась,
Пытаясь вспомнить прошлое, къ стѣнѣ;
Отъ звуковъ струнъ въ ней буря чувствъ проснулась.
Вотъ понеслася пѣснь о старинѣ;
О свѣтлыхъ дняхъ, когда, цѣпей не зная,
Тонула въ счастьи Грецiя родная.

LXVI.

Гайдэ смутилъ волшебный арфы звонъ;
Она ловила жадно эти звуки
И пальцемъ била тактъ. Напѣва тонъ
Смѣнилъ арфистъ. Онъ о тоскѣ разлуки
И о любви запѣлъ. Какъ страшный сонъ
Воскресли передъ ней былыя муки—
И ницъ она склонилась, вся въ слезахъ;
Такъ падаетъ дождемъ туманъ въ горахъ.

LXVII.

Сознанье къ ней вернулося, но скоро
Померкъ навѣкъ огонь его лучей;
Усталый мозгъ не выдержалъ напора
Тяжелыхъ думъ, и мысль угасла въ ней.
Не разверзая устъ, полна задора,
Она бросаться стала на людей,
Какъ на враговъ. Гайдэ, глядя сурово,
Ни одного не проронила слова.

LXVIII.

Порой ей искра свѣта душу жгла;
Такъ, тайному внушенью чувствъ послушна,
Себя она принудить не могла
Взглянуть въ лицо отца. Ей было душно
И тѣсно въ этомъ мірѣ, полномъ зла.
Гайдэ чуждалась пищи, равнодушна
И къ людямъ, и къ себѣ. Не зная сна,
Двѣнадцать дней томилася она.

LXIX.

Она все угасала постепенно
И въ вѣчность отошла; ни стонъ, ни вздохъ
Не возвѣстилъ о томъ; съ ней жизнь мгновенно
Разсталась, и никто сказать не могъ,
Когда тотъ мигъ насталъ благословенный,
Что спасъ ее отъ муки и тревогъ.
Читалась смерть лишь въ взорѣ, тьмой одѣтомъ;
Какъ страшенъ мракъ, что былъ когда-то свѣтомъ!

LXX.

Гайдэ разсталась съ жизнью въ цвѣтѣ дней,
Но не одна: нѣмая смерть сгубила
Зародышъ новой жизни вмѣстѣ съ ней;
Безгрѣшный плодъ грѣха свой вѣкъ уныло
Окончилъ, не видавъ дневныхъ лучей;
И стебель, и цвѣтокъ взяла могила!
Росой ихъ тщетно будутъ небеса
Кропить: ихъ вновь не оживитъ роса.

LXXI.

Такъ умерла Гайдэ. Въ борьбѣ безсильно
Съ ней оказалось горе. Нѣтъ! она
Для горькой жизни, бѣдами обильной,
Для долгихъ мукъ была не создана;
Ее во цвѣтѣ лѣтъ скрылъ сводъ могильный,
Но жизнь ея была любви полна;
И спитъ она, съ судьбою ужъ не споря,
На берегу любимаго ей моря.

LXXII.

Безлюденъ островъ сталъ. Стоятъ одни,
Близъ скалъ, отца и дочери могилы;
Но мѣсто отыскать, гдѣ спятъ они,
Теперь нельзя; гробницы нѣтъ унылой
Надъ прахомъ ихъ; чредой промчались дни,
И время тайны лѣтъ минувшихъ скрыло;
Поетъ лишь море пѣсню похоронъ
Надъ той, чья жизнь прошла, какъ свѣтлый сонъ.

LXXIII.

Но греческія дѣвы въ пѣснѣ страстной
Съ любовью возвращаются не разъ
Къ Гайдэ; и рыбаки, порой ненастной,
О подвигахъ Ламбро ведутъ разсказъ.
Онъ былъ герой, она была прекрасна.
Ей стоилъ жизни свѣтлый счастья часъ...
За каждый грѣхъ насъ ожидаетъ кара;
И мстить сама любовь умѣетъ яро.

LXXIV.

На этомъ кончу свой разсказъ;
Прибавить больше нечего къ роману;
Прослыть за сумасшедшаго боясь,
Описывать безумье перестану.
Къ тому жъ, какъ эльфъ, то здѣсь, то тамъ носясь,
Моя капризна муза. Къ Донъ-Жуану
Пора вернуться намъ. Полуживой
Пиратами былъ схваченъ мой герой.

LXXV.

Безъ чувствъ лежалъ онъ долго. На просторѣ
Летѣлъ корабль, когда очнулся онъ,
Вокругъ него, клубясь, шумѣло море
И вдалекѣ былъ виденъ Иліонъ.
Въ иное время съ радостью во взорѣ
Онъ на него бъ взглянулъ; но, потрясенъ
Тяжелою невзгодою и скованъ,
Сигейскимъ мысомъ не былъ онъ взволнованъ.

LXXVI.

Средь бѣдныхъ хатъ тамъ на горѣ крутой
Курганъ Ахилла виденъ знаменитый.
(Его ль тотъ холмъ? мы гипотезой той
— Такъ утверждаетъ Бріантъ—съ толку сбиты).
Вдали стоитъ еще курганъ другой,
Но доблестныхъ вождей, что въ немъ зарыты,
Назвать не можемъ. Будь въ живыхъ они,
Мы за свои бы опасались дни!

LXXVII.

Скамандръ (коль это онъ) вершина Иды;
Безплодныя долины, цѣпи горъ,
Безъ надписей курганы—вотъ тѣ виды,
Въ которые туристъ вперяетъ взоръ;
Тамъ кровь лилась по волѣ Немезиды;
Но и теперь для брани тамъ просторъ!
Исчезли Иліонскія твердыни;
На мѣстѣ жъ ихъ пасутся овцы нынѣ.

LXXVIII.

Въ горахъ ютится селъ убогихъ рядъ;
На иностранца, ищущаго Трою,
Невольнымъ изумленіемъ объятъ,
Глядитъ пастухъ. (Парисъ, того не скрою,
Съ нимъ не былъ сходенъ)! Турки, возлѣ хатъ,
Куря кальянъ, пускаютъ дымъ струею.
Вотъ Фригія давно минувшихъ дней,
Но только не найти фригійца въ ней.

LXXIX.

Лишь здѣсь Жуанъ съ тюрьмой разстался душной
И понялъ, что неволи злой удѣлъ
Ему на долю выпалъ; равнодушно
Могилы онъ героевъ оглядѣлъ,
Что пали, славы голосу послушны;
Такъ Донъ-Жуанъ отъ раны ослабѣлъ,
Что онъ не могъ разспросовъ дѣлать много
И несся въ даль невѣдомой дорогой.

LXXX.

Съ пѣвцами итальянскими онъ плылъ;
Они, благодаря измѣнѣ черной,
Попались въ плѣнъ. Антрепренеръ ихъ сбылъ
Пирату по дорогѣ изъ Ливорно
Въ Сицилію. Артистовъ захватилъ
Пиратъ всѣхъ разомъ. Этотъ торгъ позорный
Ему принесъ не мало выгодъ въ даръ,
Хоть дешево онъ продалъ свой товаръ.

LXXXI.

Одинъ изъ потерпѣвшихъ, буффъ веселый,
Жуану эту повѣсть разсказалъ;
Хотя его сразилъ ударъ тяжелый,
Въ бѣдѣ, казалось, онъ не унывалъ.
(Мириться не легко съ такою школой:
Турецкій рынокъ—горестный финалъ).
Все жъ видъ имѣлъ онъ менѣе смущенный,
Чѣмъ теноръ, тосковавшій съ примадонной.

LXXXII.

Не многословенъ былъ его разсказъ:
Съ Маккіавелемъ схожъ, нашъ impressario [1])
Условный подалъ знакъ, и тотчасъ насъ
Забрали въ плѣнъ. Corpo di caio Mario!
Перенесли артистовъ всѣхъ за-разъ
На этотъ бригъ, при томъ же безъ salario!
Но если любитъ пѣніе султанъ,
Еще возможность есть набить карманъ.

LXXXIII.

Хоть примадонна наша истаскалась
И съ ней давно простилася весна,
Все жъ нѣсколько у ней еще осталось
Пріятныхъ нотокъ. Тенора жена
Красива, но безъ голоса. Случалось
И ей производить фуроръ. Она
Въ Болоньѣ графа юнаго сумѣла
Отбить у принчипессы престарѣлой.

---

[1]) Размѣръ и риѳмы подлинника.

LXXXIV.

Прелестенъ нашъ балетный персоналъ:
Талантомъ и лицомъ плѣняетъ Нйни;
Пятьсотъ цехиновъ въ прошлый карнавалъ
Сумѣла заработать Пелегрини,
Но у нея растаялъ капиталъ;
Вотъ и Гротеска: къ этой балеринѣ
Мужчины такъ и льнутъ; не трудно ей
Съ ума сводить ихъ страстностью своей.

LXXXV.

Не мало лицъ у насъ красивыхъ видно,
Но фигурантокъ похвалю не всѣхъ;
Иныхъ далеко участь не завидна,
И ихъ продать на рынкѣ бы не грѣхъ.
Одна изъ нихъ стройна и миловидна;
Она легко могла бъ имѣть успѣхъ,
Да силы нѣтъ у ней. Танцуя вяло,
Она плѣнять имѣетъ шансовъ мало.

LXXXVI.

У насъ пѣвцовъ хорошихъ нѣтъ совсѣмъ;
У режиссера труппы голосъ сходенъ
Съ разбитою кастрюлькой. А межъ тѣмъ
Пѣвецъ злосчастный (путь предъ нимъ свободенъ!)
Могъ поступить бы евнухомъ въ гаремъ.
Для опернаго пѣнья рѣдко годенъ
Пѣвецъ, что представляетъ среднiй родъ.
А мало ль папа ихъ пускаетъ въ ходъ!

LXXXVII.

У тенора надорванъ голосъ слабый
Излишней аффектаціей. Нашъ басъ
Реветъ, какъ быкъ; его прогнать пора бы,—
Имъ примадонна наградила насъ;
Мы не терпѣли бъ неуча, когда бы
Онъ не былъ ей роднею. Каждый разъ,
Когда поетъ онъ, можно думать смѣло,
Что музыка съ осломъ имѣетъ дѣло.

LXXXVIII.

Себя хвалить, конечно, средства нѣтъ:
Могу ль я о своемъ кричать талантѣ?
Но вы, синьоръ, видали модный свѣтъ,
И вѣрно вамъ извѣстенъ Рококанти.
Я это самъ. Примите мой привѣтъ.
Чрезъ годъ въ театрѣ Луго вы достаньте
Себѣ абонементъ; я буду тамъ,
И пѣньемъ угодить надѣюсь вамъ.

LXXXIX.

Нашъ баритонъ—курьезное явленье:
Хоть голосокъ его и слабъ, и хилъ,
Все жъ о себѣ высокаго онъ мнѣнья,
Себя относитъ онъ къ числу свѣтилъ,
А созданъ лишь для уличнаго пѣнья!
Въ немъ нѣтъ души. Когда же страсти пылъ
Выказывать бѣдняга силы множитъ,
Показывать онъ зубы только можетъ."

XC.

Тутъ интересный прерванъ былъ разсказъ;
Всѣмъ плѣннымъ, что на палубѣ стояли,
Пиратами былъ строгій данъ приказъ
Спуститься въ мрачный трюмъ. Полны печали,
Несчастные, съ лазурью волнъ простясь,
Что сводъ небесъ, сіяя, отражали,
Направились къ дверямъ своей тюрьмы,
Гдѣ блескъ небесъ смѣнило царство тьмы.

XCI.

Близъ Дарданеллъ они на якорь стали.
Здѣсь надобно заботиться о томъ,
Чтобъ получить фирманъ, хотя едва ли
Нельзя пробраться и другимъ путемъ.
Мужчинъ и женщинъ парами сковали
Для вѣрности. Ихъ привезли гуртомъ
Въ Константинополь, гдѣ всегда товару
Удобенъ сбытъ, благодаря базару.

XCII.

Но женщинъ было меньше, и пришлось
Сковать мужчину съ дамою (сопрано
Съ прекраснымъ поломъ крестъ тяжелый несъ,
Служа красивымъ спутницамъ охраной:
Къ числу мужчинъ причины не нашлось
Его отнесть); и потому Жуана
По жребію (сюрпризовъ жизнь полна!)
Съ вакханкой сочетала цѣпь одна.

XCIII.

Сковали буффа съ теноромъ. Съ той злобой,
Что театральный міръ плодитъ порой,
Они глядѣли другъ на друга. Оба
Дышали безпредѣльною враждой.
Ругаясь, каждый цѣпь тянулъ особо,
Сосѣдомъ больше мучимъ, чѣмъ судьбой.
Безъ ссоръ не проходило ни минуты.
Arcades ambo! то-есть: оба плуты.

XCIV.

Съ Жуаномъ вмѣстѣ скована была
Красивая романка изъ Анконы;
Ея побѣдамъ не было числа;
Достойная названья bella donna,
Она очами огненными жгла,
Стараясь всѣмъ предписывать законы
И головы кружить. Съ красой лица
Кокеткѣ трудно ль страсть вселять въ сердца!

XCV.

Теперь она успѣха не имѣла:
Жуанъ въ такую скорбь былъ погруженъ,
Что жгучесть взоровъ дивы не согрѣла
Его души. Хотя касался онъ
Ея руки и стана то и дѣло,
Все жъ хмелемъ страсти не былъ увлеченъ.
Безъ учащенья бился бульсъ Жуана:
Тому виной была отчасти рана.

XCVI.

Зачѣмъ причины фактовъ разбирать,
Когда имѣютъ факты лишь значенье.
Такое постоянство благодать,
Тѣмъ больше, что извѣстно изреченье:
„О льдахъ Кавказа можно ль помышлять,
Огонь въ рукахъ имѣя?“ Искушенье
Съ повѣсою не справилось моимъ,
И вышелъ онъ изъ боя невредимъ.

XCVII.

Умѣлъ и я быть твердымъ. Мнѣ легко
То доказать, но продолжать не буду:
Боюсь зайти ужъ слишкомъ далеко.
Издатель мой и такъ трубитъ повсюду,
Что легче чрезъ игольное ушко
(Совсѣмъ сконфуженъ я!) пройти верблюду,
Чѣмъ пѣснямъ музы вѣтреной моей
Попасть въ читальни англійскихъ семей.

XCVIII.

Пускай шипятъ; я не вступаю въ споръ;
Какъ видите, уступчивъ сталъ теперь я;
Вотъ Фильдингъ, Прайоръ, Смоллетъ. Громкій хоръ
Хваленій ихъ встрѣчаетъ. За безвѣрье
И вольности лишь я несу укоръ;
Въ былые дни я маску съ лицемѣрья
Любилъ срывать, вступая съ ложью въ бой,
Теперь же не гонюся за борьбой.

XCIX.

Мнѣ бранный хмель былъ въ юности забавой;
Теперь я мира жажду и готовъ
Забыть вражду. Предоставляю право
Другимъ разить, а самъ щажу враговъ.
Мнѣ всѣ равно—со мной простится ль слава,
Пока я живъ, пройдетъ ли даль вѣковъ:
Подъ громъ хвалы, подъ вѣтра вой унылый
Трава растетъ все такъ же надъ могилой.

C.

Жизнь для пѣвца, что славенъ и могучъ,
Является частицею пустою
Его существованья. Славы лучъ,
Даря безсмертье, грѣетъ ли собою?
Такъ снѣжный комъ, катясь съ отвѣсныхъ кручъ,
Становится громадною горою,
Что, раздуваясь, крѣпнетъ и растетъ,
А все жъ гора такая—только ледъ.

CI.

Мужей великихъ часто ждетъ забвенье;
Безъ отзвуковъ смолкаетъ громъ похвалъ;
Кто можетъ прахъ спасти отъ разрушенья?
Кто, за безсмертьемъ мчась, не погибалъ?
Законъ природы—вѣчное движенье.
Ахилла прахъ ногой я попиралъ,
А многіе считаютъ миѳомъ Трою.
Не будетъ ли и Римъ забытъ толпою?

CII.

Предъ временемъ склоняется все ницъ.
Могила вытѣсняется могилой;
Вѣка бѣгутъ; забвенью нѣтъ границъ:
Событій рядъ оно похоронило;
Стираются и надписи гробницъ.
Забвеніе немногихъ пощадило;
Межъ тѣмъ не счесть прославленныхъ именъ,
Что скрылись безъ слѣда во мглѣ временъ!

CIII.

Не разъ видалъ я холмъ уединенный,
Гдѣ де-Фуа погибъ во цвѣтѣ дней;
Онъ слишкомъ долго жилъ съ толпой презрѣнной,
Но рано для тщеславія людей
Окончилъ дни. Въ честь бойни подъ Равенной
Воздвигнута колонна-мавзолей;
Но памятникъ оставленъ безъ призора,
И бремя лѣтъ его разрушитъ скоро.

CIV.

Хожу къ гробницѣ Данта я порой;
Ее воздвигнуть люди были правы:
Здѣсь чествуемъ пѣвецъ, а не герой!
Придетъ пора, когда и лавръ красивый,
И пѣснь пѣвца исчезнутъ, скрыты тьмой,
Какъ сгинули безслѣдно пѣсни славы,
Что воспѣвали подвиги тѣхъ лѣтъ,
Когда еще не зналъ Гомера свѣтъ.

CV.

Для той колонны цементомъ служила
Людская кровь. Не разъ осквернена
Была толпой воителя могила;
Къ побѣдамъ чернь презрѣнія полна.
Ничтоженъ лавръ, добытый грубой силой.
Толпа клеймить презрѣніемъ должна
Людей, что превращали міръ (успѣшно
Гонясь за славой) въ Дантовъ адъ кромѣшный.

CVI.

Все жъ барды будутъ пѣть. Пускай твердятъ,
Что слава дымъ: онъ—ѳиміамъ для свѣта;
Страданья и любовь пѣвцовъ плодятъ;
Волна, клубяся, пѣною одѣта,
Когда нельзя ей одолѣть преградъ;
Такъ страсти заставляютъ пѣть поэта;
Поэзія—невольный взрывъ страстей.
(Возможно ли мириться съ модой ей?)

CVII.

Вы правы, люди! Силясь сбить съ дороги
Пѣвца, что цѣлый вѣкъ страстямъ служилъ,
Что, испытавъ сердечныхъ бурь тревоги
И боль душевной муки, получилъ
Отъ неба даръ печальный и убогій,
Какъ въ зеркалѣ, страстей мятежный пылъ
Волшебно отражать; но черезъ это
Лишаетесь вы славнаго поэта!

CVIII.

О, синіе чулки! вашъ строгій судъ
Готовитъ ли парнасское крушенье
Моимъ стихамъ? Ужель имъ дастъ пріютъ
Пирожникъ, превративъ мое творенье
Въ обертку? Удостоите ль мой трудъ
Вы словомъ „imprimatur"? Я въ волненьи;
Кастальскій чай вы льете всѣмъ пѣвцамъ,
Забытъ лишь я; за что? не знаю самъ.

CIX.

Ужель я пересталъ быть львомъ салоновъ,
Любимцемъ дамъ, поэтомъ высшихъ сферъ,
Что средь улыбокъ, вздоховъ и поклоновъ
Всѣхъ восхищалъ изяществомъ манеръ?
Коль болѣе не чтутъ моихъ законовъ,
Я съ Вордсворта, сердясь, возьму примѣръ:
Забытый бардъ сталъ увѣрять, клянусь я,
Что синіе чулки—гнѣздо безвкусья.

CX.

„О, синій цвѣтъ, тобой я восхищенъ!"
Такъ говорилъ, любуясь небесами,
Какой-то бардъ.—Синклитъ ученыхъ женъ!
Къ вамъ обращаюсь съ тѣми же словами.
Повсюду странный слухъ распространенъ,
Что ваши ноги синими чулками
Украшены; но это ложь молвы:
Такихъ мнѣ не показывали вы.

CXI.

Мои стихи читать во время оно
Любили вы; тогда и я читалъ,
Какъ въ книгѣ—въ вашихъ взорахъ. Обороной
Вы были мнѣ; теперь я жертвой сталъ;
Все жъ не бѣгу отъ женщины ученой,
Что часто совершенства идеалъ;
Одну я зналъ: она была прекрасна;
Мила, невинна,—но глупа ужасно!

CXII.

Не мало въ мірѣ видимъ мы чудесъ.
Извѣстье есть, что Гумбольдтомъ (не знаемъ,
Возможно ль дать тому извѣстью вѣсъ)
Какой-то аппаратъ приспособляемъ
Для измѣренья синевы небесъ
(Названіе его позабываемъ).
О, лэди Дафна! имъ измѣрить васъ
Мнѣ дайте разрѣшенье въ добрый часъ.

CXIII.

Прерву здѣсь нить идей своеобразныхъ.
Корабль на пропускъ получилъ фирманъ,
На немъ болѣзней не было заразныхъ,
И высадить рабовъ приказъ былъ данъ.
На площади не мало было разныхъ
Красивыхъ представительницъ всѣхъ странъ:
Черкешенокъ, татарокъ и грузинокъ
Былъ полонъ, какъ всегда, стамбульскій рынокъ.

CXIV.

За цѣну баснословную пошла
Кавказа дочь, черкешенка-красотка,
Съ ручательствомъ въ невинности. Была
Та дѣвочка для знатоковъ находка;
Надбавка цѣнъ въ унынье привела
Покупщиковъ; товаръ шелъ слишкомъ ходко.
Имъ отойти пришлось на заднiй планъ:
Красавицу самъ покупалъ султанъ.

CXV.

Двѣнадцать негритянокъ юныхъ тоже
Купцу не мало дали барышей;
Цвѣтной товаръ на рынкахъ сталъ дороже
Съ тѣхъ поръ, какъ негры ходятъ безъ цѣпей.
Къ тому жъ порокъ, свои забавы множа,
Любого короля всегда щедрѣй.
Не любитъ добродѣтель денегъ трату,
Но удержу въ расходахъ нѣтъ разврату.

CXVI.

Что сталось съ итальянцами? Къ пашамъ
Одни пошли; другихъ жиды купили;
Тѣ были причтены къ простымъ рабамъ,
Тѣ ренегатствомъ участь облегчили;
По одиночкѣ раскупили дамъ,
Затѣмъ ихъ по гаремамъ размѣстили;
Несчастныя не знали, что ихъ ждетъ—
Погибель, бракъ иль просто рабства гнетъ.

CXVII.

Здѣсь пѣснь свою окончить я намѣренъ;
Она длинна и утомила васъ;
Несносно многословье; я увѣренъ,
Что вы меня бранили ужъ не разъ;
Что жъ дѣлать, я своей природѣ вѣренъ!
Здѣсь кончу, и дальнѣйшій свой разсказъ
Я отложу до пятаго „Дуана“.
(То слово занялъ я у Оссіана).

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

I.

Поэты, что сбираютъ риѳмы въ пары,
Какъ голубковъ Венера, мать утѣхъ,
Чтобъ пѣть любви и сладострастья чары,
Плодятъ развратъ и сѣютъ зло и грѣхъ.
Ихъ тѣмъ неотразимѣе удары,
Чѣмъ ихъ стиховъ блистательнѣй успѣхъ,
Овидій—въ томъ примѣръ, Петрарка тоже,
Когда судить мы станемъ ихъ построже.

II.

Я лютый врагъ безнравственныхъ поэмъ,
И если допускаю сочиненья,
Которыхъ я не одобряю темъ,
То чтобы рядомъ шло нравоученье
Съ ошибками, и требую затѣмъ,
Чтобъ грѣхъ наказанъ былъ для наставленья.
Итакъ, коль не измѣнитъ мнѣ Пегасъ,
Я удивлю моралью строгой васъ.

III.

Дворцовъ прибрежныхъ чудные узоры,
Святой Софіи куполъ золотой,
Плывущій флотъ, синѣющія горы,
Олимпъ высокій въ шапкѣ снѣговой,
Двѣнадцать острововъ, что тѣшатъ взоры—
Вотъ чудная картина, что собой
Когда-то Мэри Монтэгю плѣнила.
Такихъ картинъ неотразима сила!

IV.

Люблю я имя Мэри. Много грезъ
И цѣлый рядъ несбывшихся мечта́ній
Въ моей душѣ съ тѣмъ именемъ слилось;
Оно еще мнѣ мило, хоть страданій
Не мало я тяжелыхъ перенесъ...
Отраденъ свѣтлый міръ воспоминаній!
Однако я впадаю въ грустный тонъ,
Но не къ лицу моей поэмѣ онъ.

V.

Уныло вѣтеръ дулъ; ревѣло море;
Съ „Могилы Великана"—чудный видъ,
Когда бушуютъ волны на просторѣ,
Когда весь берегъ пѣною покрытъ.
Опасна непогода на Босфорѣ:
Она пловцу погибелью грозитъ.
Картина бури сладостна для взора,
Но моря нѣтъ опаснѣе Босфора.

VI.

Лазурь небесъ скрывалась въ облакахъ;
Былъ день осеннiй, мрачный и ненастный.
Порой осенней бури въ тѣхъ краяхъ
Для жизни моряковъ всегда опасны...
Пловецъ, въ часъ бури, кается въ грѣхахъ,
Исправиться клянется, но напрасно:
Утонетъ ли—и въ клятвѣ прока нѣтъ;
Когда жъ спасется онъ—забытъ обѣтъ.

VII.

Рабы всѣхъ странъ на площади стояли;
Ихъ привели для торга безъ цѣпей.
Нѣмую скорбь ихъ лица выражали,
Имъ было жаль отчизны и друзей.
Лишь негры въ сонмѣ ихъ не унывали:
Они мирились съ участью своей
И уживались съ тяжкою неволей,
Какъ угорь со своей злосчастной долей *).

VIII.

Жуанъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Надеждъ и силъ
Еще не могъ утратить онъ избытокъ,
Но видъ его былъ мраченъ и унылъ,
И слезъ скрывать не дѣлалъ онъ попытокъ.
Невѣрный рокъ его всего лишилъ:
Не мало вынесъ онъ душевныхъ пытокъ,
И милую, и деньги потерялъ,
Къ тому жъ рабомъ татаръ презрѣнныхъ сталъ.

---

*) Съ угря сдираютъ кожу передъ тѣмъ, чтобъ его приготовить

IX.

И стоикъ бы навѣрно растерялся
Отъ столькихъ бѣдъ, отъ столькихъ жгучихъ ранъ.
Однакожъ онъ съ достоинствомъ держался.
Его нарядъ богатый, стройный станъ
Въ глаза бросались. Рѣзко отличался
Отъ остальныхъ невольниковъ Жуанъ;
Его наружность всѣхъ собой плѣняла.
Онъ барышей купцу сулилъ не мало.

X.

Базаръ былъ сходенъ съ шахматной доской;
На площади его пестрѣли рядомъ
И бѣлые, и черные толпой.
Ихъ привели для сбыта, жалкимъ стадомъ.
Одинъ невольникъ, статный и лихой,
Лѣтъ тридцати, съ суровымъ, гордымъ взглядомъ,
Въ числѣ другихъ на торгъ былъ приведенъ;
Съ Жуаномъ находился рядомъ онъ.

XI.

Британца въ немъ признать не трудно было:
Онъ былъ румянъ и бѣлъ, въ плечахъ широкъ;
Его чело высокое носило
Слѣды глубокихъ думъ иль злыхъ тревогъ;
Его судьба невзгодой не сломила,—
На все глядѣть онъ съ равнодушьемъ могъ.
Онъ раненъ въ руку былъ; струей багряной
Пятнала кровь его повязку раны.

XII.

Къ Жуану, что немного пріунылъ,
Но все же, не теряя самовластья,
Достоинство и гордость сохранилъ,
Проснулось въ немъ горячее участье.
Невольно онъ сочувствіе дарилъ
Товарищу ихъ общаго несчастья,
А самъ онъ на плачевный свой удѣлъ
Съ полнѣйшимъ безучастіемъ глядѣлъ.

XIII.

Онъ такъ сказалъ Жуану:—„Мы не схожи
Съ толпою этихъ жалкихъ дикарей,
Что окружаютъ насъ. Лишь въ цвѣтѣ кожи
Различье ихъ. Порядочныхъ людей
Лишь вы да я имѣю видъ пригожій.
Знакомство мы должны свести скорѣй.
Откуда вы? Я буду радъ, какъ другу,
Вамъ оказать и ласку, и услугу".

XIV.

Жуанъ сказалъ:—„Испанецъ родомъ я".
— „Такого ждалъ я именно отвѣта:
Не можетъ подлый грекъ держать себя
Такъ гордо. Ваша пѣснь еще не спѣта;
Надежды до конца терять нельзя.
Смотрите: перемѣнится все это;
Мы всѣ фортуны жалкіе рабы,
Но я привыкъ къ превратностямъ судьбы".

XV.

— „Позвольте васъ спросить, хоть и неловко:
Что привело нежданно васъ сюда?“
— „Отвѣтъ простой: шесть турокъ и веревка“.
— „Но мнѣ узнать хотѣлось бы, когда
И какъ васъ взяли въ плѣнъ?“—„Командировку
Мнѣ далъ Суворовъ... Только въ томъ бѣда,
Что приступомъ не могъ я взять Виддина,
И самъ былъ взятъ: вотъ бѣдъ моихъ причина“.

XVI.

— „А есть у васъ друзья?“—„Въ невзгоды часъ
Отыскивать ихъ—тщетное старанье.
Отвѣтилъ я на все; прошу и васъ
Мнѣ разсказать свои воспоминанья“.
— „Унылъ и длиненъ будетъ мой разсказъ“.
— „А если такъ, то лучшее—молчанье:
Когда пространна повѣсть и грустна,
Длиннѣе вдвое кажется она.

XVII.

Но все жъ не унывайте. Въ ваши лѣта
Фортуна, что обманчива порой,
Васъ не оставитъ; тѣмъ вѣрнѣе это,
Что вамъ нельзя считать ее женой;
Бороться съ ней никто не дастъ совѣта,—
Былинкѣ гдѣ же справиться съ косой?
Тотъ часто въ заблужденіи глубокомъ,
Кто думаетъ, что можетъ править рокомъ“.

XVIII.

— „Печалюсь я не о судьбѣ своей,—
Сказалъ Жуанъ:—„мнѣ жаль того, что было;
Я лишь скорблю о счастьи прежнихъ дней;
Я былъ любимъ, и—нѣтъ подруги милой“.—
Тутъ онъ замолкъ, и тихо изъ очей
Слеза скатилась.—„Счастье измѣнило...
Но все же я со страхомъ незнакомъ,
И если плачу—плачу о быломъ.

XIX.

Я твердъ душой, но тяжкій гнетъ разлуки
Мнѣ не по силамъ“.—Тутъ онъ замолчалъ,
Въ отчаяньи свои ломая руки,
И голову склонилъ.—„Я такъ и зналъ,
Что женщина—причина вашей муки.
Понятна ваша скорбь. Я самъ рыдалъ,
Когда прощался съ первою женою,
А также, какъ былъ брошенъ и второю.

XX.

Но третья...“—„Какъ,—сказалъ Жуанъ:—у васъ
Есть три жены?“—„Въ живыхъ лишь двѣ осталось...
Чему тутъ удивляться?... Вѣдь не разъ
Инымъ вступать три раза въ бракъ случалось“.
—„Что жъ третья? Продолжайте свой разсказъ...
Надѣюсь, вамъ она вѣрна осталась
И не ушла?“—„О, нѣтъ!—тотъ отвѣчалъ:
—Отъ третьей самъ я въ страхѣ убѣжалъ“.

XXI.

—„Вы смотрите однако хладнокровно
На жизнь“, сказалъ Жуанъ.—„Я смятъ борьбой.
На вашемъ небѣ и свѣтло, и ровно
Сіяетъ радугъ много; ни одной
Не свѣтитъ мнѣ. Лишь въ юности любовно
Насъ грѣетъ лучъ надежды золотой,
Но время наши мысли измѣняетъ:
Такъ кожу каждый годъ змѣя мѣняетъ.

XXII.

Сначала эта кожа и яснѣй,
И лучше первой, но потомъ тускнѣетъ
И съ каждымъ днемъ становится блѣднѣй.
Насъ въ юности любовь живитъ и грѣетъ,
Затѣмъ мы узнаемъ другихъ страстей
Тяжелый гнетъ, и сердце леденѣетъ:
Иной честолюбивь и скупъ другой,
А третій дышетъ местью лишь одной“.

XXIII.

Жуанъ сказалъ:—„Вы, можетъ-быть, и правы,
Но все жъ судьба тяжелая насъ ждетъ;
Слова мы тратимъ только для забавы“.
— „Не много прока въ нихъ“,—отвѣтилъ тотъ.
—„Но если мнѣнья правильны и здравы,
Страданье учитъ насъ. Такъ, рабства гнетъ
Узнавъ, не станемъ мы тѣснить народа,
Когда намъ вновь достанется свобода“.

XXIV.

Жуанъ сказалъ, скрывая грустный вздохъ:
— „Какъ побывать хотѣлъ бы я на волѣ,
Чтобъ мстить злодѣямъ!... Да поможетъ Богъ
Несчастнымъ, побывавшимъ въ этой школѣ!“
— „Довольно испытали мы тревогъ
И долго ждать намъ не придется болѣ:
Вотъ черный евнухъ съ насъ не сводитъ глазъ;
Хотѣлъ бы я, чтобы купили насъ!

XXV.

Конечно, грустно наше положенье,
Но лучшихъ мы дождаться можемъ дней:
Всѣ смертные, почти безъ исключенья,
Рабы своихъ желаній и страстей.
Холодный свѣтъ не знаетъ сожалѣнья;
Онъ глухъ къ мольбамъ безпомощныхъ людей.
Жить для себя, вполнѣ чуждаясь чувства,
Вотъ безсердечныхъ стоиковъ искусство!“

XXVI.

Въ то время подошелъ поближе къ нимъ
Сераля стражъ безполый, евнухъ хилый;
Въ осмотрѣ ихъ онъ былъ неутомимъ;
Онъ оцѣнилъ ихъ ростъ, наружность, силы.
Нѣтъ, никогда съ вниманіемъ такимъ
Любовникъ не оглядываетъ милой,
Сукно—портной, проценты—ростовщикъ,
Барышникъ—лошадей, какъ покупщикъ—

XXVII.

Невольника. Должно-быть, есть отрада—
Существъ себѣ подобныхъ покупать.
Но, впрочемъ, всѣ продажны; только надо
Подкупности и вѣсъ, и мѣру знать;
Кого плѣняетъ мѣсто иль награда,
Кого успѣхъ; все жъ долженъ я сказать,
Что дѣйствуетъ всего успѣшнѣй злато...
За власть, какъ за пинки, по таксѣ плата.

XXVIII.

Ихъ осмотрѣвъ съ вниманьемъ, наконецъ,
Сначала одного, затѣмъ обоихъ,
Сталъ евнухъ торговать. Кричалъ купецъ;
Кричалъ и онъ, словъ не жалѣя строгихъ:
Торгуютъ такъ коровъ, свиней, овецъ
На ярмаркахъ. Такое брало зло ихъ,
Такой враждой пылалъ ихъ гнѣвный взоръ,
Что всѣмъ казалось—драка кончитъ споръ.

XXIX.

Но шумъ утихъ, и евнухъ съ грустной миной
Свой вынулъ кошелекъ и заплатилъ.
Купецъ пересмотрѣлъ всѣ до единой
Монеты, что въ уплату получилъ
(А то и пары сходятъ за цехины *).
Всѣ деньги получивъ, онъ настрочилъ
Расписку и съ довольнымъ выраженьемъ
Сталъ думать объ обѣдѣ съ наслажденьемъ.

---

*) Пара—мелкая серебряная монета; цехинъ—золотой.

XXX.

Но могъ ли аппетитъ проснуться въ немъ,
И могъ ли онъ свершить пищеваренье
Безъ всякой боли? Я увѣренъ въ томъ,
Что совѣсти онъ слышалъ угрызенья
За то, что безконтрольно, какъ скотомъ,
Людьми распоряжался. Безъ сомнѣнья,
На свѣтѣ ничего ужаснѣй нѣтъ,
Какъ дурно переваренный обѣдъ.

XXXI.

Вольтеръ намъ говоритъ, но это—шутка,
Что, лишь поѣвши, сладость свѣтлыхъ думъ
Вкушалъ Кандидъ. Вольтеръ неправъ: желудка
Не можетъ гнетъ не дѣйствовать на умъ;
Лишь тотъ, кто пьянъ, лишается разсудка
И дѣйствуетъ, конечно, наобумъ.
Воззрѣніе мое узнать хотите ль?
Великій сынъ Филиппа—мой учитель...

XXXII.

Вотъ мнѣнье Александра: „Намъ вдвойнѣ
Напоминаетъ смерть процессъ питанья
Съ другими жизни актами“. По мнѣ,
Коль пища можетъ радость иль страданье
Въ насъ возбуждать, то лишніе вполнѣ
Таланты, умъ, искусства и познанья;
Кто станетъ имъ оказывать почетъ,
Когда надъ всѣмъ желудокъ верхъ беретъ?

XXXIII.

Дней шесть тому назадъ я собирался
По городу пройтись; вдругъ близъ меня
Стрѣльбы необычайный звукъ раздался.
Съ поспѣшностью изъ дома вышелъ я.
Народъ шумѣлъ; на лицахъ страхъ читался.
Израненный, молчаніе храня,
На площади лежалъ старикъ почтенный,
Начальникъ войска города Равенны.

XXXIV.

Несчастный! Чтобы счеты съ нимъ свести,
Въ него пять пуль безжалостно всадили
И бросили. Его перенести
Къ себѣ велѣлъ я. Тщетно мы ходили
За нимъ всю ночь; ужъ пользы принести
Не въ силахъ всѣ старанья наши были.
Пять вѣскихъ пуль и старое ружье
Съ нимъ порѣшили. Месть взяла свое.

XXXV.

Я зналъ его и съ вздохомъ сожалѣнья
Глядѣлъ на хладный трупъ. Не разъ видалъ
Я мертвыхъ, но такого выраженья
Спокойствія я прежде не встрѣчалъ
На блѣдномъ ликѣ жертвы разрушенья.
Казалось, онъ не умеръ—только спалъ.
(Изъ ранъ его кровь не лилась струею.)
Я на него глядѣлъ, объятъ тоскою.

XXXVI.

„Что жизнь и смерть?“—у трупа я спросилъ;
Но онъ молчалъ,—безмолвна смерть нѣмая....
„Возстань“! Но онъ лежалъ, лишенный силъ,
Еще вчера, отвагою пылая,
Войсками храбрый вождь руководилъ,
Имъ гордо приказанья отдавая;
Теперь же онъ безпомощно лежалъ,
И барабанъ литавры замѣнялъ.

XXXVII.

Исполнены унынья и печали,
Вокругъ вождя, что пролилъ кровь свою,
Въ послѣднiй, но не первый разъ, стояли
Соратники его. Давно ль въ строю
Они, дрожа, словамъ его внимали?
И что жъ?... Герой, прославленный въ бою,
Побѣдными украшенный вѣнками,
Погибъ—убитъ продажными руками!

XXXVIII.

Близъ старыхъ ранъ, которыми стяжалъ
Онъ славу и почетъ, виднѣлись рядомъ
И новыя. Невольно ужасалъ
Контрастъ такой. Смущеннымъ, робкимъ взглядомъ
Я раны полководца озиралъ.
Отъ мертвеца несло могильнымъ хладомъ.
Глядя на этотъ трупъ, старался я
Умомъ постигнуть тайну бытiя.

XXXIX.

Но тайною осталась тайна эта.
Насъ окружаетъ вѣчный мракъ тюрьмы.
Что ждетъ насъ за могилой?—Нѣтъ отвѣта.
Сегодня—жизнь, а затра—царство тьмы.
Желаннаго намъ не дождаться свѣта.
А міръ безсмертенъ, только смертны мы.
Но мудрствовать я болѣе не стану,
И вотъ перехожу опять къ роману.

XL.

Британца и Жуана покупщикъ
Сѣлъ со своей поклажею живою
Въ роскошно-позолоченный каикъ,
Что по волнамъ понесся съ быстротою.
Друзья смутились, страхъ въ ихъ грудь проникъ:
Трудна борьба съ невѣдомой судьбою...
Вотъ у стѣны, въ тѣни деревъ густыхъ,
Въ концѣ залива, стала лодка ихъ.

XLI.

Лишь проводникъ у двери постучался—
Раскрылась дверь желѣзная. За нимъ
Невольники пошли; онъ подвигался
Съ большимъ трудомъ по зарослямъ густымъ.
Ложилась тѣнь и ночи мракъ сгущался.
Идти труднѣй все становилось имъ.
Гребцы исчезли съ лодкой, скрыты мракомъ,—
Ихъ евнухъ удалилъ условнымъ знакомъ.

XLII.

Сквозь чащу померанцевыхъ деревъ
Они съ трудомъ дорогу пролагали.
(Природу юга былъ бы я готовъ
Описывать, да всѣ поэты стали
Ей посвящать плоды своихъ трудовъ!
Такихъ поэмъ не мало вы читали.
Одинъ поэтъ гостилъ у турокъ разъ,—
Съ тѣхъ поръ метода эта принялась.)

XLIII.

Жуанъ слѣдилъ за евнухомъ въ волненьи;
Вдругъ мысль ему блестящая пришла.
И вамъ, и мнѣ, въ подобномъ положеньи,
Такая мысль легко прійти бъ могла.
„Убить проводника одно мгновенье,—
Шепнулъ Жуанъ:—„не вижу въ этомъ зла;
Скорѣй нанесть ударъ, чѣмъ молвить слово,
И мы затѣмъ свободны будемъ снова!"

XLIV.

Товарищъ возразилъ:—„И что жъ потомъ?
Какъ ухитримся дверь раскрыть снаружи?
Мы, можетъ-быть, и кожи не спасемъ
(Варѳоломея вспомните! *). Намъ хуже,
Конечно, будетъ завтра подъ замкомъ
Въ глухой тюрьмѣ. Я голоденъ къ тому же
И, не жалѣя первородства правъ,
Ихъ продалъ бы за бифштексъ, какъ Исавъ.

*) Преданіе гласитъ, что съ св. Варѳоломея содрали съ живого кожу.

XLV.

Конечно, домъ находится за садомъ;
Не сталъ бы этотъ негръ, увѣренъ я,
Идти одинъ съ невольниками рядомъ,
Когда бъ не зналъ о близости жилья.
Лишь крикнетъ—многочисленнымъ отрядомъ
Сюда сбѣгутся въ мигъ его друзья.
Но посмотрите: вотъ дворецъ предъ нами.
Какъ онъ красивъ и залитъ весь огнями!“

XLVI.

Дѣйствительно, дворецъ весь расписной
Представился ихъ изумленнымъ взглядамъ;
Онъ поражалъ отдѣлкой золотой
И ярко разукрашеннымъ фасадомъ.
Турецкій стиль богатъ лишь пестротой,
Но гдѣ жъ ему идти съ искусствомъ рядомъ!
Всѣ виллы вдоль Босфора и дворцы—
Лишь ширмъ иль декорацій образцы.

XLVII.

Когда друзья къ роскошному жилищу
Приблизились, ихъ сладко поразилъ
Отрадный запахъ яствъ. Глядя на пищу,
Жуанъ свое рѣшенье отложилъ,
Подумавъ: „путь себѣ потомъ прочищу!“
Голодному лишь запахъ пищи милъ.
Британецъ молвилъ:—„Намъ теперь лишь нуженъ
Часъ отдыха и вкусный, сытный ужинъ“.

XLVIII.

Совѣтуютъ чтобъ убѣждать людей—
На ихъ разсудокъ дѣйствовать и страсти.
Послѣднее мнѣ кажется вѣрнѣй:
Вѣдь умъ ничьей не поддается власти.
Одинъ ораторъ плачетъ, чтобъ сильнѣй
Подѣйствовать, другой сулитъ напасти;
Желаетъ всякій тронуть, убѣдить,
Но ни одинъ не хочетъ краткимъ быть.

XLIX.

Я твердо вѣрю въ силу убѣжденья
И красоты; порой полезна лесть,
Порою и угрозы; нѣтъ сомнѣнья,
Что въ золотѣ не мало силы есть.
Но все жъ людей въ такое умиленье
Ничто не въ состояніи привесть,
Въ такой восторгъ, какъ сладкій звонъ къ обѣду,
Что славитъ плоти надъ душой побѣду.

L.

Хоть въ Турціи къ обѣду не звонятъ,
Но трапеза и тамъ на первомъ планѣ.
Лакеи не стояли чинно въ рядъ,
И колоколъ не возвѣщалъ заранѣ
О томъ, что столъ накрытъ; все жъ ароматъ
Дымящихся и сочныхъ яствъ въ Жуанѣ
Будилъ неотразимый аппетитъ:
Планъ мщенья былъ отложенъ и забытъ.

LI.

Ихъ проводникъ увѣренно и смѣло
Шелъ впереди. Несчастный и не зналъ,
Что жизнь его на волоскѣ висѣла.
Остановивъ невольниковъ, онъ сталъ
Стучаться въ домъ. Мгновенье пролетѣло,—
Съ воротъ глухихъ затворы сторожъ снялъ,
И ихъ глазамъ представилася зала,
Что въ роскоши восточной утопала.

LII.

Я въ описаньяхъ силенъ, но о ней
Не стану говорить. Теперь такъ много
Туристовъ развелось, что ихъ статей
Не перечесть. Мнѣ съ ними—не дорога:
Все только описанья, но идей
Не требуйте отъ нихъ, тѣмъ больше слога.
Цѣль авторовъ—чтобъ ихъ замѣтилъ свѣтъ,
А до природы имъ и дѣла нѣтъ.

LIII.

Вдоль стѣнъ, почти недвижно, возсѣдали
Сыны пророка, ноги подъ себя
Поджавъ. Иные въ шахматы играли;
Другіе, разговоровъ не любя,
Изъ мундштуковъ янтарныхъ дымъ пускали;
Здѣсь спалъ одинъ, свернувшись какъ змѣя;
А тамъ другой, объ ужинѣ мечтая,
Къ нему приготовлялся, ромъ глотая.

LIV.

Ни толковъ, ни разспросовъ никакихъ
Не вызвало гяуровъ появленье;
Разсѣянно оглядывали ихъ,—
И лицъ не измѣнилось выраженье.
Такъ, мимоходомъ, на коней лихихъ
Глядятъ, цѣня ихъ силы и сложенье.
Иные негру отдали поклонъ,
Но ни о чемъ разспрошенъ не былъ онъ.

LV.

Оставивъ турокъ сонное собранье,
Невольниковъ повелъ онъ за собой
По ряду пышныхъ залъ. Вездѣ молчанье
Царило, только въ комнатѣ одной
Фонтана раздавалося журчанье,
Да кое-гдѣ изъ-за портьеръ порой
Выглядывали женскія головки,
Что новизна смущала обстановки.

LVI.

Довольно лампъ вдоль стѣнъ горѣло въ рядъ,
Чтобъ освѣщать ихъ путь, но слишкомъ мало,
Чтобъ роскошь этихъ царственныхъ палатъ
Во всемъ своемъ величьи выступала.
Тяжелою печалью я объятъ,
Когда передо мной пустая зала,
Гдѣ не видать кругомъ души живой.
Унылъ ея торжественный покой!

LVII.

Близъ скалъ сѣдыхъ, что злобно точатъ волны,
Въ пустынѣ иль въ лѣсу,—не страшно намъ
Уединенье. Пусть они безмолвны—
Просторъ и тишь душѣ отрадны тамъ.
Но если мрака и молчанья полны
Палаты, гдѣ веселью свѣтлый храмъ
Воздвигнутъ, тяжекъ этотъ видъ унылый—
Онѣ тогда сходны съ нѣмой могилой.

LVIII.

Веселый ужинъ, ласки и привѣтъ,
Подруги милой образъ идеальный,
Уютный уголокъ и—горя нѣтъ,
И часъ за часомъ мчится безпечально.
Эффектнѣе, конечно, яркій свѣтъ,
Что газъ бросаетъ въ залѣ театральной;
Но мнѣ просторъ пустынныхъ залъ милѣй,
Вотъ отъ чего тоска въ душѣ моей!

LIX.

Безцѣльны зодчихъ пышныя затѣи:
Чѣмъ больше зданье, тѣмъ виднѣе намъ,
Какъ жалокъ человѣкъ. Зачѣмъ пигмеи
Соборы воздвигаютъ къ небесамъ?
Дворцы, чертоги, храмы, мавзолеи—
Къ чему они съ тѣхъ поръ, какъ палъ Адамъ?
Какъ не умѣритъ эти вожделѣнья
Разительный примѣръ столпотворенья!...

LX.

Великъ былъ Вавилонъ, что всѣхъ дивилъ
Богатствами и силой. Величаво
Навуходоносоръ надъ нимъ царилъ,
Пока не сталъ пастись въ тѣни дубравы;
Со львами тамъ справлялся Даніилъ,
Съ Пирамомъ Тизба увѣнчались славой
И тамъ жила, собой плѣняя свѣтъ,
Семирамида, жертва злыхъ клеветъ.

LXI.

Всѣ лѣтописцы, злобною толпою,
Пристрастіемъ къ коню ее клеймятъ.
(Любовь, какъ и религія, порою
Впадаетъ въ ересь!) Но такой развратъ
Невѣроятенъ; жалкой клеветою
Все это отзывается. Наврядъ
Могло такъ быть, и я иного мнѣнья:
Скакунъ имѣлъ *курьера* тамъ значенье *).

LXII.

Иной, пожалуй, скажетъ: „Вавилонъ—
Лишь миѳъ пустой!“ (Безвѣріе—не чудо
Въ нашъ вѣкъ.) Но скептикъ будетъ обличенъ:
У насъ есть доказательствъ вѣрныхъ груда.
Сэръ Ричъ нашелъ, гдѣ былъ построенъ онъ,
И нѣсколько камней привезъ оттуда;
Къ тому жъ о немъ есть въ Библіи разсказъ,
А Библіи слова—законъ для насъ.

---

*) Намекъ на процессъ королевы Каролины, которую обвиняли въ любовной связи съ ея курьеромъ Бергами.

LXIII.

Пусть вспомнятъ тѣ, что воздвигаютъ зданья,
Лишь думая о радостяхъ земныхъ,
Горацiя прелестное воззванье:
„Вы строите дворцы, а васъ въ живыхъ
Не будетъ скоро, жалкiя созданья!“
Какою правдой дышетъ грустный стихъ:
„Et sepulchri immemor struis domos“!
Насъ манитъ жизнь, а смерти слышенъ голосъ.

LXIV.

Невольниковъ все за собою велъ
Ихъ проводникъ. Объятый нѣгой, сонный
Дворецъ молчалъ; вотъ съ ними негръ вошелъ
Въ созданье фей, покой уединенный,
Гдѣ роскоши воздвигнутъ былъ престолъ.
Природа созерцала удивленно
Красу и блескъ въ немъ собранныхъ вещей,
Не зная, какъ съ искусствомъ ладить ей.

LXV.

Навалены богатствъ тамъ были горы,
А цѣлый рядъ покоевъ былъ такихъ.
Диваны красотой плѣняли взоры;
Казалось, страшно даже сѣсть на нихъ.
Ковровъ пестрѣли пышные узоры;
Любуясь рядомъ тканей дорогихъ,
Хотѣлось, чтобы ихъ не смять ногою,
По нимъ скользить, ставъ рыбкой золотою.

LXVI.

Но этотъ блескъ не изумлялъ ничуть
Проводника, тогда какъ отъ волненья
У путниковъ его вздымалась грудь;
Они неслись на крыльяхъ вдохновенья,
Какъ будто бы подъ ними млечный путь,
Весь въ звѣздахъ, разстилался. Въ углубленьи
Одной изъ стѣнъ виднѣлся шкафъ большой.
(Надѣюсь, вамъ разсказъ понятенъ мой,

LXVII.

А если нѣтъ, я неповиненъ въ этомъ.)
Негръ отперъ шкафъ, въ немъ былъ нарядовъ складъ,
Что разнились и формою, и цвѣтомъ;
Надѣть ихъ всякій турокъ былъ бы радъ,
Чтобы блеснуть изящнымъ туалетомъ.
Хоть выборъ былъ роскошенъ и богатъ,
Но все же для гяуровъ негръ угрюмый
По вкусу своему избралъ костюмы.

LXVIII.

Британцу онъ нарядъ богатый далъ:
Широкій плащъ, какъ носятъ кандіоты,
И пышныя шальвары; шаль досталъ
Тончайшаго узора и работы,
Прибавивъ туфли и большой кинжалъ,
Чеканенный и съ яркой позолотой.
Британецъ въ одѣяніи такомъ
Выглядывалъ вполнѣ турецкимъ львомъ...

LXIX.

На нихъ глядя внушительно и строго,
Баба, ихъ проводникъ, себѣ далъ трудъ
Имъ объяснить, какъ ждетъ ихъ выгодъ много,
Когда они безропотно пойдутъ
Судьбою имъ указанной дорогой;
Своимъ онъ долгомъ счелъ прибавить тутъ,
Что согласись они на обрѣзанье—
Похвалъ ихъ удостоятъ и вниманья.

LXX.

Онъ такъ окончилъ рѣчь;—„Я былъ бы радъ
Въ васъ видѣть мусульманъ, но принужденья
Не пустятъ въ ходъ, чтобъ вы святой обрядъ
Свершили надъ собой“.—Благодаренье
Воздавъ ему за то, что знать хотятъ
Объ этакой бездѣлицѣ ихъ мнѣнье,
Британецъ, чтобъ смиренье заявить,
Турецкіе порядки сталъ хвалить.

LXXI.

Онъ къ этому прибавилъ, что питаетъ
Къ обычаямъ похвальнымъ мусульманъ
Большое уваженье и желаетъ,
Чтобъ для отвѣта срокъ ему былъ данъ;
Принять онъ предложенье полагаетъ,
Поужинавъ.—„О, срамъ!“ вскричалъ Жуанъ,
„Возможно ль стать посмѣшищемъ для свѣта!
Скорѣй умру, чѣмъ соглашусь на это.

LXXII.

Пусть голова скорѣй свалится съ плечъ!"
Британецъ возразилъ:—„Еще два слова,
Вѣдь я еще свою не кончилъ рѣчь".
Тутъ къ евнуху онъ обратился снова:
—„Поѣмъ сперва, затѣмъ пойду прилечь...
Рѣшусь ли обратиться къ жизни новой,
Потомъ скажу; но все надѣюсь я,
Что принуждать не станете меня.

LXXIII.

—„Вамъ также передѣться будетъ надо".
Сказалъ Жуану евнухъ и такой
Досталъ нарядъ, что было бы отрадой
Его надѣть красавицѣ любой;
Жуанъ же оттолкнулъ его съ досадой
Своею христіанскою ногой
И такъ одѣться отказался прямо,
Сказавъ: „Почтенный старецъ, я—не дама".

LXXIV.

—„Какой вашъ полъ", съ разсерженнымъ лицомъ
Отвѣтилъ негръ,—„мнѣ это все едино;
Но все же я поставлю на своемъ".
—„Какая же", спросилъ Жуанъ, „причина
Такой продѣлки? Что вамъ толку въ томъ,
Что женщиной нарядится мужчина?"
—„Немного потерпите, и затѣмъ
Поймете все; но я останусь нѣмъ".

LXXV.

—„Я требую!“ сказалъ Жуанъ нахально.
—„Прошу,—замѣтилъ негръ,—умѣрить пылъ:
Такая смѣлость можетъ быть похвальна,
Но для борьбы у васъ не хватитъ силъ;
Она для васъ окончится печально“.
—„Что жъ, съ платьемъ я свой полъ не измѣнилъ!“
Воскликнулъ тотъ.—„Коль къ мѣрамъ я тяжелымъ
Прибѣгну, вы совсѣмъ проститесь съ поломъ.

LXXVI.

Я пышный предлагаю вамъ костюмъ“,
Негръ продолжалъ. „Что женскій онъ, нѣтъ спора,
Но есть на то причина. Крикъ и шумъ
Напрасны,—въ этомъ убѣдитесь скоро!“
Жуанъ стоялъ и мраченъ, и угрюмъ.
—„Вотъ лоскутокъ отъ женскаго убора.
Что дѣлать съ нимъ?“ Жуанъ, сердясь, спросилъ.
(Такъ кружево онъ цѣнное честилъ.)

LXXVII.

Затѣмъ Жуанъ шальвары цвѣта тѣла
Надѣлъ, ворча и не скрывая гнѣвъ;
Свой легкій станъ, рубашкой скрытый бѣлой,
Онъ поясомъ стянулъ невинныхъ дѣвъ.
Впередъ успѣшно подвигалось дѣло,
Но юбка подвела: ее надѣвъ,
Онъ оступился, въ складкахъ утопая.
Неловкость извинительна такая.

LXXVIII.

Жуанъ, сердясь, урокъ свой первый бралъ,
Какъ одѣваться женщиною; ясно,
Что всѣхъ уловокъ дамскихъ онъ не зналъ.
Когда же наступалъ моментъ опасный,
Баба ему усердно помогалъ,
Чтобъ съ модою все шло вполнѣ согласно;
Самъ платье на Жуана онъ надѣлъ,
Затѣмъ нарядъ съ вниманьемъ осмотрѣлъ.

LXXIX.

Все было хорошо, но вотъ досада:
Прическа дамы требуетъ волосъ,
Жуанъ же былъ остриженъ; но изъ склада
Баба досталъ запасъ фальшивыхъ косъ;
Пригладивъ ихъ душистою помадой,
Убрать Жуана дамой удалось.
Прическа, что и такъ красой плѣняла,
Съ алмазами еще роскошнѣй стала;

LXXX.

Посредствомъ ножницъ, щипчиковъ, бѣлилъ
Жуана совершилось превращенье,—
На дѣвушку вполнѣ онъ походилъ.
Баба сказалъ, исполненъ восхищенья:
—„За мной идите, сударь. Ахъ, забылъ,
Сударыня. Возможно ли сомнѣнье?“
Тутъ хлопнулъ онъ рукой, и въ тотъ же мигъ
Четыре негра стали возлѣ нихъ.

LXXXI.

—„Васъ ужинъ ждетъ. Вотъ стража для надзора“,
Британцу такъ Баба сказалъ. „А вы
За мной идите, робкая синьора,
Но выкинуть прошу изъ головы
Пустую блажь,—я не терплю задора.
Не опасайтесь, здѣсь не рыщутъ львы.
Дворецъ султана—рая Магомета
Преддверье; мудрецу понятно это.

LXXXII.

Не бойтесь: зла вамъ сдѣлать не хотятъ“.
—„Тѣмъ лучше“, былъ отвѣтъ: „я за обиду
Отмстить сумѣю. Тотъ не будетъ радъ,
Кто оскорбитъ меня. Я слабъ лишь съ виду.
Теперь я тихъ; но если мой нарядъ
Въ обманъ введетъ, я изъ терпѣнья выйду
И защитить свою сумѣю честь.
Повѣрьте мнѣ, моя опасна месть!“

LXXXIII.

Когда Баба далъ снова приказанье
Идти за нимъ, Жуанъ прощаться сталъ
Съ товарищемъ. Глядя на одѣянье,
Что юношѣ видъ женщины давалъ,
Тотъ скрыть улыбку былъ не въ состояньи.
—„Здѣсь край чудесъ!“ ему Жуанъ сказалъ.
„Мы взяты въ рабство чернымъ чародѣемъ:
Я дѣвой сталъ, а вы—турецкимъ беемъ.

LXXXIV.

Прощайте!“—„Если встрѣтимся опять,—
Отвѣтилъ тотъ,—хоть я пойду налѣво,
Направо вы,—о многомъ разсказать
Придется намъ. Безропотно, безъ гнѣва
Судьбы велѣнья надо принимать.
Но сохраните честь, хоть пала Ева!“
— „Меня не соблазнитъ и самъ султанъ,
Руки не предложивъ“,—сказалъ Жуанъ.

LXXXV.

Разстаться для друзей пора настала.
По анфиладѣ залъ и галлерей
Баба провелъ Жуана. У портала,
Что поражалъ массивностью своей,
Они остановились. Все дышало
Здѣсь святостью и миромъ алтарей;
Вездѣ носились волны ѳиміама.
Они, казалось, были возлѣ храма.

LXXXVI.

Порталъ—колоссъ, украшенный рѣзьбой,
Весь вылитъ былъ изъ бронзы позлащенной;
На немъ изображался лютый бой:
Здѣсь побѣдитель шелъ, тамъ побѣжденный
Лежалъ въ пыли и плѣнныхъ за собой
Велъ тріумфаторъ. Эры отдаленной,
Когда Востокомъ кесарь управлялъ,
Созданьемъ былъ роскошный тотъ порталъ.

LXXXVII.

Въ концѣ онъ помѣщался пышной залы.
Какъ бы служа контрастомъ тѣмъ дверямъ,
Два карлика, уродства идеалы,
Стояли на часахъ по ихъ бокамъ.
Такъ жалкіе пигмеи были малы,
Что ихъ никто бъ и не замѣтилъ тамъ,—
Порталъ, что возлѣ нихъ стоялъ стѣною,
Ихъ подавлялъ своей величиною.

LXXXVIII.

Кто наступалъ на нихъ почти совсѣмъ,
Тотъ только могъ, съ невольнымъ отвращеньемъ,
Ихъ разглядѣть черты. Къ уродамъ тѣмъ
Всѣ относились съ злобой и презрѣньемъ;
Къ тому жъ изъ нихъ былъ каждый глухъ и нѣмъ,
И цвѣтъ ихъ лицъ былъ всѣхъ цвѣтовъ смѣшеньемъ.
Границъ не знало безобразье ихъ,
За то и денегъ стоило большихъ.

LXXXIX.

Они большою обладали силой.
Держать всегда тѣ двери подъ замкомъ
Ихъ главною обязанностью было;
Но отворять имъ было нипочемъ
Гарема дверь, что плавно такъ скользила,
Какъ плавенъ стихъ у Роджерса. Притомъ
И казни ими тайно совершались:
Для дѣлъ такихъ всегда нѣмые брались.

XC.

Имъ знаки замѣняли разговоръ.
Когда Баба предъ ними появился
И приказалъ скорѣе снять затворъ,
Такъ на Жуана строго устремился
Чудовищей нѣмыхъ змѣиный взоръ,
Что онъ невольно струсилъ и смутился.
Казалось, имъ въ удѣлъ достался даръ
Опутывать людей посредствомъ чаръ.

XCI.

Не мало далъ Жуану наставленій
Баба предъ тѣмъ, чтобъ подойти къ дверямъ:
— „Не дѣлайте порывистыхъ движеній,
Старайтесь подражать походкѣ дамъ;
Когда мы не разсѣемъ подозрѣній,
Живыми не уйти отсюда намъ;
Примите видъ взволнованный и томный,
Какъ это долгъ велитъ дѣвицѣ скромной.

XCII.

Остерегайтесь карликовъ: ихъ взоръ
Пронижетъ васъ; онъ бдителенъ и зорокъ;
Въ обманъ ввести старайтесь ихъ надзоръ,
Коль только солнца свѣтъ вамъ милъ и дорогъ;
Не то—въ мѣшкѣ забросятъ насъ въ Босфоръ
И никакихъ не примутъ отговорокъ;
Таковъ обычай мѣстный, и какъ разъ,
Безъ лодки въ даль угонятъ волны насъ“.

XCIII.

Съ напутствіемъ такимъ Жуана ввелъ онъ
Въ покой, что убранъ былъ еще пышнѣй,
Чѣмъ прочіе. Онъ былъ настолько полонъ
Невѣроятной роскоши затѣй,
Что глазъ, такою пышностью уколонъ,
Не зналъ, на что глядѣть. Игра камней
Сливалася вездѣ съ сіяньемъ злата;
Все было тамъ и пышно, и богато.

XCIV.

Въ дворцахъ Востока роскошь колетъ глазъ,
Но никогда она тамъ не являлась
Въ соединеньи съ вкусомъ. Мнѣ не разъ
На Западѣ бывать въ дворцахъ случалось—
И тамъ безвкусье поражало васъ,
Хоть менѣе богатства замѣчалось.
Нѣтъ средства перечислить, сколько въ нихъ
Картинъ и статуй видѣлъ я плохихъ.

XCV.

Въ той комнатѣ, объятой полумракомъ,
Султанша возсѣдала, на диванъ
Облокотясь. Предупрежденный знакомъ,
Предъ нею на колѣни палъ Жуанъ,
Что до поклоновъ вовсе не былъ лакомъ.
Его смущали нравы этихъ странъ.
Передъ султаншей также евнухъ черный
Упалъ во прахъ, склонивъ главу покорно.

XCVI.

Венерой, разстающейся съ волной,
Она возстала, ихъ окинувъ взглядомъ,
Что затмѣвалъ и блескомъ, и красой
Сокровища, лежавшія тутъ рядомъ.
Кивнувъ надменно евнуху рукой,
Плѣнявшей нѣжной прелестью и складомъ,
Она его къ себѣ подозвала.
Какъ лунный свѣтъ рука ея бѣла.

XCVII.

Онъ, край ея пурпуроваго платья
Поцѣловавъ, шептаться съ нею сталъ.
Красы ея не въ силахъ описать я,
И лучше—я стихомъ бы ослѣплялъ:
Словами невозможно дать понятья
О совершенствѣ. Свѣтлый идеалъ
Лишь можетъ рисовать воображенье,
А потому и слово безъ значенья.

XCVIII.

Хоть съ ней давно простилася весна
(Лѣтъ двадцать-шесть ей въ это время было),
Но все жъ она была красы полна:
Иныхъ и лѣтъ не побѣждаетъ сила,—
Надъ временемъ имъ свыше власть дана.
Шотландская Марія сохранила
Красу весь вѣкъ, и время не могло
Умалить блескъ Нинoны де-Ленкло.

XCIX.

Съ величіемъ царицы, приказанье
Прислужницамъ султанша отдала.
Всѣхъ одинако было одѣянье.
Жуанъ по платью былъ изъ ихъ числа.
Казалось, такъ невинно ихъ собранье,
Что каждую изъ нихъ бы взять могла
Себѣ въ подруги чистая Діана;
Но не скрывалъ ли взглядъ такой обмана?

C.

Прислужницы, почтительный поклонъ
Отдавъ Гюльбеѣ, скрылися толпою,
Минуя дверь, въ которую введенъ
Былъ Донъ-Жуанъ. Богатствомъ и красою
Той пышной залы восхищался онъ.
Мнѣ жалокъ тотъ, кто, полный лишь собою,
Не признаетъ ничьихъ законныхъ правъ,
Nil admirari—лозунгомъ избравъ.

CI.

„Коль ищете вы счастья,—удивленье
Гоните прочь“! Вотъ Мюррея совѣтъ
И Крича; но слова ихъ—повторенье:
Горацій, вдохновеніемъ согрѣтъ,
Давно распространялъ такое мнѣнье;
Съ нимъ Попе заодно; но если бъ свѣтъ
Не дѣлалъ мощнымъ геніямъ овацій,
Не пѣли бы ни Попе, ни Горацій.

CII.

Когда ушли прислужницы, Баба
Согнуть колѣни вновь велѣлъ Жуану
И приложиться, съ подлостью раба,
Къ ея ногѣ; но словно истукану
Онъ говорилъ.—„Грустна моя судьба!—
Вскричалъ Жуанъ во гнѣвѣ,—но не стану
Ни передъ кѣмъ достоинства ронять:
Лишь туфлю папы можно цѣловать“.

CIII.

Баба, конечно, дерзостью отвѣта
Былъ возмущенъ и петлю посулилъ;
Но предъ самой невѣстой Магомета
Жуанъ бы ни за что не уронилъ
Достоинства. Законамъ этикета
Подвластны всѣ; ихъ свѣтъ всегда цѣнилъ;
Они не для одной среды придворной,—
И въ захолустьяхъ люди имъ покорны.

CIV.

Отъ бѣшенства сверкалъ Жуана взоръ;
Кастильскихъ предковъ духъ въ немъ пробудился;
Унизиться считалъ онъ за позоръ
И съ арміей скорѣе бы сразился,
Чѣмъ уступилъ. Признавъ напраснымъ споръ,
Баба уступку сдѣлать согласился,
И для того, чтобъ сразу кончить бой,
Придумалъ ногу замѣнить рукой.

CV.

Успѣхомъ увѣнчалось предложенье:
Не поступилъ бы лучше дипломатъ.
Тутъ съ евнухомъ, немедля, въ соглашенье
Вступилъ Жуанъ, что былъ условью радъ.
Онъ молвилъ:—„Всякой дамѣ уваженье
Оказывать приличья намъ велятъ,
И мы всегда—такъ принято ужъ это—
Подходимъ къ ручкѣ для привѣта".

CVI.

И вотъ Жуанъ, не торопясь ничуть,
Къ рукѣ султанши подошелъ небрежно;
А врядъ ли видѣлъ онъ когда-нибудь
Такой руки породистой *) и нѣжной.
Восторженно устами къ ней прильнуть
Желалъ бы всякій. Ручки бѣлоснѣжной
Надъ смертными неотразима власть:
Коснешься къ ней—и въ сердцѣ дышетъ страсть.

CVII.

Окинувъ взглядомъ юношу, Гюльбея
Велѣла гордо негру скрыться съ глазъ,
И евнухъ, ей противиться не смѣя,
Исполнилъ тотчасъ данный ей приказъ,
Сказавъ Жуану тихо:—„Не робѣя,
Приблизьтесь къ ней: васъ ждетъ блаженства часъ!"
Собой довольный, евнухъ вышелъ смѣло,
Какъ будто совершилъ благое дѣло.

---

*) Ничто такъ не доказываетъ знатность происхожденія, какъ красота руки. Это почти единственная особенность, которая по рожденію передается аристократіей. *Б.*

CVIII.

Лишь вышелъ негръ, и вмигъ она покой
Утратила, волненіемъ объята;
Кровь прилила багряною струей
Къ ея лицу. Такъ яркій лучъ заката
На облака, вечернею порой,
Бросаетъ отблескъ пурпура и злата.
Огонь сверкнулъ въ ея глазахъ большихъ:
И страсть, и гордость смѣшивались въ нихъ.

CIX.

Ея краса была неоспорима,
Но сатана съ ней, вѣрно, сходенъ былъ,
Когда онъ принялъ образъ херувима,
Чтобъ Еву обольстить, и тѣмъ открылъ
Неправды путь, столь смертными любимый...
Въ ней гордость охлаждала сердца пылъ;
Рабы могли идти за нею слѣдомъ,
Но рабства гнетъ ей былъ самой невѣдомъ.

CX.

Во всѣхъ ея поступкахъ и словахъ
Гордыня проявлять себя умѣла;
Всѣ предъ Гюльбеей падали во прахъ;
На шеѣ цѣпь у всякаго висѣла
Въ присутствіи ея; но развѣ страхъ—
Надежная опора? Можно тѣло
Поработить, но духъ свое возьметъ:
Онъ лишь одну свободу признаетъ.

CXI.

Ея улыбка, что красой плѣняла,
Была высокомѣрія полна;
Привѣтствіе ея—и то дышало
Надменностью; ни передъ кѣмъ она
Своей главы покорно не склоняла;
Обычаю восточному вѣрна,
За поясомъ она кинжалъ носила.
(Съ такой женой мнѣ бъ трудно ладить было!)

CXII.

Она не знала удержу ни въ чемъ.
Предъ волею ея благоговѣя,
Толпа рабовъ лишь думала о томъ,
Чтобы ея малѣйшая затѣя
Исполнена была. Такимъ путемъ—
Будь только христіанкою Гюльбея—
Открыли бъ для нея—я въ этомъ убѣжденъ—
И вѣчного движенія законъ.

CXIII.

Богатства ей безумно расточались
И прихотямъ ея платили дань;
Ей деньги никогда въ разсчетъ не брались:
Чего бъ ни пожелала, все достань.
Но все жъ охотно ей повиновались,
Хотя она и деспотизма грань
Переступала; женщины, порою,
Мирились съ нимъ, но не съ ея красою.

CXIV.

Нечаянно Жуана увидавъ,
Она его немедленно велѣла
Купить. Баба, что подлъ былъ и лукавъ,
Съ охотою взялся за это дѣло.
Могла ль она обуздывать свой нравъ?
Но хитрый негръ свой планъ обдумалъ зрѣло,
И для того, чтобъ лучше скрыть обманъ,
Дѣвицей былъ наряженъ Донъ-Жуанъ.

CXV.

Возможно ли такое приключенье?
Вы странностью его поражены;
Но вами возбужденныя сомнѣнья
Султанши сами разрѣшить должны.
Скажите, развѣ рѣдкое явленье—
Обманутый монархъ? Въ глазахъ жены
Онъ только мужъ, какихъ на свѣтѣ много,
И все идетъ обычною дорогой.

CXVI.

Такихъ примѣровъ горестныхъ полна
Исторія. Но вновь вернусь къ разсказу.
Гюльбея въ томъ была убѣждена,
Что все пойдетъ какъ будто по заказу:
Вѣдь юношу пріобрѣла она
И думала, что ей удастся сразу
Его простымъ вопросомъ побѣдить:
„Христіанинъ, умѣешь ли любить?“

CXVII.

Могло бъ такъ быть; но образъ сердцу милый
Еще Жуанъ носилъ въ груди своей:
Онъ не забылъ Гайдэ, и съ новой силой
Его сдавила сердце мысль о ней;
Онъ вспомнилъ нѣжной дѣвы ликъ унылый,
Ея любовь, и—снѣга сталъ бѣлѣй.
Какъ бы пронзенный острыми стрѣлами,
Онъ залился горючими слезами.

CXVIII.

Такія слезы грудь на части рвутъ:
Ихъ горечь отравляетъ хуже яда.
Онѣ свинцомъ расплавленнымъ текутъ.
Чтобъ слезы лилъ мужчина, сердце надо
И жизнь его разбить. Тѣ слезы жгутъ.
А въ нихъ и облегченье, и отрада
Для женщинъ; мукъ онѣ смываютъ слѣдъ,—
Для насъ же безпощаднѣй пытки нѣтъ!

CXIX.

Она его утѣшить бы хотѣла,
Но какъ—совсѣмъ не знала. Съ юныхъ лѣтъ
Она съ рабами лишь имѣла дѣло,
Встрѣчая только ласки и привѣтъ.
Предъ нею проявляться скорбь не смѣла,
Ей и во снѣ не представлялось бѣдъ:
Лелѣяли ее лишь счастья грезы—
И вдругъ предъ нею проливались слезы!

CXX.

Но женщина сердечную печаль
Всегда не прочь утѣшить, и кручина
Въ ней будитъ состраданіе. Едва ль
Одну найдешь, которой сердце—льдина.
Гюльбеѣ Донъ-Жуана стало жаль.
Хоть непонятна ей была причина
Его рыданій, ими смущена,—
Невольно вдругъ заплакала она.

CXXI.

Но свѣтъ не знаетъ вѣчнаго мученья,
И, какъ всему, есть и слезамъ предѣлъ.
Жуанъ унялъ душевное волненье
И смѣло на Гюльбею посмотрѣлъ.
Въ глазахъ исчезъ послѣдній лучъ смятенья;
Хоть онъ предъ красотой благоговѣлъ,
Но все жъ не могъ переносить безъ боли
Сознанья, что онъ—жертва злой неволи...

CXXII.

Гюльбеѣ приходилось въ первый разъ
Встрѣчать отпоръ. Она весь вѣкъ внимала
Лишь лести и мольбамъ; ея приказъ
Закономъ былъ, и все предъ ней дрожало;
Ей жизни стоить могъ блаженства часъ...
И что жъ?—Ее опасность не смущала;
А время уносилось безъ слѣда,
Не принося желаннаго плода.

CXXIII.

Здѣсь ваше обращаю я вниманье
На то, что въ взглядахъ Сѣверъ и Востокъ
Расходятся: для нѣжнаго признанья
На Сѣверѣ дается дольше срокъ,
А тамъ одна минута колебанья
Иль замедленья—пагубный порокъ:
Мгновенно тамъ должна раждаться страстность,
Иль осрамиться вамъ грозитъ опасность.

CXXIV.

Жуанъ бы не ударилъ въ грязь лицомъ,
Но о Гайдэ онъ думалъ, и страданье
Другія чувства заглушало въ немъ;
Гюльбею онъ оставилъ безъ вниманья;
Его жъ своимъ считала должникомъ
Султанша за опасное свиданье.
То вспыхнувъ вдругъ, а то какъ смерть блѣдна,
Стояла рядомъ съ юношей она.

CXXV.

Затѣмъ она дрожащею рукою
Его схватила руку, страстный взоръ
Бросая на него съ нѣмой мольбою;
Просила ласкъ, но встрѣтила отпоръ.
Подавлена душевною борьбою,
Она сдержала гнѣвъ, и лишь укоръ
Сверкнулъ въ очахъ; но страсть въ ней бушевала,
И вотъ она въ его объятья пала.

CXXXVIII.

Они напоминаютъ имъ про связь,
Что сочетаетъ смертныхъ, и понятье
Даютъ о томъ, что все же мы—не грязь,
Хоть созданы изъ праха; что, какъ братья,
Горшки и урны сходны; что, гордясь
Породой или саномъ, отъ объятій
Зловѣщей смерти все же не уйдешь...
Какъ иногда такой урокъ хорошъ!

CXXXIX.

Сперва ей мысль пришла убить Жуана,
Затѣмъ въ себѣ любовь къ нему убить*),
Затѣмъ, не одобряя эти планы,
Ей захотѣлось зло его язвить,
Затѣмъ улечься спать, хоть было рано,
Потомъ кинжаломъ грудь себѣ пронзить—
Потомъ дать порку негру, въ знакъ привѣта;
Но лишь слезами кончилось все это.

CXL.

Убить себя хотѣлось ей съ тоски,
Да подъ бокомъ она кинжалъ носила,
А на Востокѣ ткани такъ легки,
Что въ мигъ одинъ ее бы сталь пронзила.
Убить Жуана было бъ ей съ руки,
И что жъ?—она рѣшенье измѣнила:
Вѣдь средство плохо, что ни говорить,
Снять голову, чтобъ сердце побѣдить.

---

*) Игра словъ въ подлинникѣ.

CXLI.

Жуанъ былъ сильно тронутъ; съ горькой долей
Мирился онъ и въ томъ былъ убѣжденъ,
Что свѣта дня ужъ не увидитъ болѣ
И что въ мученьяхъ жизнь окончитъ онъ.
Грѣшить онъ могъ, своей согласно волѣ;
Ее лишь признавая какъ законъ,
Онъ презрѣлъ бы и пытки, и угрозы;
Но женщины его смутили слезы.

CXLII.

Онъ потерялъ рѣшимость и, во всемъ
Себя виня, отказу сталъ дивиться
(Но почему, не знаю). Онъ о томъ
Сталъ думать, какъ бы съ нею помириться.
Жалѣлъ онъ, что пошелъ такимъ путемъ,
Какъ инокъ, что обѣтомъ тяготится,
Иль женщина замужествомъ своимъ.
Сдержать обѣтъ тогда возможно ль имъ?

CXLIII.

Онъ смутно бормотать сталъ извиненья,
Но въ этихъ обстоятельствахъ слова—
Пустые звуки, чуждые значенья;
Поэзія и та свои права
Утратила бъ въ подобномъ положеньи.
Гюльбея стала таять; но едва
Клониться къ примиренью стало дѣло,
Вошелъ Баба смущенно и несмѣло.

CXLIV.

„Подруга солнца и сестра планетъ“,
Такъ евнухъ ей сказалъ, потупя взоры,
„Передъ тобой склоняется весь свѣтъ,
Свѣтилъ и тѣхъ тебѣ послушны хоры.
Отъ солнца я тебѣ несу привѣтъ,
Оно само появится здѣсь скоро.
Какъ свѣтлый лучъ, я посланъ имъ впередъ.
Надѣюсь, своевременъ мой приходъ“.

CXLV.

Она сказала:—„На его сіянье
Лишь завтра мнѣ хотѣлось бы взглянуть.
Ну, что жъ, зови альмей; пусть ихъ собранье
Вокругъ меня блеститъ, какъ млечный путь;
А ты, гяуръ, коль есть въ тебѣ желанье
Проступокъ свой загладить чѣмъ-нибудь,
Устройся такъ, чтобъ между ними скрыться,—
Султанъ идетъ и надо торопиться“.

CXLVI.

Дворецъ, что былъ какъ будто пустъ и нѣмъ,
Вдругъ ожилъ, облитой горячимъ свѣтомъ;
Явились одалиски и затѣмъ
Всѣ евнухи; согласно съ этикетомъ,
Султанъ, когда свой посѣщалъ гаремъ,
Заранѣе предупреждалъ объ этомъ.
Гюльбею изъ своихъ законныхъ женъ
Любилъ и баловалъ всѣхъ больше онъ.

CXLVII.

Султанъ былъ строгъ и видъ имѣлъ надменный;
Крамолой возведенный въ санъ священный,
Не брился онъ и не снималъ чалмы;
На тронъ вступилъ онъ прямо изъ тюрьмы.
Онъ смертный былъ вполнѣ обыкновенный.
(Да въ Турціи назвать не можемъ мы
Ни одного великаго султана,
За исключеньемъ развѣ Солимана).

CXLVIII.

Обряды всѣ онъ свято исполнялъ;
Какъ долгъ велитъ намѣстнику Пророка;
Визирь же государствомъ управлялъ,—
Въ занятіяхъ султанъ не видѣлъ прока.
Онъ женами обманутъ ли бывалъ,
Намъ не узнать: по правиламъ Востока,
Разводовъ нѣтъ; считая ихъ за срамъ,
Въ повиновеньи держатъ женщинъ тамъ.

CXLIX.

Онѣ идутъ указанной дорогой.
Когда жъ порой случается грѣшокъ,
О преступленьи говорятъ не много:
Скрываютъ тайну море и мѣшокъ.
Хоть тамъ не существуетъ прессы строгой,
Безжалостно бичуется порокъ;
Напрасно будетъ онъ искать защиты,—
И грѣхъ наказанъ да и рыбы сыты.

CL.

Что мѣсяцъ—шаръ, султанъ былъ убѣжденъ;
Но о землѣ онъ былъ иного мнѣнья.
Могуществомъ своимъ гордился онъ,
Хотя не зналъ границъ своихъ владѣній;
Возстаньями порой бывалъ смущенъ,
Но ихъ считалъ лишенными значенья,—
Вѣдь никогда съ тѣхъ поръ, какъ онъ царилъ,
До „Семи Башенъ" врагъ не доходилъ.

CLI.

Въ ту крѣпость лишь порою попадали
Посланники воюющихъ державъ,
За то, что много лишняго болтали,
Не признавая Порты вѣскихъ правъ;
Ихъ мѣрами крутыми пріучали
Свой сдерживать неукротимый нравъ;
Сажали ихъ въ твердыню „Семи Башенъ"
Для прекращенья всякихъ смутъ и шашенъ.

CLII.

Султанъ отцомъ громадной былъ семьи;
Десятками его дѣтей считали;
Принцессъ въ дворцахъ держали взаперти,
До свадьбы; за пашей ихъ выдавали;
Иныхъ вѣнчали даже лѣтъ шести.
Вы этому повѣрите едва ли;
Но важная на то причина есть:
Богатый даръ обязанъ зять принесть.

CLIII.

Тамъ принцевъ крови незавидна доля:
Они свой вѣкъ влачатъ въ тюрьмѣ глухой;
Что ждетъ ихъ тронъ, веревка иль неволя—
Про то извѣстно лишь судьбѣ одной;
Ихъ ничему не учатъ; лѣнь—ихъ холя;
И если взвѣсить, то изъ нихъ любой
(Такъ хороша имъ пройденная школа)
Равно достоинъ петли иль престола.

CLIV.

Войдя, его величество султанъ
Привѣтствовалъ жену съ церемоньяломъ,
Что требовалъ ея высокій санъ.
Она къ нему съ радушьемъ небывалымъ,
Пошла навстрѣчу. Ласкою обманъ
Жена желаетъ скрыть. Ей покрываломъ
Притворство служитъ. Грѣшная жена
Всегда къ супругу нѣжности полна.

CLV.

Султанъ окинулъ взглядомъ все собранье
И на Жуана въ сонмѣ юныхъ женъ,
Невольно обратилъ вниманье;
Онъ этимъ видомъ не былъ пораженъ,
Но у Гюльбеи замерло дыханье.
„Я вижу“, такъ женѣ замѣтилъ онъ,
„Что у тебя есть новая служанка;
Мнѣ жаль, что такъ красива христіанка!“

CLVI.

Султана необычная хвала
Какъ громомъ все собранье поразила,
И взоры всѣхъ къ Жуану привлекла;
Любезность эта и его смутила:
Чѣмъ дочь гяура въ честь попасть могла?
Волненье всѣхъ невольно охватило,
И если бъ не придворный этикетъ,
Гаремъ бы поднялъ шумъ, сомнѣнья нѣтъ.

CLVII.

Отчасти турки дѣлаютъ прекрасно,
Что держатъ взаперти своихъ супругъ;
Своjода тамъ для женщины опасна,
Гдѣ яркіе лучи бросаетъ Югъ;
На Сѣверѣ такъ поступать напрасно:
Тамъ каждый смертный нравственности другъ
И бѣлъ какъ снѣгъ; но жгучія отравы,
Что Югъ вливаетъ въ жилы, губятъ нравы.

CLVIII.

Вотъ почему Востокъ неумолимъ
И бѣдныхъ женщинъ держитъ въ черномъ тѣлѣ;
Свобода даже и не снится имъ;
Тамъ цѣпи брака—цѣпи въ самомъ дѣлѣ.
Такихъ воззрѣній вредъ неоспоримъ;
Гаремъ своей не достигаетъ цѣли,
И многоженство этому виной,—
Ну, то ли жить съ одной женой!

CLIX.

Здѣсь отдохнуть немного я намѣренъ,
Хоть бодръ еще и силенъ мой Пегасъ,
Но правиламъ эпическимъ я вѣренъ,
Вѣдь классики такъ дѣлали не разъ.
Какъ видите, примѣръ ихъ не потерянъ.
Вздохнувъ, опять примуся за разсказъ.
Такъ отдыхать случалось и Гомеру,
И я его послѣдую примѣру.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

„Минуты есть прилива и отлива
Въ дѣлахъ людей“—такъ говоритъ Шекспиръ.
Воспользуйся минутою счастливой—
И жизнь ты превратишь въ роскошный пиръ;
Но пропустить ее инымъ не диво.
Сознаться надо, странно созданъ міръ:
Одинъ конецъ имѣетъ лишь значенье;
Гдѣ думаешь погибнуть, тамъ—спасенье.

II.

Приливы и отливы тоже есть
Въ дѣлахъ и жизни женщинъ. Это—море,
Котораго теченій и не счесть;
Довѣриться ему—бѣда и горе.
Мужчиной правятъ воля, умъ и честь,
А женщина съ разсудкомъ часто въ ссорѣ;
Она лишь сердцу щедро платитъ дань;
Кто прихотямъ ея укажетъ грань?

III.

Красавица, что жертвовать готова
Вселенной, трономъ, жизнью, чтобы пасть
Лишь къ милому въ объятья, что оковы
Не признаетъ и вѣритъ только въ страсть,—
Опасна всѣмъ: ея всесильны ковы;
Съ ней демона сравниться можетъ власть,
Коль демонъ есть; когда она полюбитъ,—
Отдавшись ей, кто душу не погубитъ!...

IV.

Не разъ страдалъ отъ честолюбцевъ свѣтъ
И кровь, по ихъ винѣ, лилась рѣкою;
Когда же страсть—причина тяжкихъ бѣдъ,
Мириться съ зломъ готовы мы порою.
Безсмертіе не славою побѣдъ
Стяжалъ Антоній; жертвуя собою
Для Клеопатры, власть утратилъ онъ,
Но славенъ сталъ, хоть былъ и побѣжденъ.

V.

Мнѣ жаль, что сорокъ лѣтъ тогда ей было,
Да и Антоній былъ довольно старъ.
Любовь лишь въ цвѣтѣ лѣтъ—восторгъ и сила;
Цѣной всѣхъ царствъ ея не купишь чаръ,
Какъ молодость пройдетъ. Я отдалъ милой,
За неимѣньемъ царствъ, безцѣнный даръ:
Я отдалъ ей всѣ грезы первой страсти;
Ихъ воскресить, увы, не въ нашей власти!

VI.

Даръ юности такъ примется ль отъ насъ,
Какъ лепта отъ вдовицы—неизвѣстно;
Но все скажу, что безъ любви прикрасъ
На свѣтѣ было бъ холодно и тѣсно.
„Богъ есть любовь“,—твердили намъ не разъ,
Но и любовь вѣдь тоже богъ прелестный;
По крайней мѣрѣ имъ она была,
Когда земля не знала слезъ и зла.

VII.

Оставилъ я въ опасномъ положеньи
Героя, хоть совсѣмъ не жалокъ онъ.
Запретный плодъ вкушать вѣдь наслажденье,
Но горе, коль проступокъ уличенъ:
Султаны не имѣютъ снисхожденья
Къ такимъ грѣхамъ. Не такъ судилъ Катонъ:
Прославленный герой любезно другу
На время уступилъ свою супругу.

VIII.

Я не могу Гюльбею не хулить,
Хотя бъ хула сулила мнѣ напасти;
Но я привыкъ лишь правду говорить.
Гюльбеи умъ былъ слабъ, а сильны страсти;
Вотъ почему, быть-можетъ, измѣнить
Она рѣшилась мужу. Мало власти,—
Нужна любовь. Султанъ же много женъ
Имѣлъ, притомъ ужъ былъ немолодъ онъ.

IX.

Коль вычисленья я себѣ позволю,
Плачевны будутъ выводы мои:
Султанъ былъ старъ, а женъ имѣлъ онъ вволю;
Имъ—каждой—доказательства любви
Лишь выпадали изрѣдка на долю...
Такъ плохо жить, когда огонь въ крови.
Гюльбея щедро страсти дань платила,
А сердцу постоянство только мило.

X.

Въ любви у женщинъ нравъ неукротимъ;
Ревниво защищать свои владѣнья
Онѣ всегда готовы. Горько имъ
Сносить такой позоръ, какъ нарушенье
Ихъ вѣскихъ правъ, и уступать другимъ
Хоть часть того, что въ ихъ распоряженьи.
Невыносима боль такихъ обидъ,
И женщина всегда за нихъ отмститъ.

XI.

Востоку тоже не легко измѣны
Переносить; нерѣдко жены тамъ
Изъ ревности готовы дѣлать сцены
Не въ мѣру расходившимся мужьямъ.
Конечно, нѣтъ у нихъ такой арены
Для дѣйствій, какъ у христіанскихъ дамъ,
Но все жъ ихъ страсти сильны и глубоки.
Кровавыхъ драмъ не мало на Востокѣ.

XII.

Гюльбею больше всѣхъ изъ женъ своихъ
Любилъ султанъ; но было ль ей пріятно
Съ нимъ ложе раздѣлять въ числѣ другихъ?
Мнѣ многоженство просто непонятно;
Не мало отъ него послѣдствій злыхъ,
Не говоря о скукѣ необъятной,
Что порождаетъ горечь вѣчныхъ смутъ.
Съ одной женой и то справляться трудъ.

XIII.

Великій падишахъ... (Подобострастно
Къ монархамъ относиться всякій радъ;
Предъ ними преклоняться всѣ согласны,
Пока червякъ, голодный демократъ,
Ихъ въ кормъ не обратитъ.) Съ улыбкой страстной
Султанъ, любовью пламенной объятъ,
Приблизился къ Гюльбеѣ. Онъ за это
Ждалъ отъ нея и ласки, и привѣта.

XIV.

Но здѣсь оговорюсь я: дѣло въ томъ,
Что ласкамъ можемъ вѣрить не всегда мы,—
Въ нихъ часто ложь. Со шляпой иль чепцомъ,
Что въ видѣ украшенья носятъ дамы,
Онѣ сходны; вѣдь сбросить нипочемъ
Уборъ, что только роль играетъ рамы:
Онъ къ головѣ нисколько не пришитъ;
Такъ и при ласкахъ часто сердце спитъ.

XV.

Стыда румянецъ, трепетъ сладострастья,
Что женщина готова скрыть скорѣй,
Чѣмъ выказать, невольный вздохъ участья—
Вотъ признаки любви; ихъ нѣтъ вѣрнѣй;
Для женщины тогда свиданье—счастье;
Кривить душой тогда къ чему же ей?
Для истинной любви всегда опасность—
Излишняя холодность, также страстность.

XVI.

Притворный пылъ на скользкій путь ведетъ;
Но если жаръ излишній и неложенъ,
Не можетъ длиться онъ, -всегда разсчетъ
На чувственность и плохъ, и ненадеженъ.
Такого капитала переходъ
Въ другія руки съ легкостью возможенъ
При малой скидкѣ. Также неумны
Тѣ женщины, что слишкомъ холодны.

XVII.

Холодности насъ сердитъ видъ унылый;
Кто не лелѣетъ свѣтлую мечту—
Забросить искру страсти въ сердце милой?
Сердечный холодъ губитъ красоту;
Иной отдать готовъ и жизнь, и силы,
Чтобы найти взаимность. „Medio tu
Tutissimus ibis"—такъ гласитъ Горацій;
Его слова—девизъ любви всѣхъ націй.

XVIII.

Здѣсь слово „tu“ излишне, но мой стихъ
Нуждался въ немъ, и, не имѣя права,
Его вклеилъ я:—вышла изъ плохихъ
Съ гекзаметромъ вставнымъ моя октава.
Просодія не признаетъ такихъ
Погрѣшностей, что для стиха отравой.
Но все жъ въ цитатѣ нравственный урокъ;
Читателю пойти онъ можетъ въ прокъ.

XIX.

Гюльбея ловко справилась съ задачей.
Успѣхъ вѣнчаетъ дѣло; нуженъ онъ
Въ любви, какъ въ туалетѣ; все—въ удачѣ!
Увы, неправдѣ міръ воздвигнулъ тронъ!
Лгутъ дамы; намъ же поступать иначе
Порой нельзя. Но всѣмъ любовь—законъ;
Страсть къ размноженью насъ весь вѣкъ тревожитъ,
И въ насъ ее убить лишь голодъ можетъ.

XX.

Итакъ, пусть спятъ султанша и султанъ.
Кровать—не тронъ; имъ можетъ сладко спаться.
Но на яву какъ горестенъ обманъ,
Гдѣ мы мечтали жизнью наслаждаться!..
Житейскихъ неудачъ тяжелъ изъянъ;
Намъ съ легкими порой труднѣй справляться,
Чѣмъ съ крупными; ихъ губитъ душу ядъ;
Такъ камень пробиваетъ капель рядъ.

XXI.

Сварливая жена; упрямый съ дѣтства
Ребенокъ-неслухъ; конь, что захромалъ;
Жидовскій долгъ, что заплатить нѣтъ средства;
Шалунъ капризный; песъ, что боленъ сталъ;
Старуха, что лишила насъ наслѣдства,
Другимъ отдавъ желанный капиталъ—
Все это вздоръ; но можно ль безъ страданья
Переносить такія испытанья?

XXII.

Людей, скотовъ, а также векселя
Я отправляю къ чорту, какъ философъ;
Конечно, исключаю женщинъ я
Изъ этихъ добровольныхъ чорту взносовъ.
Въ мечты погружена душа моя;
Но что душа и мысль?—такихъ вопросовъ
Не разрѣшить,—ихъ смыслъ сокрытъ для всѣхъ,—
И ихъ отправить къ чорту бы не грѣхъ.

XXIII.

Все проклинать я изъявилъ согласье.
Но что мои проклятья?—звукъ пустой;
Анаѳема святого Аѳанасья—
Вотъ образецъ, какъ попирать ногой
Лежачаго врага. Читалъ не разъ я
Съ глубокимъ умиленьемъ трудъ святой;
Въ молитвенникахъ всѣхъ творенье это—
Какъ радуга блеститъ во время лѣта.

XXIV.

Заснулъ султанъ, но не его жена.
Какъ тяжелы для женъ преступныхъ ночи!
Ихъ страсть томитъ, онѣ не знаютъ сна,
И свѣта ждутъ усталыя ихъ очи.
А ночь все длится, призраковъ полна,
Которыхъ отогнать—увы!—нѣтъ мочи;
Онѣ лежатъ въ жару, боясь къ тому жъ,
Чтобъ не проснулся нелюбимый мужъ...

XXV.

Ни мягкій пухъ подушки бѣлоснѣжной,
Ни балдахинъ изъ ткани дорогой
Отъ муки не спасаютъ неизбѣжной,
Когда проснется страсти роковой
Въ груди жены преступной пылъ мятежный.
Какъ трудно ей тогда владѣть собой!..
Супружество, конечно, лотерея,
И въ этомъ вамъ живой примѣръ Гюльбея.

XXVI.

Вотъ удалиться всѣмъ сигналъ былъ данъ.
Красавицы, поклонъ отвѣсивъ низкій,
Направились къ сералю. Донъ-Жуанъ,
Къ нимъ, какъ извѣстно, по одеждѣ близкій,
Пошелъ въ гаремъ, какъ приказалъ султанъ.
Безмолвно удалились одалиски,
А жажда страсти ихъ вздымала грудь.
Такъ птичка въ клѣткѣ къ волѣ ищетъ путь.

XXVII.

Калигула—что за злодѣй, о Боже!—
Жалѣлъ, что не съ одною головой
Весь міръ, чтобъ отрубить ее... Я тоже,
Какъ онъ, томился странною мечтой
Въ другомъ лишь родѣ (былъ я помоложе):
Желалъ я, чтобы женщинъ свѣтлый рой
Имѣлъ одни уста, чтобъ въ упоеньи
Расцѣловать ихъ всѣхъ въ одно мгновенье.

XXVIII.

Завидую тебѣ, о Бріарей,
Коль у тебя такъ разныхъ членовъ много,
Какъ рукъ и главъ; но все женой твоей
Не суждено моей быть музѣ строгой,—
Женою стать Титана страшно ей;—
Къ тому жъ намъ къ Патагонью не дорога.
Итакъ, примуся снова за разсказъ
И къ лилипутамъ вновь верну я васъ.

XXIX.

Жуанъ оставилъ царскія палаты
И двинулся съ толпою юныхъ женъ
Къ гарему, сладкимъ трепетомъ объятый.
Конечно, рисковалъ не мало онъ...
(Вѣдь за безчестье въ Турціи нѣтъ платы,
Лишь только такса въ Англіи законъ!)
Жуанъ, забывъ опасность, страстнымъ взглядомъ
Впиваться сталъ въ альмей, съ нимъ шедшихъ рядомъ.

XXX.

Но роли онъ не забывалъ своей.
Въ сопровожденьи евнуховъ, толпою
По анфиладѣ залъ и галлерей
Шли чинно одалиски. За собою
Начальница вела ихъ. Передъ ней
Дрожалъ гаремъ. За нравовъ чистотою
Ей наблюдать былъ строгій данъ приказъ.
Она въ гаремѣ „матерью“ звалась.

XXXI.

„Мать дѣвъ“ въ дворцѣ султана—титулъ лестный
(Де-Тотъ и Кантемиръ вамъ указать
На это могутъ), все жъ мнѣ неизвѣстно,
Была ль старуха въ самомъ дѣлѣ мать
И было ли притомъ вполнѣ умѣстно
Названье дѣвъ дѣвицамъ тѣмъ давать.
Старуха ихъ держала въ черномъ тѣлѣ,
Чтобы онѣ пошаливать не смѣли.

XXXII.

Нетрудно было ей исполнить долгъ,—
Затворы помогали ей и стѣны
И евнуховъ усердныхъ цѣлый полкъ.
Коль нѣтъ мужчинъ, возможны ли измѣны?
Тогда въ такомъ надзорѣ есть ли толкъ?
Въ гаремѣ дни неслись безъ перемѣны.
Въ Италіи такъ въ кельяхъ жизнь течетъ;
Для страсти тамъ одинъ исходъ.

XXXIII.

Какой же?—Благочестье съ чистотою.
Нескромны вы, такой вопросъ мнѣ давъ.
Я продолжаю. Тихою стопою
Альмеи шли, свой сдерживая нравъ;
Такъ лиліи уносятся рѣкою.
Но вѣдь рѣка быстра, и я не правъ:
Онѣ шли тихо. Съ озеромъ, что нѣмо,
Сходнѣе было шествіе гарема.

XXXIV.

Когда онѣ къ себѣ домой пришли
И стража скрылась,—какъ мальчишки въ школѣ,
Какъ волны, что плотину унесли,
Какъ птички, какъ безумные на волѣ,
Какъ жены, что свободу обрѣли,
Иль какъ ирландцы на базарномъ полѣ,—
Онѣ всѣ разомъ, словно сговорясь,
Запѣли вдругъ, танцуя и смѣясь.

XXXV.

Конечно, занялись всѣ безъ изъятья
Подругой новой. Толки любитъ свѣтъ:
Нашли онѣ, что не къ лицу ей платье,
Что у нея безспорно вкуса нѣтъ,
Что о серьгахъ у ней и нѣтъ понятья;
Не всѣмъ она казалась въ цвѣтѣ лѣтъ;
Нашли, что ростъ мужской она имѣла,
Жалѣя, что лишь въ этомъ сходствѣ дѣло.

XXXVI.

Однако же всѣ согласились въ томъ,
Что новая пришелица прекрасна;
Что въ Грузіи красивѣе лицомъ
Отыскивать невольницу напрасно;
Смѣшно вводить такихъ красавицъ въ домъ,—
То можетъ для Гюльбеи быть опасно:
Въ султанѣ къ ней остыть вѣдь можетъ страсть;
Тогда другой онъ дастъ любовь и власть.

XXXVII.

Всего страннѣй, что, осмотрѣвъ подругу,
Ее не разнесли и въ пухъ, и въ прахъ;
Такого безпристрастія въ заслугу
Нельзя не ставить имъ. Во всѣхъ странахъ
Несправедливы женщины другъ къ другу;
На то причины: ревность, зависть, страхъ.
Красивыхъ лицъ онѣ не переносятъ
И красоту всегда, вездѣ поносятъ.

XXXVIII.

Гаремъ, что на хвалы не тратилъ словъ,
Себѣ позволилъ сдѣлать исключенье;
Но вѣрно есть симпатія половъ,—
Къ Жуану непонятное влеченье
Я объяснить такимъ путемъ готовъ.
Что эта сила: вражье навожденье
Иль магнетизмъ?.. Предметъ мнѣ незнакомъ,
И спора я не подниму о томъ.

XXXIX.

Симпатіей ихъ грудь была объята
Къ подругѣ юной. Дружбою святой
То чувство было новое богато;
Инымъ хотѣлось звать ее сестрой;
Другимъ въ ней было бъ лестно видѣть брата,
Что предпочли бъ въ странѣ своей родной
И самому намѣстнику Пророка,—
Красавца какъ не полюбить глубоко!..

XL.

Изъ юныхъ женъ, что помѣщалъ гаремъ,
Она троимъ понравилась всѣхъ болѣ
И головы вскружила имъ совсѣмъ:
Дуду роскошной, Катенькѣ и Лолѣ.
Краса въ удѣлъ досталася имъ всѣмъ,
Но даже въ незначительнѣйшей долѣ
Никто бы сходства въ нихъ найти не могъ;
Лишь дружбы пылъ сойтися имъ помогъ.

XLI.

Смугла и горяча, какъ индіанка,
Казалась Лола. Въ Катенькѣ собой
Плѣняла ножка, гордая осанка
И глазокъ голубыхъ огонь живой,
Что для любви услада и приманка.
Ей Грузія была родной страной.
Въ Дуду дышали лѣнь и сладострастье.
Кто не нашелъ бы съ ней восторговъ счастья!

XLII.

Съ Венерою заснувшею сходна
Была Дуду; но всякій, я увѣренъ,
Любуясь ей, лишиться могъ бы сна.
Красѣ античной типъ ея былъ вѣренъ.
Быть-можетъ, черезчуръ была полна
Дуду, но все жъ я вовсе не намѣренъ
Ее хулить, и право бы не могъ
Въ ней отыскать какой-нибудь порокъ.

XLIII.

Въ ней не было большого оживленья,
Но утромъ мая вѣяло отъ ней;
Въ ея лицѣ читалося томленье
И нѣга умѣряла блескъ очей.
На умъ пришло мнѣ новое сравненье:
Со статуей, что создалъ Прометей,
Когда въ ней жизнь впервые закипѣла,
Мою Дуду могу сравнить я смѣло.

XLIV.

—„А какъ,—спросила Лола,—звать тебя?"
—„Жуанною".—„Какъ мило имя это!"
—„Откуда ты?"—сказала Катя.—„Я—
Испанка".—„Но въ какой же части свѣта
Испанія?"—„О, милая моя,
На твой вопросъ позорно ждать отвѣта!
Испанія—то островъ, что лежитъ
Близъ Африки. Того не вѣдать—стыдъ!"

XLV.

Въ невѣжествѣ такъ Катю укоряла
Язвительная Лола. Томныхъ глазъ
Дуду съ Жуанны милой не спускала;
Рукой ей кудри гладила не разъ,
Играя молча тканью покрывала.
Притомъ вздыхать случалось ей подчасъ
По добротѣ: ей было жаль бѣдняжки,
Которой крестъ нести достался тяжкій.

XLVI.

Начальница къ дѣвицамъ подошла.
—„Пойти на отдыхъ намъ теперь бы кстати,—
Она сказала:—Жаль, что не могла
Я для Жуанны отыскать кровати.
Конечно, завтра справлю всѣ дѣла
(Гаремъ, едва дыша, ловилъ слова тѣ)...
Но все жъ грѣху мнѣ слѣдуетъ помочь,
И съ ней должна провесть я эту ночь".

XLVII.

На это Лола молвила:—„Мамаша!
Я въ вѣкъ не допущу, чтобъ кто-нибудь
Васъ безпокоить сталъ: здоровье ваше
Изъ слабыхъ; не придется вамъ заснуть.
Я лягу, такъ и быть, съ подругой нашей;
Сейчасъ же укажу ей къ спальнѣ путь".
Тутъ Катенька вдругъ закричала:—„Что же,
И я готова раздѣлить съ ней ложе.

XLVIII.

Къ тому же спать боюся я одна.
Когда я въ спальнѣ, страхъ мнѣ сердце гложетъ:
Мнѣ чудится, что комната полна
Уродливыхъ чертей; меня тревожитъ
Ихъ сонмъ; порой совсѣмъ не знаю сна.
Заснуть подруга вѣрно мнѣ поможетъ".
—„Коль это такъ—старуха ей въ отвѣтъ,—
Не спать Жуаннѣ, въ томъ сомнѣнья нѣтъ!

XLIX.

„Нѣтъ, не отправлю Лолу я съ Жуанной",
Сказала мать:—„на то причины есть.
У Катеньки привычки тоже странны
И всѣхъ ея причудъ не перечесть...
Дуду скромнѣе всѣхъ, съ ней сонъ желанный
Жуаннѣ, я увѣрена, обрѣсть!"
Дуду на то не молвила ни слова:
Она молчать всегда была готова.

L.

Дуду старуху чмокнула межъ глазъ;
А Катеньку и Лолу—въ обѣ щеки;
Затѣмъ она, съ подругами простясь,
Съ Жуанною ушла въ покой далекій,
Гдѣ спалъ гаремъ. Старухи злой приказъ,
Конечно, возбудить бы могъ упреки
И юныхъ женъ неудержимый гнѣвъ,
Но строгостью смиряли пылкихъ дѣвъ.

LI.

Дуду съ Жуанной очутились въ „одѣ“,
Роскошной залѣ, гдѣ кроватей рядъ
Стоялъ (то—спальня въ русскомъ переводѣ).
Во всѣхъ гаремахъ дамы вмѣстѣ спятъ.
Въ гаремахъ я бывалъ и, что тамъ въ модѣ,
Я изучилъ и описать вамъ радъ.
Все въ „одѣ“ есть, что только дамамъ мило:
Съ Жуанною и лишнее тамъ было.

LII.

Дуду красой не поражала глазъ,
Но прелести была неизъяснимой
Она полна. Все въ ней плѣняло васъ,
Все къ ней влекло; никто пройти бы мимо
Не могъ, красѣ подобной не дивясь.
Такая красота неуловима,
И съ лицъ такихъ порою средства нѣтъ
Художнику похожій снять портретъ.

LIII.

Дуду собой ландшафтъ напоминала,
Гдѣ тишь и гладь видны со всѣхъ сторонъ.
Душевныхъ бурь она совсѣмъ не знала.
Со счастьемъ сходенъ свѣтлый сердца сонъ.
Въ страстяхъ кипучихъ, вѣрьте, толку мало:
Не разъ встрѣчалъ я въ жизни бурныхъ женъ,
Не разъ видалъ и бури на просторѣ,
И что жъ?—по мнѣ не такъ опасно море.

LIV.

Дуду была задумчива порой,
Но не грустна (она серьезна съ дѣтства
Всегда была); порочною мечтой
Смутить ее наврядъ нашлось бы средство.
Такъ мало занималася собой
Дуду, такъ мало было въ ней кокетства,
Что, хоть семнадцать лѣтъ ужъ было ей,
Не сознавала красоты своей.

LV.

Зато она была добромъ богата,
Какъ вѣкъ, что называютъ золотымъ,
Хоть человѣкъ тогда не вѣдалъ злата
(Мы часто противъ логики грѣшимъ:
Отъ non lucendo слово lucus взято),
Но я не прочь въ нашъ вѣкъ путемъ такимъ
Все затемнять. Такъ мнѣнья наши шатки,
Что и для чорта въ нихъ однѣ загадки.

LVI.

Я думаю, что смертныхъ жалкій родъ
Составленъ изъ коринѳскаго металла,
Который смѣсью разныхъ былъ породъ,
Но гдѣ, однако, мѣдь преобладала.
Опять пустилъ я отступленье въ ходъ.
Прости меня, читатель: я не мало
Передъ тобою грѣшенъ, но свой нравъ
Я не сдержу, хотя бъ ты былъ и правъ.

LVII.

Пора подумать снова о романѣ.
Итакъ, опять къ разсказу перейду:
Подробно Донъ-Жуану, иль Жуаннѣ,
Въ гаремѣ показала все Дуду.
Не тратя словъ ни для похвалъ, ни брани,
Для молчаливой женщины найду
Сравненье, что быть-можетъ неудобно:
Она грозѣ безъ отзвуковъ подобна.

LVIII.

Затѣмъ Дуду о нравахъ этихъ странъ
Жуаннѣ постаралась дать понятье.
(Все у меня Жуанною Жуанъ:
Причина та, что онъ былъ въ женскомъ платьѣ)
Сказала, какъ неумолимъ султанъ,
Какъ всѣ должны въ гаремѣ, безъ изъятья,
Невинности святой блюсти законъ,—
Тѣмъ бдительнѣй надзоръ, чѣмъ больше женъ.

LIX.

Все разсказавъ своей подругѣ новой,
Дуду ее поцѣловала. Что жъ,
Въ томъ видѣть ничего нельзя дурного;
Какъ поцѣлуй, когда онъ чистъ, хорошъ!
Въ лобзаньяхъ дамъ нѣтъ смысла никакого;
Въ ихъ поцѣлуяхъ часто дышетъ ложь...
Въ стихахъ „лобзай“ и „рай“, конечно, риѳмы,
Но въ ихъ союзѣ часто видимъ миѳъ мы.

LX.

Дуду передъ подругою своей,
Чужда опаски, стала раздѣваться.
Невинность въ ней дышала дѣтства дней;
Она, какъ дочь природы, заниматься
Собою не старалась. Рѣдко ей
Предъ зеркаломъ случалось оправляться.
Такъ, увидавъ себя въ ручьѣ, олень
Испуганно дубравы ищетъ сѣнь.

LXI.

Дуду раздѣть подругу предложила,
Но отъ нея услышала отказъ,—
Въ стыдливости большая, вѣрно, сила.
Что жъ, ей самой пришлось на этотъ разъ
Булавки вынимать; совсѣмъ не мило
Занятье, что страшитъ увѣчьемъ васъ
Себѣ Жуанна исколола руки,—
Булавки существуютъ лишь для муки.

LXII.

Онѣ въ ежа свободно превратятъ
Любую даму. Трудная задача
Бороться съ ними; право, сущій адъ
Ихъ вынимать. Случится ль неудача—
И дѣло вовсе не пойдетъ на ладъ...
Не разъ чесалъ я дамъ, объ этомъ плача,
И имъ булавки всаживалъ туда,
Гдѣ это не проходитъ безъ слѣда.

LXIII.

Мудрецъ глядитъ съ презрѣньемъ на все это.
Но мудрствовать я самъ не прочь порой;
Въ наукѣ я искалъ тепла и свѣта,
Но не нашелъ я истины святой.
Какъ много есть вопросовъ безъ отвѣта!
Намъ не провѣдать тайны роковой.
Откуда мы, что скажетъ намъ могила?—
Вопросовъ тѣхъ неотразима сила.

LXIV.

Гаремъ почилъ въ нѣмыхъ объятьяхъ сна.
Вдоль стѣнъ лампады теплились. Въ жилищѣ
Султанскихъ женъ царила тишина.
Картины не создать милѣй и чище.
Коль духи есть, привычка ихъ смѣшна
Лишь посѣщать руины да кладбища;
Имъ выбрать бы, какъ сборище, гаремъ,—
Они свой вкусъ бы доказали тѣмъ.

LXV.

Та зала чудный садъ напоминала,
Гдѣ все благоухаетъ и цвѣтетъ;
Всѣхъ странъ красавицъ было тамъ не мало,—
Не трудно потерять имъ было бъ счетъ.
Одна съ косой распущенной лежала,
Склонивъ главу; такъ вѣтку зрѣлый плодъ
Влечетъ къ землѣ. Сквозь розовыя губки,
Какъ жемчуга, ея сверкали зубки.

LXVI.

Другая раскраснѣвшейся щекой
Покоилась на ручкѣ бѣлоснѣжной;
По лбу и груди черною волной
Ея катились локоны небрежно,
Она спала съ улыбкой; такъ порой
Сквозь облако луна сіяетъ нѣжно.
Съ нея покровы спали, и она
Покоилась полуобнажена.

LXVII.

А третья, въ сонъ погружена глубокій,
Вздыхала и уныла, и блѣдна;
Ей снился край любимый и далекій,
Что навсегда утратила она.
Ея вздымалась грудь и слезъ потоки
Текли изъ глазъ, не прерывая сна;
Такъ темный кипарисъ въ тѣни лучистой
Блеститъ, одѣтъ росою серебристой.

LXVIII.

Четвертая, какъ мрамора кусокъ,
Покоилась, объятая дремотой;
Съ ней сходенъ былъ застывшій ручеекъ
Иль снѣгъ Альпійскихъ горъ. Съ женою Лота,
Что превратилась въ соль, еще бы могъ
Ее сравнить иль съ статуей. Безъ счета
Сравненья сыплю я и, можетъ-быть,
Однимъ изъ нихъ сумѣлъ вамъ угодить.

LXIX.

Гаремъ я представляю вамъ въ портретахъ.
Вотъ пятая. Она „извѣстныхъ лѣтъ“,
Что въ переводѣ значитъ просто: „въ лѣтахъ“.
Мнѣ въ женщинѣ лишь милъ весны расцвѣтъ;
Года жъ, гдѣ думать о такихъ предметахъ
Приходится, какъ о тщетѣ суетъ
Иль о грѣхахъ прошедшихъ,—безотрадны;
Мнѣ даже вспоминать о нихъ досадно.

LXX.

Дуду въ то время кто опишетъ сны?
Они порой бываютъ крайне сложны;
Въ догадки мы пускаться не должны,—
Предположенья могутъ быть и ложны.
Но вотъ... среди полночной тишины,
Когда явленья призраковъ возможны,
Когда едва-едва горитъ ночникъ,—
На весь гаремъ Дуду раздался крикъ.

LXXI.

Вся „ода“ поднялась въ мгновенье ока;
Всѣ заметались, словно какъ въ чаду.
Что вдругъ могло такъ потрясти жестоко
Невинную и скромную Дуду?
Ея испугъ всѣхъ изумилъ глубоко;
Я самъ ему причины не найду.
Кругомъ сновали дамы, страха полны.
Такъ въ морѣ, въ часъ ненастья, мчатся волны.

LXXII.

На крикъ Дуду сбѣжалися толпой
Ея подруги. Очи ихъ горѣли
Отъ любопытства; полныя красой,
Тѣла полунагія ихъ бѣлѣли.
Такъ метеоръ блеститъ во тьмѣ ночной.
Дуду, дрожа, сидѣла на постели;
Ея лицо пылало, и въ глазахъ,
Блуждавшихъ дико, сказывался страхъ.

LXXIII.

Но шумъ, толпою дѣвъ произведенный,
Жуанны не разсѣялъ крѣпкій сонъ:
Такъ мужъ храпитъ, когда съ женой законной
Супружеское ложе дѣлитъ онъ.
Невинностью дышалъ Жуанны сонной
Прелестный ликъ... Когда жъ, со всѣхъ сторонъ,
Толпа ее будить насильно стала,
Она, зѣвая сладко, сонъ прервала.

LXXIV.

Строжайшій начался тогда допросъ;
Онѣ, волнуясь, разомъ всѣ кричали,
И за вопросомъ сыпался вопросъ.
И умный, и дуракъ втупикъ бы стали,
Когда бъ на судъ такой идти пришлось!
Дуду (то нужно объяснять едва ли),
Не бывшая „ораторомъ, какъ Брутъ" *),
Не сразу поняла, въ чемъ дѣло тутъ.

---

*) Изъ «Юлія Цезаря» Шекспира.

LXXV.

Вотъ, наконецъ, она, полна тревоги,
Сказала имъ, что страшный, темный лѣсъ
Приснился ей. (Въ такомъ лѣсу съ дороги
Разъ сбился Дантъ, въ года, когда ужъ бѣсъ
Не силенъ и мы къ нравственности строги,
Когда для женщинъ страсть теряетъ вѣсъ
И на признанье имъ наткнуться—чудо!)...
Въ лѣсу густомъ плодовъ виднѣлась груда *).

LXXVI.

Тамъ въ самой чащѣ, яблоня росла
Съ большими золотистыми плодами.
До нихъ она добраться не могла
И только пожирала ихъ очами.
Тогда ей мысль внезапная пришла—
Околотить тѣ яблоки камнями,
Чтобъ хоть одно схватить. Но, какъ на грѣхъ,
Ея усилій не вѣнчалъ успѣхъ.

LXXVII.

Она совсѣмъ терять надежду стала,
Какъ вдругъ, непостижимо почему,
Съ высокой вѣтки яблоко упало
Къ ея ногамъ; но лишь она къ нему
Коснулася, пчелы ужасной жало
Вонзилось въ сердце ей. Всю кутерьму
Надѣлалъ крикъ, что ею, противъ воли,
Былъ брошенъ отъ испуга и отъ боли.

---

*) Nell' mezzo del cammin' di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura, etc. «Inferno».

LXXVIII.

Дрожа и заминаясь, свой разсказъ
Окончила Дуду. Сердилась „ода"...
Но вѣдь чинить допросы съ сонныхъ глазъ—
Вы согласитесь—странная метода!
Есть сны, что правдой поражаютъ насъ.
Ихъ объяснять теперь явилась мода—
Во избѣжанье бредней и мечтательствъ—
„Счастливымъ совпаденьемъ обстоятельствъ".

LXXIX.

Узнавъ, что безъ причины вся тревога,
Ворчливо расходиться сталъ гаремъ,
А „мать", что сонъ безъ всякаго предлога
Прервала, разсердилася совсѣмъ
И на Дуду накинулася строго.
Бѣдняжка же вздыхала между тѣмъ
И, чуть не плача, въ томъ себя винила,
Что глупымъ крикомъ „оду" разбудила.

LXXX.

— „Не разъ я на вѣку слыхала вздоръ,—
Сказала ей старуха, „но такого
Не слыхивала я до этихъ поръ.
Всѣхъ безпокоить изъ-за сна пустого
О яблокѣ и о пчелѣ—позоръ!
Ты нервами, должно-быть, нездорова,
И врачъ султана завтра скажетъ намъ,
Что за причина этимъ страннымъ снамъ.

LXXXI.

Жуанны сонъ ты пробудила сладкій;
Она пріютъ впервые здѣсь нашла.
Понравятся ль такіе ей порядки?
За скромность всѣмъ тебя я предпочла,
А у тебя какіе-то припадки!
Стыдись! Должно-быть, ты съ ума сошла!
Чтобъ сонъ Жуанны не тревожить болѣ
Теперь ее препоручу я Лолѣ".

LXXXII.

Отъ радости заискрились глаза
У Лолы отъ такого предложенья,
А у Дуду стекла съ щеки слеза.
Она въ разлукѣ видѣла мученье,
И вотъ, надѣясь, что пройдетъ гроза
Она просила жалобно прощенья
За первую вину и поклялась,
Что во второй не провинится разъ...

LXXXIII.

Просила извинить то безпокойство,
Что причинилъ испугъ ея пустой:
Прибавила, что нервное разстройство,
Постигшее ее, всему виной;
Но легкая болѣзнь такого свойства,
Что отдохнуть немного—часъ, другой—
И будетъ вновь она совсѣмъ здорова,
И никогда кричать не будетъ снова.

LXXXIV.

Тутъ принялась подругу защищать
Жуанна и начальницѣ сказала,
Что ей съ Дуду прекрасно было спать,
Что крикъ ея она и не слыхала.
Во время шума сонъ ея прервать
Съ трудомъ могли—то подтвердитъ вся зала;
Грѣшно Дуду лишь укорять за то,
Что ей приснился сонъ „mal à propos“ *).

LXXXV.

Дуду, смутясь, ловила эти рѣчи,
Припавъ на грудь къ подругѣ молодой,
Чтобъ скрыть лицо. Ея горѣли плечи
И шея отъ стыда. Въ саду весной
Такъ розаны алѣютъ издалеча.
Какъ объяснить испугъ ея пустой
И странную стыдливость, я не знаю:
За вѣрность фактовъ только отвѣчаю.

LXXXVI.

Итакъ, пускай ихъ вновь лелѣютъ сны!
Но ужъ пѣтухъ пропѣлъ и утро скоро.
Блеститъ на минаретахъ рогъ луны;
Алѣютъ волны синяго Босфора;
Вершины Кафскихъ горъ вдали видны;
Владѣнья курдовъ явственны для взора,
И, тихо пробираясь сквозь туманъ,
Въ далекій путь несется караванъ.

---

*) Въ подлинникѣ такія же риѳмы: show—propos.

LXXXVII.

Когда лучи денницы заалѣли,
Гюльбея, не смыкавшая очей,
Вскочила, истомленная, съ постели.
Есть басня, что влюбленный соловей,
Пронзенный въ грудь, выдѣлываетъ трели,
Вздыхая нѣжно о любви своей...
Но боль его блѣднѣетъ передъ тою,
Что создается страстью и тоскою.

LXXXVIII.

Какъ видите, читатели, мораль
Всегда мной добросовѣстно воспѣта,
Но правды не дождусь отъ васъ. Мнѣ жаль,
Что вы готовы, чтобъ не видѣть свѣта,
Закрыть глаза; отъ авторовъ едва ль
Я заслужу похвалъ. Понятно это:
Такая бездна расплодилась ихъ,
Что имъ нѣтъ дѣла до трудовъ чужихъ.

LXXXIX.

Хотя Гюльбеи было мягко ложе,
Но ей не даровало сна:
Любовь и гордость, грудь ея тревожа,
Боролись въ ней. Разстроена, блѣдна,
На статую она была похожа.
Вотъ наскоро одѣлася она:
Такая мука сердце ей щемила,
Что въ зеркало взглянуть она забыла.

XC.

Султанъ, спустя немного, тоже всталъ...
Онъ и не зналъ границъ своимъ владѣньямъ,
Весь мусульманскій міръ предъ нимъ дрожалъ,
А на него жена съ пренебреженьемъ
Смотрѣла! Ей онъ ненавистенъ сталъ.
Но ненависть жены блѣдна значеньемъ
Въ странѣ, гдѣ мужъ имѣетъ много женъ;
Не то—гдѣ лишь съ одною жить законъ!..

XCI.

Султанъ, минутнымъ прихотямъ послушный,
На тайны сердца холодно смотрѣлъ.
Къ любви онъ относился равнодушно
И для того большой запасъ имѣлъ
Красивыхъ женъ, чтобъ время шло не скучно,
Когда искалъ онъ отдыха отъ дѣлъ.
Но, впрочемъ, больше всѣхъ любя Гюльбею,
Онъ ласковъ былъ и даже нѣженъ съ нею.

XCII [1]).

Когда султанъ былъ вымытъ и одѣтъ,
Согласно съ предписаньями пророка,
Онъ, кофе выпивъ, собралъ свой совѣтъ:
Войну онъ велъ съ Россіей и глубоко
Былъ опечаленъ громомъ тѣхъ побѣдъ,
Что возмутили сладкій сонъ Востока.
Екатерины опасался онъ,
Славнѣйшей изъ правительницъ и женъ.

---

[1]) Строфы XCII, XCIII, XCIV, XCV, XCVI, насколько возможно, смягчены въ переводѣ.

XCIII.

Великій внукъ прославленной царицы!
Мои стихи быть можетъ долетятъ
Когда нибудь и до твоей столицы.
(Пускай далекъ туманный Петроградъ:
Въ нашъ вѣкъ стихи летятъ быстрѣе птицы.)
Въ стихахъ порой пророчества звучатъ,
И огласитъ, быть-можетъ, пѣснь свободы
Твоихъ морей рокочущія воды.

XCIV.

Но есть черта, которую поэтъ
Переступать не долженъ бы... Потомки
За предковъ не должны нести отвѣтъ:
Былыхъ временъ печальные обломки
Въ исторіи лишь оставляютъ слѣдъ.
Кому пріятенъ былъ бы титулъ громкій,
Когда бъ потомки отвѣчать должны
За темныя дѣянья старины!

XCV.

Но грустно то, что прошлаго уроки
Намъ пользы не приносятъ. Какъ законъ,
Мы не хотимъ признать ихъ смыслъ глубокій,—
И что же?—Зіяетъ смерть со всѣхъ сторонъ
И крови льются цѣлые потоки!
Царица и султанъ, я убѣжденъ,
Всегда бъ могли найти вѣрнѣе средство
Для примиренья, чѣмъ пословъ посредство.

XCVI.

Султанъ, что день, то собиралъ совѣтъ,
Отъ недуговъ страны ища лѣкарство.
Царица, что умомъ дивила свѣтъ,
Въ конецъ его все расшатала царство;
Онъ растерялся отъ ея побѣдъ
И проходилъ чрезъ всякія мытарства,
Глубоко сожалѣя, что не могъ
Придумать хоть еще одинъ налогъ.

XCVII.

Гюльбея, чтобы скрыть свое волненье
И безотраднымъ думамъ дать отпоръ,
Въ свой кабинетъ, пріютъ для наслажденья,
Ушла... Въ немъ все плѣняло сладко взоръ:
Здѣсь искрились рѣдчайшіе каменья;
Тамъ драгоцѣнный видѣлся фарфоръ;
Въ той комнатѣ, гдѣ было все богато,
Цвѣты бросали волны аромата.

XCVIII.

И мраморъ, и порфиръ блестѣли въ ней;
Въ роскошныхъ клѣткахъ птички щебетали;
Цвѣтныя стекла блескъ денныхъ лучей,
Таинственно сіяя, умѣряли.
Не описать всѣхъ роскоши затѣй,
Что уголокъ волшебный наполняли,
А потому прошу вообразить,—
Что я перомъ не могъ изобразить.

XCIX.

Желая знать, что сталося съ Жуаномъ,
Къ себѣ Баба Гюльбея позвала.
Къ султанскимъ женамъ онъ попалъ обманомъ...
Удачно ли поведены дѣла,
И суждено ль ея завѣтнымъ планамъ
Осуществиться! Для нея была,
Конечно, интереснѣйшей—проблема,
Какъ ночь провелъ Жуанъ въ стѣнахъ гарема.

C.

Ея вопросы падали какъ градъ
На евнуха: ихъ затруднился бъ счесть я!
Предъ ней стоялъ, смущеніемъ объятъ,
Баба, слуга порока и нечестья.
Въ глаза бросалось, что онъ скрыть бы радъ
Какія-то тревожныя извѣстья.
Сконфужено чесалъ затылокъ онъ,
Какъ всякій, кто взволнованъ и смущенъ.

CI.

Въ удѣлъ Гюльбеѣ не далось терпѣнье:
Всегда ея желанье или спросъ
Мгновенно приводились въ исполненье...
И что же?—Вдругъ отвѣта ждать пришлось!
Чѣмъ болѣе росло Баба смущенье,
Она тѣмъ строже дѣлала допросъ.
Вся покраснѣвъ отъ вспыхнувшей въ ней крови,
Она сидѣла, грозно хмуря брови.

CII.

Лукавый негръ, предчувствуя бѣду,
Просилъ ее не гнѣваться; признался,
Что Донъ-Жуанъ былъ порученъ Дуду;
Все къ лучшему устроить онъ старался—
И этого не могъ имѣть въ виду.
Кораномъ и святымъ верблюдомъ клялся,
Что онъ не виноватъ въ бѣдѣ такой
И безупречно долгъ исполнилъ свой.

CIII.

Жуанъ былъ ввѣренъ строгому надзору
Смотрительницы. Евнухъ сожалѣлъ,
Что по ея винѣ такъ много вздору
Нежданно вышло;—права не имѣлъ
Онъ посѣщать гаремъ въ ночную пору.
Къ тому же, если бъ онъ посмѣлъ
Начальницѣ перечить, безъ сомнѣнья—
Проснуться въ ней могли бы подозрѣнья.

CIV.

Но все жъ Баба былъ твердо убѣжденъ,
Что Донъ-Жуанъ держалъ себя примѣрно.
А иначе въ мѣшокъ попалъ бы онъ!
Кто побѣжитъ на встрѣчу смерти вѣрной?
Однако про Дуду тревожный сонъ
Въ теченье ночи евнухъ лицемѣрный
Гюльбеѣ не рѣшился разсказать:
Въ огонь зачѣмъ же масло подливать?

CV.

Баба не умолкалъ, но уже даромъ
Лились его слащавыя слова:
Она его не слушала. Пожаромъ
Въ ней пробудилась страсть; она едва
Дышала, пораженная ударомъ;
Какъ вихрь ея кружилась голова,
Холодный потъ—роса сердечной муки,
Ей орошалъ и блѣдный лобъ, и руки.

CVI.

Хотя была энергіи полна
Султанша, все же евнуху казалось,
Что въ обморокъ она упасть должна...
Ея лицо отъ муки искажалось;
Въ конвульсіяхъ томилася она.
Инымъ не разъ испытывать случалось
Такое чувство отъ нежданныхъ бѣдъ,
Но дать о немъ понятье—средства нѣтъ.

CVII.

Какъ Пиѳія, въ минуту вдохновенья,
Она стояла. Грудь ея рвалась
На части отъ тяжелаго мученья;
Въ глазахъ, блуждавшихъ дико, пламень гасъ.
Но стало проходить оцѣпенѣнье—
И вотъ, безъ силы, на диванъ склонясь,
Она главу, что злая скорбь томила,
Безпомощно въ колѣни схоронила.

CVIII.

Лицо скрывали пряди длинныхъ косъ,
Что падали на мраморныя плиты
Какъ вѣтви ивы. Страшенъ сердца грозъ
Стремительный порывъ! Отъ муки скрытой
Вздымалась грудь ея... Такъ на утесъ
Несутся волны, пѣною покрыты;
Разбившись, въ даль стремится бурный валъ
И вновь, шумя, бѣжитъ къ подножью скалъ.

CIX.

Коса ея, вуалію густою,
Ея лицо и наклоненный станъ
Скрывала, на полъ падая волною.
Ея рука держалась за диванъ,
Напоминая мраморъ бѣлизною.
Перо—не кисть... О, если бъ мнѣ былъ данъ
Художника талантъ, а не поэта,
Какъ хороша картина вышла бъ эта!

CX.

Баба, что нравъ ея вполнѣ постигъ,
Стоялъ, храня упорное молчанье;
Онъ, устрашась грозы, совсѣмъ притихъ.
Гюльбеѣ стало легче; замиранье,
Давившее ей грудь, продлилось мигъ,
И стало утихать ея страданье,
Но еще гнѣвомъ искрились глаза.
Такъ въ морѣ—стонъ, хоть пронеслась гроза.

CXI.

По комнатѣ Гюльбея заходила
То медленно, то быстро, что всегда—
Волненья признакъ. Бурь душевныхъ сила
Не можетъ проявляться безъ слѣда.
Походка—духа вѣрное мѣрило.
Саллюстій говоритъ, что „никогда
Не могъ ходить спокойно Катилина“:
Борьба страстей была тому причина!

CXII.

Гюльбея, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ,
Остановилась и привесть велѣла
Къ себѣ двухъ провинившихся рабовъ...
Баба смекнулъ немедленно, въ чемъ дѣло,
Но сдѣлалъ видъ, что тайну этихъ словъ
Не понимаетъ, и спросилъ несмѣло:
Какихъ рабовъ угодно видѣть ей,
Чтобъ безъ ошибки ихъ привесть скорѣй?

CXIII.

Гюльбея еле слышно отвѣчала:
—„Грузинку... и любовника ея!...
У двери потайной... чтобъ лодка ждала,
А остальное—дѣло ужъ твое!...“
Отчаянье въ словахъ ея звучало.
У негра было тонкое чутье:
Замѣтивъ въ ней борьбу и колебанье,
Онъ сталъ просить отмѣны приказанья.

CXIV.

Гюльбеѣ евнухъ далъ такой отвѣтъ:
— „Услышать, что исполнить—это то же!
Я въ вѣрности тебѣ принесъ обѣтъ,
И для меня слова твои дороже,
Чѣмъ всѣ земныя блага! Но совѣтъ
Даю—помедлить... Юноша пригожій,
Быть-можетъ, неповиненъ предъ тобой...
Ты приговоръ должна отстрочить свой!

CXV.

Казнить легко! Свидѣтели безмолвны!
Не мало тайнъ на темномъ днѣ своемъ,
Близъ этихъ стѣнъ, похоронили волны!
Не разъ здѣсь гибли въ сумракѣ ночномъ
Сердца, что бились, жгучей страсти полны.
Ты о рабѣ вздыхаешь молодомъ:
Убить его—всего одно мгновенье,
Но отъ любви найдешь ли ты спасенье?"

CXVI.

— „Какъ смѣешь ты о чувствахъ разсуждать,
Презрѣнный червь!"—такъ молвила Гюльбея.
—„Твой долгъ лишь приказанья исполнять!
Уйди скорѣй!"—Баба стоялъ, робѣя.
Онъ зналъ, что споръ опасно поднимать:
Чужой дороже собственная шея.
Чтобы исполнить данный ей приказъ,
Онъ, молніи быстрѣе, скрылся съ глазъ.

CXVII.

Баба ушелъ, но скрыть своей досады
Онъ не былъ въ силахъ. Бѣшенствомъ объятъ,
Всѣхъ женщинъ поносилъ онъ безъ пощады
За ихъ причуды, козни и развратъ.
Онъ порицалъ ихъ прихоти и взгляды,
Особенно султаншу, и былъ радъ,
Что, средній родъ собою представляя,
Могъ мирно жить, страстей не признавая.

CXVIII.

И вотъ созвалъ собратій онъ своихъ,
Чтобъ юныхъ дѣвъ вести къ женѣ султана;
Онъ причесать велѣлъ получше ихъ
И пріодѣть, хотя и было рано.
Такой пріемъ необычайный вмигъ
Веселость и покой смутилъ Жуана.
Струхнула и Дуду... Но кто жъ бы могъ
Найти для ослушанія предлогъ?

CXIX.

Итакъ, они должны явиться вскорѣ
Къ султаншѣ... Но я здѣсь прерву разсказъ...
Свиданье съ нею—радость или горе
Имъ принесло, иль, просто разсердясь,
Она ихъ утопить велѣла въ морѣ,—
То тайною останется для васъ.
Впередъ бѣжать себѣ я не позволю,
Угадывая женъ капризныхъ волю.

CXX.

Хоть тяжкій крестъ моимъ героямъ данъ,
Желая имъ удачи и спасенья,
Надѣюсь, что отъ рыбъ уйдетъ Жуанъ,
Хотя его плачевно положенье.
Разнообразить долженъ я романъ
И буду пѣть иныя приключенья.
Простившись здѣсь съ Жуаномъ и Дуду,
Рѣчь о войнѣ въ той пѣснѣ поведу.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Любовь и слава—шаткія опоры.
О нихъ твердятъ, но рѣдко предъ собой
Мы видимъ ихъ; онѣ, какъ метеоры,
Проносятся, плѣняя насъ красой;
Мы тщетно обращаемъ къ небу взоры,
Чтобъ видѣть ихъ, и путь свой ледяной,
Мгновенье озаренный ихъ лучами,
Мы продолжаемъ, скованы цѣпями.

II.

Какъ жизнь, разнообразенъ мой романъ;
Съ нимъ сходенъ свѣтъ полярнаго сіянья,
Ласкающаго ледъ далекихъ странъ.
Не все жъ свои оплакивать страданья,
И такъ какъ жизнь—лишь горестный обманъ,
Что можетъ привести въ негодованье,
И выставка пустая, то не грѣхъ
Дарить всему на свѣтѣ только смѣхъ.

III.

И что жъ? Меня, творца поэмы этой
Со всѣхъ сторонъ озлобленно язвятъ
За то, что я не вѣрю правдѣ свѣта
И зло во всемъ какъ будто видѣть радъ;
Безжалостно на части рвутъ поэта.
Я не пойму, чего они хотятъ:
О томъ же Данте говорилъ со стономъ
И Сервантесъ съ премудрымъ Саломономъ.

IV.

Земную жизнь не цѣнятъ высоко
Платонъ, Свифтъ, Лютеръ, Тилотсонъ и Весли,
Руссо, Макіавель, Ла-Рошфуко...
Меня и ихъ винить возможно ль, если
Съ судьбою намъ мириться не легко?
Коль правы мы, отвѣтъ за это несть ли?
Къ тому жъ, ни вамъ, ни мнѣ не разрѣшить,
Что лучше: вѣкъ окончить или жить.

V.

Сократъ сказалъ, что наши всѣ познанья
Лишь шаткость ихъ доказываютъ намъ;
Поэтому имѣемъ основанье
Всѣхъ мудрецовъ приравнивать къ осламъ;
Великій Ньютонъ, тайны мірозданья
Открывшій людямъ, сознается самъ,
Что къ правдѣ путь для смертныхъ не проложенъ
И что предъ ней онъ жалокъ и ничтоженъ.

VI.

Екклезіастъ гласитъ: „все суета".
Духовные отцы не разъ на дѣлѣ
Доказывали намъ, что не мечта
Подобный взглядъ. Поэты часто пѣли
О томъ, что жизнь ничтожна и пуста,
И мудрецы согласны съ ними. Мнѣ ли
Поэтому, во избѣжанье ссоръ,
Скрывать о жизни строгій приговоръ!

VII.

О, люди или псы! (За честь считайте,
Что мною вы со псами сравнены:
Вы хуже ихъ!) Въ моей поэмѣ, знайте,
Что по заслугамъ вы оцѣнены;
На музу, сколько вамъ угодно, лайте:
Ей ваши крики вовсе не страшны,
Какъ волчій вой лунѣ. Все муза свѣтитъ
И вашей злобы даже не замѣтитъ.

VIII.

„Я вдохновленъ любовью и войной".
(Цитата не вѣрна; боясь споровъ,
Въ томъ сознаюсь, но смыслъ ея такой.)
И вотъ съ обоихъ не свожу я взоровъ,
И васъ прошу послѣдовать за мной
Въ тотъ городъ осажденный, что Суворовъ
Со всѣхъ сторонъ искусно обложилъ.
Какъ альдермэнъ мозги [1]), онъ кровь любилъ.

---

[1]) Marrow—англійское національное блюдо изъ бычачьихъ мозговъ.

IX.

Построенный на отмели Дуная,
Въ восточномъ стилѣ, городъ Измаилъ
Стоялъ, весь лѣвый берегъ защищая,
И крѣпостью перворазрядной былъ.
Но крѣпость ту постигла участь злая:
Разбивъ враговъ, ее Суворовъ срылъ.
Верстъ шесть считалось крѣпостного вала;
Она жъ отъ моря въ ста верстахъ стояла.

X.

Предмѣстье помѣщалось съ нею въ рядъ,
Хотя фортификаціи законы
Такъ размѣщать построекъ не велятъ.
Въ защиту стѣнъ какой то грекъ ученый
Возвелъ искусно массу палисадъ
И тѣмъ ослабилъ средства обороны.
Онъ ими наносилъ лишь вредъ себѣ,
Врагамъ давая перевѣсъ въ стрѣльбѣ.

XI.

Плохой Вобанъ для правильной защиты
Не въ силахъ былъ принять надежныхъ мѣръ;
Онъ не сумѣлъ устроить „путь прикрытый",
Постройкамъ надлежащій дать размѣръ;
Форпосты были имъ совсѣмъ забыты
(Простите, что пишу какъ инженеръ);
Но стѣны были крѣпки и высоки,
А рвы вкругъ нихъ, какъ океанъ, глубоки.

XII.

Еще одинъ громадный бастiонъ,
Съ проходомъ узкимъ, возвышался съ края;
Въ себѣ вмѣщалъ двѣ батареи онъ;
Одна была съ барбетомъ, а другая
Стояла въ казематахъ; съ двухъ сторонъ
Онѣ громили берега Дуная;
А справа, на горѣ крутой редутъ
Орудьямъ крѣпостнымъ давалъ прiютъ.

XIII.

Все жъ Измаилъ открытымъ оставался
Со стороны Дуная. Этотъ входъ
Оберегать никто и не старался:
Вѣдь тамъ не могъ явиться русскiй флотъ.
Когда жъ онъ на Дунаѣ показался,
Неисправимъ былъ промахъ: гдѣ же бродъ
Найти въ рѣкѣ глубокой? Полны страха,
На помощь турки стали звать Аллаха.

XIV.

Хочу воспѣть, войны и славы богъ,
Я храбрыхъ русскихъ, къ приступу готовыхъ.
Я былъ бы радъ, коль описать бы могъ
Дѣла людей, въ цивилизацьи новыхъ,
Ахиллъ, въ крови отъ головы до ногъ,
Не могъ страшнѣе быть бойцовъ суровыхъ,
Чьи имена полны слоговъ такихъ,
Что невозможно выговорить ихъ.

XV.

Все жъ назову иныхъ, чтобъ васъ плѣнили
Созвучья этихъ мелодичныхъ словъ
Съ двѣнадцатью согласными. Тутъ были:
Арсеньевъ, Майковъ, Львовъ и Чичаговъ,
И о другихъ газеты говорили.
Я многихъ бы еще назвать готовъ,
Но славы не хочу тревожить слуха:
У ней труба, такъ вѣрно есть и ухо.

XVI.

Поэтому именъ прервалъ я нить,
Которыхъ даже молвить трудъ чертовскій;
Подумайте: легко ль въ стихи вклеить
Фамиліи на: *ишкинъ, ускинъ, овскій!*
Все жъ объ иныхъ я долженъ говорить.
Шихматовъ, Шереметевъ, Разумовскій,
Куракинъ, Мусинъ-Пушкинъ были тамъ,
Погибель и позоръ суля врагамъ.

XVII.

То были люди чести и совѣта,
Которымъ былъ извѣстенъ къ славѣ путь;
Ни муфтіевъ они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы—вѣрно это—
Ихъ шкурой барабаны обтянуть,
Явися вдругъ нужда въ телячьей кожѣ
Иль при покупкѣ стань она дороже.

XVIII.

Здѣсь находились люди разныхъ странъ,
Которыхъ страсть къ добычѣ привлекала;
Дрались они, чтобъ свой набить карманъ
Иль крупный чинъ схватить, заботясь мало
О тронѣ и отчизнѣ; англичанъ
При русскомъ войскѣ масса состояла;
Вы Томсоновъ могли бъ шестнадцать счесть
И девятнадцать Смитовъ въ списокъ внесть.

XIX.

Всѣ Томсоны, въ честь славнаго поэта,
Носили имя Джемми, чѣмъ судьба
Ихъ крайне обласкала; имя это
Казалось имъ почетнѣе герба.
Сюда стеклась со всѣхъ окраинъ свѣта
Почтенныхъ Смитовъ цѣлая гурьба.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ полковникъ бравый,
Что въ Галифаксѣ увѣнчался славой.

XX.

По именамъ всѣхъ Смитовъ перечесть
Я не берусь. Петры межъ ними были
(О трехъ изъ нихъ у насъ извѣстья есть);
Затѣмъ встрѣчались Джэки, Вили, Били.
Въ реляціяхъ вы можете прочесть
О Смитахъ, что отличья получили.
Славнѣйшаго изъ нихъ родной отецъ
Извѣстный въ Кумберлэндѣ былъ кузнецъ.

XXI.

Хоть къ Марсу отношуся я съ почтеньемъ,
Но не могу блестящій аттестатъ
Достаточнымъ признать вознагражденьемъ
За то увѣчье, что нанесъ снарядъ;
Шекспиръ вполнѣ съ моимъ согласенъ мнѣньемъ;
Изъ драмъ его цитаты—сущій кладъ:
За нихъ—такъ любимъ мы Шекспира драмы—
Патентъ на умъ готовы дать всегда мы.

XXII.

При арміи была французовъ рать,
Красивыхъ, остроумныхъ и веселыхъ.
Но смѣю ль я о нихъ упоминать?
Пожалуй, доживешь до дней тяжелыхъ!
Французовъ вѣдь привыкъ на части рвать
Джонъ-Буль;—и разъ что за враговъ онъ счелъ ихъ,
Пусть миръ давно ужъ съ ними заключенъ,
Съ враждебностью на нихъ все смотритъ онъ.

XXIII.

Преслѣдовали русскіе двѣ цѣли:
На островѣ построивъ бастіонъ,
Они, во-первыхъ, Измаилъ хотѣли
Орудьями громить со всѣхъ сторонъ,
Ни зданій не щадя, ни цитадели.
Амфитеатромъ былъ построенъ онъ,
А потому легко до основанья
Они могли его разрушить зданья.

XXIV.

Еще у нихъ коварный былъ разсчетъ
Воспользоваться города пожаромъ,
Чтобъ въ щепки обратить турецкій флотъ.
На якорѣ, теряя время даромъ,
Безпечно онъ стоялъ близъ этихъ водъ,
Сраженный непредвидѣннымъ ударомъ;
При этомъ врагъ легко бы сдаться могъ,
Не будь онъ только бѣшенъ какъ бульдогъ.

XXV.

Не слѣдуетъ пренебрегать врагами.
За то погибли Чичисковъ и Смитъ,
Одинъ изъ тѣхъ, что ужъ воспѣты нами,
Чье имя дружно съ риѳмами на „итъ"[;]
Вездѣ вы Смитовъ видите толпами;
И мысль меня совсѣмъ не удивитъ,—
Такъ много ихъ разбросано по свѣту,—
Что самъ Адамъ носилъ фамилью эту.

XXVI.

Не удалась постройка батарей,
Воздвигнутыхъ войсками недалеко
Отъ крѣпости. Старались поскорѣй
Устроить ихъ, а въ спѣшкѣ мало прока.
(Стихи, и тѣ врага встрѣчаютъ въ ней.)
Пришлося приступъ отложить до срока;
Тяжелъ былъ для вождя такой ударъ:
Одна рѣзня приноситъ славу въ даръ.

XXVII.

Отсрочка боя—грустное событье;
Ошибся ли въ разсчетахъ инженеръ?
Хотѣлъ ли уменьшить кровопролитье
Подрядчикъ непринятьемъ нужныхъ мѣръ,
Спасая этимъ душу,—объяснить я
Вамъ не берусь,—но батарей размѣръ
Мѣшалъ громить враговъ, стѣнами скрытыхъ,
И съ каждымъ днемъ росло число убитыхъ.

XXVIII.

Флотъ тоже мало пользы приносилъ;
Стрѣлялъ онъ неудачно, хоть и рьяно;
Два брандера погибли въ цвѣтѣ силъ;
Ихъ фитили сгорѣли слишкомъ рано,
И взрывъ среди рѣки не причинилъ,
Конечно, ни малѣйшаго изъяна
Противникамъ. Съ зарей раздался взрывъ,
Отъ сна, однакожъ, ихъ не пробудивъ.

XXIX.

Лишь въ семь часовъ, въ минуту пробужденья,
Замѣтили они плывущій флотъ,
Что продолжалъ отважное движенье
Въ виду всѣхъ вражьихъ силъ. Несясь впередъ,
Онъ къ девяти часамъ, безъ затрудненья,
На якорь сталъ близъ крѣпости, и вотъ
Бомбардировку начала эскадра,
И ей въ отвѣтъ посыпалися ядра.

XXX.

Полдня ее громилъ турецкій станъ,
Но и она отстрѣливалась ловко
И, мѣтко поражая мусульманъ,
Давила ихъ геройскою сноровкой;
Однако отступить приказъ былъ данъ,—
Нельзя взять верхъ одной бомбардировкой;
Къ тому же непріятель захватилъ
Одинъ корабль, другой же взорванъ былъ.

XXXI.

И мусульмане также—вскользъ замѣчу—
Здѣсь понесли значительный уронъ;
Но, видя, что враги бросаютъ сѣчу,
Накинулись на нихъ со всѣхъ сторонъ;
Тутъ графъ Дамасъ понесся къ нимъ на встрѣчу
И столькихъ потопилъ въ Дунаѣ онъ,
Что описаньемъ жаркой схватки этой
Наполнить можно бъ цѣлый листъ газеты.

XXXII.

„Я исписалъ бы нѣсколько томовъ,
Передавая подвиги флотильи“,—
Гласитъ историкъ. „Русскихъ удальцовъ
Успѣхомъ увѣнчалися усилья“.
О русскихъ онъ не тратитъ много словъ,
За то приводитъ громкія фамильи
Тѣхъ иностранцевъ, что сражались тамъ,
И называетъ Ланжерона намъ

XXXIII.

Съ Дамасомъ и де-Линемъ. Безпристрастья
Примѣръ историкъ долженъ подавать;
Имъ очень помогло его участье,
А то объ нихъ могли бъ вы не слыхать.
Какъ видно, и для славы нужно счастье.
Но, впрочемъ, принцъ де-Линь пустилъ въ печать
Записки, что полны самохваленья,
Чѣмъ, можетъ быть, онъ спасся отъ забвенья.

XXXIV.

Героевъ много видѣлъ этотъ день;
Но многихъ ли въ вѣнкахъ, изъ лавровъ свитыхъ,
Укрыла отъ забвенья славы сѣнь?
Не счесть именъ, напрасно позабытыхъ;
Забвенія на всѣхъ ложится тѣнь.
И много ль ихъ, согражданъ именитыхъ,
Героевъ современныхъ эпопей,
Что слѣдъ оставятъ въ памяти людей?

XXXV.

Не привела блестящая атака
Къ желанной цѣли: крѣпость не сдалась;
Чтобъ врагъ не видѣлъ въ томъ безсилья знака,
Взять приступомъ ее старикъ Рибасъ
Совѣтовалъ. Съ нимъ многіе, однако,
Заспорили, на штурмъ не согласясь,
Произнесли рѣчей при этомъ кучу,
Но повтореньемъ ихъ вамъ не наскучу.

XXXVI.

Тогда жилъ мужъ, по силѣ Геркулесъ,
За это безпримѣрно отличенный;
Какъ метеоръ блеснулъ онъ и исчезъ.
Внезапною болѣзнью пораженный,
Одинъ въ степи, подъ куполомъ небесъ,
Онъ кончилъ вѣкъ въ странѣ, имъ разоренной.
Такъ гибнетъ саранча среди полей,
Безжалостно опустошенныхъ ей.

XXXVII.

То былъ Потемкинъ. Въ этотъ вѣкъ отличья
Стяжались чрезъ убійство и развратъ;
Когда чины даютъ въ удѣлъ величье,
Онъ былъ великъ и славою богатъ.
Хоть попиралъ онъ совѣсть и приличья,
А всякій былъ предъ нимъ склоняться радъ.
Своей царицы былъ онъ вѣрнымъ другомъ,
Она жъ людей цѣнила по заслугамъ.

XXXVIII.

Пока совѣтъ рѣшалъ, какъ поступить,
Рибасъ послалъ къ Потемкину курьера,
И князя онъ сумѣлъ уговорить
Одобрить имъ предложенныя мѣры.
Не знаю я, чѣмъ это объяснить.
Межъ тѣмъ, подъ грохотъ пушекъ, инженеры
Воздвигли, чтобы крѣпость взять вѣрнѣй,
На берегу рядъ новыхъ батарей.

XXXIX.

Отвѣтъ пришелъ почти чрезъ двѣ недѣли,
Когда ужъ съ частью войска флотъ отплылъ
И отступить отъ крѣпости хотѣли.
Полученный указъ воспламенилъ
Бойцовъ, что отличиться не успѣли:
Назначенъ былъ вождемъ всѣхъ русскихъ силъ
Любимецъ битвъ и врагъ интригъ и споровъ—
Фельдмаршалъ, знаменитый князь Суворовъ.

XL.

Ему письмо Потемкинъ написалъ,
Достойное спартанца. Долгъ тяжелый
Когда бы то письмо продиктовалъ
Въ защиту воли, родины, престола—
Оно бы удостоилось похвалъ.
Но срамъ ему, какъ чаду произвола!
„Во что бы то ни стало"—такъ гласилъ
Потемкина указъ—„взять Измаилъ!"

XLI.

Богъ рекъ: „Да будетъ свѣтъ!"—и съ тьмою въ спорѣ
Свѣтъ озарилъ весь міръ. „Чтобъ кровь лилась!"—
Рекъ смертный—и ея пролилось море.
Сынъ ночи молвилъ: „Fiat!"—и стряслась
Нежданная бѣда, раждая горе
И сѣя зло. Какъ буря проносясь,
Все вкругъ себя война нещадно губитъ
И не одни сучки, но корни рубитъ.

XLII.

Увидѣвъ уходящія войска,
Обрадовались турки непомѣрно.
Но какъ была ихъ радость коротка!
Побѣду надъ врагомъ считая вѣрной,
Мы на него взираемъ свысока,
И часто результатъ выходитъ скверный.
Не долго ликовалъ турецкій станъ,
Принявшій за дѣйствительность обманъ.

XLIII.

Разъ увидали мчавшихся дорогой
Двухъ всадниковъ вдали. Наружность ихъ
Величія являла такъ немного,
Что ихъ сочли за казаковъ простыхъ:
Въ поту, въ пыли, снаряжены убого,
Они неслися на коняхъ лихихъ,
Безъ багажа, въ нарядѣ небогатомъ:
То ѣхалъ самъ Суворовъ съ провожатымъ.

XLIV.

Джонъ Буля, друга всякихъ крѣпкихъ винъ,
Иллюминацій радуетъ сіянье;
Глядя на нихъ, онъ забываетъ сплинъ;
Любя душой народныя гулянья,
Впадать въ печаль не видитъ онъ причинъ
И радъ лишиться денегъ и сознанья
И даже вѣчной глупости своей,
Чтобъ блескъ увидѣть праздничныхъ огней.

XLV.

Увы, Джонъ Буль, совсѣмъ лишившись зрѣнья,
Ужъ проклинать своихъ не можетъ глазъ [1]):
Въ долгахъ онъ видѣть сталъ обогащенье;
Въ налогахъ всевозможныхъ—счастье массъ;
Ничѣмъ не истощить его терпѣнья.
Пусть голодъ въ дверь стучится: не страшась
Тѣхъ бѣдъ, что грозный гость прольетъ безъ мѣры,
Джонъ Буль твердитъ, что голодъ—сынъ Цереры.

XLVI.

Но вновь къ разсказу! Лагерь ликовалъ;
Перомъ не описать такой картины!
Суворовъ славы вѣстникомъ предсталъ.
Какъ метеоръ, что свѣтитъ надъ трясиной
И манитъ въ топь, фельдмаршалъ засіялъ
Предъ войскомъ и восторговъ былъ причиной:
Всѣ вѣрили, что онъ непобѣдимъ,
И были рады слѣдовать за нимъ.

XLVII.

Лишь появился вождь, одушевленье
Неудержимо охватило всѣхъ;
Все измѣнило видъ; воскресло рвенье;
Войскамъ предсталъ давно желанный брегъ.
Къ атакѣ начались приготовленья,
Съ надеждою на славу и успѣхъ;
Все привели немедленно въ порядокъ;
Тяжелый трудъ порой бываетъ сладокъ.

---

[1]) Damn my eyes!—любимое англійское простонародное выраженіе, т.-е.: «Будь прокляты мои глаза!»

XLVIII.

Великій человѣкъ толпу ведетъ
И безконтрольно управляетъ ею.
Такъ стадо за быкомъ всегда идетъ;
Такъ за собачкой маленькой своею
Ползетъ слѣпецъ; такъ вѣтру лоно водъ
Послушно, съ нимъ въ борьбу вступить не смѣя;
Такъ, потрясая колокольчикъ свой,
Баранъ ведетъ овецъ на водопой.

XLIX.

Воскресшій лагерь, въ радостномъ порывѣ,
Казалось, свадьбу весело справлялъ,
(Метафоры нельзя найти счастливѣй:
Мнѣ кажется, въ ошибку я не впалъ,—
Гдѣ свадьба, тамъ и ссора въ перспективѣ).
Геройскій духъ все войско обуялъ.
Переворота кто же былъ виною?—
Старикъ, умѣвшій управлять толпою.

L.

Весь лагерь былъ въ работу погруженъ,
Приготовляясь къ штурму. Бредя славой,
Отрядъ передовой, изъ трехъ колоннъ,
Лишь знака ждалъ, чтобъ въ бой вступить кровавый.
Вторымъ отрядомъ былъ поддержанъ онъ
Такого же значенья и состава;
Затѣмъ отряда третьяго полки
Готовились атаку весть съ рѣки.

LI.

По возведеньи новыхъ укрѣпленій,
Совѣтъ военный тотчасъ созванъ былъ;
На этотъ разъ, безъ личностей и преній,
Онъ все единогласно утвердилъ.
(Плодитъ единогласіе рѣшеній
Лишь крайность). Все Суворовъ обсудилъ,
Все взвѣсилъ и, готовясь къ битвѣ славной,
Училъ солдатъ штыкомъ владѣть исправно.

LII.

Училъ онъ рекрутъ, какъ простой капралъ,
Нигдѣ минуты не теряя;
Водилъ ихъ черезъ рвы и пріучалъ
Къ огню, ихъ въ саламандры превращая;
По лѣстницамъ ихъ лазить заставлялъ,
Готовясь къ штурму. (Лѣстница такая,
Сказать ли надо?—не сходна вполнѣ
Съ той, что Іаковъ увидалъ во снѣ).

LIII.

Убравъ рядъ фашинъ алыми чалмами,
Приказывалъ солдатамъ онъ своимъ
Тѣ чучела атаковать штыками,
Вступая въ бой, какъ бы съ врагомъ самимъ.
Онъ шелъ къ побѣдѣ разными путями.
Иные мудрецы, труня надъ нимъ,
Усматривали въ этомъ лишь нелѣпость.
Суворовъ прервалъ споры, взявши крѣпость.

LIV.

Настал канун атаки. Лагерь стих.
Не слышалось ни возгласовъ, ни шума;
Когда борьбы тяжелый близокъ мигъ,
Предчувствуя успѣхъ, молчатъ угрюмо
Тѣ, что хотятъ, цѣной всѣхъ силъ своихъ,
Побѣду одержать; за думой дума
Къ нимъ крадется. Былые вспомнивъ дни,
О милыхъ сердцу думаютъ они.

LV.

Молясь, остря, весь преданный причудамъ,
То ловкій шутъ, то демонъ, то герой,
Суворовъ былъ необъяснимымъ чудомъ.
За всѣмъ слѣдя, онъ планъ готовилъ свой
И ничего не оставлялъ подъ спудомъ.
Какъ арлекинъ, носясь передъ толпой,
Онъ міръ дивилъ то шуткой, то погромомъ,
И былъ сегодня Марсомъ, завтра—Momomъ.

LVI.

Недалеко отъ русскихъ батарей,
Разъ казаки наткнулися дорогой
На кучку подозрительныхъ людей.
То было наканунѣ штурма. Строго
Къ нимъ отнесясь, схватили ихъ скорѣй.
Одинъ изъ плѣнныхъ говорилъ немного
По-русски и кой-какъ имъ объяснилъ,
Что въ арміи когда-то онъ служилъ.

LVII.

Немедленно съ товарищами вмѣстѣ
Его препроводили въ русскій станъ.
(Чинить допросъ удобнѣе на мѣстѣ).
Хотя въ одеждѣ истыхъ мусульманъ
Они явились, все жъ, скажу безъ лести,
Легко признать въ нихъ было христіанъ.
Обманчива бываетъ часто внѣшность,
Судя по ней, не трудно впасть въ погрѣшность.

LVIII.

Суворовъ въ это время, горячась,
Въ одномъ бѣльѣ производилъ ученье.
Уча рѣзнѣ, надъ трусами глумясь,
Онъ расточалъ и брань, и наставленья.
Смотря на плоть людскую, какъ на грязь,
Съ горячностью отстаивалъ онъ мнѣнье,
Что смерть, когда причиной ей война,
Отставкѣ съ полной пенсіей равна.

LIX.

Суворовъ, не спуская съ плѣнныхъ взгляда,
Когда они предстали передъ нимъ,
Спросилъ: „Откуда вы?“—„Мы изъ Царьграда“,
Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ,—„и бѣжимъ
Отъ турокъ“—„Кто же вы?“—„Объ этомъ надо
Насъ разспросить точнѣе вамъ самимъ“.
Должно-быть зналъ прибывшій, что Суворовъ
Не терпитъ фразъ и долгихъ разговоровъ.

LX.

„Какъ васъ зовутъ?“—„Я Джонсонъ, а со мной
Жуанъ, что мнѣ товарищъ. Съ нами тоже
Двѣ женщины и евнухъ“.—„За собой
Таскать балластъ излишній не пригоже“.
Замѣтилъ вождь.—Но вы мнѣ не чужой:
Васъ помню, а того, что помоложе,
Я вижу въ первый разъ. Да вы никакъ
Служили въ гренадерахъ?“—„Точно такъ“.

LXI.

— „Вы были подъ Виддиномъ?“—„Былъ“.—„Ходили
На приступъ?“—„Да“.—„Что жъ дѣлали потомъ?“
— „Не знаю, право, самъ“.—„Въ Виддинъ не вы ли
Вступили первымъ?“—„Шелъ я на-проломъ,
Не отставая отъ другихъ“.—„Гдѣ были
Затѣмъ?“—„Я въ плѣнъ захваченъ былъ врагомъ,
Когда отъ раны впалъ въ изнеможенье“.
— „Отмстимъ за васъ, и страшно будетъ мщенье.

LXII.

Гдѣ жъ вы теперь намѣрены служить?“
— „Мнѣ все равно“.—„Я знаю, что вы рады
Врагамъ за оскорбленья отплатить
И будете громить ихъ безъ пощады.
Но какъ же съ этимъ юношей намъ быть?“
— „Объ немъ вамъ безпокоиться не надо:
Коль будетъ онъ въ бою имѣть успѣхъ
Такой же, какъ въ любви, затмитъ насъ всѣхъ.“

LXIII.

„Такъ пусть же въ штурмѣ приметъ онъ участье!“
Жуанъ поклономъ выразилъ привѣтъ.
Суворовъ продолжалъ: „На ваше счастье,
Вашъ полкъ въ атаку бросится чѣмъ свѣтъ;
На крѣпость до зари хочу напасть я
И произнесъ торжественный обѣтъ,
Что Измаила ужъ не будетъ болѣ:
Его твердыни превращу я въ поле!

LXIV.

Увѣренъ я, васъ много ждетъ наградъ!“
Затѣмъ Суворовъ, крѣпкими словцами
Приправивъ рѣчь, сталъ вновь учить солдатъ
И, зная, какъ овладѣвать сердцами,
Достигъ того, что каждый былъ объятъ
Желаньемъ въ грозный бой вступить съ врагами,
Чтобъ ихъ за то нещадно разгромить,
Какъ смѣли въ споръ съ царицею вступить.

LXV.

Къ Суворову, что продолжалъ ученье,
Рѣшился Джонсонъ снова подойти,
Замѣтивъ, что его расположенье
Сумѣлъ снискать и у него въ чести.
— „Насъ радуетъ, сказалъ онъ, позволенье
Пасть первыми; но гдѣ жъ намъ путь найти?
Пристроивъ насъ къ мѣстамъ, и мнѣ, и другу
Вы этимъ оказали бы услугу“.

LXVI.

— „Вы правы; я совсѣмъ забылъ о томъ.
Вернитесь къ прежней службѣ. Путь счастливый!
Васъ подвезутъ къ полку, что подъ ружьемъ,
Чтобъ постъ занять немедленно могли вы;
А вы въ распоряженіи моемъ
Должны остаться, юноша красивый.
Здѣсь женщинамъ, конечно, мѣста нѣтъ.
Ихъ отвести въ обозъ иль лазаретъ!“

LXVII.

Но женщины сопротивляться стали,
Хотя гаремъ ихъ пріучить бы могъ
Къ повиновенью. Тамъ онѣ едва ли
Нашли бъ для ослушанія предлогъ.
Съ слезами на глазахъ онѣ возстали,
Подъ тяжкимъ гнетомъ горестныхъ тревогъ;
Такъ курица свои вздымаетъ крылья,
Когда цыплятъ спасаетъ отъ насилья.

LXVIII.

Онѣ защиты ждали отъ друзей,
Которыхъ удостоилъ разговоромъ
Славнѣйшій изъ громившихъ міръ вождей.
О, люди, люди! долго ль вашимъ взорамъ
Все будетъ любъ свѣтъ призрачныхъ лучей,
Что слава льетъ, носясь метеоромъ,
И долго ль моремъ будетъ литься кровь,
Чтобъ къ мнимой славѣ чествовать любовь?

LXIX.

Суворовъ видѣлъ слезъ и крови море
И былъ привыченъ къ горестямъ людскимъ,
Однако жъ съ сожалѣніемъ во взорѣ
Взглянулъ на женъ, рыдавшихъ передъ нимъ.
Не трогаетъ вождя народовъ горе,
Онъ можетъ быть къ толпѣ неумолимъ;
Но случай единичнаго мученья
Порой въ немъ пробуждаетъ сожалѣнье.

LXX.

Бывалъ, внѣ боя, и Суворовъ слабъ.
Онъ ласково сказалъ: „Эхъ, Джонсонъ, право,
На кой вы чортъ пригнали этихъ бабъ?
Возиться съ ними вовсе не забава...
Чтобъ имъ грозить опасность не могла бъ,
Ихъ удалю отъ мѣстъ борьбы кровавой.
Солдатъ съ женой въ бою—плохой солдатъ,
Коль года нѣтъ еще, что онъ женатъ!“

LXXI.

— „Не наши, а чужія это жены“,
Суворову тутъ Джонсонъ возразилъ
—„Не допускаютъ строгіе законы,
Чтобъ на войнѣ съ женою воинъ былъ,
И мнѣ ль переступать черезъ препоны,
Что съ мудростью законъ установилъ?
Когда жена, какъ шмель, жужжитъ надъ ухомъ,
Храбрѣйшій воинъ можетъ падать духомъ.

LXXII.

Тѣ женщины—турчанки. Не боясь
Опасности для жизни и гоненій,
Онѣ съ слугой спасли отъ смерти насъ
И слѣдуютъ за нами. Рядъ лишеній
Случалось мнѣ испытывать не разъ,
А имъ не перенесть такихъ мученій.
Чтобъ съ добрымъ духомъ драться мы могли,
Мы просимъ, чтобъ вы ихъ поберегли".

LXXIII.

Въ унынье впали дочери гарема,
Утративъ вѣру въ власть своихъ друзей.
Для нихъ былъ непонятною промблемой
Старикъ, пугавшій внѣшностью своей,
Который, простоту избравъ системой,
Чуждался всякихъ пышностей, затѣй,
А между тѣмъ вселялъ не меньше страха,
Чѣмъ гнѣвный взоръ любого падишаха.

LXXIV.

Вполнѣ имъ было ясно, что онъ могъ
Распоряжаться полнымъ властелиномъ,
А въ ихъ глазахъ былъ жалокъ и убогъ.
Султанъ ихъ пріучилъ къ инымъ картинамъ:
Весь въ золотѣ, держась какъ нѣкій богъ,
Являлся онъ сіяющимъ павлиномъ.
Дивило ихъ не мало, что попасть
Въ такую обстановку можетъ власть.

LXXV.

Не понимавшій нѣжностей Востока,
Ихъ вздумалъ Джонсонъ утѣшать сперва;
Жуанъ же поклялся мечомъ пророка,
Что къ нимъ съ зарей придетъ; свои права
Онъ отстоитъ иль разгромитъ жестоко
Всю армію. И что же? Его слова
Мгновенно принесли имъ утѣшенье—
Такъ женщины склонны на увлеченье.

LXXVI.

Съ слезами и со вздохами простясь,
Онѣ ушли. Начаться скоро бою!
(Ту силу, что рѣшаетъ участь массъ,
Назвать ли провидѣніемъ, судьбою
Иль случаемъ? Неразрѣшимъ для насъ
Вопросъ, что міру не даетъ покою).
Занять мѣста друзьямъ пора пришла,
Чтобъ городъ сжечь, не сдѣлавшій имъ зла.

LXXVII.

Суворовъ, чтобы выиграть сраженье,
Не пожалѣлъ бы арміи своей;
Онъ частностямъ не придавалъ значенья,
Была бъ лишь цѣль достигнута вѣрнѣй,
И, смерть неся, смотрѣлъ безъ сожалѣнья
На гибель странъ и бѣдствія людей.
Такъ Іова страданье столь же мало
Его жену и близкихъ огорчало.

LXXVIII.

Онъ за ничто двухъ женщинъ скорбь считалъ.
Межъ тѣмъ подготовлялась канонада.
Гомеръ бы намъ такую жъ описалъ,
И скрасилась бы ею Иліада,
Когда бы о мортирахъ онъ слыхалъ;
Но не о Троѣ говорить мнѣ надо:
О пушкахъ, бомбахъ, ядрахъ и штыкахъ,
На музу нагоняя этимъ страхъ.

LXXIX.

Гомеръ! прошли безчисленные годы,
А міръ все полонъ славою твоей,
Ты описалъ, воспѣвъ царей походы,
Оружье, поражавшее людей;
Въ нашъ вѣкъ надъ нимъ трунятъ враги свободы
И порохомъ хотятъ ея друзей
Повергнуть въ прахъ. Пускай, ей яму роя,
Осадой ей грозятъ: она не Троя.

LXXX.

Гомеръ безсмертный! греческій листокъ,
Откуда черпалъ ты свои извѣстья,
Такихъ ужасныхъ дѣлъ и знать не могъ,
Какія собираюсь перечесть я.
Увы, я предъ тобою, что потокъ
Предъ океаномъ! Все жъ, въ нашъ вѣкъ нечестья,
Хоть древнимъ уступаемъ мы вполнѣ
Въ поэзіи, мы ихъ сильнѣй въ рѣзнѣ.

LXXXI.

Все дѣло въ фактахъ. Истина святая
Лишь въ фактахъ проявляетъ образъ свой,
Но бѣдной музѣ, ихъ передавая,
Иные скрыть приходится порой.
Близка, однакожъ, схватка роковая!
Сумѣю ли воспѣть я грозный бой?
Героевъ тѣни ждутъ побѣдныхъ пѣсенъ,
Чтобъ славу ихъ вѣковъ не скрыла плесень.

LXXXII.

Къ тебѣ взываю я, кумиръ молвы,
Наполеона призракъ величавый!
Къ вамъ, греки, что сражалися, какъ львы,.
Когда васъ Леонидъ велъ въ бой кровавый!
Къ вамъ, „Коментарьи" Цезаря, чтобъ вы
Своею увядающею славой
И краснорѣчьемъ пламенныхъ рѣчей
На помощь къ бѣдной музѣ шли моей!

LXXXIII.

Да, увядаетъ славное былое!
Такъ выразиться право я имѣлъ:
У насъ, что годъ, то новые герои;
Ихъ всѣхъ не счесть, а слава—ихъ удѣлъ;
Какіе жъ благодатные устои
Наслѣдьемъ намъ отъ этихъ громкихъ дѣлъ?
Увы! они безплодны, да и сами
Герои наши сходны съ мясниками.

LXXXIV.

Отличья всевозможныя должны
Нестись къ героямъ длинной вереницей;
Сроднились съ ними ленты и чины,
Какъ пурпуръ съ вавилонскою блудницей,
Награды честолюбцамъ такъ нужны,
Какъ юношѣ мундиръ, какъ вѣеръ львицѣ.
Но что жъ такое слава? Право, нѣтъ
Возможности на это дать отвѣтъ.

LXXXV.

Сравнивъ ее съ свиней, что рыщетъ въ полѣ,
Я вамъ бы, можетъ-быть, не угодилъ.
Такъ съ шкуною, что носится на волѣ,
Не лучше ли, чтобъ я ее сравнилъ
Иль съ бригомъ? Но сравненій нужно ль болѣ?
Здѣсь кончу, чтобъ не выбиться изъ силъ.
Когда опять займусь своей поэмой,
Кровавый штурмъ моею будетъ темой.

LXXXVI.

Вы слышите? Какой-то шумъ глухой
Тревожитъ ночи грозное молчанье:
То крадутся войска и, скрыты мглой,
Къ стѣнамъ подходятъ, затаивъ дыханье;
Едва замѣтно, сквозь туманъ ночной,
Проглядываетъ тусклыхъ звѣздъ мерцанье;
Но скоро ихъ затмитъ зловѣщій дымъ,
Все застилая облакомъ густымъ.

LXXXVII.

Не долго ждать—и громъ орудій грянетъ.
Сигналъ дадутъ, и грозная пора
Борьбы на жизнь и смерть для войскъ настанетъ.
Они сплотятся, какъ съ горой гора.
Сольется вмѣстѣ, лишь разсвѣтъ проглянетъ,
Съ Аллахомъ турокъ русское ура!
И павшихъ стоны, вопли и молитвы
Безъ отзвука потонутъ въ шумѣ битвы.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Увѣчья, грохотъ пушекъ, бой кровавый—
Слова неблагозвучныя вполнѣ,
Но съ ними сплетены всѣ грезы славы,
Что проситъ жертвъ; и такъ какъ я войнѣ
Намѣренъ посвятить свои октавы,
Ихъ повторять придется часто мнѣ.
Но что слова! Назвавъ войну Беллоной,
Тѣмъ не спасете край, ей разореный.

II.

Какъ вышедшій изъ логовища левъ,
Шла армія въ безмолвіи суровомъ.
Она ждала (до крѣпости успѣвъ
Добраться незамѣтно, подъ кровомъ
Глубокой тьмы), чтобъ пушекъ грозный ревъ
Ей подалъ знакъ къ атакѣ. Строемъ новымъ
Безстрашно замѣщая павшій строй,
Людская гидра вступитъ въ смертный бой.

III.

Когда сочтемъ тѣ страшныя затраты,
Что золотомъ и кровью дѣлалъ свѣтъ
На войны, какъ ничтожны результаты
Окажутся одержанныхъ побѣдъ!
Онѣ одною славою богаты,
Но сколько расплодили горькихъ бѣдъ!
Слезу страданья осушить съ любовью
Славнѣе, чѣмъ весь міръ забрызгать кровью.

IV.

Да, благодатны добрыя дѣла,
Тогда какъ слава тягостна народу;
Онъ—въ нищетѣ, а жертвамъ нѣсть числа,
Что приносить онъ долженъ ей въ угоду.
Лишь честолюбцы въ ней не видятъ зла.
Война священна только за свободу,
Когда жъ она—лишь честолюбья плодъ,
Кто бойнею ее не назоветъ?

V.

Борьба за волю только—подвигъ громкій!
Зато и Леонидъ, и Вашингтонъ
Безсмертны, и позднѣйшіе потомки
Не позабудутъ славы ихъ именъ.
О нихъ гласятъ не жалкіе обломки
Разрушенныхъ міровъ, не плачъ и стонъ
Порабощенныхъ, но дары свободы,
Что черезъ нихъ пріобрѣли народы.

VI.

Зловѣщая царила тьма вокругъ.
Лишь пушки, искры грозныя бросая,
Свои огни сливали въ яркій кругъ,
Что отражался волнами Дуная,
Какъ адскимъ зеркаломъ. Тревожа слухъ,
Пальба не прерывалась роковая.
Огня небесъ страшнѣй огонь земной:
Одинъ—щадитъ, безжалостенъ другой.

VII.

Едва успѣлъ, подъ сѣнью тьмы безмолвной,
До стѣнъ добраться посланный отрядъ,
Какъ мусульмане разомъ, злобы полны,
Стрѣляя мѣтко, вышли изъ засадъ.
Земля и воздухъ, крѣпость, горы, волны,—
Все превратилось вмигъ въ кромѣшный адъ;
Вся мѣстность стала огненнымъ вулканомъ,
Какой-то Этной, взорванной титаномъ.

VIII.

Въ то время, словно громъ, раздался крикъ;
„Аллахъ!" и, потрясая тучи дыма,
Шумъ битвы заглушилъ, свирѣпъ и дикъ.
Какъ вызовъ онъ звучалъ неумолимый,
Суля погибель,—всюду онъ проникъ,
Какъ ураганъ, несясь неудержимо.
Чу!.. въ крѣпости, въ волнахъ, на берегу,
Вездѣ звучатъ: „Аллахъ!" и „Алла-гу!"

IX.

Врасплохъ не захватили оборону,—
Давно ужъ крѣпость приступа ждала.
Огонь ужасный встрѣтилъ ту колонну,
Что отъ рѣки атаку повела.
Она подверглась тяжкому урону
И вся почти на мѣстѣ полегла.
Командовалъ безстрашно частью тою
Арсеньевъ—вождь, прославленный молвою.

X.

Въ колѣно принцъ де-Линь былъ пораженъ.
У графа Шапо-Бра, въ началѣ дѣла,
Лишь началось движеніе колоннъ,
Межъ головой и шляпой пролетѣла
Шальная пуля. Чудомъ спасся онъ.
Аристократа ль пощадить хотѣла
Та пуля, или вѣдала о томъ,
Что лобъ свинцовый не пробить свинцомъ?..

XI.

Марковъ хотѣлъ, во что бы то ни стало,
Чтобъ раненаго принца унесли,
Хотя кругомъ простыхъ солдатъ не мало
Безпомощно валялось тутъ въ пыли.
Ихъ стоны не смущали генерала,—
Онъ думалъ лишь о принцѣ; но пошли
Ему не впрокъ заботы о вельможѣ:
Вертясь предъ нимъ, Марковъ былъ раненъ тоже.

XII.

Десятки тысячъ ружей, словно громъ,
Тремъ стамъ орудьямъ вторили, смятенье
Внося въ ряды. (Вѣрнѣй всего свинцомъ,
Гдѣ нужно, возбуждать кровотеченье!)
О, люди, вы знакомы съ тяжкимъ зломъ,
Что причиняютъ голодъ, моръ, лишенья,
Но какъ значенье слабо бѣдъ такихъ,
Коль съ полемъ битвы вы сравните ихъ!

XIII.

Тамъ налицо ужаснѣйшія муки.
Онѣ вездѣ, куда ни бросишь взглядъ:
Здѣсь раненый, крича, ломаетъ руки;
Другіе, закативъ глаза, лежатъ,
И видны лишь бѣлки ихъ; скорби звуки
И стоны къ небу жалобно летятъ.
Инымъ лишь смерть отъ ранъ приноситъ слава;
Другимъ, быть-можетъ, дастъ на крестикъ право.

XIV.

Но все жъ меня волнуютъ славы сны:
Не сладко ли, убравшись сѣдинами,
Безбѣдно проживать на счетъ казны?
Кто не стремится къ пенсіямъ мечтами?
Герои для того еще нужны,
Чтобъ ихъ дѣянья воспѣвать стихами.
Итакъ, чтобъ въ пѣснь попасть, схвативши кушъ,
Нерѣдко въ бой стремится храбрый мужъ.

XV.

Межъ тѣмъ впередъ пустились гренадеры,
Чтобъ брустверъ взять (онъ ихъ одолѣвалъ),
И въ прокъ пошли ихъ храбрости примѣры:
Другой отрядъ за ними не отсталъ.
Какъ дѣти рвутся къ матери, такъ съ вѣрой
Въ успѣхъ всползли они на скользкій валъ
И, не волнуясь, словно на парадѣ,
Мгновенно очутились въ палисадѣ.

XVI.

Невѣроятенъ подвигъ былъ такой!
Вулканъ нанесъ бы меньше злыхъ увѣчій,
Бросая лаву огненной струей,
Чѣмъ встрѣтившій героевъ градъ картечи.
Треть офицеровъ пала подъ грозой;
Ужъ о побѣдѣ не было и рѣчи:
Когда охотникъ падаетъ, никакъ
Въ порядокъ привести нельзя собакъ.

XVII.

Здѣсь перейду я къ своему герою,
Другихъ бойцовъ оставивъ въ сторонѣ;
Я подвиговъ его отъ васъ не скрою,
Но каждаго бойца возможно ль мнѣ
Привѣтствовать хвалебною строфою,
Хотя бъ ее онъ заслужилъ вполнѣ?
Героевъ списокъ сдѣлался бъ длиннѣе,
Но и поэма тоже, что грустнѣе.

XVIII.

Газета вамъ подробно перечтетъ
Всѣ подвиги героевъ жаркихъ схватокъ,
При этомъ и убитыхъ назоветъ,
И перечень такой не будетъ краткокъ,
Какъ ясно вамъ. О, трижды счастливъ тотъ,
Чье имя попадетъ безъ опечатокъ
Въ реляцію! Такъ Гросъ, что въ битвѣ палъ,
Въ побѣдномъ бюллетенѣ Гровомъ сталъ.

XIX.

Жуанъ и Джонсонъ, удержу не зная,
Съ своимъ отрядомъ смѣло шли впередъ,
Работая штыкомъ или стрѣляя;
Ихъ кровь кипѣла; съ лицъ струился потъ;
Они неслись, преграды разрушая,
Не вѣдая, куда ихъ приведетъ
Опасный путь, и отличились оба;
Къ наградамъ ихъ представили особо.

XX.

Они то подвигалися съ трудомъ
Къ углу редута, цѣли всѣхъ усилій,
То, страшнымъ остановлены огнемъ,
Скользя по лужамъ крови, отходили;
Все обливая огненнымъ дождемъ,
Казалось, силы ада замѣнили
Собою небо. Гдѣ колонна шла,
Въ крови лежали грудами тѣла.

XXI.

Хотя Жуанъ былъ новичокъ неловкій,
Но велъ себя какъ истинный герой,
Попавъ на штурмъ безъ всякой подготовки.
Отвагу пробуждаетъ въ насъ порой
Торжественность блестящей обстановки;
Но, стоя подъ ружьемъ, средь мглы сырой,
Подъ гнетомъ тяжкихъ думъ, Жуанъ смутился,
И хоть струхнулъ немного, все жъ не скрылся.

XXII.

Онъ, убѣжавъ, не удивилъ бы насъ;
Порой герою воля непокорна;
Великій Фридрихъ, выстрѣловъ боясь,
Подъ Мольвицемъ одинъ бѣжалъ позорно;
Но это съ нимъ всего случилось разъ.
Конь, соколъ, дѣва борются упорно
Предъ тѣмъ, чтобы вступить на новый путь,
Затѣмъ съ него ужъ не хотятъ свернуть.

XXIII.

На языкѣ пуническомъ картинно
Скажу, что Донъ-Жуанъ былъ „духомъ живъ“.
(Ирландіи богатъ языкъ старинный,
Но онъ для насъ загадоченъ, какъ миѳъ.
Откуда онъ? Ученыхъ споры длинны
На этотъ счетъ. Иные, изучивъ
Всѣ тонкости его, такого мнѣнья,
Что Африка дала ему рожденье.

XXIV.

Быть-можетъ, справедливъ подобный взглядъ,
Хотя и оскорбляетъ патріота.)
Жуанъ, огнемъ поэзіи объятъ,
Не понималъ холоднаго разсчета;
Влеченью чувствъ онъ былъ поддаться радъ,
Тяжелыхъ думъ не ощущая гнета,
И въ обществѣ веселыхъ удальцовъ
Онъ съ радостью подраться былъ готовъ.

XXV.

Жуанъ душой былъ чуждъ всего дурного;
Въ любви, какъ на войнѣ, его вели
Чистѣйшія намѣренья *). Вотъ слово,
Что люди, какъ оплотъ, изобрѣли.
Всегда съ нимъ оправданіе готово;
Герой, дѣлецъ, блудница—на мели
Не остаются съ нимъ; но вспомнить надо,
Что такъ мостилась мостовая ада.

XXVI.

Намѣреньямъ чистѣйшимъ хоть не вѣрь!
Ея дѣла, однакожъ, идутъ вяло;
Мнѣ думается даже, что теперь
Та мостовая сильно пострадала;
Попрежнему геенны настежь дверь,
Но ужъ благихъ намѣреній такъ мало,
Что нечѣмъ и чинить ее. Она
Съ Поль-Моль навѣрно сдѣлалась сходна.

---

*) Португальская пословица гласитъ, что адъ вымощенъ благими намѣреніями. (Примѣчаніе Байрона.)

XXVII.

Въ то время, какъ Жуанъ шаги направилъ
Къ турецкой батареѣ, вдругъ одинъ
Остался онъ; отрядъ его оставилъ.
(Такъ, годъ спустя по свадьбѣ, безъ причинъ,
Жена иная, самыхъ честныхъ правилъ,
Развода на себя беретъ починъ.)
Жуанъ, когда отрядъ безслѣдно скрылся,
Одинъ средь поля битвы очутился.

XXVIII.

Я затрудняюсь это объяснить:
Должно-быть, большинство убито было,
А прочіе рѣшились отступить,
Когда имъ сила воли измѣнила.
Бѣгущихъ не легко остановить:
Разъ бѣгство римлянъ Цезаря смутило;
Схвативши щитъ, къ врагамъ помчался онъ
И тѣмъ вернулъ бѣжавшій легіонъ.

XXIX.

Жуанъ, что не былъ Цезарь, безъ сомнѣнья,
Да и щита нигдѣ бы не нашелъ,
Смущенъ, остановился на мгновенье,
Затѣмъ впередъ рванулся, какъ оселъ.
(Читатель, не волнуйся: то сравненье
Гомеръ пригоднымъ для Аякса счелъ;
Жуанъ, въ сравненьи не нуждаясь новомъ,
Воспользоваться можетъ и готовымъ.)

XXX.

Итакъ, впередъ онъ бросился къ огнямъ,
Что ярче солнца освѣщали мѣстность.
Отважно онъ направился къ холмамъ,
Не бросивъ даже взгляда на окрестность,
Надѣясь свой отрядъ увидѣть тамъ.
Конечно, онъ не могъ привесть въ извѣстность
Его потерь, а также знать не могъ,
Что весь отрядъ почти на мѣстѣ легъ.

XXXI.

Не видя ни начальства, ни отряда,
Котораго исчезъ и самый слѣдъ,
Жуанъ впередъ помчался. (Мнѣ не надо
Вамъ объяснять, какъ, въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ,
Жуанъ, что о бояхъ мечталъ съ отрадой,
Любовью къ славѣ движимъ и согрѣтъ,
Могъ забѣжать впередъ, заботясь мало
О томъ, что войско отъ него отстало.)

XXXII.

Какъ юноша-наслѣдникъ, что свою
Еще дорогу ищетъ, чуждъ разсчета;
Какъ путникъ, что блудящему огню
Ввѣряется, чтобъ выйти изъ болота;
Какъ выброшенный на берегъ къ жилью
Стремится,—такъ, лишившися оплота,
Жуанъ пошелъ туда, гдѣ жарче бой,
Влекомъ любовью къ славѣ и судьбой.

XXXIII.

Онъ шелъ, своимъ лишь довѣряясь силамъ,
Пальбою безпрерывной потрясенъ.
Въ немъ молніей струилась кровь по жиламъ,
Онъ шелъ любовью къ славѣ вдохновленъ;
Охваченный неудержимымъ пыломъ,
Дыша съ трудомъ, къ мѣстамъ стремился онъ,
Гдѣ Бэкона [1]) излюбленное чадо
Окрестность превращало въ нѣдра ада.

XXXIV.

И вотъ наткнулся на отрядъ лихой,
Колонны Ласси жалкіе остатки.
Ее такъ уменьшилъ кровавый бой,
Что героизма славные осадки
Она могла лишь представлять собой.
(Изъ толстыхъ книгъ экстракты—лишь тетрадки.)
Жуанъ примкнулъ съ достоинствомъ къ бойцамъ,
Что, храбрости полны, неслись къ врагамъ.

XXXV.

Тутъ Джонсонъ, „совершившій отступленье“,
Къ нимъ подошелъ. (Желая бѣгство скрыть,
Употребляемъ это выраженье.)
Онъ зналъ, гдѣ силъ не слѣдуетъ щадить,
И вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалъ мгновенья,
Когда свою умѣрить можно прыть.
Такъ всѣ его пріемы были ловки,
Что бѣгству видъ онъ придавалъ уловки.

---

1) Бэкону приписываютъ изобрѣтеніе пороха. (Прим. Байрона.)

XXXVI.

Когда былъ перебитъ его отрядъ,
Чтобы собрать предъ схваткой роковою
Тѣхъ, что страшилъ „Долины смерти хладъ“,
Онъ отступилъ. Жуанъ, хранимъ судьбою,
Все лѣзъ въ огонь и съ нимъ идти назадъ
Не согласился бъ. Юному герою
Опасность и не снилась. Такъ въ борьбѣ
Невинность вѣритъ лишь одной себѣ.

XXXVII.

Съ бойницъ и казематовъ цитадели,
Съ засадъ, валовъ, редутовъ, батарей
Безъ перерывовъ выстрѣлы летѣли;
Всѣ зданья стали рядомъ крѣпостей,
Гдѣ турки, полны ярости, засѣли.
Отъ выстрѣловъ спасаясь, егерей,
Разстроенныхъ кровавою борьбою,
Вдругъ Джонсонъ увидалъ передъ собою.

XXXVIII.

Онъ кликнулъ ихъ, и всѣ на зовъ пришли
Немедленно, не такъ какъ духи ада,
Что Готспуръ вызывалъ изъ нѣдръ земли,
Но чьи отвѣты ждать съ терпѣньемъ надо.
Боясь, чтобъ ихъ за трусовъ не сочли,
Явились тотчасъ егеря. Какъ стадо,
Послушно люди идутъ за вождемъ
Въ вопросахъ вѣры иль въ борьбѣ съ врагомъ.

XXXIX.

Клянуся, Джонсонъ не былъ лицемѣромъ,
И, видитъ Зевсъ, онъ могъ бы быть сравненъ
Съ героями, воспѣтыми Гомеромъ.
Рубя враговъ, не волновался онъ
И постоянства могъ служить примѣромъ,
Какъ безпрерывно дующій муссонъ,
Не зная суетливости напрасной,
Онъ шелъ съ покойнымъ духомъ въ бой опасный.

XL.

Планъ бѣгства зрѣло былъ обдуманъ имъ.
Онъ зналъ, что, отойдя лишь недалеко,
Немедленно примкнетъ къ частямъ такимъ,
Что временно разстроилъ бой жестокій.
Не всѣ герои слѣпы, хоть инымъ
Смежить глаза приходится до срока.
Когда имъ смерть грозитъ, они уйти
Порой спѣшатъ, чтобъ духъ перевести.

XLI.

Но Джонсонъ скрылся только на мгновенье;
Энергіей своей онъ далъ толчокъ
Отряду, что ужъ началъ отступленье
Въ порывѣ страха. (Такъ магнитный токъ
Заставить можетъ трупъ придти въ движенье.)
Своимъ примѣромъ онъ солдатъ увлекъ
И смѣло ихъ повелъ дорогой тою,
Что Гамлетъ называетъ „роковою“.

XLII.

Они въ огонь полѣзли, не смутясь,
Хоть встрѣтили пріемъ, вполнѣ похожій
На тотъ, что ихъ заставилъ въ первый разъ
Покинуть бой и жизнь признать дороже
Всѣхъ обольщеній славы, что подчасъ
Войска ведетъ. (И жалованье тоже—
Хорошій стимулъ!) Въ настоящій адъ
Попалъ пришедшій съ Джонсономъ отрядъ.

XLIII.

Въ безформенную массу превращая
Войска, снаряды сыпались дождемъ,
Все предъ собой губя и разрушая.
Какъ спѣлые колосья подъ серпомъ,
Какъ подъ грозою жатва золотая,
Какъ подъ косой трава,—такъ подъ огнемъ
Убійственнымъ безчисленныхъ орудій,
Купаяся въ крови, валились люди.

XLIV.

Какъ пѣну съ волнъ уноситъ ураганъ,
Такъ цѣлыя шеренги вырывали
Изъ строя пули ярыхъ мусульманъ
(Ихъ крѣпостныя стѣны укрывали);
Но рокъ, что не щадитъ и цѣлыхъ странъ,
Пришелъ на помощь къ Джонсону; едва ли
Не первымъ, сквозь густой и смрадный дымъ,
До вала онъ добрался невредимъ.

XLV.

Сначала двое къ валу подскочило,
Затѣмъ толпа отважныхъ все росла;
Подмога съ каждымъ мигомъ подходила.
Огонь, какъ подожженная смола,
Со всѣхъ сторонъ лился съ такою силой
И причинялъ врагамъ такъ много зла,
Что смерть отставшимъ такъ же угрожала,
Какъ тѣмъ, что ужъ вскарабкались до вала.

XVLI.

Но случай спасъ ворвавшійся отрядъ.
Ученый грекъ, на удивленье свѣта,
Устроилъ рядъ ненужныхъ палисадъ
Какъ разъ по серединѣ парапета.
Хоть очевиденъ вредъ такихъ преградъ,
Но русскимъ впрокъ пошла ошибка эта.
Конечно, иностранный инженеръ
Не принялъ бы такихъ зловредныхъ мѣръ.

XLVII.

Широкій парапетъ, какъ оказалось,
Тѣмъ палисадомъ ровно пополамъ
Разрѣзанъ былъ, и мѣста оставалось
Довольно, чтобъ могла сомкнуться тамъ
Та кучка храбрыхъ, что на валъ взобралась
Предъ тѣмъ, чтобъ снова кинуться къ врагамъ.
Такъ были слабы эти укрѣпленья,
Что ихъ войска снесли безъ затрудненья.

XLVIII.

Кто первымъ взлѣзъ, о томъ напрасенъ споръ,—
О первенствѣ вопросы щекотливы;
Они плодятъ не мало жгучихъ ссоръ
И даже между странами разрывы;
Какой молнiеносный броситъ взоръ
На васъ Джонъ-Буль, пристрастно-терпѣливый,
Коль скажете ему, что Веллингтонъ
Въ бою при Ватерло былъ побѣжденъ!

XLIX.

А пруссаки отстаиваютъ мнѣнье,
Что если бъ Блюхеръ, Бюловъ, Гнейзено
Не подошли тогда, въ сопровожденьи
Богъ знаетъ сколькихъ лицъ на *овъ* и *но*,
То было бы проиграно сраженье,
И Веллингтонъ, которому оно
Такъ много принесло отличiй разныхъ,
Не получалъ бы пенсiй безобразныхъ.

L.

Но все жъ и короля, и королей
Храни, Господь! Имъ въ тягостные годы
Не сдобровать безъ помощи Твоей!
Мнѣ чуется, что верхъ возьмутъ народы;
Брыкается и кляча, если ей
Невмоготу. Народъ, ища свободы,
Устанетъ наконецъ, забитъ и сѣръ,
Брать съ Iова въ терпѣнiи примѣръ.

LI.

. . . .

LII.

Но будемъ продолжать: какъ я сказалъ,
Не первымъ, но однимъ изъ первыхъ, ловко
Нашъ юный другъ Жуанъ вскочилъ на валъ;
Держался онъ съ искусною сноровкой
Героя, что не разъ въ бояхъ бывалъ,
И новой не смущался обстановкой.
Какъ женщина красивъ и чистъ душой,
Онъ, бредя только славой, несся въ бой.

LIII.

Какъ эта обстановка сходства мало
Имѣла съ той, къ которой онъ привыкъ!
Его досель одна любовь плѣняла;
Онъ съ дѣтства понималъ ея языкъ;
Его душа отъ счастья трепетала,
Когда надъ нимъ склонялся милый ликъ;
Не могъ онъ, какъ Руссо, въ измѣны вѣрить
И слишкомъ честенъ былъ, чтобъ лицемѣрить.

LIV.

Жуанъ лишь подъ давленіемъ судьбы
Могъ измѣнить горячему участью;
Теперь же былъ онъ тамъ, гдѣ, какъ рабы,
Склонялись люди въ прахъ предъ грозной властью
Желѣза и огня. Въ пылу борьбы
Впередъ онъ несся съ бѣшеною страстью;
Такъ, чуя шпоры, чистокровный конь
Бросается и въ воду, и въ огонь.

LV.

Какъ спортсменъ, что, опасность забывая,
Несется черезъ рвы мечты быстрѣй,
Такъ, на пути препятствія встрѣчая,
Жуанъ, волнуясь, къ цѣли шелъ своей;
Борьба, дурныя страсти разжигая,
Безжалостными дѣлаетъ людей;
Но на него вліянья не имѣла:
Его душа въ бою не очерствѣла.

LVI.

Нежданною подмогой подкрѣпленъ,
Вздохнулъ свободнѣй Ласси, что борьбою
Разстроенъ былъ; его со всѣхъ сторонъ
Враги тѣснили грозною толпою.
Жуана, что стоялъ съ нимъ рядомъ, онъ
За помощь сталъ благодарить. Не скрою,
Что дворянинъ изъ прибалтійскихъ странъ
Не лучше былъ бы встрѣченъ, чѣмъ Жуанъ.

LVII.

Съ нимъ по-нѣмецки, самымъ мягкимъ тономъ,
Заговорилъ почтенный генералъ;
На эту рѣчь безмолвнымъ лишь поклономъ
Жуанъ ему учтиво отвѣчалъ.
Съ нѣмецкимъ, какъ съ санскритскимъ, лексикономъ
Онъ мало былъ знакомъ, но понималъ,
Регальи созерцая генерала,
Что онъ имѣлъ значенія не мало.

LVIII.

Ихъ разговоръ лишь длился мигъ одинъ.
Но могутъ ли слова имѣть значенье
Средь душу раздирающихъ картинъ,
Что представляетъ смерть и разрушенье,—
Когда среди дымящихся руинъ
Проклятья, вопли, стоны и моленья
Уныло раздаются, какъ набатъ,
И, слухъ тревожа, жалобно звучатъ?

LIX.

Всѣ звуки битвы въ ревъ сливались дикій;
Казалось, адъ всѣ силы въ бой стянулъ;
Такъ были общій шумъ и трескъ велики,
Что даже громъ безслѣдно бъ потонулъ
Средь шума битвы. Стоны, вопли, крики,
Сливаясь, пушекъ затмѣвали гулъ.
Но вотъ минута страшная настала:
Ударъ судьбы свершился—крѣпость пала.

LX.

„Богъ создалъ свѣтъ, а смертный—города",
Такъ Куперъ говоритъ; но какъ ихъ много
Съ теченьемъ лѣтъ исчезло безъ слѣда!
Гдѣ Тиръ и Ниневія? Гдѣ дорога,
Что въ Вавилонъ ведетъ? Прошли года
И смыли слѣдъ столицы и чертога.
Развалины повсюду; можетъ-быть,
Въ лѣсахъ придется снова людямъ жить.

LXI.

Изъ всѣхъ людей, прославленныхъ молвою,
Счастливѣйшимъ считаю Буна *) я
(За исключеньемъ Силлы, что судьбою
До смерти былъ хранимъ). Въ глуши живя,
Охотой занимался онъ одною,
Людей рѣзней напрасно не дивя,
И, духомъ бодръ, въ лѣсахъ страны далекой,
Достигъ безъ горя старости глубокой.

LXII.

Душою чистъ, онъ прожилъ долгій вѣкъ;
Уединенью только грезы милы;
И жизнь его до срока не пресѣкъ
Недугъ,—лишь трудъ поддерживаетъ силы;
Живя въ столицахъ душныхъ, человѣкъ
Доказываетъ тѣмъ, что сѣнь могилы
Ему милѣе жизни. Вѣкъ трудясь,
Съ улыбкой встрѣтилъ Бунъ кончины часъ.

LXIII.

И что жъ? Почтенный мужъ себя прославилъ,
Хоть массами не убивалъ людей,
И всюду память добрую оставилъ;
Завидна слава лишь въ союзѣ съ ней!
И злость, и зависть онъ молчать заставилъ,
Не прибѣгая къ помощи цѣпей.
Отшельникъ Россы и дитя природы,
Онъ прожилъ вѣкъ поборникомъ свободы.

---

*) Генералъ Даніилъ Бунъ основалъ первое поселеніе въ Кентуки (Сѣверная Америка).

LXIV.

Сограждан Бунъ чуждался, и отъ нихъ
Онъ уходилъ туда, гдѣ воздухъ чище;
Любя просторъ и тишь лѣсовъ густыхъ,
Къ нимъ рвался онъ. (Гдѣ скучены жилища,
Себя стѣсняя, мы тѣснимъ другихъ).
Бунъ не былъ мизантропомъ: если нищій
Ему порой встрѣчался на пути,
Къ нему на помощь онъ спѣшилъ придти.

LXV.

Но жилъ онъ не одинъ: дѣтей природы
Вкругъ Буна племя цѣлое росло;
Душевныхъ бурь тяжелыя невзгоды
Невѣдомы имъ были; ихъ чело
Морщинъ не знало; свѣтлый духъ свободы
Ихъ оживлялъ; имъ чуждо было зло.
Свободно взросшій лѣсъ, что ихъ взлелѣялъ,
Одну любовь къ добру въ ихъ души сѣялъ.

LXVI.

Заботъ не зная, стройны и сильны,
Они въ странѣ привольной процвѣтали;
Какъ городовъ тщедушные сыны
Предъ ними жалки! Тяжкій гнетъ печали
Не отравлялъ ихъ сладостные сны;
Ихъ моды въ обезьянъ не превращали;
Просты, хотя не дики,—изъ-за ссоръ
Они борьбу считали за позоръ.

LXVII.

Веселость ихъ всегда сопровождала;
Поденный трудъ ихъ не томилъ ничуть;
Среда развратъ въ ихъ души не вливала;
Въ тѣни лѣсовъ свободно дышетъ грудь.
Гнетъ роскоши, распутства злое жало
Не направляли ихъ на ложный путь:
Подъ свѣтлой сѣнью дѣвственнаго лѣса
Нужда и горе не имѣютъ вѣса.

LXVIII.

Довольно о природѣ. Мы должны
Опять вернуться къ благамъ просвѣщенья:
Къ пожарамъ и чумѣ, плодамъ войны,
Къ картинамъ смерти, бѣдъ и разрушенья,
Что жаждою побѣдъ порождены.
Чтобы себѣ доставить развлеченье,
Пролить хоть море крови деспотъ радъ:
Взять Измаилъ велѣли, и—онъ взятъ.

LXIX.

Палъ Измаилъ. Одинъ отрядъ сначала
Въ немъ проложилъ кровавый путь. За нимъ
Другой ворвался слѣдомъ. Смерть зіяла,
И острый штыкъ, какъ рокъ неумолимъ,
Въ толпу врѣзался. Все кругомъ стонало.
Какъ облако, носился сѣрный дымъ,
Тяжелымъ смрадомъ воздухъ отравляя.
А турки все дрались, не отступая.

LXX.

Кутузовъ, что при помощи снѣговъ
Впослѣдствіи отпоръ далъ Бонапарту,
Съ солдатами попалъ въ глубокій ровъ,
Благодаря излишнему азарту.
Предъ другомъ и врагомъ онъ былъ готовъ
Всегда шутить и, ставя жизнь на карту,
Острилъ надъ всѣмъ, веселый тѣша нравъ;
Но тутъ онъ пріунылъ, въ бѣду попавъ.

LXXI.

Безумною отвагою согрѣтый
И храбрости желая дать примѣръ,
Онъ бросился къ подножью парапета;
Но турки смяли храбрыхъ гренадеръ,
Что съ нимъ пошли въ атаку. Въ схваткѣ этой
Въ числѣ убитыхъ былъ и Рибопьеръ,
Что палъ, оплаканъ всѣми въ русскомъ станѣ.
Загнали въ ровъ обратно мусульмане

LXXII.

На парапетъ взобравшихся солдатъ;
Но ихъ спасла нежданная подмога:
Какой-то заблудившійся отрядъ,
Что проплуталъ невѣдомой дорогой,
Пришелъ на помощь къ нимъ, а то наврядъ
Подъ градомъ пуль ихъ уцѣлѣло бъ много,
И храбрый весельчакъ Кутузовъ—самъ
Съ колонною своей погибъ бы тамъ.

LXXIII.

Отрядъ прибывшій, послѣ жаркой схватки,
Оплотомъ овладѣлъ турецкихъ силъ.
Когда бѣжали турки въ безпорядкѣ,
Провелъ онъ за собою въ Измаилъ
Килійскими воротами остатки
Отряда, что Кутузовъ погубилъ.
Во рву, среди кроваваго болота,
Пріютъ нашла разбитая пѣхота.

LXXIV.

Казàки иль, пожалуй, казакѝ
(На правильность и точность удареній
Мнѣ обращать вниманье не съ руки,
Лишь избѣгаю фактовъ искаженій)
Всѣ полегли, изрублены въ куски.
Незнатоки по части укрѣпленій,
Привыкшіе сражаться лишь верхомъ,
Не въ силахъ были справиться съ врагомъ.

LXXV.

Хоть ихъ огонь преслѣдовалъ жестоко,
Толпой они вскарабкались на валъ
И думали, покорны волѣ рока,
Что грабежа отрадный мигъ насталъ;
Но зубъ порой нейметъ, хоть видитъ око:
Предъ ними непріятель отступалъ
Лишь для того, чтобъ ихъ, собравши вмѣстѣ,
Всѣхъ окружить и положить на мѣстѣ.

LXXVI.

Когда разсвѣтъ, алѣя, заблестѣлъ,
Никто изъ нихъ въ живыхъ не оставался;
Но слава имъ досталася въ удѣлъ:
Погибли всѣ, но ни одинъ не сдался.
По грудѣ ихъ окоченѣвшихъ тѣлъ
Есуцкій, какъ по лѣстницѣ, взобрался
И въ крѣпость ворвался такимъ путемъ
Съ неустрашимымъ полоцкимъ полкомъ.

LXXVII.

Отважный вождь налѣво и направо
Рубилъ враговъ, но скоро палъ отъ ранъ.
Хоть стѣны были взяты, бой кровавый
Все длился, не разстроивъ мусульманъ.
Кого побѣда увѣнчаетъ славой,
Никто бъ сказать не могъ. Со станомъ станъ
Боролся на смерть; храбро янычары
Ударами платили за удары.

LXXVIII.

Не меньше пострадалъ отрядъ другой
Подъ выстрѣлами турокъ. Здѣсь замѣчу,
Что лишнее имѣть запасъ большой
Патроновъ тамъ, гдѣ, направляясь въ сѣчу,
Въ виду имѣютъ рукопашный бой.
Солдатъ, боясь къ врагу идти на встрѣчу,
Стрѣляетъ второпяхъ, издалека,
Не прибѣгая къ помощи штыка.

LXXIX.

Отрадъ Мехнова (что въ бою сначала
Отъ выстрѣловъ не мало потерпѣлъ
И своего лишился генерала)
На выручку удачно подоспѣлъ
Къ тѣмъ храбрецамъ, что добрались до вала,
И взялъ редутъ, гдѣ сераскиръ засѣлъ
И защищался съ бѣшеной отвагой,
Не устрашенъ нагрянувшей ватагой.

LXXX.

Когда онъ былъ врагами окруженъ,
Ему была предложена пощада,
Но сераскиръ былъ этимъ возмущенъ:
Вождю-герою милости не надо;
Какъ мученикъ, погибъ безстрашно онъ,
Отчизны скорбь была его награда.
Морякъ, что взять его хотѣлъ живымъ,
Былъ наповалъ убитъ мгновенно имъ.

LXXXI.

На предложенье сдаться, пистолетомъ
Отвѣтилъ онъ; тогда приказъ былъ данъ:
Всѣхъ турокъ перерѣзать; въ дѣлѣ этомъ
Три тысячи погибло мусульманъ;
Рѣзня была немедленнымъ отвѣтомъ
На выстрѣлъ сераскира, что отъ ранъ
Окончилъ вѣкъ. Онъ палъ передъ войсками,
Пронизанный шестнадцатью штыками.

LXXXII.

Сдавался шагъ за шагомъ Измаилъ
И превращался въ мрачное кладбище;
Дралися турки изъ послѣднихъ силъ,
Отстаивая каждое жилище.
Лучъ солнца, согрѣвая нильскій илъ,
Чудовищамъ даетъ и жизнь, и пищу:
Такъ породилъ зловѣщій битвы адъ
Безжалостныхъ дѣяній цѣлый рядъ.

LXXXIII.

Какой-то офицеръ, что, наступая,
На груды тѣлъ, впередъ отважно шелъ,
За пятку схваченъ былъ. Изнемогая
Отъ боли, тщетно онъ борьбу завелъ
Съ зубами, что, его не выпуская,
Въ него впились. Плодя не мало золъ,
Такъ держитъ насъ змѣя, чье вѣроломство
Сгубило Еву и ея потомство.

LXXXIV.

Сраженный турокъ, попранный ногой
Врага, зубами крѣпко ухватился
За часть, что Ахиллесовой пятой
Мы въ шутку такъ зовемъ. Въ нее онъ впился,
Дыша непримиримою враждой,
И стиснулъ зубы. Слухъ распространился,
Что голову, отрубленную съ плечъ,
Не могъ разъединить съ ногою мечъ,

LXXXV.

Она, держась за пятку, все висѣла,
Въ борьбѣ нѣмой сцѣпившися съ врагомъ;
Не знаю вѣрно я, какъ было дѣло,
Но русскій офицеръ остался хромъ.
Тотъ врачъ, что за лѣченье неумѣло
Взялся, конечно, виноватъ кругомъ;
А турка осуждать нельзя за мщенье,
Что породилъ порывъ остервенѣнья.

LXXXVI.

Но фактъ—все фактъ, и истинный поэтъ
Остерегаться выдумокъ обязанъ;
Въ стихахъ, какъ въ прозѣ, лгать заслуги нѣтъ;
Поэтъ, что долженъ быть лишь правдой связанъ,
Грѣшитъ красою фразъ, мороча свѣтъ.
Поэту срамъ, когда во лжи погрязъ онъ:
Неправду сатана пускаетъ въ ходъ,
Какъ бы приманку, чтобъ губить народъ.

LXXXVII.

Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ грозою. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь свои струи катила;
Безъ страха передъ смертью и врагомъ
Валились турки. Верхъ брала лишь сила.
Хоть все, пылая, рушилось кругомъ,
Они не прекращали обороны,
Побѣды крики превращая въ стоны.

LXXXVIII.

Штыки вонзались, длился смертный бой;
И здѣсь, и тамъ людей валились кучи.
Такъ осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятьяхъ бури стонетъ лѣсъ дремучій.
Руины представляя лишь собой,
Палъ Измаилъ; онъ палъ, какъ дубъ могучій.
Взлелѣянный вѣками великанъ,
Что вырвалъ съ корнемъ грозный ураганъ.

LXXXIX.

Описывать лишь ужасы—въ систему
Я вовсе не намѣренъ возвести;
Хоть выбралъ благодарную я тему,
Къ другимъ картинамъ надо перейти.
Разнообразить долженъ я поэму:
Чего-то нѣтъ на жизненномъ пути!
А потому представлю, міръ рисуя,
Его и безобразья, и красу я.

XC.

Нашъ фарисей, любитель звонкихъ фразъ
И вычурно слащавыхъ выраженій,
Навѣрно бы сказалъ: „чаруетъ насъ
Отрадный фактъ средь массы преступленій".
Я о такомъ хочу повесть разсказъ.
Мой стихъ, что опаленъ въ пылу сраженій
(Всегда вѣдь эпосъ битвами богатъ),
Я освѣжить такимъ разсказомъ радъ.

XCI.

Валялась въ взятомъ шанцѣ, взоръ пугая,
Убитыхъ женщинъ куча; перейти
Онѣ сюда спѣшили, убѣгая
Отъ смерти и надѣясь тутъ найти
Убѣжище. Свѣтла, какъ утро мая,
Малютка, лѣтъ не больше десяти,
Живою межъ тѣлами оказалась
И скрыться возлѣ нихъ, дрожа, старалась

XCII.

Два казака, свирѣпѣе медвѣдей,
Накинулись на дѣвочку; ихъ лики
Вселяли страхъ жестокостью своей;
Не менѣе страшны ихъ были крики...
Что можетъ порождать такихъ звѣрей?
Кто этому виной? Ихъ нравъ ли дикій,
Иль тѣ, что, получивъ отъ Бога власть,
Въ сердцахъ людей лишь къ злу вселяютъ страсть?

XCIII.

Надъ маленькой головкой засверкало
Оружье ихъ. Дрожавшее дитя
Лицо свое межъ трупами скрывало.
(Оно перепугалось не шутя).
Жуана это зрѣлище взорвало.
Что онъ сказалъ, волненью дань платя,
Не повторю—приличьями я связанъ—
Но что онъ сдѣлалъ, я сказать обязанъ.

XCIV.

Онъ налетѣлъ на нихъ, свирѣпъ и рьянъ,
И, съ ними не вступая въ разговоры,
Имъ нѣсколько нанесъ тяжелыхъ ранъ;
Затѣмъ, карая звѣрство, безъ призора
Оставилъ ихъ. Тоской объятъ, Жуанъ
На груды тѣлъ кровавыхъ бросилъ взоры
И дѣвочку, что только чудомъ рокъ
Помогъ спасти, изъ ихъ среды извлекъ.

XCV.

Какъ трупы тѣ былъ блѣденъ ликъ унылый
Малютки. Мечъ, что мать ея убилъ,
Скользнулъ по ней; о близости могилы
Зловѣщій шрамъ невольно говорилъ.
Со всѣми, что ей въ жизни были милы,
Тотъ крови слѣдъ послѣдней связью былъ;
Но не была опасна эта рана,
Дитя, дрожа, взглянуло на Жуана.

XCVI.

Они другъ съ друга не спускали глазъ.
Читались въ немъ надежда, сожалѣнье,
Восторгъ, что онъ дитя отъ смерти спасъ,
За бѣдную малютку опасенье;
Она жъ въ него глазенками впилась,
И радость выражая, и смятенье,
Притомъ была прозрачна и блѣдна,
Какъ ваза, что внутри освѣщена.

XCVII.

Въ то время подошелъ къ нимъ Джонсонъ. (Право,
Я Джекомъ не могу его назвать
Въ такой моментъ торжественный октава
Должна приличья строго соблюдать).
За нимъ неслася цѣлая орава
Солдатъ. „Я счастливъ друга увидать",
Сказалъ Жуану онъ.—„Скорѣй за дѣло!
Разсчитывать на крестъ мы можемъ смѣло.

XCVIII.

Намъ надо брать послѣдній бастіонъ;
Онъ держится еще, хоть это чудо.
Паша, что не сдается, окружонъ
И помощи не ждетъ ужъ ни откуда.
Сидя въ дыму, спокойно куритъ онъ,
Хотъ вкругъ него кровавыхъ труповъ груда;
Все жъ онъ картечь еще пускаетъ въ ходъ:
Такъ старая лоза роняетъ плодъ.

XCIX.

Итакъ, мой другъ Жуанъ, впередъ за мною!"
— „Я спасъ дитя,—сказалъ Жуанъ въ отвѣтъ.
Нельзя малютку бросить здѣсь одною.
Какъ уберечь ее, дай мнѣ совѣтъ,
И всюду я помчуся за тобою!"
— „Ты правъ, конечно", жалостью согрѣтъ,
Отвѣтилъ Джонсонъ,—„бросить безразсудно
Дитя, но какъ тутъ быть, придумать трудно!"

C.

—„Я не уйду,—сказалъ Жуанъ,—пока
Дитя не будетъ въ безопасномъ мѣстѣ“.
—„Но вѣдь вездѣ опасность велика“.
Товарищъ возразилъ ему.—„Такъ вмѣстѣ
Пускай раздавитъ насъ судьбы рука,
Но я останусь вѣренъ долгу чести.
Ребенокъ этотъ ввѣренъ мнѣ судьбой;
Онъ сирота, а потому онъ мой!“

CI.

—„Жуанъ! воскликнулъ Джонсонъ, ни мгновенья
Терять нельзя. Ребенокъ очень милъ,
Но славѣ долженъ дать ты предпочтенье
Предъ чувствомъ. Коль разграбятъ Измаилъ,
Всѣ оправданья будутъ безъ значенья.
Мнѣ ждать нельзя: атаки часъ пробилъ.
Ты слышишь крики? Каждый мигъ намъ дорогъ,
А время мы теряемъ въ разговорахъ“.

CII.

Жуанъ былъ непреклоненъ. Чтобъ скорѣй
Уладить дѣло, Джонсонъ постарался
Двухъ провожатыхъ выбрать повѣрнѣй
И ввѣрилъ имъ малютку. Онъ поклялся,
Что если что-нибудь случится съ ней,
То разстрѣляетъ ихъ, но обѣщался
Не пожалѣть значительныхъ наградъ,
Когда они ребенка сохранятъ.

CIII.

За Джонсомъ тогда, сквозь тучи дыма
И выстрѣловъ неумолкавшій громъ,
Пошелъ Жуанъ. Хоть смерть неутомимо
Людей косила, царствуя кругомъ,
Войска впередъ неслись неустрашимо.
Герой добычи проситъ и, влекомъ
Любовью къ ней, всегда дерется съ жаромъ.
Гдѣ тотъ герой, что будетъ драться даромъ?

CIV.

Увы, какъ много есть людей такихъ,
Чьи ужасаютъ гнусныя дѣянья!
Зачѣмъ людьми мы называемъ ихъ?
Имъ надо бы другое дать названье,
Тѣмъ отличая праведныхъ отъ злыхъ.
Но снова перейду къ повѣствованью.
Въ редутѣ атакованномъ засѣвъ,
Одинъ татарскій ханъ дрался какъ левъ.

CV.

Старикъ съ *пятью* своими сыновьями
(Гаремъ всегда плодитъ бойцовъ толпой!),
Не вѣря въ то, что городъ взятъ врагами,
Отчаянно дрался за край родной.
Титана ли хочу воспѣть стихами?
Ахиллъ иль Марсъ стоятъ ли предо мной?
О, нѣтъ! Лишь старца я воспѣть намѣренъ,
Который палъ съ дѣтьми, отчизнѣ вѣренъ.

CVI.

Когда герой въ бѣдѣ, ему помочь
Толпа отважныхъ витязей готова;
Но иногда имъ гнѣвъ сдержать не въ мочь;
Ихъ души—смѣсь и добраго, и злого;
Они въ борьбѣ то жалость гонятъ прочь,
То ихъ сердца она смягчаетъ снова
И властвуетъ надъ черствою душой;
Такъ вѣтерокъ колеблетъ дубъ порой.

CVII.

Хотѣли завладѣть упрямцемъ старымъ,
Щадя его; но не сдавался ханъ;
Ударъ имъ наносился за ударомъ;
Старикъ рубилъ нещадно христіанъ,
И сыновья его дралися съ жаромъ,
Не мало нанося тяжелыхъ ранъ.
Сочувствіе къ нимъ русскихъ охладѣло;
Ему, какъ и терпѣнью, есть предѣлы.

CVIII.

Жуанъ и Джонсонъ тщетно въ разговоръ
Вступали съ старикомъ. Забрызганъ кровью,
Онъ не хотѣлъ умѣрить свой задоръ;
Неумолимъ, какъ докторъ богословья,
Со скептикомъ вступившій въ жаркій споръ,
Онъ съ гордостью всѣ отвергалъ условья
И расправлялся такъ съ толпой друзей,
Какъ гнѣвный мальчикъ съ нянькою своей.

CIX.

Онъ страхъ внушалъ своимъ суровымъ ликомъ;
Имъ раненъ былъ британецъ и Жуанъ;
Тогда Жуанъ со вздохомъ, Джонсонъ съ крикомъ
Напали на него. Упрямый ханъ,
Съ дѣтьми, сражался въ изступленьи дикомъ.
На нихъ грозой обрушился весь станъ;
Но не страшны пескамъ пустыни тучи:
И подъ грозою сухъ песокъ сыпучій.

CX.

Но, наконецъ, погибли всѣ они:
Сраженный пулей, сынъ второй палъ мертвый;
Изрубленъ саблей, третій кончилъ дни;
Пронизанный штыкомъ, погибъ четвертый,
Отца любимецъ и кумиръ семьи;
А пятый, нелюбимый и затертый,
Гречанки сынъ, что былъ отцомъ гонимъ,
Его спасти желая, палъ предъ нимъ.

CXI.

Глубоко назареевъ презирая,
Былъ истымъ туркомъ хана старшій сынъ;
Онъ видѣлъ предъ собою кущи рая,
Гдѣ воинъ, павшій въ битвѣ, властелинъ,
И гурій передъ нимъ толпа густая
Носилась. Кто взглянулъ хоть разъ одинъ
На райскихъ дѣвъ, тотъ къ нимъ пылаетъ страстью,
Склоняясь ницъ предъ ихъ волшебной властью.

CXII.

Какъ отнеслися гуріи къ нему,
Не знаю и не въ силахъ отгадать я;
Но, право, ясно сердцу и уму,
Что имъ милѣе юноши объятья,
Чѣмъ стараго героя; потому
За истину тотъ взглядъ готовъ признать я,
Что старцы рѣдко падаютъ въ огнѣ,
А юноши все гибнутъ на войнѣ.

CXIII.

Тѣ гуріи увлечь всегда готовы
Недавно обвѣнчавшихся мужей,
Когда въ разгарѣ мѣсяцъ ихъ медовый;
Когда о жизни холостой своей
Они еще не тужатъ, съ жизнью новой
Мирясь и даже наслаждаясь ей.
Какъ видно, райскимъ дѣвамъ лишь отрада
Срывать цвѣты; плодовъ же имъ не надо.

CXIV.

Забывъ и женъ, и собственный гаремъ,
Красивый ханъ стремился къ волнамъ свѣта,
Скрывающимъ и гурій, и Эдемъ.
Надеждою увидѣть ихъ согрѣтый,
Пророка сынъ не дорожитъ ничѣмъ,
Какъ будто только въ небѣ Магомета
Возможно свѣтлый миръ душѣ обрѣсть.
Межъ тѣмъ небесъ, какъ слышно, семь или шесть.

CXV.

Игрою увлеченъ воображенья,
Почувствовавъ въ груди конецъ копья,
Онъ прошепталъ: „Аллахъ!“—и въ то жъ мгновенье
Предъ нимъ сверкнула вѣчности заря,
И рай предъ нимъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Предсталъ, огнями яркими горя.
Пророки, дѣвы, ангелы, святые
Ему явились, свѣтомъ облитые.

CXVI.

И умеръ онъ съ сіяющимъ лицомъ.
Тутъ старый ханъ, что на дѣтей молился,
Лишь о потомствѣ думая своемъ,
Когда послѣдній сынъ его свалился,
Какъ мощный дубъ, сраженный топоромъ,
Борьбу прервалъ на мигъ и наклонился
Надъ первенцемъ. Лишившись разомъ силъ,
Онъ тусклый взоръ на блѣдный трупъ вперилъ.

CXVII.

Прервали бой немедленно солдаты,
Надѣясь, что онъ сдастся; но старикъ,
Тоскою безысходною объятый,
О нихъ забылъ. Его былъ мертвенъ ликъ;
Надломленный тяжелою утратой,
Герой, не знавшій страха, какъ тростникъ
Вдругъ задрожалъ: одинъ, исполненъ горя,
Остался онъ средь жизненнаго моря.

CXVIII.

Но дрожь лишь длилась мигъ. Однимъ прыжкомъ
Онъ бросился на штыкъ окровавленный.
Такъ мотылекъ, плѣняемый огнемъ,
Въ немъ погибаетъ, пламенемъ спаленный.
Попавъ на штыкъ, старикъ повисъ на немъ,
Чтобъ умереть скорѣй; насквозь пронзенный,
Онъ бросилъ на дѣтей прощальный взглядъ
И кончилъ жизнь, отчаяньемъ объятъ.

CXIX.

Когда же смерть глаза навѣкъ смежила
Отважнаго и гордаго бойца,
Въ солдатахъ, хоть война ихъ пріучила
Къ кровавымъ схваткамъ, дрогнули сердца.
Пускай слеза, скатившись, не смочила
Ни одного суроваго лица,—
Всѣхъ тронулъ этотъ старецъ величавый,
Погибшій, презирая жизнь, со славой.

CXX.

Хотя на уцѣлѣвшій бастіонъ
Всѣхъ русскихъ силъ обрушилась громада,
Паша все не сдавался, окруженъ,
И длилася, какъ прежде, канонада;
Но, наконецъ, спросить рѣшился онъ,
Успѣшно ль подвигается осада,
И, получивъ въ отвѣтъ, что городъ взятъ,
Сдался, спасая этимъ свой отрядъ.

CXXI.

Спокойно онъ сидѣлъ во время боя,
Куря кальянъ, невозмутимъ и строгъ
(Такихъ бойцовъ не видѣла и Троя!),
Все защищаясь, хоть почти полегъ
Его отрядъ. Глядя на ликъ героя,
Подумать бы, конечно, всякій могъ,
Что разрѣшилъ онъ трудную задачу—
Къ тремъ бунчукамъ три жизни взять въ придачу!

CXXII.

Въ крови купаясь, рухнулъ Измаилъ...
И рогъ луны, утратившій значенье,
Пурпурный крестъ собою замѣнилъ;
Но не была символомъ искупленья
Та кровь, которой бой его покрылъ.
Въ волнахъ луны сіяетъ отраженье:
Такъ кровью, что стеклась со всѣхъ сторонъ,
Пожара блескъ былъ грозно отражонъ.

CXXIII.

Все то, что умъ придумать можетъ злого,
Что плоть дурного можетъ совершить,
Все зло, что поражать людей готово,
Всѣ бѣдствія, что можетъ адъ излить,
Все то, что описать безсильно слово,
Всѣ ужасы, что можетъ породить
Въ союзѣ съ властью давящая сила,—
Все это здѣсь, свирѣпствуя, царило.

CXXIV.

Хоть доброта сердечная порой
Себя дѣяньемъ добрымъ проявляла,
Но смыслъ она теперь теряла свой,
Когда война все кровью затопляла
И разрушала все передъ собой.
О, вы, Парижа модные нахалы
И Лондона зѣваки, вы должны
Подумать о послѣдствіяхъ войны!

CXXV.

Подумайте, цѣною сколькихъ жизней
Дается людямъ чтеніе газетъ!
Подъ тяжестью долговъ легко ль отчизнѣ?
Какъ много крови стоитъ громъ побѣдъ!
Придется помянуть намъ скоро въ тризнѣ
Ирландію,—предъ нею чаша бѣдъ.
Голодный край сдержать не можетъ стона;
Насытится ль онъ славой Веллингтона?

CXXVI.

Все жъ люди бредятъ славой и войной.
Такъ воспѣвай ихъ, муза! Смертный холодъ
Пусть не смущаетъ гимнъ побѣдный твой!
Пускай нужда дробитъ народъ, какъ молотъ,
И разоренье жадной саранчей
Летитъ къ нему,—не доберется голодъ
До трона. Если голоденъ Эринъ,
Худѣть Георгу все же нѣтъ причинъ!

CXXVII.

Но кончить тороплюсь я; крѣпость сдалась,
И зарево пылающихъ домовъ
Въ Дунаѣ, полномъ крови, отражалось.
Гремѣлъ побѣдный крикъ, но пушекъ ревъ
Среди развалинъ смолкъ. Въ живыхъ осталась
Лишь горсть людей, а тысячи бойцовъ
Въ кровавомъ снѣ лежали распростерты,
Съ лица земли рукою смерти стерты.

CXXVIII.

Теперь коснуся я, читатель мой,
Сюжета щекотливаго. Старанья
Я приложу, чтобъ вкусъ изящный твой
Не оскорбить, цѣня твое вниманье.
Усталость ли была тому виной,
Зима, иль недостаточность питанья,—
Не вѣдаю; но русскимъ честь отдамъ:
Насилій приключилось мало тамъ.

CXXIX.

Лишь къ грабежу наклонность обнаружа,
Щадить прекрасный полъ былъ воинъ радъ.
Французы поступили бъ вѣрно хуже,
Но ихъ кумиръ, какъ знаютъ всѣ—развратъ.
Отчасти я приписываю стужѣ
Примѣрную воздержанность солдатъ.
Хоть были исключенья (ихъ всегда мы
Встрѣчаемъ)—мало пострадали дамы.

CXXX.

Во мракѣ потерпѣть пришлось такимъ,
Что храбреца бы обратили въ труса
При блескѣ дня. Винить за это ль дымъ,
Что ѣлъ глаза? Отсутствіе ли вкуса,
Иль свѣта, что всегда необходимъ,
Поспѣшность ли?—рѣшить я не беруся.
Отъ гренадеръ такъ натерпѣлись бѣдъ
Шесть одалискъ семидесяти лѣтъ.

CXXXI.

Иныхъ почтенныхъ дѣвъ—того не скрою—
Холодность опечалила солдатъ.
Готовыя пожертвовать собою
(Одинъ бы рокъ остался виноватъ!),
Надѣялись онѣ, мирясь съ судьбою,
Союзы заключить безъ всякихъ тратъ,
Какъ римляне съ сабинками. Легко ли
Все въ дѣвствѣ обрѣтаться противъ воли!

CXXXII.

Смущалися и вдовы зрѣлыхъ лѣтъ;
Бросая вопросительные взгляды,
Онѣ кричали: что жъ насилій нѣтъ?
И не могли скрывать своей досады;
Съ отвагою несясь на встрѣчу бѣдъ,
Онѣ просить не стали бы пощады;
Но принесла ль погоня за врагомъ
Желанный плодъ—нѣтъ свѣдѣній о томъ.

CXXXIII.

Суворовъ побѣдилъ, затмивъ собой
Тимура. Лишь пальбы умолкли громы,
Онъ написалъ кровавою рукой,
Въ виду домовъ горѣвшихъ, какъ солома,
Императрицѣ первый рапортъ свой,
Ей сообщая результатъ погрома:
«*Благодаренье Богу, слава Вамъ*»,
Писалъ онъ: «*крѣпость взята, и я тамъ*».

CXXXIV.

Ужасныя слова! Лишь изреченье,
Что прочиталъ на пирѣ Даніилъ,
Съ словами тѣми выдержитъ сравненье;
Хоть смыслъ его иной, конечно, былъ:
Пророкъ, читая Божье откровенье,
Надъ бѣдствіемъ народа не трунилъ,
Тогда какъ русскій вождь, съ Нерономъ пара,
Острилъ въ стихахъ при заревѣ пожара.

CXXXV [1]).

Подъ звуки стоновъ гимнъ побѣды громкій
Онъ написалъ. Тѣхъ ужасовъ забыть
Не можетъ міръ. Кровавые обломки
И камни я заставлю говорить
О гнетѣ зла, чтобъ вѣдали потомки,
Что власть не всѣхъ могла поработить;
Что мы стояли за права народа,
Хоть намъ была невѣдома свобода.

---

[1]) Октавы CXXXV, CXXXVI, CXXXVII смягчены въ переводѣ.

CXXXVI.

Ея мы не дождемся; но они,
Узнавъ ея волшебное сіянье,
Пусть проклинаютъ тягостные дни,
Плодившіе подобныя дѣянья!
Не лучше ли оставить ихъ въ тѣни,
Чтобъ сгинуло о нихъ воспоминанье!
Героя не сравню я съ дикаремъ:
Расписанъ онъ, но крови нѣтъ на немъ.

CXXXVII.

Читая съ страхомъ лѣтопись разврата,
О, внуки! на героевъ прежнихъ лѣтъ
Смотрите, изумленіемъ объяты.
Какъ смотримъ мы на мамонта скелетъ,
Дивясь тому, что могъ онъ жить когда-то;
Какъ созерцаетъ пирамиды свѣтъ,
Желаніемъ объятъ—хотя бъ случайно
Понять ихъ смыслъ и разгадать ихъ тайны.

CXXXVIII.

Читатели, сознаться вы должны,
Что я свои исполнилъ обѣщанья.
Любовныхъ сценъ и бури, и войны
Подробныя я сдѣлалъ описанья;
Къ эпическимъ должны быть причтены
Моей мечты правдивыя созданья;
Пою я безыскусственно вполнѣ,
Но Фебъ порою помогаетъ мнѣ.

CXXXIX.

Съ такой опорой твердою, украдкой
Могу я забавляться и шутить,
Но здѣсь съ моей поэмою-загадкой
Разстанусь и прерву разсказа нить;
Я утомленъ войной, и отдыхъ сладкій
Хочу себѣ на время разрѣшить;
Съ моимъ героемъ встрѣчусь я въ столицѣ,
Куда курьеромъ посланъ онъ къ царицѣ.

CXL.

За храбрость и за подвигъ громкій свой
Такой онъ удостоился награды;
Насытившись и кровью и рѣзней,
Хвалить поступокъ добрый люди рады,
Желая скрыть жестокость добротой.
Жуану данъ былъ орденъ; но отрады
Ему дарила больше во сто разъ
Та мысль, что онъ дитя отъ смерти спасъ.

CXLI.

Дитя осталось съ нимъ. Его лишила
Война родныхъ и крова. Цѣлый свѣтъ
Сталъ для него пустынею. Уныло
Молчалъ среди развалинъ минаретъ.
Глядя на блѣдный призракъ Измаила,
Жуанъ былъ потрясенъ и далъ обѣтъ
Не покидать невиннаго созданья,
И данное сдержалъ онъ обѣщанье.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

О, Веллингтонъ! благодаря французамъ,
Что съ радости и съ горя все острятъ,
Ты прозванъ Vilain-ton; но ты союзомъ
Съ всемiрною извѣстностью богатъ;
Хоть пенсiи твои тяжелымъ грузомъ
На злополучной родинѣ лежатъ.
Тебя вездѣ и всюду превозносятъ
И грязи комъ тебѣ въ лицо не бросятъ.

II.

Однакожъ, ты безчестно поступилъ
Съ Кинердомъ, не оставшись слову вѣренъ;
Къ тому же ты не разъ душой кривилъ;
Но сплетенъ повторять я не намѣренъ.
Себя ты предъ потомствомъ очернилъ,
А судъ его не будетъ лицемѣренъ!
Хоть ты достигъ весьма преклонныхъ лѣтъ,
Давно ль тебя призналъ героемъ свѣтъ?

III.

Британіи неимовѣрны траты,
Чтобъ наградить тебя; скажи, не ты ль,
Чиня Европы старыя заплаты,
Легитимизма вновь скрѣпилъ костыль?
Твоихъ дѣяній жалки результаты;
Поддерживать напрасно тлѣнъ и гниль!
Хоть Ватерло—блестящая эпоха,
Что жъ подвигъ твой такъ воспѣваютъ плохо?

IV.

Безспорно, ты „головорѣзъ“ лихой
(Тѣмъ прозвищемъ обязанъ ты Шекспиру),
Но пользу ли принесъ кровавый бой—
О томъ судить не королямъ, а міру;
Одинъ кружокъ лишь возвеличенъ твой
Да ты, что уподобился кумиру;
Другимъ же причинила только зло
Нещадная рѣзня при Ватерло.

V.

Я лести врагъ и замѣчаю пятна,
А ты съ ея ужъ свыкся языкомъ
И любишь восхваленья, что понятно:
Тебѣ пріѣлся вѣчныхъ схватокъ громъ;
Одна лишь похвала тебѣ пріятна;
Ты радъ, когда тебя зовутъ притомъ
Спасителемъ народовъ неспасенныхъ
И другомъ странъ досель порабощенныхъ.

VI.

Я высказалъ, что думалъ. Безъ заботъ
Садись за столъ; отъ трапезы богатой
Ты часовымъ, стоящимъ у воротъ,
Пошли подачку; и они когда то
Сражались, но нужды ихъ давитъ гнетъ;
Народъ безъ хлѣба; хоть не даромъ плата
Взимается тобою—на мой взглядъ
Ты часть пайка отдать бы могъ назадъ.

VII.

Я надъ твоею не глумлюся славой,
Да можно ли тебя критиковать?
Другія времена, другія нравы:
Примѣръ тебѣ не съ Цинцинната брать.
Ты, какъ ирландцы, любишь ѣсть приправы
Съ картофелемъ, но не тебѣ жъ пахать!
Ты полмильона взялъ,—сознаться надо,
Что черезчуръ ужъ велика награда.

VIII.

Въ былые дни наградъ не зналъ герой:
На похороны денегъ не оставилъ
Эпаминондъ, окончивъ путь земной;
Великій Вашингтонъ себя прославилъ,
Свободу даровавъ странѣ родной,
Но онъ иныхъ, чѣмъ ты, держался правилъ;
Хоть разорилъ свою отчизну Питтъ,
Но онъ вполнѣ былъ безкорыстный бриттъ.

IX.

Въ рукахъ имѣлъ ты власть, и, безъ сомнѣнья,
Спасти Европу могъ бы отъ цѣпей
И заслужить ея благословенья.
Что жъ сдѣлалъ ты для страждущихъ людей?
Такъ мало, какъ никто. За что жъ хваленья?
Не гимновъ ли отъ музы ждешь моей?
На Англію обрушились всѣ бѣды,—
Глядя на нихъ, кляни свои побѣды!

X.

Въ своихъ стихахъ я зло карать привыкъ;
Мнѣ сладкій голосъ лести ненавистенъ;
Внимая мнѣ, твой омрачится ликъ:
Въ газетахъ не прочтешь подобныхъ истинъ;
Дѣлами, но не духомъ ты великъ,
Къ тому же, далеко не безкорыстенъ.
Стремиться къ высшей цѣли ты не могъ,
И міръ, какъ прежде, бѣденъ и убогъ.

XI.

Смѣется смерть... Порвавъ съ землей оковы,
Намъ оставляетъ жизнь нѣмой скелетъ.
(Такъ скрывшееся солнце съ силой новой
Другимъ странамъ даритъ тепло и свѣтъ.)
Надъ чѣмъ въ тоскѣ мы слезы лить готовы,
Смѣется смерть; отъ ней пощады нѣтъ.
Скелета ротъ безъ губъ и безъ дыханья
Невольно насъ приводитъ въ содроганье.

XII.

Смотрите, какъ скелетъ, что глухъ и нѣмъ,
Смѣется съ злой гримасою надъ нами
И злобно издѣвается надъ тѣмъ,
Чѣмъ былъ недавно самъ. Когда крылами
До насъ коснется смерть, ее ничѣмъ
Не удалишь; костлявыми руками
Со всѣхъ содрать придется кожу ей.
(А кожа всякихъ платьевъ намъ цѣннѣй.)

XIII.

Смѣется смерть своимъ беззвучнымъ смѣхомъ,
И жизнь примѣръ съ нея должна бы брать;
Она могла бъ, служа ей вѣрнымъ эхомъ,
Всѣ призрачныя блага попирать,
Глумясь надъ славой, властью и успѣхомъ.
Ничтожества на насъ лежитъ печать.
Ничтожны мы, какъ капли въ бурномъ морѣ,
Да и земля лишь атомъ въ звѣздномъ хорѣ.

XIV.

„Быть иль не быть—вопросъ лишь только въ томъ",
Сказалъ Шекспиръ. Мечтой неуловимой
Я никогда не тѣшился, влекомъ
Любовью къ славѣ призрачной и мнимой.
Отраднѣй быть здоровымъ бѣднякомъ,
Чѣмъ Цезаремъ больнымъ; неоспоримо,
Что счастья дать не можетъ громъ побѣдъ,
Когда нельзя переварить обѣдъ.

XV.

O, dura ilia messorum! Надо
Латинской фразы сдѣлать переводъ
Для жертвъ катарра, что страшнѣе яда:
„Желудкомъ здравъ трудящійся народъ".
Инымъ добыть насущный хлѣбъ отрада;
Другихъ же только радуетъ доходъ.
Въ концѣ концовъ, счастливѣй тотъ, конечно,
Кто крѣпче спитъ, тоски не зная вѣчной

XVI.

Быть иль не быть?- такъ ставится вопросъ.
А жизнь, по мнѣ, таинственнѣй загадки;
Не мало мнѣній слышать мнѣ пришлось,—
И что жъ?—о ней понятія такъ шатки,
Что, право, всѣ они туманнѣй грезъ:
То ей хвалы, то на нее нападки;
Иные рады руки къ ней простерть;
Она же—если взвѣсить—та же смерть.

XVII.

Que sais-je?—девизъ Монтэня. Аксіомой
Считаютъ, что намъ чуждъ познаній свѣтъ,
Что съ бреднями однѣми мы знакомы
И что ни въ чемъ увѣренности нѣтъ;
Чужое принимаемъ за свое мы;
Познанья наши—только дѣтскій бредъ:
Такъ сбивчивы и шатки наши мнѣнья,
Что сомнѣваться можно и въ сомнѣньѣ.

XVIII.

Съ Пирրономъ мнѣ скитаться не съ руки;
По безднѣ мысли плавать безразсудно;
Опасности отъ бурь тамъ велики;
Нагрянетъ шквалъ—какъ разъ потонетъ судно;
Всѣ мудрецы—плохіе моряки;
Такъ плавать утомительно и трудно;
Не лучше ли пріютъ не берегу,
Гдѣ отдохнуть средь раковинъ могу?

XIX.

Съ тѣхъ поръ, какъ насъ, со всѣмъ животнымъ царствомъ
Сгубила Ева жадностью своей,
Молитва намъ должна служить лѣкарствомъ
Отъ всякихъ бѣдъ: такъ обратимся къ ней,
Чтобы найти исходъ своимъ мытарствамъ.
Безъ воли неба даже воробей
Не гибнетъ; но его проступки, гдѣ вы?
Ужъ не видалъ ли онъ паденья Евы?

XX.

Какъ часто грезы тѣшатъ насъ однѣ!
Что значитъ теогонія, о Боже?
Постичь и космогонію вполнѣ
Я не могу,—и филантроповъ тоже;
Что значитъ мизантропъ? скажите мнѣ!
Къ ихъ сонму причислять меня за что же?
Въ ликантропіи вижу только толкъ:
Такъ часто человѣкъ свирѣпъ, какъ волкъ!

XXI.

Я съ Меланхтономъ схожъ и Моисеемъ
Терпимостью и кротостью своей;
Никто меня не назоветъ злодѣемъ,
Хоть я порой не сдерживалъ страстей
И ходъ давалъ всегда своимъ идеямъ,
Но безъ причинъ не задѣвалъ людей.
За что жъ въ поэтѣ мизантропа видятъ?
За то, что люди правду ненавидятъ.

XXII.

Но вновь пора приняться за разсказъ.
Что онъ хорошъ—не сомнѣваюсь въ этомъ;
Хоть не совсѣмъ понятенъ онъ для васъ,
Все жъ остаюсь правдивымъ я поэтомъ.
Когда нибудь пробьетъ желанный часъ,
Когда онъ будетъ понятъ цѣлымъ свѣтомъ.
Теперь, его изгнаніе дѣля,
Одинъ его красой любуясь я.

XXIII.

Герой моей поэмы (вашъ онъ тоже,
Надѣюсь я) отправленъ въ Петроградъ,
Что создалъ Петръ Великій, силы множа,
Чтобъ тьмою не былъ край его объятъ.
Хвалить Россію въ модѣ, но за что же?
Мнѣ жаль, что самъ Вольтеръ кадить ей радъ;
Но въ этомъ брать примѣръ съ него не стану
И деспотизмъ карать не перестану.

XXIV.

Я выступить всегда готовъ бойцомъ,
Не только на словахъ, но и на дѣлѣ,
За мысль и за свободу. Съ тяжкимъ зломъ,
Что рабство создаетъ, мириться мнѣ ли?
Борьбу я увѣнчаю ль торжествомъ—
Не вѣдаю,—наврядъ достигну цѣли;
Но все, что человѣчество гнететъ,
Всегда во мнѣ противника найдетъ.

XXV.

Я вовсе не намѣренъ льстить народу;
Найдутся демагоги безъ меня,
Готовые всегда, ему въ угоду,
Все разрушать, толпу къ себѣ маня,
Чтобъ властвовать надъ ней. Зову свободу,
Но къ демагогамъ не пристану я;
Чтобъ равныя права имѣли всѣ мы,
Веду борьбу. (Увы, теперь всѣ нѣмы!)

XXVI.

Я всякихъ партій врагъ, и оттого
Всѣ партіи озлоблю, безъ сомнѣнья;
Но непритворны мнѣнія того,
Кто держится противнаго теченья.
Ничѣмъ не связанъ я и никого
Я не боюсь. Пусть, полны озлобленья,
Шакалы рабства поднимаютъ вой,—
Въ ихъ хорѣ не раздастся голосъ мой.

XXVII.

Съ шакалами, что близъ руинъ Эфеса
Стадами мнѣ встрѣчались, я сравнилъ
Противниковъ свободы и прогресса,
Которымъ голосъ лести только милъ
(Они безъ власти не имѣютъ вѣса;)
Не я шакаловъ этимъ оскорбилъ;
Шакалы кормятъ льва, тогда какъ эти
Для пауковъ лишь разставляютъ сѣти.

XXVIII.

Народъ, очнись отъ сна! не дай себя
Опутать ихъ зловѣщей паутиной;
Иди впередъ, тарантуловъ губя!
Бояться ихъ не будетъ ужъ причины;
Борись со зломъ, свои права любя!
Когда жъ протестъ раздастся хоть единый?
Теперь одно жужжанье тѣшитъ слухъ
Пчелъ Аттики и злобныхъ шпанскихъ мухъ.

XXIX.

Жуанъ курьеромъ посланъ былъ въ столицу
И важныя депеши везъ съ собой;
Въ нихъ посвятилъ шутливую страницу
Борьбѣ кровавой русскихъ силъ герой.
Побѣдою онъ радовалъ царицу,
Что на войну какъ на пѣтушій бой
Взирала, о потеряхъ не жалѣя,
Когда успѣхъ вѣнчалъ ея затѣи.

XXX.

Жуанъ въ кибиткѣ ѣхалъ. Хуже нѣтъ
Такой ѣзды. Когда дороги тряски,
Натерпишься не мало всякихъ бѣдъ;
Ѣзда такая стоитъ доброй таски.
Жуанъ, надеждой свѣтлою согрѣтъ,
Все видѣлъ только въ розовой окраскѣ;
Жалѣлъ, что не несетъ его Пегасъ,
Но о рессорахъ онъ вздыхалъ не разъ.

XXXI.

Жуанъ глядѣлъ съ заботливостью нѣжной
На спутницу свою. Тяжелый путь
Ее совсѣмъ разбилъ. Пустыней снѣжной
Толчки вамъ мнутъ бока и давятъ грудь;
Подъ гнетомъ ихъ страданья неизбѣжны.
О путникахъ не думаютъ ничуть;
Одна природа чинитъ здѣсь дорогу,
Все прочее принадлежитъ лишь Богу.

XXXII.

Онъ въ полномъ смыслѣ фермеръ этихъ странъ;
У насъ же въ эти тягостные годы
Злосчастный фермеръ скрылся, какъ туманъ.
Церера, у него отнявъ доходы
И всласть опустошивъ его карманъ,
Погибла съ Бонапартомъ въ часъ невзгоды.
Смѣшной контрастъ на умъ приходитъ мнѣ:
Палъ Цезарь—и овесъ упалъ въ цѣнѣ.

XXXIII.

Жуанъ смотрѣлъ на дѣвочку съ любовью.
Онъ спасъ ее; блестящъ такой трофей:
Онъ жало притупляетъ и злословью!
По мнѣ, Жуанъ за подвигъ свой славнѣй,
Чѣмъ шахъ Надиръ, что міръ забрызгалъ кровью
И всѣхъ дивилъ жестокостью своей.
(Желудкомъ онъ страдалъ и, злобы полный,
Любилъ смотрѣть, какъ крови льются волны.)

XXXIV.

Отраднѣй жизнь цвѣтущую спасти,
Даря участье долѣ сиротливой,
Чѣмъ, смерть неся, за лаврами идти,
Взрощенными залитой кровью нивой.
Душѣ не можетъ счастья принести
Похвалъ незаслуженныхъ голосъ льстивый:
Что слава, если совѣсть не чиста?—
Лишь звукъ пустой, лишь жалкая мечта!

XXXV.

Писатели! къ вамъ всѣмъ безъ исключенья
Я обращаюсь съ рѣчью,—къ тѣмъ изъ васъ,
Которые, продавъ заранѣ мнѣнья,
Въ налогахъ разныхъ видятъ счастье массъ,—
И къ бардамъ, сытымъ громомъ обличенья,
Которые, обидѣть не боясь
Стоящихъ у кормила, всюду трубятъ,
Что полъ-страны нужда и голодъ губятъ.

XXXVI.

Писатели!.. Но à propos de bottes
Я мысль свою забылъ! (И съ мудрецами
Не разъ такой случался эпизодъ!)
Хотѣлось мнѣ искусными словами
Всѣхъ успокоить—власти и народъ,
Миря лачуги съ пышными дворцами.
Я вѣрно бы безцѣнный далъ совѣтъ,
Но знаю, что его не приметъ свѣтъ.

XXXVII.

Когда нашъ міръ, изъ хаоса рожденный,
Вторично будетъ въ хаосъ превращенъ;
Когда онъ, на погибель обреченный,
Исчезнетъ въ мракѣ будущихъ временъ,
Разрушенный, раздавленный, сожженный,
И допотопнымъ міромъ станетъ онъ,—
Быть-можетъ, къ удивленію потомковъ,
Мой трудъ найдутъ среди другихъ обломковъ.

XXXVIII.

Въ томъ ничего несбыточнаго нѣтъ.
(Къ трудамъ Кювье питаю я почтенье.)
Разсматривать служившій намъ предметъ
Грядущія такъ будутъ поколѣнья,
Какъ смотримъ мы на мамонта скелетъ,—
Какъ смотримъ мы, полны недоумѣнья,
На остовы гигантовъ прежнихъ дней
И крокодиловъ сгинувшихъ морей.

XXXIX.

Георгъ четвертый, найденный нежданно,
Всѣхъ изумитъ фигурою своей.
Вопросъ, какъ добывалъ онъ кормъ желанный,
Чтобъ сытымъ быть, займетъ тогда людей,
Что карликами будутъ. Безпрестанно
Мельчаетъ въ мірѣ все съ теченьемъ дней,
И человѣкъ—хоть видятъ въ немъ кумира—
Лишь гробовой червякъ иного міра.

XL.

Когда народъ появится опять
И будетъ, снова не жалѣя силы,
Съ трудомъ свой хлѣбъ насущный добывать,
Пахать, молоть и жать,—съ тоской унылой,
Какъ мы, платить налоги, воевать,
Найдя случайно старыя могилы,
Не приметъ ли онъ за чудовищъ насъ,
Скелеты наши ставя на показъ?

XLI.

Увы! я философствую не въ мѣру,
Но „время соскочило съ колеи",
И я его послѣдовалъ примѣру:
Порывы не могу сдержать свои
И въ путь прямой давно утратилъ вѣру;
Всѣ то, что можетъ мнѣ на умъ придти,
Въ свои стихи вношу я безъ отсрочки,
Не зная тайны слѣдующей строчки.

XLII.

Хоть я блуждалъ не мало, перейти
Спѣшу, однакожъ, къ своему роману.
Героя я оставилъ на пути;
Но длинный путь описывать не стану.
(У многихъ описанія въ чести;
Мнѣ жъ—не до нихъ!) Я возвращусь къ Жуану,
Не тратя безполезно много словъ,
Въ столицѣ пышной крашеныхъ снѣговъ [1]).

XLIII.

И вотъ, въ одной изъ залъ дворца, съ толпою
Чиновъ двора и дамъ Жуанъ стоитъ,
Въ мундирѣ аломъ съ черною каймою;
Мундиръ ему даетъ блестящій видъ.
Чулки его плѣняютъ бѣлизною;
Надъ шляпою его султанъ дрожитъ,
Какъ рваный парусъ, бурею задѣтый;
Въ рейтузахъ онъ топазоваго цвѣта.

XLIV.

Какъ вылитый, мундиръ сидитъ на немъ.
Портной, какъ чародѣй, всегда представить
Имѣетъ рѣдкій даръ товаръ лицомъ,
Иглой, какъ бы жезломъ, умѣя править.
Жуаномъ всѣ любуются кругомъ.
Прошу на пьедесталъ его поставить,
И тотчасъ же предъ вами Купидонъ
Въ артиллериста будетъ превращенъ.

---

[1]) That pleasant capital of painted snows.

XLV.

Повязка, съ глазъ упавъ, послушна магу,
На шеѣ станетъ галстукомъ; колчанъ
Въ ножны преобразится, стрѣлы—въ шпагу,
Что ихъ острѣе; луку будетъ данъ
Видъ треуголки; крылышки, давъ тягу,
Вернутся эполетами. Въ обманъ,
Наряженъ такъ, введетъ онъ и Психею,
И за Амура будетъ принятъ ею.

XLVI.

Императрица улыбнулась. Дворъ
Смутился. Дамы всѣ пришли въ волненье;
Любимецъ дня склонилъ уныло взоръ.
(Не помню, кто тогда имѣлъ значенье.)
Такихъ не мало видѣли съ тѣхъ поръ,
Какъ началось блестящее правленье
Царицы. Всѣ временщики тогда
Большого роста были господа.

XLVII.

Жуанъ безъ бороды, и худъ, и строенъ,
Совсѣмъ не подходилъ фигурой къ нимъ;
Но онъ отличій всякихъ былъ достоинъ
И только по лицу былъ серафимъ.
Въ глаза бросалось, что онъ храбрый воинъ,
Притомъ же и въ страстяхъ неукротимъ.
Царица, схоронившая Ланского,
Такимъ, какъ онъ могла увлечься снова.

XLVIII- XLIX.

Легко понять, что взволновался тотъ,
Кто занималъ „довѣрья постъ высокій“.
Какъ этой фразы сдѣлать переводъ?
О, дамы, если смыслъ ея глубокій
Не ясенъ вамъ, не Кэстельри найдетъ
Загадки ключъ; рѣчей его потоки—
Пустой подборъ витіеватыхъ фразъ,
Что съ толку сбить легко сумѣютъ васъ.

L.

Совсѣмъ намъ сфикса этого не надо,
Котораго загадочны слова,
Но дѣйствія ясны! Ему отрада
Лишь попирать священныя права,
Которыя для смертнаго награда.
Не даромъ же клеймитъ его молва!
И безъ него найду я объясненье.
Вотъ анекдотъ, что не лишенъ значенья.

LI.

У итальянской дамы какъ-то разъ
Шутя спросила англійская дама:
— Скажите, въ чемъ обязанность у васъ
Кавалієръ-сервенте, что упрямо
Съ синьоръ замужнихъ не спускаетъ глазъ?“
Такъ итальянка отвѣчала прямо:
— „Чтобъ отношенья эти уяснить,
Вы ихъ должны себѣ вообразить“.

LII.

Прошу и васъ, читатели, теперь я
Себѣ вообразить, что дѣлалъ тотъ,
Кто занималъ „высокій постъ довѣрья“,
Дававшій деньги, силу и почетъ.
Не дорожить имъ—было бъ лицемѣрье:
Легко ль терять своей удачи плодъ?
И потому достигнувшіе цѣли
Со страхомъ на соперниковъ глядѣли.

LIII.

Наружностью Жуанъ былъ вѣрно схожъ
Съ Парисомъ, злымъ виновникомъ погрома
Злосчастной Трои. Свѣтъ черезъ него жъ
Узналъ судовъ бракоразводныхъ громы,
Кого они не приводили въ дрожь?
Исторія разводовъ мнѣ знакома.
Она гласитъ, что гибель Трои—счетъ,
Уплаченный впервые за разводъ.

LIV—LV.

О, ты всѣхъ belli teterrima causa!
Таинственная дверь небытія
И жизни—неба вѣчная угроза,
Ты и закатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заря!
Постичь тебя—несбыточная греза;
Какъ смертный палъ, того не знаю я,
Но ты съ тѣхъ поръ причина, безъ сомнѣнья,
Погибели его и возвышенья.

LVI.

Зовутъ тебя причиной всякихъ бѣдъ.
Воззрѣніе такое непонятно;
Мы чрезъ тебя раждаемся на свѣтъ
И отъ тебя къ тебѣ жъ идемъ обратно;
Міры ты населяешь; спора нѣтъ,
Все безъ тебя погибло бъ безвозвратно;
На почвѣ міра скудной и сухой
Ты—океанъ, несущій жизнь съ собою.

LVII.

Императрица миромъ и войною
Располагать по прихоти могла,—
И юношу, сіявшаго красою,
Съ почетомъ и радушьемъ приняла;
Когда же увидала предъ собою
Колѣнопреклоненнаго посла,
Остановилась вдругъ, не вскрывъ пакета,
Къ нему лучомъ сочувствія согрѣта.

LVIII.

Лишь мигъ на немъ остановивъ свой взоръ,
Она затѣмъ съ величіемъ царицы,
Скрывая чувствъ нахлынувшихъ напоръ,
Прочла депешъ хвалебныя страницы.
За ней слѣдилъ съ подобострастьемъ дворъ,
И вотъ съ ея улыбкою всѣ лица
Мгновенно прояснились. Красоты
Печать носили царскія черты.

LIX.

Она прочла о взятьи Измаила,
И слава торжествующимъ лучомъ
Ея лицо волшебно озарила;
Такъ тонетъ море въ блескѣ золотомъ
Восхода; но довольно ли ей было
Одной побѣды? Сухъ и подъ дождемъ
Песокъ нѣмыхъ пустынь; въ рѣкѣ кровавой
Готовъ купаться тотъ, кто жаждетъ славы.

LX.

Прочтя стихи Суворова, она
Невольно улыбнулася при этомъ.
(Фельдмаршала кровавая война
И груды труповъ сдѣлали поэтомъ!)
Количествомъ потерь потрясена,
Она на мигъ смутилась, но предъ свѣтомъ
Смятеніе свое сумѣла скрыть
И разомъ грустныхъ думъ прервала нить.

LXI.

Весь дворъ ея улыбка освѣтила,
И онъ расцвѣлъ, надеждою согрѣтъ,
Какъ послѣ злыхъ засухъ цвѣтникъ унылый,
Отъ ливня увидавшій снова свѣтъ.
Когда жъ императрица, что любила
Прекрасное не менѣе побѣдъ,
Окинула юнца привѣтнымъ окомъ,
Всѣ замерли въ волненіи глубокомъ.

LXII—LXIII.

Преградъ не допуская, ни помѣхъ,
Она прямымъ путемъ стремилась къ цѣли
И щедрою рукой дарила тѣхъ,
Которые ей угождать умѣли;
Кого хоть разъ увѣнчивалъ успѣхъ,
Того въ пути ужъ не страшили мели;
Хоть гнѣвъ ея народовъ не щадилъ,
Въ ней человѣкъ опору находилъ.

LXIV.

Загадки непонятныя—мужчины,
А женщины—подавно. Въ головѣ
У нихъ бушуютъ вихри и пучины,
Опасныя во всемъ ихъ существѣ;
Мѣняются ихъ мысли безъ причины,
Какъ вѣтеръ, шелестящій по травѣ...
Законъ для нихъ—одинъ порывъ сердечный!
Избиты эти истины, но вѣчны.

LXV.

Какъ трудно услѣдить за ходомъ думъ!
Сначала мысль о взятьи Измаила
Екатерины охватила умъ;
Затѣмъ она награды обсудила,
Не признавая дѣйствій наобумъ,
И, наконецъ, вниманье обратила
На юнаго гонца, что ей принесть
Былъ удостоенъ счастья эту вѣсть.

LXVI.

Жуанъ стоялъ въ тревожномъ ожиданьи
У ногъ Екатерины. Ею былъ
Замѣченъ онъ. Цѣня ея вниманье,
Съ надеждою онъ взоръ къ ней устремилъ.
Стоящимъ на горѣ среди сіянья
Меркурія Шекспиръ изобразилъ.
Найди Жуанъ надежную опору,
Взобраться бы и онъ сумѣлъ на гору.

LXVII.

Когда любви мы слышимъ сладкій гласъ
Не исподволь, а сразу сердцу милый,
Волшебный зовъ порабощаетъ насъ.
(Такъ разомъ спиртъ огонь вливаетъ въ жилы).
Сочувствіе, нежданно появясь,
Всѣ поглощаетъ жизненныя силы,
Другія чувства отгоняя прочь;
Лишь слезы осушить ему не въ мочь.

LXVIII.

Когда же самолюбіе при этомъ
Утѣшено отличьемъ, и для всѣхъ
Мы зависти становимся предметомъ,
Сочувствіе растетъ; намъ льститъ успѣхъ;
Быть отличеннымъ передъ цѣлымъ свѣтомъ
Не мало самолюбію утѣхъ
Приноситъ въ даръ, и хорошо ли, худо ль—
Намъ выказать свою отрадно удаль.

LXIX.

Жуанъ былъ въ тѣхъ годахъ, когда намъ милъ
Призывъ любви; когда, съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Борьбу со львами весть, какъ Даніилъ,
Готовы мы, съ отвагою во взорѣ,
И внутренно сжигающій насъ пылъ
Тушить готовы въ первомъ встрѣчномъ морѣ;
Такъ солнце гаситъ свѣтъ въ пучинѣ водъ,
Когда къ Ѳетидѣ свѣтлый богъ идетъ.

LXX.

И выгодно, и вмѣстѣ лестно было
Къ царицѣ въ милость случаемъ попасть;
Нещадно лишь враговъ она разила,
Но щедро награждать имѣла страсть.
Плѣнясь ея чарующею силой,
Къ ея ногамъ готовъ былъ всякій пасть,
И тотъ, кого царица отличала,
Вкушалъ лишь медъ, пчелы не слыша жала.

LXXI.

Она была во всемъ расцвѣтѣ лѣтъ;
Всѣхъ сѣрые глаза ея плѣняли;
Мы знаемъ, какъ всесиленъ этотъ цвѣтъ;
Такими же глазами обладали
Шотландская Марія и побѣдъ
Любимецъ, Бонапартъ. Мы всѣ слыхали,
Что и Минерва, чтобъ плѣнять людей
Такой же цвѣтъ избрала для очей.

LXXII.

Императрицы лестное вниманье,
Ея красы чарующій расцвѣтъ,
Съ величіемъ и властью въ сочетаньѣ,
Ея обворожительный привѣтъ,
Къ Жуану обращенный, средь собранья,
Гдѣ налицо былъ всей столицы цвѣтъ,—
Все это (я скрывать того не стану)
Совсѣмъ вскружило голову Жуану.

LXXIII.

Другого и не надо для любви;
Она лишь эгоизма проявленье
И самолюбья; легкій жаръ въ крови,
Что угасая, губитъ увлеченье;
Порою предъявлять права свои
Готова страсть; но это исключенье,
И потому любовь признать нельзя
За главную пружину бытія.

LXXIV.

Любви разнообразныхъ видовъ много;
Есть та любовь, что выдумалъ Платонъ;
Одна насъ заставляетъ жить для Бога;
Другая... (Но я риѳмою стѣсненъ—
Увы! поэта риѳма держитъ строго;
Гонясь за ней, онъ часто принужденъ
Грѣшить и противъ смысла). Въ заключенье
Есть чувственности страстныя стремленья.

LXXV.

Кто чувственности пламенемъ объятъ,
Тотъ къ женщинѣ стремится, какъ къ богинѣ.
Онъ передъ ней во прахъ склоняться радъ,
Уподобляя милую святынѣ.
Заря любви свѣтла, ея жъ закатъ
Уныло въ мракѣ тонетъ; жаль, что въ глинѣ
Какъ плѣнница, душа заключена,
Когда волшебныхъ грезъ она полна!

LXXVI.

Я чту любовь, что чествуетъ каноны
(Духовныхъ лицъ доходныя статьи).
Любви безгрѣшной также чту законы;
Но есть еще и третій родъ любви,
Которому извѣстныхъ лѣтъ матроны
Дарятъ усердно помыслы свои
И, сохраняя прежніе союзы,
Къ нимъ подбавляютъ тайныхъ браковъ узы.

LXXVII.

Иду опять проселочнымъ путемъ,
Но больше философствовать не стану;
Анализовъ довольно; перейдемъ
Теперь опять, читатели, къ роману.
Царицы неожиданный пріемъ,
Какъ вамъ извѣстно, голову Жуану
Совсѣмъ вскружилъ; она жъ смутила Дворъ,
На юношу привѣтный бросивъ взоръ.

LXXVIII.

Во всѣхъ углахъ шептаться дамы стали;
У старыхъ обозначились яснѣй
Морщины, что бѣлила прикрывали;
Съ улыбочками дамы въ цвѣтѣ дней
Другъ другу эту вѣсть передавали;
Не мало привела она людей
Въ отчаянье; отъ зависти и злобы
Заплакали и важныя особы.

LXXIX.

Царицею замѣченный, Жуанъ
Немедленно привлекъ къ себѣ вниманье
Пословъ и представителей всѣхъ странъ;
Всѣ полагать имѣли основанье,
Что постъ ему высокій будетъ данъ;
. . . .
. . . .
. . . .

LXXX—LXXXI.

Царица, добротой всегда согрѣта,
Ее умѣла проявлять во всемъ;
Какъ передъ ней блѣдна Елизавета,
Скупая и бездушная притомъ,
Которая, любимца сживъ со свѣта,
Старухой умерла, скорбя о немъ!
Ея и злость, и скаредность, понятно,
На санъ ея и полъ бросаютъ пятна.

LXXXII.

Окончился пріемъ; со всѣхъ сторонъ
Къ Жуану понеслися поздравленья
Посланниковъ; толпою окруженъ
Красивыхъ дамъ, пылавшихъ отъ волненья,
Заискиваньемъ ихъ онъ былъ почтенъ.
Къ героямъ дамы чувствуютъ влеченье.
. . . .
. . . .

LXXXIII.

Всеобщаго вниманія предметомъ,
Причинъ тому не зная, сталъ Жуанъ;
Спокойно относился онъ къ привѣтамъ,
Какъ будто съ малолѣтства важный санъ
Его ужъ пріучилъ царить надъ свѣтомъ;
Ему самой природою былъ данъ
Тотъ свѣтскій лоскъ, что принадлежность знати.
Не много говорилъ Жуанъ, но кстати.

LXXXIV.

Затѣмъ императрицею самой
Былъ порученъ особому вниманью
Высокихъ лицъ поручикъ молодой,—
И свѣтъ, ея послушенъ приказанью,
Къ нему отнесся съ лаской и хвалой.
Непостояненъ свѣтъ; его вліянью
Опасно поддаваться; жалокъ тотъ,
Кто въ немъ обрѣсть надѣется оплотъ.

LXXXV.

Здѣсь отдохну, и вотъ остановилъ я
Пегаса; до ужасной высоты
Добрался онъ, но тяжкія усилья
Измучили его; отъ дурноты
Кружится голова; какъ мельницъ крылья,
Пестрѣютъ предо мной мои мечты;
Чтобъ мозгъ и нервы привести въ порядокъ,
Спущусь въ луга—тамъ отдыхъ будетъ сладокъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

I.

Увидѣвъ разъ, какъ яблоко упало,
Смущенный тѣмъ явленіемъ, Ньютонъ
Открылъ (хоть я ученымъ вѣрю мало)
Всемірный тяготѣнія законъ.
Когда молва не ложь распространяла,
То со временъ Адама первый онъ
Сумѣлъ найти звено соединенья
Межъ яблокомъ и слѣдствіемъ паденья.

II.

Отъ яблокъ пали мы; но этотъ плодъ
Возвысилъ снова родъ людской убогій
(Коль вѣренъ приведенный эпизодъ).
Проложенная Ньютономъ дорога
Страданій облегчила тяжкій гнетъ;
Съ тѣхъ поръ открытій сдѣлано ужъ много,
И вѣрно мы къ лунѣ когда-нибудь,
Благодаря парамъ, направимъ путь.

III.

Вы спросите: зачѣмъ вступленье это?
А потому, что въ сердцѣ пышетъ жаръ
И вдохновеньемъ грудь моя согрѣта.
Я міру не принесъ открытій въ даръ
И ниже тѣхъ, что, къ удивленью свѣта,
Изобрѣли и телескопъ, и паръ,
И противъ вѣтра шли; но къ ихъ союзу
Хочу пристать, призвавъ на помощь музу.

IV.

Я также противъ вѣтра плылъ и волнъ;
Бороться и донынѣ продолжаю;
Про землю позабывъ, отваги полнъ,
По океану вѣчности блуждаю;
Средь грозныхъ волнъ плыветъ мой утлый челнъ,
А бѣшенымъ валамъ не видно краю!
Но онъ, несясь впередъ, проходитъ тамъ,
Гдѣ гибель бы грозила кораблямъ.

V.

Вернусь къ Жуану. Свѣтлая дорога
Лежала передъ нимъ; онъ лишь вкушалъ
Завидный плодъ веселаго пролога,
Но злой судьбы превратностей не зналъ.
О, музы! (мнѣ всегда ихъ служитъ много)
За нимъ нейдите дальше пышныхъ залъ!
Скажу лишь, что Жуанъ, годами юный,
Осыпанъ былъ щедротами фортуны.

VI.

Но счастью можно ль ввѣриться вполнѣ?
Какъ птичка, упорхнуть оно готово.
Давидъ поетъ: „О, крылья дайте мнѣ,
Чтобъ, улетѣвъ, покой нашелъ я снова!“
Кто въ старости не плачетъ о веснѣ?
Кому не милы отзвуки былого?
И кто бъ не промѣнялъ, когда бы могъ,
Хрипъ старости на юношескій вздохъ?

VII.

Но молкнетъ вздохъ, хотя судьба коварна;
Слезъ (даже вдовьихъ) грустные слѣды
Стираются. Такъ затопляетъ Арно
Весною всю окрестность, а воды
Въ ней лѣтомъ нѣтъ. На почвѣ благодарной
Людского горя—сочные плоды;
Они всегда обильны; счесть ихъ гдѣ же?
Но пахари работаютъ не тѣ же.

VIII.

Однакожъ многихъ губитъ жизни путь;
Былыя муки этому причиной;
Не вздохъ любви, а кашель сушитъ грудь,
И раннія являются морщины.
Приходится глаза навѣкъ сомкнуть
До срока многимъ; тяжкій гнетъ кручины
Въ могилу сводитъ ихъ. О, счастливъ тотъ,
Кто кончилъ съ жизнью тягостный разсчетъ!

IX.

Но смерть Жуану вовсе не грозила;
Случайно возвеличенный судьбой,
Онъ ликовалъ; его и не страшила
Непрочность всякой радости земной;
За холодъ, что декабрь несетъ уныло,
Возможно ль презирать іюньскій зной?
Умнѣе запастись, конечно, лѣтомъ
На холодъ злой зимы тепломъ и свѣтомъ.

X.

Притомъ, Жуанъ былъ качествъ полнъ такихъ,
Что женщинъ среднихъ лѣтъ въ восторгъ приводятъ,
Но не дѣвицъ. Увы! любовь для нихъ
Загадка. Мысли ихъ въ туманѣ бродятъ;
Онѣ о страсти знаютъ лишь изъ книгъ
И томно глазъ своихъ съ небесъ не сводятъ.
По солнцу и годамъ нельзя, по мнѣ,
Ихъ возрастъ исчислять, а по лунѣ.

XI.

Измѣнчива луна и непорочна;
Вотъ почему такъ выразился я;
Причины не найдете вы побочной;
Но въ сказанномъ (правдивость не цѣня)
Всѣ будутъ тайный смыслъ искать нарочно,
Чтобъ такъ, какъ Джеффри, уязвить меня.
Но онъ—мой другъ, я мстить ему не стану;
Зачѣмъ же растравлять больную рану?

XII.

Когда сталъ другомъ врагъ—безчестенъ онъ,
Вновь уязвляя стрѣлами своими;
Я злобою такою возмущенъ.
Какъ съ чеснокомъ, съ людьми ужиться злыми
Нельзя. Враговъ нѣтъ хуже новыхъ женъ
И отставныхъ любовницъ. Вмѣстѣ съ ними
Грѣшно идти тому, кто пересталъ
Быть недругомъ и клятву въ дружбѣ далъ.

XIII.

Гдѣ не клеймятъ отступничествъ позорныхъ?
Бобъ Соути, перебѣжчикъ, лжецъ,—и тотъ,
Попавъ въ вонючій хлѣвъ пѣвцовъ придворныхъ,
Къ противникамъ наврядъ ли перейдетъ.
Нигдѣ измѣнъ не переносятъ черныхъ
И флюгеровъ вездѣ презрѣнье ждетъ;
Постыдно наносить тогда удары,
Когда лишился силъ противникъ старый.

XIV.

Не оставляя ничего въ тѣни,
Юристъ и критикъ видятъ только пятна.
Живя людскими распрями, они
Все замѣчаютъ и имъ все понятно.
Мы, большинство, свои проводимъ дни,
Не видя жизни стороны обратной;
Юристъ же, какъ хирургъ, ища изъянъ,
Старается извѣдать тайны ранъ.

XV.

Юристъ всегда въ грязи, того не скроемъ;
Какъ нравственности жалкій трубочистъ,
Всегда покрытъ онъ сажи толстымъ слоемъ;
Смѣнивъ бѣлье, онъ все жъ не будетъ чистъ;
Онъ превращенъ въ змѣю житейскимъ строемъ;
Но вы, о Джеффри, праведный юристъ
И носите (величья въ васъ такъ много!)
Плащъ адвоката цесарскою тогой.

XVI.

Теперь, загладивъ старые грѣхи,
Съ былымъ врагомъ, въ меня метавшимъ громы
(Насколько могутъ ссорить насъ стихи
И критика озлобленные томы),
Хочу я выпить за былые дни,
За Auld Lang Syne *). Мы съ вами незнакомы;
Быть-можетъ и не встрѣчусь съ вами я,
Но вашу честность не хвалить нельзя.

XVII.

Хотя не прочь поддаться я желанью
Васъ чествовать, но посвятилъ не вамъ
Мечты объ Auld Lang Syne,—воспоминанью.
На половину я шотландецъ самъ
По крови и совсѣмъ—по воспитанью.
Скептически прошу къ моимъ словамъ
Не отнестись,—я не шучу ни мало;
Мысль о быломъ мнѣ душу взволновала.

---

*) Доброе старое время.

XVIII.

Когда слова завѣтныя звучатъ,
Шотландіи родной мнѣ снятся горы;
Ея потоковъ свѣтлыхъ шумный рядъ;
Балгунскій мостъ надъ бездною; уборы
Красивыхъ дѣвъ и пестрый ихъ нарядъ;
Въ прошедшее я устремляю взоры,
И много дѣтскихъ грезъ и нѣжныхъ тайнъ
Мнѣ въ памяти рисуетъ Auld Lang Syne.

XIX.

Хотя, въ припадкѣ риѳмъ и озлобленья,
Шотландцамъ (юность мстительна всегда!)
Тяжелыя нанесъ я оскорбленья,—
Не въ силахъ мимолетная вражда
Въ насъ заглушить былыя впечатлѣнья;
Въ себѣ шотландца ранилъ я тогда,
Но не убилъ его, и съ прежнимъ пыломъ
О „краѣ рѣкъ и горъ" *) мечтаю миломъ.

XX.

Отчасти былъ идеалистъ Жуанъ,
Но на реальной почвѣ. Трудно очень
Намъ распознать, что—правда, что—обманъ;
Межъ тѣломъ и душой союзъ непроченъ.
Одной душѣ удѣлъ безсмертья данъ,
А человѣкъ и тѣломъ озабоченъ.
Что ждетъ его, узнать желаетъ онъ,
Но скрыты тайны будущихъ временъ.

---

*) Стихъ Вальтеръ-Скотта въ «Послѣднемъ Трубадурѣ».

XXI.

Жуана шло успѣшно обрусенье.
(Вотъ вамъ примѣръ, слѣпой судьбы игры)!
Кто устоитъ предъ силой искушенья,
Когда она обильные дары
Несетъ съ собой? Двора увеселенья,
Побѣды, танцы, выходы, пиры.
Безъ счета деньги—для него все это
Ледъ превращали въ рай и холодъ—въ лѣто.

XXII.

Его ласкалъ, какъ прежде, Дворъ и свѣтъ;
Хоть постъ, имъ занимаемый, порою
И утомлялъ его—бѣды въ томъ нѣтъ;
Легко мириться юношѣ съ судьбою,
И трудъ не въ трудъ, когда мы въ цвѣтѣ лѣтъ;
Тогда мы бредимъ славой и войною,
Любви невольно признавая власть;
Лишь въ старости въ насъ дышетъ къ деньгамъ страсть.

XXIII.

Средь молодежи праздной и развратной
Герой мой жизнь разгульную повелъ;
Губя въ насъ свѣжесть чувства безвозвратно,
Такая жизнь плодитъ не мало золъ;
На нравственность она бросаетъ пятна,
Будя въ насъ эгоизмъ и произволъ
Даря страстямъ. Душа тогда забыта
И какъ улитка въ раковинѣ скрыта.

XXIV.

О нѣжной связи дамы среднихъ лѣтъ
Съ поручикомъ красивымъ я не стану
Распространяться долго. Средства нѣтъ
Спастися отъ тяжелаго изъяна
Бѣгущихъ дней; царямъ покоренъ свѣтъ,
Одной природѣ дѣла нѣтъ до сана;
Гдѣ жъ демократовъ вы найдете злѣй
Морщинъ, враговъ и лести, и цѣпей?

XXV.

Смерть—царь царей и вмѣстѣ Гракхъ вселенной.
Ея законъ, не признающій кастъ,
Равняетъ всѣхъ. Бѣднякъ, трудомъ согбенный,
И властелинъ—въ земли ничтожный пластъ
Обращены ей будутъ неизмѣнно;
И тотъ клочокъ земли лишь жатву дастъ,
Когда ихъ совершится разложенье,
Смерть—нигилистка *), въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.

XXVI.

Межъ тѣмъ Жуанъ веселый тѣшилъ нравъ,
Ища повсюду только наслажденій;
Случайно въ край медвѣжьихъ шкуръ попавъ,
Кружился онъ средь вихря развлеченій
И суеты. Хоть я и не лукавъ
И не терплю напрасныхъ осужденій,
Но думаю, что шкуры медвѣдей
Пугаютъ взоръ средь роскоши затѣй.

---

*) Reformer—радикалъ. Смерть (Death) по-англійски муж. рода.

XXVII.

Ту жизнь, что велъ Жуанъ, боясь укора,
Не опишу, хоть съ нею я знакомъ,
Но я, увы! добрался ужъ до „бора“ *),
Что Дантъ воспѣлъ. Кто очутился въ немъ,
Тотъ съ юностью проститься долженъ скоро
И, проливая слезы о быломъ,
Стремиться долженъ къ старости убогой,
Идя съ трудомъ пустынною дорогой.

XXVIII.

Поменьше разсуждать себѣ зарокъ
Я далъ; мнѣ философія постыла;
Но мнѣ такой обѣтъ пойдетъ ли впрокъ?
Порою думъ неотразима сила;
Къ намъ мысль бѣжитъ, какъ къ матери щенокъ,
Какъ травы льнутъ къ скаламъ, какъ къ губкамъ милой
Льнетъ поцѣлуй... Но такъ какъ жажду я
Читателей найти,—сдержу себя.

XXIX.

Ухаживать всѣ стали за Жуаномъ;
Лишь онъ не увивался за толпой;
Какъ въ скакунѣ породистомъ и рьяномъ,
Въ немъ чистокровность видѣлась. Красой
И юностью плѣнялъ онъ, стройнымъ станомъ,
Отвагою, одеждой дорогой,
Но важный постъ, имъ занятый недавно,
Его успѣховъ былъ причиной главной.

*) Ma ritrovai per un selva oscura.—«Inferno», Canto I.

XXX.

Онъ написалъ въ Испанію роднымъ.
Узнавъ, что онъ въ блестящемъ положеньи
И очень пригодиться можетъ имъ,
Они отвѣтъ, ни медля ни мгновенья,
Ему послали. Снилась ужъ инымъ
Въ Россію эмиграція. Въ волненьи
Они твердили: „шубу заведешь—
И Петербургъ съ Мадридомъ станетъ схожъ!"

XXXI.

Жуана мать, узнавъ, что денегъ мало
У своего банкира сынъ беретъ
(Расходы умѣряя), написала,
Что свой привѣтъ ему за это шлетъ.
Отъ тратъ она его остерегала
И прибавляла, что уменъ лишь тотъ,
Кто, бурныхъ удовольствій избѣгая,
Живетъ, безумно денегъ не мотая.

XXXII.

Мадоннѣ и Христу о немъ молясь,
Его просила въ Папу вѣрить свято,
Отнюдь, однакожъ, явно не глумясь
Надъ ересью, соблазнами богатой.
Сказавъ, что вновь семьей обзавелась,
Поздравила его съ рожденьемъ брата;
Затѣмъ царицу стала восхвалять
За то, что обошлася съ нимъ какъ мать.

XXXIII.

Она ее за то вѣнчала славой,
Что молодежи ходъ она даетъ,
За Донъ-Жуана не боялась нравы
Заботливая мать. Гдѣ солнце жжетъ,
Тамъ страсть порою льетъ свои отравы;
Въ странѣ жъ такой, гдѣ холодно весь годъ,
Гдѣ никогда почти не таютъ льдины,
И нравственности таять нѣтъ причины.

XXXIV.

Хотѣлъ бы лицемѣрье я хвалить
(Прибѣгнувъ даже къ лести самой грубой),
Какъ добродѣтель—пасторы. Имъ чтить
Лишь на словахъ ее, конечно, любо.
Для этого желалъ бы я добыть
Архангеловъ иль серафимовъ трубы
Иль даже старой тетушки рожокъ;
Чтобъ громъ хвалы пойти могъ людямъ впрокъ.

XXXV.

Не зная лицемѣрья, безъ сомнѣнья,
Старушка въ рай попала безъ труда.
Межъ праведными райскія селенья
Раздѣлятся въ день страшнаго суда,
Такъ раздробилъ саксонскія владѣнья
Вильгельмъ Завоеватель. Онъ тогда
Всѣ разомъ раздѣлилъ чужія земли,
Мольбамъ людей ему служившихъ внемля.

XXXVI.

Однако же не мнѣ тужить о томъ!
Мои два предка множество угодій
Себѣ пріобрѣли такимъ путемъ.
Сдирать въ тѣ годы шкуру было въ модѣ,
Не церемонясь съ попраннымъ врагомъ;
Мои жъ два предка при большомъ доходѣ
Съ имѣній тѣхъ церквей воздвигли рядъ,
Чѣмъ оправдали сдѣланный захватъ.

XXXVII.

Жуанъ и въ счастьѣ сходенъ былъ съ мимозой,
Прикосновеній не терпя ничьихъ.
(Такъ королямъ стихи тошнѣе прозы,
Когда не Соути славный авторъ ихъ!)
Возможно, что наскучили морозы
Герою моему; въ мечтахъ своихъ,
Быть можетъ, онъ стремился къ солнцу юга
И бредилъ красотой въ часы досуга.

XXXVIII.

Быть можетъ... Но догадокъ скуденъ плодъ,
Лишь въ фактахъ дѣло. Рѣдкій гость отрада;
Могильный червь всегда свое возьметъ;
Увы! ему невѣдома пощада.
Въ концѣ концовъ судьба представитъ счетъ;
Сердись иль нѣтъ, а заплатить все надо;
Безъ горя и тревогъ нельзя прожить:
То давитъ скорбь, то надо долгъ платить.

XXXIX.

Но вдругъ... (не знаю, какъ случилось это)
Слегъ Донъ-Жуанъ, къ смятенію Двора.
Придворный врачъ, мужъ дѣла и совѣта,
(Который прежде пользовалъ Петра),
Упадокъ силъ считая злой примѣтой,
Рѣшилъ, что онъ опасенъ. Доктора
Удвоили микстуры; Дворъ смутился,
И ликъ царицы скорбью омрачился.

XL.

Въ догадкахъ всѣ терялись. Слухъ прошелъ,
Что Донъ-Жуанъ Потемкинымъ отравленъ.
Болтали, что онъ самъ себя извелъ,
Всѣ силы истощивъ (трудомъ подавленъ,
Что для него былъ черезчуръ тяжелъ);
Иными же былъ иначе поставленъ
Вопросъ: по увѣреньямъ тѣхъ господъ,
Его сгубилъ Суворовскій походъ.

XLI.

Вотъ какъ врачи пеклися о Жуанѣ:
Mannae optim. ʒ v. Sodae sulphat.
Aquae fervent. Tinctura haustus Sannae
(Тутъ врачъ ему поставилъ банокъ рядъ).
R. Pulv. Com. gr. iij. Ipecacuanhae
(Сердить врача порой Жуанъ былъ радъ).
Bolus Potassae sulphurat. Sumendus
Et haustus ter in die capiendus.

XLII.

Такъ лѣчатъ и порою губятъ васъ
Врачи, secundum artem. Мы надъ ними
Посмѣиваться любимъ и не разъ
Язвили ихъ насмѣшками своими;
Когда же раздается смерти гласъ
И Лета насъ волнами роковыми
Готова поглотить, мы въ тотъ же мигъ
Къ себѣ на помощь призываемъ ихъ.

XLIII.

Жуану не на шутку смерть грозила,
Но крѣпкая натура верхъ взяла,
И сталъ онъ выздоравливать, но сила
Къ нему вернуться разомъ не могла,
И блѣдность лика ясно говорила,
Что не совсѣмъ болѣзнь его прошла.
(Врачи нашли, замѣтя ту истому,
Что южный зной необходимъ больному).

XLIV.

Среди снѣговъ—увы!—не можетъ цвѣсть
Привыкшее къ теплу растенье юга.
Царицу огорчила эта вѣсть,
Но, видя, что онъ гаснетъ отъ недуга
И климата не можетъ перенесть,
Рѣшилась, наградивъ его заслуги,
Торжественно его отправить въ даль,
Хоть бросить ей любимца было жаль.

XLV.

Какъ разъ тогда, уловками богаты,
Какой то разбирали договоръ
Межъ Англіей и Русью дипломаты.
Торговые вопросы жаркій споръ
Межъ ними возбуждали и трактаты
О плаваньи причиной были ссоръ.
Морей мы никому не уступаемъ
И „uti possidetis“ только знаемъ.

XLVI.

И вотъ Жуанъ назначенъ былъ посломъ,
Чтобъ какъ-нибудь уладить это дѣло.
Блеснуть своимъ могуществомъ притомъ
Царица горделивая хотѣла.
Ему чрезъ день назначенъ былъ пріемъ.
(Любимцевъ отличать она умѣла!)
Особою инструкціей снабженъ,
Жуанъ былъ ею щедро награжденъ.

XLVII.

Во всѣхъ дѣлахъ ей улыбалось счастье;
Но счастіе—удѣлъ вѣнчанныхъ женъ.
Какъ объяснить слѣпой судьбы пристрастья—
Не знаю, но таковъ судьбы законъ.
Открыто выражать свое участье
Царица не могла: безстрастенъ Тронъ;
Но такъ ее смутилъ отъѣздъ больного,
Что постъ его не вдругъ былъ занятъ снова.

XLVIII—XLIX.

Жуанъ готовъ; карета подана
Изящнаго и царственнаго вида;
Царица, съ Ифигеніей сходна,
Въ ней посѣтила нѣкогда Тавриду.
Жуану ей она подарена;
И вотъ онъ скоро скроется изъ виду,
Россію покидая. Экипажъ
Своимъ гербомъ герой украсилъ нашъ.

L.

Въ каретѣ, не враждуя межъ собою,
Съ нимъ были: чижъ, бульдогъ и горностай;
Животныхъ онъ любилъ, того не скрою.
(Кто хочетъ, эту странность объясняй!)
Такъ любятъ дѣвы старыя порою
Котятъ и птицъ, которымъ съ ними рай.
Но сходствомъ тѣмъ язвить его за что же?
Онъ не былъ старъ и дѣвой не былъ тоже.

LI.

Въ другихъ каретахъ, чинно размѣстясь
(Секретарей и слугъ не мало было),
Жуана свита вслѣдъ за нимъ неслась.
Съ нимъ рядомъ помѣщалася Леила,
(Малютку чудомъ онъ отъ смерти спасъ
Въ зловѣщій день погрома Измаила.)
Хоть съ Музою не мало я бродилъ,
Жемчужины Востока не забылъ.

LII.

Серьезна и нѣжна была красотка;
Такіе типы поражают насъ,
Какъ, по словамъ Кювье, дивитъ находка
Средь мамонтовъ костей погибшихъ расъ;
Опасно въ жизнь вступать съ душою кроткой
И любящей--судьба заѣстъ какъ разъ.
Но десять лѣтъ всего малюткѣ было:
Невѣдома въ тѣ дни страданій сила.

LIII.

Любимый ей, Жуанъ ее любилъ.
Конечно, было свято чувство это,
Но рѣдко мы такой встрѣчаемъ пылъ;
Къ роднымъ другой любовью грудь согрѣта.
Чтобъ быть отцомъ, онъ слишкомъ молодъ былъ;
Въ своей семьѣ же братскаго привѣта
Онъ не встрѣчалъ. Жуанъ, сестру имѣй,
Какъ горько бъ тосковалъ въ разлукѣ съ ней!

LIV.

Жуанъ былъ чистъ душою, хоть не тѣломъ,
И думъ въ себѣ порочныхъ не таилъ.
(Развратникъ только льнетъ къ плодамъ незрѣлымъ,
Чтобъ возбуждать въ крови остывшій пылъ;
Такъ щелочи ключомъ вскипаютъ бѣлымъ
Отъ кислоты.) Хоть онъ порой грѣшилъ,
Поддаться искушеніямъ готовый,
Но платонизмъ былъ чувствъ его основой.

LV.

Какъ патріоты любятъ край родной,
Такъ онъ любилъ невинное творенье,
Гордяся тѣмъ, что отъ неволи злой
Спасъ дѣвочку. Онъ думалъ путь спасенья
Ей указать при помощи святой
Благочестивыхъ лицъ. Предположенья
Порою и ошибочны: вѣрна
Традиціямъ осталася она.

LVI.

Никакъ не соглашалася Леила
Перемѣнить религіи своей;
Увы! святую воду мало чтила
И съ ужасомъ глядѣла на ханжей;
На исповѣдь къ аббатамъ не ходила
(Грѣховъ, быть можетъ, не было за ней)
И, относясь презрительно къ урокамъ,
Все Магомета славила Пророкомъ.

LVII.

Она чуждалась назареевъ злыхъ;
Лишь для Жуана дѣлала изъятье;
Онъ замѣнилъ ей близкихъ и родныхъ,
Ей спасши жизнь,—и онъ свои объятья
Какъ братъ ей открывалъ. Хоть годы ихъ
И рознились, а также и понятья,
Отсутствіе межъ ними всякихъ узъ
Еще сильнѣй скрѣпляло ихъ союзъ.

LVIII.

Чрезъ Польшу, что подъ тяжкимъ стонетъ игомъ,
Въ Курляндію свой путь направилъ онъ;
Тамъ герцогомъ, благодаря интригамъ,
Бездушный Биронъ былъ провозглашенъ.
(Искусство въ томъ, чтобъ пользоваться мигомъ!)
Дорогой той же шелъ Наполеонъ,
Чтобъ въ дѣйствіе привесть свои угрозы;
Но взяли верхъ надъ кесаремъ морозы.

LIX.

„О, гвардія моя!"—низринутъ въ прахъ,
Такъ восклицалъ богъ, слѣпленный изъ глины.
Тотъ ореолъ, что онъ стяжалъ въ бояхъ,
Похоронили снѣжныя равнины.
Но жизнь порой таится и въ снѣгахъ:
Кто видѣлъ Польши свѣтлыя картины,
Тотъ знаетъ, что раждаетъ пламя ледъ,
Какъ только о Косцюшкѣ рѣчь зайдетъ.

LX.

Въ богатый Кенигсберъ, что Кантъ прославилъ,
Затѣмъ попалъ мой вѣтреный герой;
Но онъ, сознаюсь въ томъ, ни въ грошъ не ставилъ
Философовъ, и путь дальнѣйшій свой
Въ Германію, безъ отдыха, направилъ,—
Страну, гдѣ полный умственной застой,
Гдѣ гражданъ, все переносить готовыхъ,
Такъ шпоритъ власть, какъ жалкихъ клячъ почтовыхъ.

LXI.

Проѣхавъ черезъ Дрезденъ и Берлинъ,
Добрался онъ до древнихъ замковъ Рейна.
Какъ чуденъ видъ готическихъ руинъ!
Все дышетъ въ нихъ и прелестью, и тайной,
Кто бъ не хотѣлъ, глядя на рядъ картинъ,
Плѣняющихъ красой необычайной,
Узнать легенды этихъ мшистыхъ плитъ!—
И въ глубь временъ невольно мысль летитъ.

LXII.

Жуанъ Мангеймъ увидѣлъ величавый
И посѣтилъ затѣмъ красивый Боннъ,
Гдѣ Драхенфельсъ стоитъ, какъ призракъ славы,
Какъ грозный призракъ рыцарскихъ временъ.
(Но недосугъ мнѣ посвящать октавы
Тѣмъ временамъ.) Былъ въ Кельнѣ также онъ;
Одиннадцати тысячъ дѣвъ невинныхъ
Тамъ кости спятъ на кладбищахъ старинныхъ.

LXIII.

Оттуда онъ въ Голландію попалъ
И видѣлъ Гаги пестрыя постройки.
Тамъ, что ни шагъ, плотина иль каналъ;
Народъ безъ можжевеловой настойки
Не можетъ дня прожить; но я слыхалъ,
Что запретить ему хотятъ попойки;
Какъ перенесть ему такой запретъ?
Чѣмъ будетъ онъ насыщенъ и согрѣтъ?

LXIV.

Сѣвъ на корабль, вотъ къ острову свободы
Понесся Донъ-Жуанъ, судьбой гонимъ;
Подъ кораблемъ, шумя, клубились воды
И вѣтеръ дулъ съ стенаніемъ глухимъ.
Морской недугъ, столь дружный съ непогодой,
Замучилъ всѣхъ. Жуанъ же свыкся съ нимъ;
На палубѣ бродя, онъ край желанный
Старался разглядѣть въ дали туманной.

LXV.

Вотъ заблестѣлъ какой то бѣлый валъ,
И мѣловыя скалы Альбіона
Жуанъ, смутясь, въ туманѣ увидалъ
На сѣроватомъ фонѣ небосклона.
Онъ видѣть торгашей давно желалъ,
Которые товары и законы
Повсюду разсылаютъ и съ морей
Взимаютъ дань, гордясь казной своей.

LXVI.

Я Англіи обязанъ лишь рожденьемъ,
И у меня причинъ особыхъ нѣтъ
Ее любить; но вижу съ сожалѣньемъ,
Что гибнетъ славный край, дивившій свѣтъ
И силою своею и значеньемъ.
Въ разлукѣ съ нимъ живу я много лѣтъ
И, позабыть успѣвъ вражду былую,
Жалѣю отъ души страну родную.

LXVII.

О, еслибъ только знать она могла,
Какъ за ея коварство всѣ народы
Ее клеймятъ! Проклятья безъ числа
Ей дружно шлютъ, надѣясь въ часъ невзгоды
Вонзить ей въ сердце ножъ; она жъ была
Когда то свѣтлой вѣстницей свободы;
Теперь не то: ей милъ лишь звонъ цѣпей;
Сковать и мысль отрадно было бъ ей.

LXVIII.

Ее, порабощенную, едва ли
Свободною назвать рѣшимся мы:
Всѣ націи въ оковахъ; не она ли—
Зловѣщій сторожъ мрачной ихъ тюрьмы,
Опора тѣхъ, что кандалы сковали?
Свобода жаждетъ свѣта, а не тьмы;
Тюремщика жъ плачевна такъ же доля,
Какъ и того, чью жизнь гнететъ неволя.

LXIX.

Корабль присталъ; кипѣла жизнь вокругъ;
Жуанъ увидѣлъ Дувра *дорогого* *)
Таможню; зданій свѣтлый полукругъ;
Пакботы, что ограбить васъ готовы;
Отель съ толпой снующихъ всюду слугъ
И, наконецъ... (увы, не можетъ слово
О немъ понятья дать!) длиннѣйшій счетъ,
Что въ день отъѣзда кельнеръ подаетъ.

*) Байронъ сдѣлалъ каламбуръ на слово: dear, т. е. милый и также обходящійся дорого.

LXX.

Хотя Жуанъ былъ не скупого нрава
И о богатой не тужилъ казнѣ,
Но счетъ отеля (плодъ мечты лукавой)
Его смутилъ. Съ нимъ не мирясь вполнѣ,
Все жъ долженъ былъ онъ расплатиться. Право
Дышать свободнымъ воздухомъ въ странѣ,
Гдѣ свѣтлый солнца лучъ хоть и рѣденекъ,
Конечно, если взвѣсить, стоитъ денегъ.

LXXI.

Эй, лошадей! Въ Кентербери впередъ!
Какъ кони быстро мчатся по дорогѣ!
Въ Германіи совсѣмъ не то васъ ждетъ;
Тамъ путника везутъ, какъ возятъ дроги
Съ покойникомъ; къ тому жъ, возница пьетъ
Все время шнапсъ; и какъ ни будьте строги,
Ферфлухтеромъ язвя его не разъ,
Быстрѣе все жъ не повезетъ онъ васъ.

LXXII.

Какъ красный перецъ вкусъ даетъ приправамъ,
Такъ кровь волнуетъ быстрая ѣзда,
Восторгъ и упоеніе даря вамъ.
Когда впередъ не горькая нужда
Васъ гонитъ, сладко пользоваться правомъ
Летѣть стремглавъ, не вѣдая куда,
И тѣмъ для насъ отраднѣй та утѣха,
Чѣмъ менѣе важна причина спѣха.

LXXIII.

Въ Кентербери соборъ имъ показалъ
Церковный стражъ, держась обычныхъ правилъ:
Плиту, гдѣ Бекетъ, другъ свободы, палъ,
И шлемъ, что Черный Принцъ въ бояхъ прославилъ.
Какой же результатъ громъ славы далъ?
Какіе по себѣ слѣды оставилъ?
Чредой промчались годы, и затѣмъ
Остался лишь скелетъ да ржавый шлемъ.

LXXIV.

Жуану шлемъ отважнаго героя
И Бекета унылый мавзолей
Напомнили великое былое;
За то погибъ служитель алтарей,
Что, міръ отъ зла спасая и застоя,
Хотѣлъ права умѣрить королей.
Леила, обративъ на храмъ вниманье,
Спросила: „для чего такое зданье?“

LXXV.

Сказали ей, что это Божій домъ;
Она нашла, что помѣщенье Бога
Красиво, но дивилася, что въ немъ
Невѣрныхъ терпитъ онъ, мечетей много
Разрушившихъ; жалѣла и о томъ,
Что Магометъ не взялъ того чертога,
Который брошенъ (такъ казалось ей),
Какъ жемчугъ передъ сонмищемъ свиней.

LXXVI.

Впередъ къ лугамъ! Живая зелень луга
Влечетъ къ себѣ. Поэтъ ей больше радъ,
Чѣмъ роскоши плѣнительнаго юга,
Что свѣтлыми картинами богатъ.
На лугъ, подобный саду, какъ на друга,
Глядитъ поэтъ и, нѣжностью объятъ,
Забыть готовъ, на немъ покоя взоры,
Снѣга, вулканы, пропасти и горы.

LXXVII.

О кружкѣ пива я бы вспомнить могъ;
Но нѣтъ,—боюсь заплакать! Съ быстротою
Летитъ впередъ Жуанъ, красой дорогъ
Любуясь и свободною толпою,
Снующею по нимъ. Тотъ уголокъ
Какъ не назвать прекраснѣйшей страною?
И если злой зоилъ ее бранитъ,
То самъ себѣ онъ этимъ лишь вредитъ.

LXXVIII.

Люблю шоссе. Безъ всякаго мученья
И за свои не опасаясь дни,
Сходны съ орломъ парящимъ, въ упоеньи
Вы мчитесь по нему. Будь искони
Устроенъ этотъ путь, тамъ, безъ сомнѣнья,
Катаясь, Фебъ лучи бы лилъ свои.
Но васъ въ пути ждетъ легкая отрава:
Surgit amari aliquid *)—застава.

---

*) Вдругъ появляется нѣчто горькое.

LXXIX.

Для всякаго расплата—острый ножъ.
Маккіавель, всѣхъ правящихъ учитель,
Гласитъ: „тяжелъ повинностей платежъ!
Вы съ подданнымъ не ссорясь жить хотите ль—
Его казну не трогайте. И что жъ?
Убей его семью, родныхъ властитель,—
Простить все это подданный бы могъ,
Но денежный онъ не проститъ налогъ".

LXXX.

Ложилась тѣнь, когда объятъ волненьемъ,
Жуанъ на холмъ взобрался, что глядитъ
На Лондонъ (имъ гордяся иль съ презрѣньемъ—
Загадку эту кто жъ намъ разъяснитъ?).
Жуанъ смотрѣлъ съ невольнымъ упоеньемъ
На Лондона необычайный видъ,
Дивясь его могуществу и силѣ...
О, гордый бриттъ! Жуанъ на Шутерсъ-Гиллѣ!

LXXXI.

Какъ изъ вулкана гаснущаго, дымъ
Надъ городомъ носился чернымъ паромъ.
Столицу съ видомъ сумрачнымъ своимъ
„Гостиной Сатаны" зовутъ не даромъ!
Хотя Жуанъ былъ въ Англіи чужимъ,
Но онъ не могъ не относиться съ жаромъ
Къ народу, что часть міра разгромилъ,
Другую часть лишивъ отъ страха силъ.

LXXXII.

Рядъ темныхъ крышъ, кирпичныхъ зданій кучи:
Гарь, копоть, грязь, царящія кругомъ;
Высокихъ мачтъ на Темзѣ лѣсъ дремучій,
Гдѣ парусъ скрытъ отъ взоровъ даже днемъ;
Огромный куполъ, цвѣта мрачной тучи,
Что схожъ вполнѣ съ дурацкимъ колпакомъ
На головѣ шута; рядъ темныхъ башенъ—
Вотъ Лондонъ, что всегда унылъ и страшенъ.

LXXXIII.

Но не таковъ былъ Донъ-Жуана взглядъ:
Онъ находилъ, что эти тучи дыма
Вселенной благоденствіе сулятъ;
Что польза ихъ вполнѣ неоспорима;
Хоть солнца свѣтъ онѣ собой мрачатъ
И копоть ихъ порой невыносима,—
Онъ находилъ (счастливый оптимистъ!),
Что воздухъ свѣжъ, здоровъ и даже чистъ.

LXXXIV.

Какъ мой герой, здѣсь на минуту стану.
(Такъ дѣлаетъ команда корабля,
Готовя залпъ.) Но скоро вновь къ роману
Вернусь; отчизнѣ время удѣля,
Ей много истинъ выскажу. Обману
И клеветѣ служить не въ силахъ я;
Язвить же буду всѣхъ лишь правдой голой,
Какъ миссисъ Фрей, но лишь другого пола.

LXXXV.

О, миссисъ Фрей! ошибоченъ разсчетъ
Учить добру преступниковъ Ньюгета;
Гораздо больше пользы принесетъ
Разоблаченье тайнъ большого свѣта.
Идея переучивать народъ
Безсмысленна вполнѣ, поймите это;
Сначала (не теряя даромъ словъ)
Его исправить надо вожаковъ.

LXXXVI.

Скажите имъ, что грѣшныя забавы
Одинъ позоръ приносятъ старикамъ;
Что время имъ свои исправить нравы,
Не предаваясь юношескимъ снамъ;
Что съ толку ихъ сбиваетъ сонмъ лукавый
Наемщиковъ продажныхъ; что шутамъ,
Фальстафамъ жалкимъ сгорбленнаго Галя,
Ввѣряться стыдно, родину печаля.

LXXXVII.

Скажите имъ, что надо позабыть
Тщеславіе, когда ужъ смерть готова
Похитить ихъ, и для добра лишь жить.
Скажите имъ... однакожъ, вы ни слова
Не скажете, а я ужъ, можетъ-быть,
И лишнее сказалъ; но скоро снова
Раздастся голосъ мой, правдивъ и строгъ,
Какъ въ Ронсево Роланда мощный рогъ!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ „ДОНЪ-ЖУАНУ“ *).

(КЪ ПЕРВЫМЪ ДЕСЯТИ ПѢСНЯМЪ).

*) Составитель настоящихъ примѣчаній не касался тѣхъ мѣстъ, примѣчанія къ которымъ сдѣланы уже въ текстѣ самимъ переводчикомъ. *П. В.*

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Касательно тѣхъ поэтовъ, къ которымъ Байронъ обращается въ «Посвященіи», см. примѣчанія къ 205-й окт. 1-й пѣсни и нѣкоторыя другія.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Октава 2-я. „Принцъ Фердинандъ, Гаукъ, Кеппель, Го, Вермонъ“ и т. д. Все это—англійскіе полководцы и фельдмаршалы 18-го стол.

Тамъ же. „Какъ девять поросятъ единой матки...“ См. Шекспировскаго «Макбета», д. 4-е, сц. 1-я. Тамъ предъ Макбетомъ проходятъ тѣни девяти королей, а не задолго предъ тѣмъ, въ той же сценѣ, вѣдьма налила въ волшебный котелъ «крови свиньи, которая сожрала своихъ девять поросятъ».

Окт. 5. „Забыты Джервисъ, Нельсонъ, Дунканъ, Го“. Извѣстные дѣятели англійскаго флота.

Окт. 10. „Жуана добродѣтельная мать“. Существовало и существуетъ мнѣніе (повидимому, основанное на фактическихъ данныхъ, но на самомъ дѣлѣ произвольное, какъ и многое, касающееся связи между разными подробностями произведеній Байрона и его собственною жизнью,—мнѣніе, что въ лицѣ отца и матери Донъ-Жуана авторъ изобразилъ отчасти своихъ собственныхъ родителей, преимущественно мать.

Окт. 13. „И превращала, обсуждая тему, слова въ загадку, мысли въ теорему“. Байронъ, въ своихъ разговорахъ съ Медвиномъ, между прочимъ, такъ отзывался о своей матери: «у леди Байронъ бывали хорошія мысли, но она никогда не умѣла выражать ихъ, какъ слѣдуетъ. Она писала также стихи; но они удавались ей только случайно. Письма ея были всегда загадочны,

а часто совсѣмъ непонятны. Она находилась въ подчиненіи у того, что называла твердыми правилами и принципами, которыя составила для себя метаматическимъ способомъ».

Окт. 11. „Какъ Ромильи, ученый человѣкъ...“ Самуилъ Ромильи, потерявъ жену, чрезъ нѣсколько дней послѣ того съ горя лишилъ себя жизни. Онъ сдѣлалъ много нравственнаго и матеріальнаго вреда и Байрону, и его семейству еще въ то время, когда Байронъ былъ въ Англіи. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ, поэтъ, вспоминая о своихъ врагахъ, между прочитъ говоритъ: «придетъ нѣкогда день возмездія, если бы даже я самъ не дожилъ до него. По крайней мѣрѣ, дожилъ я уже до того, что увидѣлъ въ гробѣ Ромильи, бывшаго однимъ изъ моихъ мучителей...» Байронъ называетъ его здѣсь «стражемъ законовъ», потому что Ромильи, въ своихъ преслѣдованіяхъ поэта и его семейства дѣйствовалъ яко бы на основаніи законовъ.

Окт. 21. „Порою вѣеръ роль меча играетъ“. См. хронику Шекспира «Генрихъ IV» (д. 2-е, сц. 3-я), слова Перси: «я бы разбилъ этому мошеннику голову вѣеромъ его жены».

Окт. 26. „...Часъ насталъ, когда пожаръ семейный запылалъ“. Въ этихъ словахъ и во всей этой октавѣ видятъ намекъ на извѣстныя отношенія между Байрономъ и его женой.

Окт. 27. „Она врачамъ вдругъ заявила мнѣнье, что мужъ ея сошелъ съ ума“. Это дѣйствительно было сдѣлано женою поэта, и она посылала къ нему доктора для изслѣдованія его психическаго состоянія; но Байронъ, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ Медвиномъ, свидѣтельствуетъ, что она дѣйствовала въ этомъ случаѣ не по собственной инициативѣ, а по побужденію своей матери, которая ненавидѣла зятя.

Окт. 28. „Она журналъ его грѣшковъ вела и напоказъ достала писемъ ворохъ“. Здѣсь опять комментаторы имѣютъ въ виду одно письмо Байрона, въ которомъ онъ разсказываетъ, что жена его, ища законныхъ поводовъ къ разводу, однажды взломала ящикъ въ его письменномъ столѣ, и, найдя тамъ нѣсколько писемъ къ поэту отъ одной замужней женщины, съ которою онъ былъ въ связи до своей женитьбы, отправила ихъ къ мужу этой дамы.

Окт. 36. „Да, много, много выстрадалъ бѣднякъ...“ и т. д. Въ

этихъ стихахъ можно также усматривать личные намеки, если имѣть въ виду слѣдующія слова одного изъ писемъ Байрона, гдѣ онъ вспоминаетъ время своего развода: «я предпочелъ бы ядъ или кинжалъ, все, все—лишь бы только не придуманную для меня пытку въ виду опустошенія, среди котораго мнѣ приходилось сидѣть одинокому у своего очага и смотрѣть на лежавшихъ вокругъ меня въ развалинахъ моихъ домашнихъ пенатовъ. Неужели вы думаете, что я когда-либо могу забыть это или забуду?..»

Окт. 47. „*Но Августинъ святой, высокочтимый*" и т. д. до конца октавы. Св. Августинъ въ своей знаменитой «Исповѣди» разсказываетъ о себѣ, какъ о ненавидѣвшемъ въ юности ученье больше чумы, кравшемъ у отца все, что онъ могъ украсть, ужасномъ лгунѣ и т. п.

Окт. 56. „*Когда, рыдая, скрылся Боабдилъ...*" Боабдилъ — послѣдній мавританскій король Гренады.

Окт. 64. „*Прелюбодѣя не щадитъ законъ: коль согрѣшилъ—по таксѣ платитъ онъ*". Такое правило существуетъ въ англійскомъ законодательствѣ.

Окт. 79. „*Кумиръ воздвигнулъ ей Платонъ*". Здѣсь рѣчь о такъ называемой «платонической» любви, ученіе о которой было сочинено греческимъ философомъ Платономъ, построившимъ его на принципѣ тяготѣнія человѣка къ божеству.

Окт. 86. „*Какъ миссъ Медея римскаго поэта*". Рѣчь идетъ объ изображеніи—весьма вольномъ—Медеи у Овидія въ его поэмѣ «Ars amandi», т. е. «Искусство любить» (вѣрнѣе бы назвать «Искусство волочиться»).

Окт. 88. „*Гдѣ слиты безопасность съ упоеньемъ, тамъ свѣтлый рай для любящей души*". Это стихи поэта Кемпбелля (Campbell); но Байронъ дѣлаетъ примѣчаніе, что цитируетъ ихъ на память.

Окт. 95. „*Боскана онъ читалъ иль Гарсилласа...*" Испанскіе поэты второй половины 16-го стол. Писали въ духѣ и стилѣ Петрарки.

Окт. 104. „*Въ твореньяхъ сладкогласнаго поэта Анакреона Мура*". Томасъ Муръ—современникъ и другъ Байрона, талантъ котораго авторъ «Донъ-Жуана» ставилъ очень высоко. Анакреономъ называетъ онъ его здѣсь потому, что Муръ прославился

своими переводами Анакреона, а также благодаря «анакреонтическимъ» свойствамъ его собственной поэзіи.

Окт. 120. „Когда предъ Аристотелемъ грѣшу“. Т.-е. нарушаю нѣкоторыя изъ правилъ, установленныхъ греческимъ философомъ Аристотелемъ въ его «Поэтикѣ»—теоріи поэзіи.

Окт. 148. „Графъ О'Рельи, храбрый генералъ, что взялъ Алжиръ...“ Историческая невѣрность: графъ О'Рельи не взялъ Алжира, а послѣ долговременной осады (въ 1775 г.) отступилъ отъ него съ большимъ урономъ.

Окт. 166. „Чѣмъ въ бочкѣ, словно Кларенсъ, утонуть“. Король Эдуардъ IV утопилъ своего брата, герцога Кларенса, въ бочкѣ вина мальвазіи.

Окт. 189. „Имъ занялась вся англійская пресса“ и т. д. По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, Байронъ и здѣсь намекаетъ на свой собственный бракоразводный процессъ, о которомъ на всѣ лады трубила англійская періодическая печать.

Окт. 198. „Съ такимъ девизомъ: Elle vous suit partout“. Этотъ девизъ былъ вырѣзанъ на печати самого Байрона.

Окт. 205. „Вѣрь въ Мильтона и Попе“ и т. д. Мильтона, знаменитаго автора «Потеряннаго Рая» (1608—1678), Байронъ ставилъ на ряду съ Шекспиромъ и Гомеромъ. Существовало даже мнѣніе, что «Потерянный Рай» послужилъ отчасти образцомъ и матеріаломъ для Байроновскаго «Каина».—Попъ (1688—1744) былъ представителемъ французскаго классицизма въ Англіи и довелъ англійскій стихъ до высшей степени строгаго изящества и правильности; при этомъ онъ отличался еще сатирическимъ талантомъ, который особенно въ его поэмѣ «Дунсіада», и прославился какъ моралистъ (особенно сочиненіемъ «Опытъ о человѣкѣ»). У Попа и при его жизни, и долго послѣ смерти, было очень много поклонниковъ и подражателей, цѣнившихъ его далеко выше его поэтическаго достоинства. Байронъ тоже отзывался о немъ, какъ о «величайшемъ (!) имени въ англійской поэтической литературѣ», и когда возникла полемика на счетъ достоинствъ этого поэта, принялъ въ ней горячее участіе и явился однимъ изъ самыхъ безпощадныхъ противниковъ тѣхъ, кто смотрѣлъ на Попа иными глазами.—Вордсвортъ

(1770—1850), Соути (1774—1843) и Кольриджъ (1773—1834) были главными представителями такъ называемой «Озерной» школы (ибо поэты ея, находившіеся между собою въ тѣсной дружбѣ, жили на Кумберлэндскихъ озерахъ), витавшей болѣе въ мірѣ фантазіи, чѣмъ дѣйствительности; всѣ эти трое, особенно Вордсвортъ и Кольриджъ, имѣли несомнѣнныя поэтическія достоинства, и Байронъ, признавая ихъ, тѣмъ не менѣе относился къ всей «Озерной» школѣ враждебно, главнымъ образомъ потому, что она, бывшая сперва на сторонѣ либеральныхъ, даже революціонныхъ идей, перешла потомъ въ строго-консервативный лагерь. Въ этомъ отношеніи стрѣлы его сатиры съ особенною жестокостью обрушивались на Соути, котораго онъ прямо вызывалъ «отступникомъ», «ренегатомъ» и т. п. послѣ того, какъ Соути, получивши званіе *poeta laureatus*, началъ съ ожесточеніемъ преслѣдовать, пуская въ ходъ даже литературные доносы, молодую школу поэтовъ, которую онъ называлъ «сатаническою» и во главѣ которой ставилъ Байрона, какъ истинное исчадіе ада.—Крабъ (1754—1835), даровитый авторъ эпическихъ поэмъ (переведенныхъ въ отрывкахъ и на русскій языкъ): «Деревня», «Мѣстечко» и др.—Роджерсъ принадлежалъ тоже къ «Озерной» школѣ; Байронъ отдавалъ ему преимущество передъ многими другими и по личнымъ съ нимъ дружескимъ отношеніямъ, и за сатирическую жилку въ его стихотвореніяхъ.—Кемпбелль—поэтъ той же школы, менѣе выдающійся.—О Мурѣ см. примѣч. къ окт. 104.

Окт. 206. „Съ поэтомъ Сотби сходства не ищи“. Сотби—весьма посредственный поэтъ, писавшій на Байрона множество самыхъ гнусныхъ пасквилей и доносовъ.

Окт. 209. „Журналу „British“ бабушки моей...“ Этотъ журналъ—«British Review»; исторію о взяткѣ здѣсь Байронъ выдумалъ, чтобы заклеймить вообще недобросовѣстность какъ этого изданія, такъ и другихъ, главнымъ образомъ, относительно его самого; отсюда и «памфлетный» характеръ обвиненія, такъ какъ Байронъ часто давалъ волю излишнему личному раздраженію въ тѣхъ случаяхъ, когда его затрогивали. Послѣ появленія двухъ первыхъ пѣсенъ «Донъ-Жуана», редакторъ «British Review»

разругалъ ихъ и тутъ же выразилъ свое негодованіе противъ пасквиля на него въ 209 и 210 окт. 1-й пѣсни. Байронъ на это отвѣчалъ юмористическимъ письмомъ.

Окт. 212. „*Nonego hoc ferret*“ и т. д. Стихъ Горація, означающій: «Я не вынесъ бы этого въ моей жаркой юности при консулѣ Планкѣ (т.-е. юности, которую я пережилъ въ ту пору, когда консуломъ былъ Планкъ) (?).

Окт. 217. „*Я говорю, какъ Бэкона кумиръ*...“ О монахѣ Бэконѣ (которому приписывается нѣкоторыми изобрѣтеніе пороха) легенда разсказываетъ, что онъ сдѣлалъ изъ желѣза голову, которая имѣла даръ слова и между прочимъ произносила слова: «Time is! Time was! Time's past!» т.-е. «Время наступило! Время было! Время прошло!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Окт. 24. „*Понесся Донъ-Жуанъ на корабль*“ и т. д. Критики, разразившіеся бранью на «Донъ-Жуана» (а ихъ было не мало), между прочимъ обвиняли поэта и въ плагіатѣ, указавъ, что подробности кораблекрушенія, составляющія содержаніе нѣсколькихъ октавъ 2-й пѣсни, заимствованы авторомъ изъ описанія кораблекрушенія, сдѣланнаго, на основаніи собственнаго опыта, дѣдомъ поэта, командиромъ Байрономъ, въ 1768 г. Нелѣпое и недобросовѣстное въ художественномъ отношеніи, это обвиненіе имѣло, однако, фактическое основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что Байронъ, дѣйствительно, пользовался описаніемъ дѣда, какъ собраніемъ *документовъ*; да онъ не только не скрывалъ этого обстоятельства, но даже—что совершенно основательно—придавалъ ему цѣну, когда, напр., въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ своему издателю, Муррею, замѣчалъ, по поводу этого обвиненія въ плагіатѣ, что въ его поэтическомъ разсказѣ «каждая, заключающаяся тамъ подробность, не вымышлена, а происходила на самомъ дѣлѣ», «конечно,—прибавилъ онъ,—не въ одномъ какомъ-нибудь кораблекрушеніи, а во многихъ». И въ октавѣ 137-й этой же пѣсни онъ прямо говоритъ, что страданія его героя во время этого кораблекрушенія были такія же, «какія описаны въ разсказѣ его дѣда».

Окт. 55. „Душъ до двухсотъ разсталося съ тѣлами“ и т. д. По поводу этой октавы, Т. Муръ, находившійся въ то время въ разладѣ съ Байрономъ, выражаетъ свое неудовольствіе на автора за смѣшеніе здѣсь такимъ язвительно-насмѣшливымъ образомъ двухъ, совершенно противоположныхъ между собою, элементовъ: того, что Муръ называетъ въ этомъ случаѣ «уничтоженіемъ человѣчества»—съ его страданіями; по мнѣнію Мура, такъ не поступилъ бы поэтъ, «менѣе Байрона погружавшійся съ наслажденіемъ въ разнородность своего таланта и менѣе его гордившійся ею». Но, повторяемъ, Муръ въ то время относился вообще недоброжелательно къ Байрону; впрочемъ, онъ тутъ же прибавляетъ, что «въ этой плачевной и непріятной для другихъ склонности смѣшивать разнородные элементы человѣческой натуры, Байронъ оставался вѣрнымъ, даже черезчуръ вѣрнымъ, дѣйствительности».

Окт. 66. „Не мало бѣдъ и Арго перенесъ“. Арго — миѳическій корабль, на которомъ названные по его имени аргонавты, съ Язономъ во главѣ, ѣздили добывать золотое руно.

Окт. 83. „Вы вспомните, какъ, кончивъ повѣсть, радъ былъ грызть врага въ гееннѣ Уголино“. Данте, въ своемъ путешествіи по аду («Адъ», пѣснь 33-я), встрѣчаетъ тамъ, въ числѣ мучащихся преступниковъ, флоретинскаго вельможу Уголино, который, разсказавъ поэту о причинѣ своего заточенія въ адъ, принимается затѣмъ снова за свое постоянное занятіе—грызетъ голову своего заклятаго врага, архіепископа Руджіери.

Окт. 105. „Такую одержать пришлось побѣду—Леандру, мнѣ и мистеръ Экенгеду“. Байронъ, отличавшійся необыкновеннымъ искусствомъ въ плаваніи, блистательно доказалъ его тѣмъ, что въ маѣ 1810 г., подобно древнему миѳическому Леандру, переплылъ Геллеспонтъ, на протяженіи трехъ съ половиною миль. Этотъ tour de force онъ исполнилъ въ сообществѣ лейтенанта Экенгеда.

Окт. 155. „Невольно къ Пазифаѣ мысль летитъ“. Пазифая, въ одномъ изъ древнихъ миѳовъ, находилась въ связи съ быкомъ, и отъ этого союза родилось чудовище Минотавръ, полубыкъ, полу-человѣкъ.

Окт. 201. „Такія жъ есть, что, наръзвившись вдоволь, романы пишутъ...“ Въ этихъ стихахъ Байронъ (какъ онъ самъ объясняетъ) намекаетъ на леди Ламбъ, написавшую романъ «Гленарвонъ», въ герои котораго она, злившаяся на Байрона по разнымъ личнымъ причинамъ, выставила автора «Чайльдъ Гарольда», но въ самомъ фальшивомъ свѣтѣ и придумавъ такія подробности, которыхъ на самомъ дѣлѣ никогда не было. Тѣмъ не менѣе, плохой романъ ея имѣлъ успѣхъ, потому что всѣ искали въ его героѣ Байрона.

Окт. 203. „Какъ Кэстельри, идя путемъ обычнымъ“. Мнѣніе Байрона о министрѣ Кэстельри (маркизѣ Лондондерри), см. въ посвященіи къ «Донъ-Жуану». Поэтъ, бывшій большимъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, питалъ такую ненависть къ этому сановнику, надѣлавшему много зла Англіи, что клеймилъ его—и словесно, и письменно—при всякомъ удобномъ случаѣ. См. и ниже, въ предисловіи Байрона къ 7-й и 8-й пѣснямъ, и др.

Окт. 205. „Сафо, что обидъ не мало нанесла тебѣ предъ свѣтомъ! (Ея скала надъ моремъ все виситъ)“. Говоря объ «обидахъ», Байронъ имѣетъ въ виду лежавшее въ древности на поэтессѣ Сафо обвиненіе (впослѣдствіи оказавшееся несправедливымъ) въ томъ, что она занималась такъ называемою «лесбосскою» любовью.—«Скала», о которой упоминается здѣсь, та, съ которой Сафо бросилась въ море вслѣдствіе своей безнадежной любви къ Фаону.

Окт. 207. „И Аристипъ, и Эпикуръ“. Греческіе философы, проповѣдывавшіе пользованіе всѣми жизненными благами и наслажденіями.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Окт. 8. „Ужель Петрарка“ и т. д. Знаменитая Лаура, которую Петрарка воспѣвалъ всю жизнь во множествѣ стихотвореній, была женою маркиза де-Садъ.

Окт. 47. „И твердъ душой, какъ Гвельфъ, вѣнца достоинъ“. Т. е. королевскаго вѣнца (у Байрона буквально: «достоинъ управлять государствомъ»). «Подъ Гвельфомъ, — замѣчаетъ одинъ

комментаторъ,—Байронъ понимаетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ англійскую королевскую фамилію».

Окт. 55. *„Духъ, что смѣлыхъ выходцевъ направилъ въ Колхиду"*. Это—аргонавты, отправившіеся въ Колхиду за золотымъ руномъ (см. окт. 66-ую 2-й пѣсни).

Окт. 57. *„Въ циклопа разъяреннаго"*. Рѣчь объ одноглазомъ циклопѣ Полифемѣ (о которомъ разсказываетъ Гомеръ въ «Одиссеѣ»), пришедшемъ въ бѣшенство, когда его окончательно ослѣпилъ Улиссъ.

Окт. 66. *„Ханжѣ названье методиста мило"*. Методисты—одна изъ англиканскихъ религіозныхъ сектъ.

Окт. 72. *„То выражало достоинство и званье"*. Браслеты на ногахъ носятъ въ тѣхъ мѣстахъ женщины изъ фамиліи деевъ.

Окт. 75. *„Ногтямъ цвѣтъ крови давала генна"*. Генна—добываемая изъ растущаго въ изобиліи около Генны (въ Месопотаміи) растенія, эссенція, которую восточныя женщины употребляютъ для окрашиванія въ ярко-розовый цвѣтъ своихъ ногтей.

Окт. 79. *„Какъ Соути или Крашо чистъ душою"*. О Соути см. выше.—Крашо—второстепенный авторъ религіозныхъ стихотвореній, перешедшій изъ англиканской религіи въ католическую.

Окт. 85. *„Пріѣхавъ же къ французу: ça ira!"* Это—самая революціонная пѣсня французовъ, сочиненная во время первой революціи. Упоминаемое передъ этимъ «God save the King!»—англійскій народный гимнъ.

Тамъ же. *„Пѣлъ же Пиндаръ скачки"*. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ «побѣдныхъ гимновъ» знаменитый греческій лирикъ Пиндаръ прославлялъ побѣдителей на конскихъ ристалищахъ, составлявшихъ важный отдѣлъ программы тѣхъ народныхъ игръ, во время которыхъ слагались и пѣлись эти гимны.

Окт. 86. Пѣсня. Куплетъ 1. *„...И воздвигнулся Делосъ"*. Островъ Делосъ считался у древнихъ грековъ мѣсторожденіемъ Аполлона и богини Артемиды.

Окт. 90. *„Почти совсѣмъ забытъ ужъ Мальбро былъ, но Коксъ его сказаньемъ воскресилъ"*. Мальбро (Marlborough)—знаменитый англійскій полководецъ второй половины 17-го стол. (ум. въ 1722 г.); лучшая біографія его написана архидіакономъ Коксомъ (Coxe).

Въ этой же октавѣ говорится о заслугахъ Гойля относительно виста; кто былъ этотъ Гойль и въ чемъ состояла его заслуга— составителю настоящихъ примѣчаній неизвѣстно.

Окт. 91. „Но Джонсонъ жизнь его намъ описалъ". Самуилъ Джонсонъ — знаменитый англійскій писатель XVIII ст. (1709—1784), авторъ двухъ поэмъ — «Лондонъ» и «Тщета человѣческихъ желаній», словаря англійскаго языка и сборника біографій подъ названіемъ «Жизнь поэтовъ», гдѣ есть біографія и Мильтона. Этого Джонсона не слѣдуетъ смѣшивать съ Бенъ Джонсономъ, извѣстнымъ драматургомъ, современникомъ Шекспира.

Окт. 92. „...Что оленей кралъ Шекспиръ" и т. д. Шекспиръ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ былъ однажды пойманъ въ браконьерствѣ, вслѣдствіе чего (какъ думаютъ иные біографы) бѣжалъ изъ Стратфорда въ Лондонъ.—Бэконъ, о которомъ здѣсь упоминается, — Бэконъ Веруламскій, канцлеръ при Іаковѣ I, за взяточничество посаженный въ тюрьму и умершій въ 1626 г.— Бёрнсъ—знаменитый шотландскій народный поэтъ (1758—1796).

Окт. 93. „Не всѣ же моралисты съ Соути сходны, что Пантизокразію написалъ". Соути (см. о немъ выше) въ молодости съ нѣсколькими своими друзьями намѣревался основать въ Америкѣ общину коммунистическаго характера по образцу общинъ первыхъ христіанъ и назвалъ ее «Пантизокразіею» (проектъ этотъ остался неисполненнымъ).

Тамъ же. „Какъ Вордсворту, не всѣмъ измѣны сходны" и. т. д. до конца октавы. О причинѣ негодованія Байрона противъ Вордсворта и поэтовъ «Озерной» школы см. выше.—Соути и Кольриджъ въ молодости женились на двухъ простыхъ модисткахъ.

Окт. 94. „Ботани-бей моральный..." Ботани-бей—мѣсто ссылки преступниковъ.

Тамъ же. „Вордсвортъ томъ пустилъ въ печать". Рѣчь идетъ о поэмѣ «Excursion», дѣйствительно плохой.

Окт. 95. „Что вѣрили въ пророчицу Суткотъ" и т. д. Іоанна Суткотъ (умершая въ 1814 г.) объявила, что отъ нея родится новый Шилохъ—герой изъ колѣна Іудина, и пріобрѣла себѣ сотни тысячъ приверженцевъ, которые до самой ея смерти терпѣливо ждали и были увѣрены, что это пророчество осуществится.

Причина величины ея живота, вводившей легковѣрныхъ въ заблужденіе, заключалась въ водяной.

Окт. 96. „За мыслью Аріосто гнался вслѣдъ“. Аріосто—знамеменитый итальянскій поэтъ (1474—1533), прославившійся поэмою «Неистовый Роландъ» (Orlando Furioso).

Окт. 98. „...Его герой—возница“. Рѣчь идетъ о поэмѣ Вордсворта «Веніаминъ-Извозчикъ», появившейся почти одновременно съ «Донъ-Жуаномъ».

Окт. 105. „Боккачіо и Драйденомъ воспѣтой“. Въ одной изъ новелъ «Декамерона» Боккачіо (1315—1374) дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Равенны. Новелла эта была переведена на англійскій языкъ поэтомъ Драйденомъ (1631—1971), котораго Байронъ, непонятно почему, цѣнилъ очень высоко.

Окт. 106. „Охотникъ—призракъ съ стаею своей“ и т. д. Это—подробности новеллы Боккачіо, о которой говорится въ предыдущей октавѣ.

Окт. 107. Обращеніе къ Гесперу въ этой октавѣ есть подражаніе Сафо.

Окт. 108. „Въ тотъ свѣтлый часъ, душою умиленъ“ и т. д. Подражаніе Данту («Чистилище», 8-я пѣснь).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окт. 4. „Өетида въ Стиксѣ выкупала сына“. Сынъ богини Өетиды, Ахиллесъ, по миөическому сказанію, былъ выкупанъ матерью въ рѣкѣ Стиксѣ для того, чтобы онъ сдѣлался неуязвимъ.—Лета—миөическая рѣка забвенія.

Окт. 6. „Такъ Пульчи пѣлъ“. Пульчи—итальянскій поэтъ 15-го стол., выдающійся дѣятель въ кружкѣ Лоренцо Медичи. Произведеніе, которымъ онъ особенно прославился,—сатирическій эпосъ «Morgante Maggiore» (Морганте Великанъ). Байронъ перевелъ эту поэму на англійскій языкъ.

Окт. 24. „Иной, однако, любитъ прибѣгать къ вину...“ Здѣсь Байронъ имѣетъ въ виду и самого себя, такъ какъ онъ часто употреблялъ это средство и пилъ не мало, особенно въ дурныя минуты. «Водка и вода, — говорилъ онъ, шутя, — единственные

источники моего вдохновенія». На ночь онъ всегда выпивалъ изрядное количество своего любимаго напитка «holland». Часто прибѣгалъ онъ и къ опіуму, какъ опьяняющему средству.

Окт. 45. „*Доказывала крови благородство краса ихъ рукъ*". Между свойствами Байрона, которыя именно *въ немъ* представляются большой странностью, играли немаловажную роль гордость поэта своимъ аристократическимъ происхожденіемъ и забота о сохраненіи красоты и изящества своей наружности. У самого Байрона руки были очень красивы, также какъ и уши, и ему доставило большое удовольствіе, когда Али-паша увидѣлъ въ этомъ признакъ знатнаго происхожденія своего гостя.

Окт. 53. „*Коньякъ, наяда Флегетона*". Флегетонъ—рѣка въ аду.

Окт. 61. „*Такъ вѣчно смерть витаетъ надъ Бойцомъ*" и т. д. Этотъ «Боецъ»—знаменитая статуя, изображающая умирающаго гладіатора и послужившая Байрону темою для стихотворенія, которое переведено Лермонтовымъ.—Лаокоонъ—не менѣе знаменитая статуя-группа, работы греческихъ скульпторовъ во 2-мъ стол. до Р. Х., изображающая троянца Лаокоона и его двухъ сыновей, погибающихъ отъ укушенія змѣй, обвившихъ ихъ тѣло.

Окт. 75. „*Сигейскимъ мысомъ не былъ онъ взволнованъ*". По легендарному сказанію, на Сигейскомъ мысѣ похороненъ Ахиллесъ. См. слѣдующую октаву.

Окт. 76. „*Такъ утверждаетъ Бріантъ*". Это — ученый, доказывавшій, что вся исторія Троянской войны—миѳъ. Байронъ, конечно, съ чисто поэтической точки зрѣнія, очень сердился на него за это; поэту, какъ видно изъ одного письма его, доставляло большое наслажденіе, стоя въ той мѣстности, гдѣ, по сказанію, находилась Троя, вспоминать объ описанныхъ Гомеромъ событіяхъ, какъ о дѣйствительно происходившихъ. «Мое наслажденіе,—писалъ онъ,—портитъ только каналья Бріантъ, заподозрившій правдивость этихъ разсказовъ».

Окт. 82. „*Съ Маккіавелемъ схожъ*". Маккіавели — знаменитый итальянскій политикъ, историкъ и поэтъ (1469 — 1527). Такъ какъ онъ, особенно въ своемъ сочиненіи «Il Principe», выставилъ лицемѣріе и вѣроломство, какъ главныя и необходимѣйшія пружины всей внутренней и внѣшней политики, то его имя сдѣла-

лось нарицательнымъ для обозначенія человѣка съ такими качествами: образовался отъ этого и терминъ «маккіавелизмъ». *Salario* значитъ вознагражденіе, гонораръ.

Окт. 96. „*О льдахъ Кавказа*“ и т. д. Это изреченіе взято изъ Шекспировскаго «Ричарда II»; его произноситъ Болинброкъ (1-е д., 3-я сц.).

Окт. 98. „*Пускай шипятъ*“ и т. д. Фильдингъ (1707—1754)—создатель реалистическаго направленія въ англійскомъ романѣ; самое знаменитое произведеніе его «Томъ Джомсъ».—Прайоръ—лирикъ школы Попа (см. выше) и его современникъ.—Смолеттъ (1721—1754)—романистъ съ тѣмъ же реалистическимъ направленіемъ, что и у Фильдинга, которому онъ уступаетъ въ дарованіи; извѣстнѣйшій романъ его «Родерикъ Рандомъ».—Въ pendant къ этой октавѣ можно припомнить то письмо Байрона, въ которомъ онъ, говоря объ обвиненіяхъ «Донъ-Жуана» въ безнравственности, замѣчаетъ: «очень можетъ быть, что онъ («Д.-Жуанъ») мѣстами скабрезенъ; тутъ ужъ я ничего не подѣлаю! Аріостъ хуже, Смолеттъ (припомните только лорда Стретвела въ «Родерикѣ Рандомѣ») вдесятеро хуже, Фильдингъ не лучше. Ни одну дѣвушку не обольститъ то, что она прочтетъ «Д.-Жуана». Для этого она обратится къ стихотвореніямъ Т. Мура и романамъ Руссо или, пожалуй, даже къ непорочной старой дѣвственницѣ де-Сталь. Вотъ *они-то* дадутъ ей поводъ и смѣлость рѣшиться на такой шагъ, а отнюдь не мой *Донъ,* который надъ этимъ *смѣется*, какъ, впрочемъ, надо всѣмъ!..»

Окт. 103. „*Не разъ видѣлъ я холмъ уединенный*“ и т. д. до конца строфы. Битва подъ Равенной была въ 1512 г. Гастонъ де-Фуа, герцогъ Немурскій, одержалъ побѣду, но заплатилъ за нее своею жизнью.

Окт. 108. „*Кастальскій чай вы льете...*“ Вода Кастальскаго ключа считалась, по миѳическому воззрѣнію древнихъ грековъ, сообщающею человѣку силу, свѣжесть и обновленіе, а также поэтическое вдохновеніе.—Терминъ «imprimatur» означаетъ разрѣшеніе печатать.

Окт. 111. „*Мала, невинна, но глупа ужасно!*“ Существуетъ мнѣніе, что Байронъ въ этихъ стихахъ намекалъ на свою жену.

Врядъ ли можно съ этимъ согласиться, такъ какъ поэтъ, посвятившій своей женѣ, въ первое время послѣ разлуки, столько глубоко-задушевныхъ стихотвореній, и послѣ всегда отзывался о ней—по чувству ли приличія порядочнаго мужчины или потому, что сохранилъ въ душѣ дружескую привязанность къ ней — не иначе, какъ сочувственно.

Окт. 112. „Извѣстье есть, что Гумбольтомъ...“ Аппаратъ, о которомъ здѣсь упоминается, изобрѣтенъ Соссюромъ и называется *ціанометръ*. Александръ Гумбольдтъ, знаменитый естествоиспытатель нынѣшняго столѣтія сдѣлалъ въ этомъ аппаратѣ значительныя усовершенствованія.

Окт. 117. „То слово занялъ я у Оссіана“. Оссіанъ—полумиѳическое лицо, имя котораго носилъ, будто бы, жившій въ глубокой древности ирландскій бардъ, авторъ героическихъ народныхъ пѣсенъ съ элегическимъ и туманнымъ характеромъ. Въ XVIII ст. нѣкто Макферсонъ издалъ пѣсни Оссіана, которыя нашли себѣ массу подражателей и поклонниковъ; но потомъ оказалось, что это не что иное, какъ очень искусная поддѣлка подъ тонъ и ладъ народной кельтической поэзіи. Несмотря, однако, на поддѣлку, Макферсоновскія произведенія продолжаютъ и теперь сходить за Оссіановскія.—«Дуанами» называются у Макферсона отдѣльныя пѣсни (главы).

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Окт. 1. „Овидій въ томъ примѣръ, Петрарка тоже“. Стихи римскаго поэта Овидія имѣли очень развращающее дѣйствіе на современную молодежь и приводили въ негодованіе моралистовъ. Почему Байронъ включилъ въ эту же категорію писателей и Петрарку—неизвѣстно; быть-можетъ, потому, что Петрарка, вопреки платонизму своихъ стихотвореній въ честь Лауры, былъ самъ человѣкъ далеко не цѣломудренный.

Окт. 3. „Когда-то Мэри Монтегю плѣнила“. Лэди Монтегю (Montague), жена англійскаго посланника въ Константинополѣ, составила описаніе своихъ путешествій по Европѣ, которое долго пользовалось большою извѣстностью.

Окт. 4. „Люблю я имя Мэри“ и т. д. Первый предметъ любви

Байрона, миссъ Чевортъ (Chaworth), называлась Мэри. Исторію этой несчастной любви онъ описалъ со многими фактическими подробностями въ стихотвореніи «Сонъ».

Окт. 5. „Съ „Могилы Великана“ чудный видъ“. Эта «Могила Великана»—холмъ на одномъ изъ береговъ Босфора.

Окт. 31. „Вольтеръ намъ говоритъ...“ и т. д. Кандидъ—главное дѣйствующее лицо въ романѣ подъ этимъ заглавіемъ,—романѣ, принадлежащемъ къ наиболѣе выдающимся беллетристическимъ произведеніямъ знаменитаго писателя по своему философско-сатирическому характеру.

Тамъ же. „Великій сынъ Филиппа...“ Т.-е. Александръ Македонскій.

Окт. 33—38 Все, описанное здѣсь, истинное происшествіе. Враги Байрона считали его даже однимъ изъ участниковъ этого дѣла, въ томъ отношеніи, что убитый принадлежалъ къ партіи *карбонаріевъ* (къ которой примкнулъ и поэтъ) и что поэтому только Байронъ отнесся къ нему съ такимъ живымъ участіемъ.

Окт. 62. „Сэръ Ричъ нашелъ“. Ричъ, агентъ остъ-индской компаніи при дворѣ багдадскаго паши, составилъ первое обстоятельное описаніе развалинъ и мѣстоположенія Вавилона.

Окт. 63 „Et sepulchri immemor struis domos!“ Т.-е. «И, забывая о гробницѣ, строишь дома».

Окт. 92. „Въ мѣшкѣ забросятъ насъ въ Босфоръ“ и т. д. Байронъ былъ въ Константинополѣ очевидцемъ такого наказанія. Этотъ же обычай послужилъ ему матеріаломъ для поэмы «Гяуръ».

Окт. 98 „Шотландская Марія“ и т. д. Т.-е. Марія Стюартъ.—Нинонъ де-Ланкло—знаменитая французская куртизанка 18-го ст.

Окт. 100 „Nil admirari“, т.-е. «ничему не удивляться»—правило, высказанное Гораціемъ.

Окт. 101. „Коль ищете вы счастья“ и т. д. Это—стихи Попа, переведенные имъ изъ Горація. Муррей—извѣстный издатель.

Окт. 136. „Какъ Готспуру безсмертнаго Шекспира...“ См. хронику Шекспира «Генрихъ IV».

Окт. 150. „До Семи Башенъ врагъ не доходилъ“. Семь Башенъ—государственная тюрьма въ Константинополѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Окт. 1. „Минуты есть прилива и отлива“ и т. д. Это стихи изъ «Юлія Цезаря».

Окт. 5. „Я отдалъ ей всѣ грезы первой страсти“ Это *она* — Мэри Чевортъ, о которой см. въ прим. къ 4-й октавѣ 5-й пѣсни. Многія біографы утверждаютъ, что любовь къ этой дѣвушкѣ (вышедшей потомъ замужъ за другого) никогда, до самой смерти поэта, не умирала въ его сердцѣ, и въ подтвержденіе этого мнѣнія ссылаются на нѣсколько фактовъ, которые приводить здѣсь не мѣсто. Фактамъ этимъ, однако, можно противопоставить изъ біографіи Байрона столько другихъ, совершенно противоположнаго свойства, что вышеупомянутое мнѣніе представляется не выдерживающимъ серьезной критики.

Окт. 7. „Не такъ судилъ Катонъ“ и т. д. Знаменитый римскій гражданинъ Катонъ уступилъ свою жену другу Гортензію, а когда тотъ умеръ, снова взялъ ее къ себѣ.

Окт. 17. „Medio tu tutissimus ibis“, т.-е. «Идя среднимъ путемъ, ты идешь путемъ самымъ безопаснымъ».

Окт. 28. „Завидую тебѣ, о, Бріарей!“ и т. д. Бріарей—миѳическая личность, принадлежавшая къ циклопамъ; это имя обозначало также вообще великана. Онъ былъ сынъ Титана и Земли (оттого въ послѣдующемъ стихѣ и упоминается о Титанѣ) и представлялся чудовищемъ съ нѣсколькими головами и руками; подробное описаніе его въ «Энеидѣ» Виргилія, кн. II.—Патагонія—страна, въ которой Свифтъ, авторъ знаменитаго «Путешествія Гулливера», помѣщаетъ своихъ великановъ, составляющихъ противоположность карликамъ — *лиллипутамъ,* о которыхъ въ послѣдней строкѣ этой октавы.

Окт. 31. „Де-Тотъ и Кантемиръ вамъ указать на это могутъ“. Де-Тотъ – авторъ вышедшей въ концѣ 18-го ст. книги о современномъ положеніи Турецкой имперіи. Кантемиръ (отецъ нашего сатирика Антіоха Кантемира) написалъ на французскомъ языкѣ «Исторію возвышенія и паденія Оттоманской имперіи», которая была переведена и на англійскій языкъ.

Окт. 40. „Дуду роскошной, Катенькѣ и Лолѣ“. Въ 1810 г., въ

бытность Байрона въ Аѳинахъ, онъ жилъ въ семействѣ консула Махри, состоявшемъ изъ трехъ дочерей, между которыми одна называлась Катенька. Въ честь старшей дочери, большой красавицы, поэтъ написалъ свою извѣстную — переведенную Пушкинымъ пѣсню: «Ζώη μοῦ, σάς ἀγαπῶ», что значитъ по-гречески: «моя жизнь, я люблю тебя».

Окт. 78. „Ихъ объяснять теперь явилась мода“ и т. д. Во время процесса королевы Каролины по обвиненію ея въ любовной связи съ курьеромъ Бергами, адвокатъ ея въ верхнемъ парламентѣ объяснилъ нѣкоторыя подробности дѣла «страннымъ совпаденіемъ обстоятельствъ».

Окт. 111. „Саллюстій говоритъ, что никогда“ и т. д. Саллюстій — римскій историкъ времени Юлія Цезаря, между трудами котораго особенно славятся «Заговоръ Катилины» и «Югуртинская война».

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Къ седьмой и восьмой пѣснямъ Байронъ сдѣлалъ слѣдующее предисловіе:

«Подробности объ осадѣ Измаила, заключающіяся въ двухъ послѣдующихъ пѣсняхъ (т.-е. седьмой и восьмой), извлечены изъ французскаго сочиненія «Histoire de la Nouvelle Russie». Нѣкоторые случаи, дѣйствующимъ лицомъ которыхъ является Д.-Жуанъ, случились на самомъ дѣлѣ; таково, главнымъ образомъ, спасеніе имъ ребенка — случай, бывшій съ герцогомъ де-Ришелье, въ то время молодымъ волонтеромъ въ русской службѣ, а впослѣдствіи — основателемъ и благодѣтелемъ города Одессы, гдѣ имя его и память о немъ всегда будутъ вызывать глубокое уваженіе.

«Въ этихъ пѣсняхъ встрѣтятся одна или двѣ октавы, относящихся къ маркизу Лондондерри, но написанныхъ незадолго до его смерти. Если бы олигархія этого человѣка умерла вмѣстѣ съ нимъ, октавы эти были бы мною теперь исключены; при настоящемъ же положеніи дѣлъ, я ни въ способѣ смерти его, ни въ образѣ его жизни не нахожу ничего, мѣшающаго свободному выраженію мнѣній всѣхъ тѣхъ, порабощать которыхъ онъ

ставилъ постоянною цѣлью своего существованія. Что онъ былъ пріятный человѣкъ въ своей *частной* жизни -- это можетъ быть вѣрно, можетъ быть невѣрно; но до этого обществу нѣтъ никакого дѣла; а что касается до того, чтобы оплакивать его смерть, то для этого окажется достаточно времени, когда Ирландія перестанетъ оплакивать его рожденіе. Какъ министръ, онъ мнѣ — единица между точно такъ же думающими милліонами— представлялся такимъ деспотомъ по цѣлямъ и такимъ ограниченнымъ по уму, какихъ когда-либо видѣли между истязавшими своимъ тиранствомъ свою страну. Въ первый разъ еще со времени норманновъ, честь Англіи была поругана *министромъ*, который не умѣлъ говорить по англійски, и парламентъ позволилъ, чтобы ему предписывали законы языкомъ мистриссъ Малапропъ *).

«О томъ, какимъ образомъ онъ умеръ, нечего много распространяться; можно только замѣтить, что если бы бѣдный радикалъ, вродѣ, напримѣръ, Уэддингтона или Уатсона, перерѣзалъ себѣ горло, его похоронили бы на перекресткѣ дорогъ, съ обыкновенными въ этихъ случаяхъ аттрибутами — коломъ и дубиною. Но *министръ* оказался изящнымъ лунатикомъ, сентиментальнымъ самоубійцей, который просто перерѣзалъ себѣ «carotid artery» (да благословитъ Господь Богъ ихъ ученость!),—и посмотрите! пышныя похороны, и Вестминстерское аббатство, и «рѣчи горести, громко изливаемыя» въ газетахъ, и рѣчь Коронера въ видѣ оскорбленнаго изліянія надъ окровавленнымъ трупомъ почившаго (Антоній, достойный такого Цезаря), и тошнотворный, отвратительный вопль гнусной кучки заговорщиковъ противъ всего, что искренно и почтенно. По способу своей смерти онъ, согласно *закону* **), долженъ былъ быть причисленъ къ одной изъ двухъ категорій: или преступниковъ, или сумасшедшихъ; но ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ послужить

---

*) Мистриссъ Малапропъ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Шеридана „Соперники".

**) Я говорю: *по закону*: Законы *любви къ человѣчеству*, конечно, менѣе строги. Но такъ какъ у лигитимистовъ постоянно на языкѣ слово *законъ*, то имъ слѣдовало бы примѣнить къ дѣлу законное и въ настоящемъ случаѣ.

предметомъ для панегиризма. Чѣмъ онъ былъ при жизни—это знаетъ весь свѣтъ, и будетъ чувствовать въ продолженіе многихъ грядущихъ лѣтъ половина свѣта, развѣ только смерть его послужитъ «нравственнымъ урокомъ» для пережившихъ его Сеяновъ Европы *). Для народовъ можетъ, по крайней мѣрѣ, служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что ихъ притѣснители не наслаждаются счастьемъ, и въ иныхъ случаяхъ являются такими вѣрными судьями своихъ собственныхъ дѣйствій, что предупреждаютъ приговоръ надъ ними человѣчества. Да смолкнетъ для насъ навсегда рѣчь объ этомъ человѣкѣ, и да унесетъ Ирландія прахъ своего Граттана изъ Вестминстерскаго святилища! Пусть патріотъ человѣчества лежитъ рядомъ съ Вертеромъ политики!

«Относительно замѣчаній, которыя были сдѣланы съ другой стороны на уже напечатанныя пѣсни настоящей поэмы, я ограничусь двумя цитатами изъ Вольтера: «La pudeur s'est enfuie des coeurs et s'est refugiée sur les lèvres...» «Plus les moeurs sont dépravées, plus les expressions deviennent mesurées; on croit regagner en langage ce qu'on a perdu en vertu»...

«Это—несомнѣнная истина, примѣнимая къ той безнравственной и лицемѣрной закваскѣ, которая живетъ въ теперешнемъ англійскомъ поколѣніи, и есть единственный отвѣтъ, какого оно заслуживаетъ. Опошленный до отвращенія эпитетъ «богохульниковъ», который, вмѣстѣ съ названіями радикаловъ, либераловъ, якобинцевъ, реформаторовъ и т. п., попеременно впускается каждый день продажными людьми въ уши тѣмъ, кто желаетъ ихъ слушать,—этотъ эпитетъ долженъ быть пріятенъ для всякаго, кто вспомнитъ, *кому* онъ былъ данъ впервые. Сократъ и Іисусъ Христосъ были публично отданы на смерть, какъ *богохульники*, и такой же участи подвергались и будутъ подвергаться многіе изъ тѣхъ, которые отваживаются возставать про-

*) Только исключая Каннинга. Каннингъ—геній (я готовъ сказать—универсальный геній), ораторъ, остроумный человѣкъ, поэтъ, государственный мужъ. Ни одинъ даровитый человѣкъ не можетъ удержаться долго въ колеѣ его предшественника, лорда Лондондерри. Если есть человѣкъ, способный спасти отечество, то это—Каннингъ; но сдѣлаетъ ли онъ это, имѣя возможность сдѣлать? Я—единственный человѣкъ—надѣюсь, что да!..

тивъ самаго явнаго злоупотребленія именемъ Бога и здравымъ смысломъ человѣка. Но преслѣдованіе не есть опроверженіе, оно и не побѣда: «скверный безбожникъ», какъ обыкновенно выражаются, вѣроятно, счастливѣе въ своей тюрьмѣ, чѣмъ самый гордый изъ нападающихъ на него. До его убѣжденій мнѣ нѣтъ дѣла; быть-можетъ, они справедливы, быть - можетъ — ложны; но онъ пострадалъ за нихъ, и именно это страданіе изъ-за вопросовъ совѣсти пріобрѣтаетъ деизму больше приверженцевъ, чѣмъ христіанству — примѣръ гетеродоксныхъ *) прелатовъ, тиранническому гнету—самоубійство государственныхъ людей, тому союзу, который оскорбляетъ міръ, давая себѣ названіе «священнаго»—дорого оплачиваемыхъ убійцъ. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія топтать обезчещенныхъ или умершихъ; но хорошо будетъ, если приверженцы тѣхъ классовъ общества, откуда выходятъ эти люди, сбавятъ немного своего *канта*, являющагося вопіющимъ грѣхомъ въ нынѣшнемъ двуязычномъ и фальшивомъ въ своихъ дѣйствіяхъ вѣкѣ эгоистовъ-грабителей и... Но покамѣстъ довольно!».

Окт. 4. „*Платонъ, Свифтъ*" и т. д. О Свифтѣ и Маккіавели см. выше.—Тилотсонъ—знаменитый англійскій проповѣдникъ и членъ англійскаго министерства въ концѣ XVII ст.—Весли—основатель религіозной секты методистовъ.—Ла-Рошфуко (герцогъ) — одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей Франціи въ XVII ст., при этомъ и писатель, прославившійся особенно своими, до сихъ поръ еще не потерявшими цѣны, «Pensées, maximes ef réflexions». — Имена Платона, Лютера и Руссо извѣстны каждому.

Окт. 5. „*Сократъ сказалъ*" и т. д. Въ «Дневникѣ» Байрона въ 1821 г. (за годъ до появленія 7-й пѣсни «Д.-Жуана») находится слѣдующая замѣтка: «Сегодня исписалъ я эту страницу въ книгѣ жизни: прошло днемъ больше для меня и днемъ боль-

---

*) Лордъ Сандвичъ спросилъ епископа Варбуртона: „Скажите, какая разница между ортодоксіею и гетеродоксіею?" Епископъ отвѣчалъ: „Ортодоксія, милордъ, - моя *доксія*, гетеродоксія—*доксія* другого человѣка".

ше для нея; но что лучше — жизнь или смерть, это знаютъ только боги! какъ сказалъ Сократъ своимъ судьямъ по окончаніи суда надъ нимъ. Двѣ тысячи лѣтъ минули со времени этого мудраго изреченія о «невѣдѣніи», и все-таки не просвѣтили насъ нисколько больше насчетъ этого важнаго пункта».

Тамъ же. „Великій Ньютонъ, тайны міорзданья...“ Ньютонъ— знаменитый англійскій философъ и математикъ (1642 — 1727), прославившійся своими открытіями въ области естествовѣдѣнія. Сохранились слѣдующія слова, сказанныя имъ незадолго передъ смертью: «не знаю, что я въ глазахъ міра, но себѣ самому представляюсь я только мальчикомъ, играющимъ на морскомъ берегу,—ибо мнѣ доставляло удовольствіе по временамъ находить драгоцѣнную раковину, между тѣмъ, какъ великій океанъ истины лежалъ передо мною закрытымъ».

Окт. 7. „О, люди или псы!“ и т. д. Такое же сравненіе людей съ собаками (въ пользу послѣднихъ) сдѣлано Байрономъ въ стихотвореніи на смерть его собаки, написанномъ еще въ 1808 г., т.-е. когда поэту было двадцать лѣтъ.

Окт. 11. „Плохой Вобанъ для правильной защиты...“ Вобанъ— знаменитый французскій полководецъ XVII ст., прославившійся особенно въ искусствѣ укрѣпленія и осады городовъ.

Окт. 15. „Тутъ были: Арсеньевъ, Майковъ“ и т. д. Въ подлинникѣ сдѣланъ слѣдующій безобразный подборъ именъ: «Strongenoff, Strokonoff, Meknop, Serge Low, Arsenieff, Tschitsshakoff, Roguenoff, Chokenoff».—Въ 16-й и 17-й окт. встрѣчаемъ опять «Scherematoff, Chrematoff, Koklophti, Koclobski, Kourakin, Muskin-Pouskin»...

Окт. 19. „Всѣ Томсоны, въ честь славнаго поэта, носили имя Джеми“... Томсонъ—поэтъ начала XVIII ст., прославившійся своею описательною поэмою «Времена года»; имя его — Джемсъ,- Джеми—уменьшительное и шутливое.

Окт. 22. „Джонъ Буль“ обыкновенное прозвище англичанъ.

Окт. 25. „Что самъ Адамъ носилъ фамилью эту“. Шутливый намекъ на Адама Смита, извѣстнаго политико-экономиста начала 19-го ст.

Окт. 33. „Но, впрочемъ, принцъ де-Линь пустилъ въ печать“...

и т. д. Принцъ де-Линь, извѣстный генералъ въ русской службѣ (умершій въ 1814 г.), написалъ «*Записки*», которыя считаются до сихъ поръ очень цѣннымъ матеріаломъ для исторіи того времени.

Окт. 55. „И былъ сегодня Марсомъ, завтра—Момомъ". Момъ —богъ веселой шутки.

Окт. 82. „Къ вамъ, Коментарьи Цезаря"... Юлій Цезарь справедливо признается однимъ изъ лучшихъ исторіографовъ своего времени. Между его сочиненіями по этой части, «Коментаріи» занимаютъ очень видное мѣсто.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

Окт. 1. „Назвавъ войну Беллоной". Беллона—римская богиня войны.

Окт. 5. „Зато и Леонидъ и Вашингтонъ". Здѣсь рѣчь о греческомъ полководцѣ Леонидѣ. Вашингтонъ—знаменитый дѣятель въ американской войнѣ за освобожденіе.

Окт. 18. „О, трижды счастливъ тотъ, чье имя попадетъ"... и т. д. до конца октавы. Къ этимъ стихамъ Байронъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Это фактъ. Прочтите сообщеніе о битвѣ при Ватерлоо. Помню, что по этому случаю я писалъ одному изъ своихъ друзей: «Вотъ что слава! Человѣкъ падаетъ на полѣ брани; его зовутъ *Гросе*, а въ печати является *Грове!* Съ этимъ Гросе я учился въ Главной школѣ (Оксфордъ). Это былъ очень милый человѣкъ и остроумная голова»...

Окт. 23. „На языкѣ пуническомъ картинно"... и т. д. Байронъ называетъ ирландское нарѣчіе «пуническимъ», имѣя въ виду появившееся въ то время сочиненіе одного ирландскаго священника, гдѣ доказывалось сродство ирландскаго и пуническаго языковъ «Ирландцы,—замѣчаетъ Байронъ,—въ ту пору навлекли на себя много насмѣшекъ, принявъ это нелѣпѣйшее мнѣніе».

Окт. 26. „Она съ Поль-Моль, навѣрно, сдѣлалась сходна". Поль-Моль одинъ изъ лучшихъ кварталовъ въ Лондонѣ.

Окт. 38. „Что Готспуръ вызывалъ изъ нѣдръ земли". См. примѣчаніе къ 136-й окт. 5-й пѣсни.

Окт. 57. „Съ нимъ по нѣмецки самымъ мягкимъ тономъ“... Въ вышеприведенномъ предисловіи Байрона къ 7-й и 8-й п., авторъ объяснилъ, что подробности осады Измаила заимствованы изъ книги «Histoire de la Nouvelle Russie». Это подтверждается сравненіемъ многихъ цитатъ изъ обоихъ этихъ сочиненій. Но иногда Байронъ примѣняетъ случавшееся съ тѣмъ или другимъ лицомъ къ своему герою; такъ, наприм., разговоръ по нѣмецки, о которомъ говорится въ вышецитированномъ стихѣ, дѣйствительно происходилъ у генер. Ласси (по «Histoire de la Nouvelle Russie») съ молодымъ герцогомъ Ришелье, котораго генералъ принялъ за ливонца, почему и обратился къ нему на нѣмецкомъ языкѣ. Только о Ришелье тамъ же замѣчается, что онъ прекрасно зналъ этотъ языкъ и на немъ же и отвѣтилъ.

Окт. 60. „Такъ Куперъ говоритъ“... Вильямъ Куперъ—одинъ изъ второстепенныхъ англійскихъ стихотворцевъ (1731—1800), извѣстный также прекраснымъ переводомъ обѣихъ поэмъ Гомера.

Окт. 126. „Если голоденъ Эринъ“ и т. д. Эринъ то же, что Ирландія. Георгъ, о которомъ здѣсь говорится,—сидѣвшій въ то время на престолѣ великобританскій король Георгъ IV.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Окт. 1. „О, Веллингтонъ!“ и т. д. Имя Веллингтона, побѣдителя при Ватерлоо, и дѣйствія его, надѣемся, настолько извѣстны, что нѣтъ надобности въ большинствѣ случаевъ комментировать относящіеся къ нему стихи Байрона. Замѣтимъ только, кстати, что Байронъ, въ своемъ негодованіи противъ этого человѣка, высказывалъ чувства и либеральной партіи всей Европы; нѣсколько времени спустя то же сдѣлалъ и Гейне (см. Reisebilder).

Окт. 2. „Ты безчестно поступилъ съ Кинердомъ“ и т. д. Лордъ Кинердъ, бывшій (послѣ Ста Дней) въ сношеніяхъ съ бонапартистскою партіею и высланный въ 1816 г. изъ Франціи, въ 1817 г. познакомился въ Брюсселѣ съ нѣкіимъ Маринэ, принявшемъ косвенное участіе въ заговорѣ, цѣлью котораго было умертвить находившагося тогда въ Парижѣ герцога Веллингтона. Маринэ

зналъ, кто именно выстрѣлилъ въ герцога на улицѣ, но не сказалъ; и Кинердъ обвинялъ Веллингтона въ томъ, что тотъ не защитилъ этого человѣка отъ преслѣдованій французской полиціи, зная, что онъ покушался на убійство. Кинерда судили (вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ преступникомъ, котораго нашли), но оба были оправданы парижскими присяжными.

Окт. 3. „*Что же подвигъ твой такъ воспѣваютъ плохо?*". Намекъ на весьма слабое и панегирическое произведеніе В. Скотта «Битва при Ватерлоо».

Окт. 4. „*Ты „головорѣзъ" лихой*" и т. д. См. «Макбета», дѣйствіе 3, сцена 3, гдѣ слова: «Ты величайшій головорѣзъ въ свѣтѣ».

Окт. 6. „*Ты часовымъ, стоящимъ у воротъ, пошли подачку*" и т. д. Байронъ имѣетъ здѣсь въ виду одно мѣсто изъ «Дневника солдата 71 полка во время испанской войны», гдѣ говорится: «Я получилъ въ то время, съ четырьмя товарищами, должность, доставлявшую намъ большое наслажденіе. На насъ именно было возложено—ломать на мелкіе куски сухари и приготовлять обѣдъ для собакъ Веллингтона. Я былъ варварски голоденъ и потому необыкновенно радовался этому маленькому занятію, такъ какъ при разламываніи сухарей мы сами могли насытиться вдоволь, чего съ нами уже много дней не было»...

Окт. 7. „*Примѣръ тебѣ не съ Цинцинната брать*" и т. д. Цинциннатъ—извѣстный римскій полководецъ, собственноручно пахавшій свою землю и отличавшійся необычайною скромностью и воздержностью въ образѣ жизни.

Окт. 8. „*Хоть разорилъ свою отчизну Питтъ*". Вильямъ Питтъ (1759 — 1806), знаменитый (не менѣе своего отца) ораторъ и государственный человѣкъ, долго стоявшій во главѣ правленія. Онъ былъ такъ безкорыстенъ, что оставилъ послѣ себя только долги.

Окт. 15. „O dura ilia messorum!" т. е. «О, здоровыя кишки жнецовъ!».

Окт. 17. „Que sais-je? *девизъ Монтеня*". Мишель Монтень (1533—1592) извѣстный французскій философъ, главное сочиненіе котораго—«Essais», гдѣ блестящій умъ, широкій либерализмъ и разносторонность кругозора этого писателя являются въ самомъ

выгодномъ свѣтѣ. Его девизъ „Que sais je?“ (т. е. ничего не знаю) есть выраженіе скептицизма, лежавшаго значительною долею въ основаніи его теоретическихъ воззрѣній.

Окт. 18. „*Съ Пирроном мнѣ скитаться не съ руки*“. Пирронъ (или Пирро)—греческій философъ, въ которомъ скептицизмъ былъ доведенъ до самой послѣдней степени.

Окт. 20. „*Въ ликантропіи вижу только толкъ*“... Ликантропія—родъ такого бѣшенства, въ которомъ человѣкъ приходитъ въ состояніе разъяреннаго дикаго звѣря.

Окт. 23. „*Хвалить Россію въ модѣ*“ и т. д. Байронъ вспоминаетъ Екатерининское время, когда такіе писатели, какъ Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ и т. п., писали хвалебные отзывы о Россіи, благодаря, главнымъ образомъ, личнымъ сношеніямъ этихъ писателей съ Екатериною, въ которой, впрочемъ, они дѣйствительно признавали великую государыню. Извѣстна ультра-панегирическая фраза Вольтера: „C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière“ (т. е. свѣтъ приходитъ къ намъ въ настоящее время съ Сѣвера).

Окт. 24. „*Я выступить всегда готовъ бойцомъ*“ и т. д. до конца октавы. Здѣсь, полагаемъ, не будетъ неумѣстно привести слѣдующія слова, сказанныя однажды Байрономъ Медвину: «Если-бы я никогда не путешествовалъ, если бы я не оставилъ моего отечества въ молодые годы, то мои воззрѣнія были бы, конечно, ограниченнѣе. Теперь они распространяются на благо человѣчества вообще, благо всего міра въ его совокупности. Быть можетъ, униженіе Португаліи и Испаніи, тиранническія дѣйствія турокъ и Греціи, испорченность нравовъ въ Церковной области—не говоря уже объ Ирландіи—воспламенили мое сердце любовью къ свободѣ. Ни одинъ итальянецъ не радовался сильнѣе меня, когда по сю сторону Альпъ была введена конституція... Я сдѣлался космополитомъ»...

Окт. 28. „*Теперь одно жужжанье тѣшитъ слухъ*“ и т. д. Намекъ на возстанія въ Греціи и Испаніи.

Окт. 32. „*Онъ въ полномъ смыслѣ фермеръ этихъ странъ*“ и т. д. до конца октавы. По поводу этой октавы одинъ изъ комментаторовъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Во время войны,

вслѣдствіе континентальной пошлины, цѣны на хлѣбъ поднялись до такой степени, что почти всѣ тогдашніе арендаторы обогатились—натурально насчетъ остального населенія, и имѣли глупость завести себѣ такой роскошный образъ жизни, который нимало не соотвѣтствовалъ ни ихъ сословію, ни естественнымъ условіямъ ихъ профессіи. Имъ дали насмѣшливое прозвище «Gentlemans Farmers». Но послѣ заключенія мира, когда континентальная пошлина была отмѣнена, цѣны такъ понизились, что большая часть этихъ фермеровъ обанкрутилась и даже дошла до нищенства, несмотря на то, что тогдашнее торійское правительство старалось защитить ихъ хлѣбными законами. Байронъ въ этой октавѣ съ горечью издѣвается надъ этимъ классомъ людей. естественно бывшимъ въ то время предметомъ общей ненависти».

Окт. 33. „*Чѣмъ Шахъ-Надиръ*" и т. д. Этотъ шахъ, вслѣдствіе страшнаго засоренія желудка, дошелъ до состоянія безумія, въ которомъ онъ совершалъ самыя звѣрскія вещи.

Окт. 38. „*Къ трудамъ Кювье питаю я почтенье...*" Кювье—знаменитый французскій естествоиспытатель, особенно прославившійся своими изслѣдованіями и открытіями въ допотопномъ мірѣ.

Окт. 41. „*Время соскочило съ колеи*". Слова шекспировскаго Гамлета.

Тамъ же. „*Все то, что́ можетъ мнѣ на умъ придти*" и т. д. Медвинъ приводитъ сказанныя ему Байрономъ слова, что онъ (Байронъ), когда пишетъ, не знаетъ, что́ будетъ въ слѣдующей строкѣ, и объ этомъ нисколько не заботится. «Вотъ, замѣчаетъ совсѣмъ неосновательно Медвинъ, - вотъ истинное вдохновеніе поэта!» Очевидно, что Байронъ говорилъ это въ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая здѣсь отсутствіе, въ иныхъ случаяхъ, *общаго* опредѣленнаго плана, какъ было, напр., съ Гёте въ первую пору его творчества.

Окт. 44—45. „*О ты, всѣхъ belli teterrima causa!*" Т.-е. О ты, отвратительная причина всѣхъ войнъ! (стихи Горація). Тутъ и непереводимый каламбуръ. По-латыни *belli*—родительный падежъ отъ *bellum*—война; по-англійски *belly* значитъ животъ брюхо.

Окт. 66. „Меркурія Шекспиръ изобразилъ“. Въ «Гамлетѣ», 3-е дѣйствіе, 4-я сцена.

Окт. 69. „Когда къ Ѳетидѣ свѣтлый богъ идетъ“. Ѳетида— богиня моря и жена Феба.

Окт. 80—81. „Какъ передъ ней блѣдна Елизавета!“ и т. д. Рѣчь объ Елизаветѣ, королевѣ англійской, дочери Генриха XVIII. «Любимецъ», о которомъ тутъ упоминается,—графъ Лейчестеръ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Окт. 1. „Увидѣвъ разъ, какъ яблоко упало“ и т. д. О Ньютонѣ см. выше.

Окт. 11. „Чтобъ такъ, какъ Джеффри, уязвить меня“ Джеффри былъ извѣстный критикъ того времени и одинъ изъ главныхъ членовъ редакціи журнала «Edinburgh Review», въ которомъ была напечатана крайне неодобрительная рецензія *перваго* сборника стихотвореній юноши-Байрона «Hours of Idlenes». Въ томъ же журналѣ подвергся сильному нападенію «Д.-Жуанъ», и Байронъ считалъ Джеффри авторомъ или, по крайней мѣрѣ, виновникомъ этой статьи. Тѣмъ не менѣе, какъ къ *человѣку*, Байронъ (безпощадный къ неблагопріятнымъ для него критикамъ) относился къ Джеффри доброжелательно, что̀ видно и изъ стиховъ этой октавы, и изъ одного письма, въ которомъ поэтъ говоритъ о своей всегдашней признательности къ Джеффри за прежнее дружеское расположеніе этого послѣдняго къ нему.

Окт. 15. „Но вы, о, Джеффри, праведный юристъ...“ Вышеупомянутый Джеффри былъ также однимъ изъ выдающихся юристовъ и государственныхъ людей Англіи.

Окт. 17. „На половину я шотландецъ самъ“ и т. д. Байронъ— шотландецъ по матери; нѣкоторые біографы утверждали даже, что онъ родился не въ Лондонѣ (какъ это теперь несомнѣнно доказано), а въ Эбердинскомъ графствѣ. Первое свое воспитаніе онъ получилъ въ Эбердинѣ.

Окт. 19. „Хотя въ припадкѣ риѳмъ и озлобленья...“ и т. д. Въ нашемъ примѣчаніи къ 11-й окт. этой пѣсни упомянуто

о рѣзкой критикѣ журнала «Edinburgh Review» на первыя стихотворенія Байрона. Раздраженный этою рецензіей, поэтъ отвѣчалъ на нее сатирическимъ стихотвореніемъ «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели» (Review значитъ обозрѣніе).

Окт. 45. „И uti possidetis только знаемъ“. Латинское выраженіе uti possidetis означаетъ въ международномъ правѣ безспорное право на владѣніе.

Окт. 48—49. „Царица, съ Ифигеніей сходна“ и т. д. Извѣстно путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ. Сходство съ Ифигеніей въ томъ, что, по древне-греческому миѳическому сказанію, Ифигенія, дочь Агамемнона, была одно время жрицею богини Діаны въ Тавридѣ.

Окт. 52. „Какъ, по словамъ Кювье, дивитъ находка ..“ О Кювье см. выше.

Окт. 60. „Въ богатый Кенигсбергъ, что Кантъ прославилъ“. Великій нѣмецкій философъ Кантъ (1724—1804) былъ профессоромъ въ кенигсбергскомъ университетѣ

Окт. 62. „Гдѣ Драхенфельсъ стоитъ“ и т. д. до конца октавы. Драхенфельсъ—знаменитый утесъ на берегу Рейна съ уцѣлѣвшими на немъ развалинами рыцарскаго замка.—На кладбищѣ въ Кельнѣ показывали гробницы св. Урсулы и похороненныхъ съ нею одиннадцати тысячъ дѣвственницъ.

Окт. 73. „Плиту, гдѣ Бекетъ, другъ свободы, палъ...“ и т. д. Ѳома Бекетъ, архіепископъ кентерберійскій, въ царствованіе Генриха II былъ убитъ въ алтарѣ церкви четырьмя придворными, пожелавшими этимъ угодить королю, который сталъ гнѣваться на могущественнаго архіепископа за его защиту духовной власти отъ притязаній власти королевской.— Черный Принцъ—прозвище, подъ которымъ былъ извѣстенъ Эдуардъ, сынъ короля Эдуарда III.

Окт. 79. „Маккіавель, всѣхъ правящихъ учитель“. См. выше.

Окт. 80. „О, гордый Бриттъ! Жуанъ на Шутерсъ-Гиллъ“. Шутерсъ-Гилль (въ переводѣ значитъ Холмъ выстрѣловъ)—возвышеніе около Лондона, служившее обычнымъ мѣстомъ поединковъ.

Окт. 84. «Какъ миссисъ Фрей...» Квакерша, прославившаяся своими заслугами по улучшенію тюремнаго дѣла въ Англіи.

Окт. 85. «Ошибоченъ разсчетъ учить добру преступниковъ Ньюгета». Ньюгетъ—главная тюрьма въ Лондонѣ.

Окт. 87. «Какъ въ Ронсево Роланда мощный рогъ». По извѣстной эпической поэмѣ «Пѣснь о Роландѣ», этотъ извѣстный паладинъ Карла Великаго, застигнутый врагами въ Ронсевальскомъ ущельѣ (гдѣ онъ и палъ), трубилъ въ рогъ, чтобы созвать покинувшихъ его франковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.